

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1
Январь — Февраль
1990

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

- Э. А. Паин, А. А. Попов (Москва). Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) 3
- Э. Х. Панеш, Л. Б. Ермолов (Ленинград). Турки-мехетинцы (историко-этнографический анализ проблемы) 16

Статьи

- А. Ш. Колчанова, Б. П. Шиферсон (Ленинград). Советские организации Петрограда по работе среди национальных меньшинств в 1918—1921 гг. (проблемы и тенденции) 25
- Ш. Д. Инал-ипа (Сухуми). Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX — начале XX в. 38
- А. И. Кузнецов, Л. И. Миссонова (Москва). Метисация и этническое самосознание коренного населения Камчатки и Чукотки 50
- В. В. Напольских (Ижевск). Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция 65
- К. Флюер-Лоббан (Провиденс, США). Проблема матрилинейности в доклассовом и раннеклассовом обществе 75

Из истории науки

- Д. Франко, О. Е. Фрайко (Киев). Федор Кондратьевич Вовк (Волков). Биографический очерк 86

Дискуссии и обсуждения

- ев Самойлов (Ленинград). Этнография лагеря 96
- Р. Кабо (Москва). Структура лагеря и архетипы сознания 108

Обобщения

- И. Григулевич (Москва). Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении 114
- С. Петрова (Москва). Основные направления современной американской этнопсихологии (психологическая антропология и кросскультурные исследования) 125

Наши юбиляры

Список основных научных трудов д. и. н. Н. Р. Гусевой (к 40-летию научной деятельности)	134
Список основных научных трудов д. и. н. А. С. Мыльникова (к 60-летию со дня рождения)	137

Научная жизнь

Ю. А. Чирва (Ленинград). Традиции народной художественной культуры в современном искусстве	142
Т. А. Березина, А. Н. Давыдов (Москва). XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии	145
Коротко об экспедициях	147

Критика и библиография

Общая этнография

П. Ю. Черносивтов (Москва). В. Д. Ленков, Г. Л. Силайцев, А. К. Станюкович. Командорский лагерь экспедиции Беринга (опыт комплексного изучения)	150
Е. П. Наумов (Москва). А. С. Мыльников. Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры)	152

Народы СССР

Г. Г. Громов (Москва). Т. А. Николаева. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье	154
Л. Н. Пушкарев (Москва). Н. И. Савушкина. Русская народная драма: художественное своеобразие	157
В. С. Зеленчук (Кишинев). Словарь-справочник о советских традициях, праздниках и обрядах	160
Ю. Д. Анчабадзе (Москва). Кавказский этнографический сборник VII	161

Народы Зарубежной Азии

Е. В. Иванова (Ленинград). И. Г. Косиков. Этнические процессы в Кампучии	164
И. Н. Соломоник (Москва). V. M. C. Groenendaal Van. Wayang Theatre in Indonesia. An Annotated Bibliography	167
Г. Н. Ким (Алма-Ата). Kho Songmo. Koreans in Soviet Central Asia	168

Письма в редакцию

А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский (Ленинград). Об одной публикации памирских сказок	170
---	-----

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
 В. П. Алексеев — акад. АН СССР; С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
 Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Ждайко,
 Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц,
 Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов,
 В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117006, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
 телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

© 1990 г.

Э. А. Паин, А. А. Попов

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СССР

(некоторые подходы к изучению
и практическому решению)

1. Постановка проблемы. Нынешнее состояние межнациональных отношений в нашей стране называют кризисным, а то и трагическим, и вряд ли такие определения можно отнести к разряду публицистических перехлестов. То и дело страну сотрясают межнациональные столкновения, которые привели ко многим жертвам и обусловили появление в мирное время десятков тысяч беженцев. Миллионы людей в той или иной мере оказались вовлеченными в состояние болезненной межэтнической напряженности.

В этих условиях остро ощущается отсутствие интегрального подхода к изучению межнациональных конфликтов. Явная недостаточность имеющихся попыток проникнуть во взаимосвязь психологических, идеологических и политических сторон межнациональных отношений не позволяет увидеть за внешней стороной событий сложный, противоречивый, но вместе с тем закономерно развивающийся процесс. Этим, на наш взгляд, во многом объясняется беспомощность лиц, которым по долгу службы приходится заниматься улаживанием межнациональных коллизий, их постоянная готовность усматривать повсюду признаки неких «зачинщиков», «подстрекателей», злоумышленно действующих «экстремистов» и т. д. Сами же межнациональные конфликты и противоречия воспринимаются при этом не просто как нежелательная социальная аномалия, но как результат своего рода «идеологического недосмотра», т. е. как нечто такое, чего при правильной, мудрой политике можно было бы вовсе избежать.

Между тем постановка задачи полного и окончательного устранения межнациональных конфликтов из жизни общества представляется не только утопичной, но и в ряде случаев неправомерной с точки зрения общих целей его прогрессивного развития. Дело в том, что в процессе саморазвития таких конфликтов, как правило, вскрываются наиболее глубинные противоречия межнациональных отношений и само это «вскрытие» является абсолютно необходимой предпосылкой гармонизации последних, кроме того, в этом процессе участники конфликта могут найти такие формы эффективного межнационального диалога, которые заранее трудно предсказать. Далее, и это самое главное, национальные движения во всем мире — и СССР тут отнюдь не исключение — выступают как наиболее доступная форма становления гражданского самосознания и политической активности масс, что особенно ценно в условиях неразвитости демократических традиций и институтов гражданского общества.

Вместе с тем недостаточный уровень политической культуры у значительной части нашего общества, а также крайняя запущенность множества экономических, экологических и социальных проблем обуславливают высокую вероятность того, что национальные движения при определенных обстоятельствах становятся неуправляемыми, перерастают в кровавые столкновения. В этой связи заслуживает внимания и развития мысль А. Миграняна о том, что снятие противоречий между целесообразностью массовых политических движений

и опасностью скатывания их к популизму возможно за счет «преодоления стихии, придания цивилизованных форм политической жизни народа»¹.

На наш взгляд, управляющие воздействия на межнациональные отношения неизбежны и необходимы, особенно в случаях возникновения конфликтных ситуаций. Однако такое управление может быть эффективным лишь при условии, что его цели в основном ограничиваются предотвращением крайних форм конфронтаций, представляющих угрозу жизни, достоинству, гражданским правам людей, а основным средством является «окультуривание» стихийных движений, придание им организованного, политически ориентированного характера.

Изложенные представления о целях и средствах регулирования межнациональных отношений в конфликтных ситуациях определяют и постановку научных задач в этой области. Представляется, что важнейшей из них в практическом отношении является прогнозирование развития межнациональных противоречий и диагностика различных стадий конфликтности. Мы попытались выделить три такие стадии (или три стадийных типа конфликтов), условно названные нами: «конфликт психологических стереотипов», «конфликт идеологических доктрин» и «конфликт политических институтов».

Прежде чем обратиться к рассмотрению динамики межэтнических противоречий, условимся различать два вектора их возможного развития — то, что можно было бы обозначить как «эскалация» и «прогрессивная эволюция» конфликтов.

Под эскалацией межнационального конфликта будем понимать стихийно развивающийся процесс накопления и нарастания межнациональной напряженности, проявляющийся в таких социально негативных феноменах, как усиление этнических предубеждений, устойчивое распространение этнофобий на некоторой территории, переход от взаимных угроз к открытым массовым столкновениям, наконец, разрастание и ожесточение самих этих столкновений, вовлечение в них все большего числа людей, территориальных групп и слоев населения.

Иное дело — прогрессивная эволюция конфликта. Это — последовательный переход от стихийной конфронтации этнических групп, руководствующихся стереотипами массового сознания, к политически организованной оппозиции национальных движений, стремящихся в демократически институционализированных формах реализовывать цели, выраженные в виде специально разработанных политико-идеологических программ. Последнее — существенная черта «прогрессивной эволюции» в указанном понимании. Дело в том, что психологические стереотипы в значительной мере иррациональны и в принципе не верифицируемы: их нельзя логически ни доказать, ни опровергнуть, какие-либо разумные доводы и попытки переубеждения тут обычно бессильны; поэтому в условиях господства стереотипного сознания мирное и взаимоприемлемое решение проблем чрезвычайно затруднено.

Появление же теоретических доктрин и программ в качестве социально ориентирующего и активизирующего элемента создает основу для совместных обсуждений, предметных споров, дискуссий, т. е. образует необходимую предпосылку межнационального диалога. В свою очередь становление именно политических, институционально-правовых рамок конфронтационного взаимодействия позволяет придать диалогу характер упорядоченно регулируемого процесса принятия обоюдоприемлемых компромиссных решений. Все это, однако, достижимо лишь при условии, что на каждой стадии эволюционного развития конфликта будут предприниматься целенаправленные усилия, находиться конкретные способы и средства для предотвращения его эскалации, т. е. развития в социально деструктивном направлении.

Такова исходная рабочая гипотеза, которую, на наш взгляд, имеет смысл подробнее рассмотреть на примерах из современного отечественного опыта возникновения и развития межнациональных конфликтов.

2. Конфликт психологических стереотипов. Примерами конфликтов этого типа (первого, исходного в нашей классификации) могут служить такие межнациональные столкновения, которые в нашей прессе обычно обозначаются термином «события». «Сумгаитские», «ферганские», «алма-атинские» события, «события в Новом Узене» и др. при всем их своеобразии развивались по сравнительно однотипной схеме.

Описывая ее, мы на время абстрагируемся от анализа конкретных социально-экономических и историко-культурных причин, приводящих в том или ином месте к обострению естественной оппозиции «мы — они», особенно характерной для менталитета соседствующих этнических общностей. Так или иначе, но непосредственным толчком к открытым столкновениям во всех подобных случаях выступают некие определенным образом ориентированные, т. е. провоцирующие конфликт, психологические феномены. Иногда это просто ни на чем не основанные слухи (например, в Фергане — о якобы имевшем место разгроме месхетинскими турками детсада), чаще — сообщения о реальных событиях, которым, однако, в глазах возбужденного населения придается преувеличенный или искаженный смысл фактов национальной дискриминации (например, возмущение части казахского населения назначением на пост партийного руководителя представителя некоренной национальности, что и послужило поводом к развязыванию алма-атинских событий).

Возникающий на основе таких слухов и подозрений стереотип «наших бьют!» чрезвычайно быстро распространяется на этнической территории, побуждая к консолидации и мобилизации на «ответные меры» членов этнотерриториальных общностей, осознающих себя ущемленными. Этому же содействует появление в конфликтующих группах лидеров, которым удается сформулировать и внести в наэлектризованную социальную среду достаточно привлекательные лозунги, нацеленные на совместное достижение или отстаивание членами группы своих прав или привилегий. Организуемые такими лидерами митинги, демонстрации и другие акции, во время которых активные члены общности распространяют «мобилизующие» лозунги, еще более усиливают конфронтационные и консолидационные процессы.

Для понимания внутренних пружин эскалации важно иметь в виду то, что в условиях психологии «осадного положения» групповая консолидация неизбежно сопровождается не только добровольной унификацией индивидуальных позиций, но и психологическим давлением на инакомыслящих, рассматриваемых в подобной среде в качестве «изменников общему делу».

В каждой из конфликтующих общностей одновременно формируются и развиваются два вида стереотипов: первый определяет рост этнической замкнутости, второй — развитие этнической подозрительности, достаточно быстро трансформирующейся в этническую враждебность. Если состояние острой межнациональной конфронтации сохраняется на протяжении длительного времени, то у конфликтующих групп могут развиваться этнофобии, порой доходящие до уровня массовых, коллективных маний преследования. Обе стороны избегают употреблять по отношению друг к другу этнонимы, используя вместо них презрительные клички, оскорбительные названия или местоимение «они». По мере нагнетания взаимной враждебности учащаются спорадические вспышки насилия, индивидуальные реакции становятся более подверженными внушению, общественное сознание до крайности мифологизируется.

При анализе возникновения массовых вспышек насилия в подобных конфликтах обычно дебатруется вопрос о том, в какой мере эти события бывают инспирированы и организованы некими силами, заинтересованными в дестабилизации социальной обстановки в том или ином регионе или в стране в целом.

Сегодня уже не приходится сомневаться в том, что в сумгаитских, алма-атинских и подобных им событиях участвовали некие организованные рационально действующие силы. Что касается ферганских событий, то участие в них хорошо организованных групп неоспоримо доказано следственными и судебными ор-

ганами. Однако в ходе следствий по этому делу было установлено также и то, что подавляющее большинство участников ферганских событий (их количество в отдельные дни достигало 30 тысяч) не только не знали об истинных целях организаторов беспорядков и погромов, но и о самом существовании таких людей.

На наш взгляд, организованные силы в конфликте стереотипов выполняют лишь функции катализатора и «спускового крючка», «разогревая» и «включая» механизм развертывания стихийных процессов. В пользу стихийности здесь свидетельствует не только преобладание именно анонимных регуляторов поведения толпы, но и существенная однотипность схемы развития подобных событий в разных районах страны, а также сходство этой схемы с аналогичными событиями в других странах мира*.

Именно стихийность и является основной типологической особенностью конфликтов психологических стереотипов. Стихийно формируется главная движущая сила таких конфликтов — спонтанные группы с эмоционально-экстремистской ориентацией на деструктивные действия вплоть до погромов. Конфликт стереотипов остается принципиально стихийным и в тех случаях, когда в рядах противодействующих активистов выдвигаются популярные лидеры, поскольку такое выдвижение происходит на бессистемной основе — не опирается на сколько-нибудь развитые организационные структуры политико-идеологического функционирования. «Стихийные» лидеры, как правило, не разрабатывают теоретических концепций, а лишь используют (в лучшем случае, обобщая) в своих выступлениях-призывах уже сформировавшиеся в массовом сознании поведенческие установки и стереотипы.

В силу своей стихийности, неуправляемости конфликты стереотипов чрезвычайно опасны, так как ведут к трагическим последствиям. Поэтому крайне актуальна задача блокирования эскалации таких конфликтов всеми имеющимися в распоряжении государства средствами, исключая, однако, те, что ведут к пресечению возможности прогрессивной эволюции конфликта.

Имеется достаточно оснований полагать, что преодолению разрушительной стихийности, введению социальной энергии масс в русло общественно-полезной активности способствует прежде всего формирование развернутой низовой структуры массовых общественно-политических организаций (типа «народных фронтов» и «движений за возрождение национальной культуры»). Анализ результатов их деятельности показывает, что в тех случаях, когда национальные движения развиваются под руководством демократических организаций, наблюдаются заметные изменения целей и характера таких движений, их участники все меньше руководствуются анонимными поведенческими стереотипами и все больше — авторитетом легитимированных лидеров и идеологических программ, имеющих широкое политическое и социально-экономическое содержание. Так, опыт недавних стачек шахтеров (пусть непосредственно и не связанный с межнациональными конфликтами) подтвердил способность демократически избранных лидеров и штабов неформальных организаций предотвращать разгул стихии, вспышки насилия в эмоционально напряженных условиях.

Другим важным условием снижения риска эскалации стихийных конфликтов является плюрализация системы средств массовой информации, появление различных взаимонезависимых изданий и источников информирования населения.

Благоприятное воздействие плюрализации проявляется прежде всего в расширении возможностей человека получать достоверную информацию путем ее перепроверки в разных конкурирующих изданиях. Привычка проверять достоверность информации в свою очередь — важное условие рационализации сознания, она снижает уровень доверия к слухам, блокирует развитие мифоло-

* Эти аргументы адресованы тем, кто, подобно нам, не допускает мысли о наличии некоего «всемирного штаба» организации межнациональных конфликтов.

гизации мышления. Кроме того, наличие независимых изданий снижает отрицательное влияние монопольности средств информации, представляющих точку зрения властей, вовсе не всегда взвешенную и справедливую. Известно, что обострение ряда межнациональных конфликтов нередко вызывалось и публикациями в центральной печати, не говоря уже об иных публикациях в республиканской прессе, также склонной в ряде мест монополизировать освещение сложных и противоречивых вопросов межнациональной жизни. Ведь в роли провоцирующего фактора может выступать не только искажение каких-либо событий, но и сам факт публикации лишь одной определенной версии их или только одного из возможных вариантов их оценки.

Не следует также забывать, что при отсутствии легально оппонирующих источников функции опровержения или дополнения официальной точки зрения неизбежно берут на себя источники нелегальные, в том числе и прежде всего пресловутый «институт слухов», бороться с которым посредством всегда запаздывающих «разъяснений» и «уточнений» — дело, как известно, почти безнадежное.

И наконец, не последнюю роль в предупреждении крайних форм эскалации межнациональной розни играет укрепление авторитета правоохранительных органов — милиции, прокуратуры, суда. Между тем все еще опасно распространены случаи попустительства со стороны этих органов по отношению к действиям, направленным на умышленное унижение национального достоинства этнических меньшинств, разжигание ненависти к «инородцам» и т. п. Подобное попустительство поощряет преступную агрессивность одних и дезориентирует других, побуждая их брать на себя функцию предупреждения и отпора враждебным нападениям, создавать для этого собственные вооруженные формирования и т. д. Чем все это кончается — известно. Но в долгосрочной перспективе не менее трагическим последствием такого развития событий оказывается чудовищная деформация правосознания населения, подрывающая саму основу существования гражданского общества.

Таким образом, конфликт стереотипов представляет собой всего лишь первичный, «внешний», если так можно выразиться, уровень конфликтности; он может развиваться в сторону как эскалации, так и восходящей эволюции. По мере эволюционного развития у противоборствующих сторон появляется и усиливается потребность в концептуально-идеологическом обосновании своих притязаний и требований. Поскольку формирующиеся в таких условиях принципиальные доктрины противоборствующих групп, как правило, взаимно исключают друг друга, становясь при этом центральными предметами (и одновременно инструментами) группового притяжения и отталкивания, то налицо трансформация исходного конфликта стереотипов в конфликт нового, более зрелого типа.

3. Конфликт идеологических доктрин. Определяющей чертой конфликтов этого рода можно считать идеологическую консолидацию членов конфликтующих общностей, т. е. сплочение их на основе более или менее осознанного согласия с прокламируемыми в группе «мобилизующими» целями и путями их достижения.

В то время как конфликт стереотипов — это еще всегда и конфликт действий, конфликт доктрин в большей мере проявляется в противоборстве идей. События всегда привязаны к определенному месту, они локальны, поэтому в конфликт стереотипов вовлечена лишь какая-то часть этнической общности — этнотерриториальная группа. Идеи же в общем экстерриториальны и могут охватывать весь этнос, включая и его этнодисперсные части, а также нередко и группы этносов, например национальных меньшинств, образующих своего рода идейный союз, противостоящий влиянию доминирующей нации. Наконец, события скоротечны, в то время как идеи способны удерживаться в общественном сознании длительное время, что обуславливает различия временных циклов сравниваемых типов межнациональных конфликтов.

Переход от конфликта враждебных действий к столкновению идей безуслов но свидетельствует о прогрессивных сдвигах в межнациональных отношениях. Однако на практике возможны и возвратные процессы: от борьбы идей к вооруженным действиям. Такие попятные движения характерны, например, для развития абхазского, нагорно-карабахского конфликтов, к настоящему времени, несомненно, вполне достигших уровня идеологической конфронтации и даже приобретших некоторые черты политического противоборства.

При наличии у обеих конфликтующих сторон своих идеологов и массовых общественно-политических организаций, казалось бы, между ними возможен диалог. Между тем реальное развитие событий свидетельствует о постоянном воспроизводстве в данном регионе неконтролируемых вспышек насилия. Более того, наблюдаются и новые, организованные обеими сторонами формы вооруженных столкновений, не характерные для конфликта стереотипов. Принципиальная возможность такого (эскалационного) варианта развития обусловлена многими факторами. Отметим некоторые из них.

Как уже говорилось, объединение спонтанных групп под эгидой общественно-политической организации, способствуя преодолению стихийности, уменьшает риск эскалации конфликта. Однако если подобная интеграция происходит на основе жесткого подавления инакомыслия в рядах собственного движения и оттеснения умеренно настроенных групп, то в итоге могут сформироваться организации «микрототалитарного» типа с догматической и даже антигуманистической идеологией. Руководимые ими национальные движения оказываются на тупиковом пути, отрицающем возможность какого бы то ни было диалога и ведущем исключительно к конфронтации. Последняя рано или поздно переходит в серию вооруженных столкновений, напоминающих гражданскую войну, между регулярными дружинами (наподобие той, что уже в течение ряда лет не прекращается в Ливане).

Но значительно чаще процесс дегуманизации идеологии здесь не заходит столь уж далеко, ограничиваясь формированием, если так можно выразиться, «идеологии избирательного гуманизма». Суть ее в том, что оправдательная доктрина каждой из сторон направлена на защиту прав или привилегий «своей» общности, совершенно игнорируя при этом аналогичные права и интересы «чужих» групп. Диалог в этих условиях оказывается лишь формальным. компромиссы решительно отвергаются. И в первую очередь по той причине, что требования и притязания выдвигаются не от лица конкретных индивидов и их совокупностей, мнение которых можно сравнительно точно выяснить, с которыми можно в принципе договариваться о взаимных уступках, апеллировать к здравому смыслу и т. д., а от имени безлично-абстрактных понятий, таких, как «народ», «нация» и т. п. Когда участники общественного диалога ощущают себя представителями не населения некоторой территории как субъекта более или менее определенных в юридическом плане правоотношений, а «народа» как некоей абсолютной ценности, как субъекта по существу недефинируемого «исторического права», то всякое предложение компромисса за счет малейшего ограничения этого «права» с негодованием отвергается как морально недопустимое святотатство. В этом, пожалуй, основная трудность разрешения конфликта доктрин.

Постоянная склонность спорящих сторон изыскивать основания своих позиций в области глубоко этноцентристских ценностей и абсолютов заводит диалог в безвыходный тупик. Примерами такого тупикового столкновения расходящихся, противоположных идеологических позиций могут служить три наиболее распространенных варианта межнациональных конфликтов, в которых притязания сторон тем или иным способом выводятся из «исторического права» соответствующих этнических общностей на территорию (конфликты такого рода можно поэтому назвать этнотерриториальными).

Первая группа этнотерриториальных конфликтов рассматриваемого типа возникла как историческое эхо депортации в 1941—1944 гг. в восточные районы

страны многих народов СССР. Как известно, во второй половине 1950-х годов (а в отношении крымских татар — лишь в конце 1960-х) с депортированных народов было снято абсурдное обвинение в «измене родине», однако некоторые из них (немцы Поволжья и крымские татары) не только не получили права на восстановление своей национальной государственности, но до сих пор ограничены в праве приобретения жилья и получения прописки в местах выселения.

Что касается месхетинских турок, то они не имеют права даже на временное посещение своей родины (пять административных районов Грузии, именуемых Месхет-Джавахети) в качестве туристов или гостей, поскольку в послевоенное время вся эта обширная территория по требованию республиканских властей объявлена пограничной зоной с соответствующим режимом въезда и передвижения по ней.

Судя по данным неформальных организаций — комитетов и групп содействия возвращению на родину немцев Поволжья, крымских татар, месхетинских турок, стремление вернуться в родные места характерно для большей части представителей этих народов. Но оно не всегда находит понимание со стороны тех групп населения, которые в отсутствие депортированных заселили места их проживания. При этом каждая из конфликтующих на этой почве групп обосновывает свои притязания доводами, начисто отрицающими основания притязаний противоположной стороны.

Так, представители народов, подвергшихся депортации, руководствуются представлением о своем безусловном праве на восстановление исторической справедливости — праве возвращения на свою историческую родину, тогда как среди этнических групп, заселивших районы, откуда были выселены немцы, крымские татары, турки и другие депортированные народы, культивируется принцип признания исторических реалий, т. е. необратимости исторических изменений («правильно или неправильно поступили с жителями этих земель, но история распорядилась таким образом, что теперь мы населяем эту территорию, теперь это наша земля, за нами, следовательно, реальное историческое право на нее»).

Одним словом, «право исторического первенства» вступает тут в непримиримое противоречие с «правом исторической реальности», обуславливая неразрешимость конституированного таким образом конфликта.

Вторая группа этнотерриториальных конфликтов этого типа также имеет давние исторические корни и обязана своим происхождением административно-произволу в установлении границ и статусов территориальных автономий. Какими бы соображениями удобства управления или политической конъюнктуры ни руководствовались власти, многократно кроя и перекраивая административно-политическую карту страны, приписывая разным территориям различные государственно-правовые статусы, в одних местах разъединяя границами единые этнические массивы, а в других, наоборот, объединяя совершенно разнородные этносы, невозможно отрицать, что улучшению межнациональных отношений все это не способствовало. Несомненно, что точное определение этнических границ в стране с этнически перемешанным населением — задача практически невыполнимая, да и вряд ли необходимо всегда приводить эти границы в соответствие с границами административными. Хуже другое — само построение многоступенчатой и разветвленной иерархии автономий, делящей народы, давшие названия национально-территориальным образованиям, по «сортам качества» их государственного суверенитета, а некоторым вполне компактно проживающим народам (например, гагаузам) и вовсе отказывающей в праве считаться суверенной нацией.

В соответствии с этой иерархией одни народы как бы подчинены другим, т. е. «входят» в них на правах населения зависимых автономий. В результате мы имеем множество потенциально конфликтных ситуаций, некоторые из них уже стали реальностью. Примером может служить нагорно-карабахский конфликт.

Так, население НКАО в своей преобладающей части (а именно армяне, составляющие $\frac{3}{4}$ населения области) полагает несправедливым требование подчиняться властям Азербайджана, обосновывая эту позицию принципом «территория должна принадлежать тем и управляться теми, кто на ней проживает» и ссылаясь при этом на конституционное право наций на самоопределение. Противоположная сторона конфликта возражает в том духе, что территория НКАО — это лишь часть территории союзной республики (АзССР), а, согласно той же Конституции, только союзным республикам дано право изменять границы и административный статус входящих в нее территорий.

Итак, несовместимость позиций участников этого конфликта в значительной мере вытекает из противоречий, «встроенных» в саму систему действующего административно-государственного устройства и закрепленных в Конституции СССР. Однако не только, а может быть, и не столько этим объясняется антагонизм рассматриваемых идеологических доктрин. Постоянное стремление идеологов конфликтующих сторон подкрепить сугубо юридические доводы ссылками на историческое первенство своего народа в заселении спорной территории позволяет предположить, что авторитет действующего законодательства в идеологических построениях обеих сторон пока явно уступает силе аргументов «от исторического права». Именно это обстоятельство в наибольшей мере препятствует достижению компромиссов в нагорно-карабахском конфликте.

Сходные коллизии характерны и для споров вокруг абхазского и некоторых других конфликтов, оппонирующие стороны которых представляют соподчиненные одна другой территории: сплошь и рядом в качестве решающих доводов с одной или с обеих сторон предъявляются не статьи конституции, а доказательства «исторического первенства» соответствующего этноса*.

Наконец, отметим и такой распространенный источник этнотерриториальных конфликтов доктрин, как изменение в ряде регионов этнодемографической структуры в сторону значительного увеличения доли пришлого иноэтнического населения. При этом в некоторых республиках национальности, по имени которых они названы, утратили статус большинства (так, в Казахстане казахи составляют ныне лишь 36%, а русские — 41%, в Якутии якуты — 36%, русские — 50%)². Перестали составлять большинство населения в части районов своих республик также латыши, эстонцы, грузины, татары и др.

Опасения утраты статуса этнического большинства или стремление восстановить этот статус приводят к тому, что формирующиеся ныне практически во всех республиках национально-культурные движения коренных национальностей выдвигают требования ограничения иммиграции иноэтнических групп и даже поощрения их реэмиграции. Такие требования встречают понятное противодействие со стороны представителей некоренных национальностей, что опять-таки провоцирует возникновение межнациональной напряженности — в Прибалтике, в Казахстане, в некоторых республиках Средней Азии.

В конфликтах этого типа, как и в предыдущих случаях, стороны по-разному обосновывают свои требования. Причем притязания на историческое право, здесь уже явно уступают место апелляциям к формально-юридическим нормам. Так, участники конфронтации со стороны русскоязычного населения республик Прибалтики, руководствуясь известными положениями международного права, считают недопустимыми какие-либо ограничения свободы миграции и выбора места жительства в пределах единого государства (СССР). А представители, скажем, эстонского или литовского национальных движений, опираясь тоже

* Необходимо подчеркнуть, что зыбкость подобной аргументации определяется, на наш взгляд не только и не столько трудностями определения того, какой народ первым заселил ныне спорную территорию, но прежде всего тем, что из факта былого «первенства», будь таковое установлено вовсе не следует никаких преимущественных прав на территорию одних жителей перед другими. Эту ситуацию, однако, нельзя смешивать с ситуацией вокруг проблемы депортированных народов: она порождена конкретными преступными актами геноцида, из которых — в случае официального признания их таковыми — могут и должны быть сделаны вполне определенные юридические выводы

на нормы международного права, исходя из примата упрочнения суверенитета своей республики и соответственно права устанавливать республиканские квоты на въезд и прописку граждан, прибывающих из других республик. Аналогичные доводы с обеих сторон все чаще приходится слышать также в Молдавии, Киргизии, в других регионах, хотя далеко не везде им сопутствуют, по крайней мере пока, сколько-нибудь серьезные межнациональные конфликты.

И вновь мы сталкиваемся с ситуацией, когда позиции сторон, участвующих в межнациональном конфликте, представляются вполне обоснованными, если их рассматривать по отдельности, и оказываются совершенно несовместимыми, взятые вместе.

Понятно, что разрешение конфликта возможно лишь при условии взаимопонимания; сближения позиций конфликтующих сторон. Необходимой предпосылкой этого является наличие некоей общей идеологической базы, общего знаменателя, позволяющего сопоставлять и соизмерять разные требования и правопритязания. На наш взгляд, в этом качестве может и должен выступать принцип приоритетности прав личности над правами общности (государства, класса, нации), не допускающий оправдания каких-либо ущемлений прав человека (будь то представитель «своего» или «чужого» этноса) в интересах нации или государства.

К сожалению, сложившийся ныне идеологический климат в сфере межнациональных отношений не благоприятствует утверждению этого принципа в общественном сознании. Очевидна и ограниченность возможностей целенаправленного воздействия на изменение общественного менталитета посредством, скажем, пропаганды идеалов и принципов гуманизма; уважения к правам человека. Тем не менее в условиях кризисного состояния межнациональных отношений нельзя пренебрегать и малой возможностью их оздоровления. В числе оперативных «антикризисных» мероприятий стоит рассматривать просветительскую, миссионерскую деятельность видных представителей науки, искусства, церкви; их участие в качестве посредников в межнациональных диалогах; разоблачение (а еще лучше недопущение) исторических фальсификаций, являющихся одним из сильнейших конфликтогенных факторов в межнациональных отношениях, и др.

Пожалуй, важнейшей идеологической предпосылкой оздоровления межнациональных отношений является развитие общественного правосознания, повышение авторитета права как основного критерия в оценке обоснованности требований участников межнациональных конфликтов. Понятно, что одними призывами уважать закон здесь не обойдешься — необходимы практические шаги по радикальному совершенствованию действующего законодательства и прежде всего по устранению присущих ему противоречий. В нынешнем же виде законодательство в сфере внутригосударственного устояства способно скорее порождать, нежели разрешать межнациональные конфликты.

К числу его наиболее конфликтогенных изъянов можно отнести: а) отсутствие четкого юридического определения нации, при том что последняя в принципе провозглашается субъектом права («право наций на самоопределение вплоть до отделения»), в результате чего остается неясным, на каком основании за некоторыми из наций такое право признается, а за другими — отрицается; б) наличие многоуровневой иерархии национально-территориальных образований, означающей формально-юридическое закрепление неравенства наций — в явном противоречии с конституционно же провозглашенным принципом равенства таковых; в) закрепление права на изменение границ и автономного статуса каких-либо территорий внутри республик исключительно за республиканскими властями, что также вступает в противоречие с правом отдельных этнотерриториальных групп (национальных меньшинств) на самоопределение, в частности на конституирование заселенных ими территорий как автономных.

Все это в купе с неясностью распределения законных прерогатив между союзной и республиканскими властями по множеству этнически значимых воп-

росов и порождает в конечном счете ту политико-правовую неразбериху, которая определенно препятствует урегулированию идеологически заостренных межнациональных конфликтов юридическими средствами.

Лишь в самое последнее время, с началом коренной политико-экономической перестройки, процесс преодоления указанных изъянов пришел в движение. И тотчас обнажилась наиболее фундаментальная проблема межнациональных отношений — проблема национального суверенитета, его «распределения» между различными национально-территориальными подразделениями, с одной стороны, и Союзом как целым — с другой.

До тех пор, пока вся реальная политическая власть сосредоточивалась в центре, мобилизующим и организующим началом в развитии национально-конфликтных ситуаций могли выступать феномены чисто психологические (стереотипы) или сугубо идеологические (доктрины), но только не политические, не власть. Как только у республик и других национально-государственных образований появилась возможность опираться в своих правопритязаниях на силу реальной, хотя и ограниченной в каких-то пределах власти, тут же стали проявляться черты конфликта совершенно нового типа — «конфликта политических институтов». В соответствии с предлагаемой гипотезой такой конфликт представляет собой высший стадийный тип межнациональных конфликтов.

4. Конфликт политических институтов. Под конфликтом этого типа понимается такой межнациональный конфликт, стороны которого в противодействии друг другу консолидируются на основе их активной практической включенности в систему функционирования власти на определенной территории. Если конфликт доктрин — это в основном противостояние идей, развернутых лозунгов, программ, аргументов и т. д., то конфликт институтов (власти) — это уже всегда противоборство организаций, где идеи фигурируют в них, так сказать, технически оснащенном и «работающем» виде. Но это — не единственное отличие.

Характеризуя различные типы конфликтов, мы обращали внимание лишь на один, горизонтальный, их срез — отношения между двумя или более этническими общностями по поводу взаимных, обычно территориальных притязаний. Но для всех этих конфликтов характерны, правда в разной мере, и вертикальные отношения: союзное государство (центральная власть) — этнические общности.

Государство является третьей стороной во всех перечисленных стадийных и региональных типах конфликтов уже потому, что проводимая им политика в той или иной мере выступает одной из важнейших причин возникновения межнациональных конфликтов. Государственная политика депортации народов явилась первопричиной крымско-татарского и аналогичных ему конфликтов, а также ферганских событий. Произвол государства в определении административного статуса одних республик и национально-территориального устройства других обусловил появление нагорно-карабахского, абхазского и ряда других конфликтов. Экономическая экспансия центральных ведомств и министерств в национальных республиках, сопровождаемая завозом туда иноэтнической рабочей силы, в значительной степени стимулировала обострение межнациональных отношений в республиках Прибалтики, в Казахстане, в Молдавии и др.

Но даже в тех случаях, когда центральная власть непосредственно не причастна к возникновению конфликта, она рано или поздно подключается к нему, выступая, однако, в разных ролях в зависимости от характера и типа конфликта. Так, по отношению к конфликтам стереотипов государство ограничивается функцией защиты общественного порядка и пресечения крайних форм конфронтации; в конфликтах доктрин принимает на себя третейскую роль посредника, пытающегося наладить диалог между конфликтующими этническими общностями. А вот в конфликтах институтов оно уже не третья сила, а основной их участник. Ибо именно к нему обращены требования региональных (республиканских) властей или политически «подпирающих» их националь-

но-общественных организаций — предоставить больше реальных политических полномочий, поделиться властью.

Такого рода требования вместе с организованным противодействием им образуют в настоящее время основное содержание межнациональных конфликтов в республиках Прибалтики. Если даже ограничиться рассмотрением только горизонтальных, сугубо межэтнических коллизий, то здесь и они носят весьма своеобразный характер. Как правило, для участников межнациональных конфликтов характерна ярко выраженная этноцентристская ориентация. В Прибалтике же между этноцентристски ориентированными группами как коренного, так и пришлого населения установились в основном вполне лояльные отношения: именно здесь впервые сформировались и приветствуются коренным населением национально-культурные организации поляков, евреев, караимов и др. (хотя и не всеми поощряется стремление к территориальной автономизации тех же поляков в некоторых районах). Подлинный же конфликт разгорелся между этноцентристски ориентированными народными фронтами и панцентристскими по своей идеологии интердвижениями. Последние воспринимаются значительной частью населения коренных национальностей не столько в качестве особой этнической, этнолингвистической (русскоязычной) общности, сколько в качестве вполне определенной политической силы — представителя центра в республике, чего-то вроде «пятой колонны».

Анализ программ народных фронтов Прибалтики показывает, что едва ли не 90% их содержания посвящено не национальным, а общим социально-экономическим и политическим вопросам и прежде всего обоснованию требований политического суверенитета и экономической самостоятельности. Это особенно характерно для программы Эстонского народного фронта.

Вряд ли стоит объяснять, почему именно в республиках Прибалтики первыми возникли такие организации, как народные фронты, и почему они сосредоточили усилия на достижении их республиками возможно более высокой степени суверенитета. Эти республики, прежде всего Эстония, добились наивысшего в стране уровня жизни населения, сбалансированного развития социальной структуры с высоким удельным весом работников квалифицированного труда не только в городах, но и в сельской местности. Они пошли дальше всех по пути демократизации общественных отношений, в том числе экономических, но одновременно с этим и поэтому раньше и острее других ощутили узость границ «дозволенного центром».

В силу ряда причин широкие слои общественности этих республик раньше других осознали, что возможность защиты своей территории и населения от разоряющего действия административно-командной системы управления и централизованной карточно-распределительной экономики связана прежде всего с обретением подлинного политического (а следовательно, и экономического) суверенитета. Причем необходимость такого существенно возрастает, по мнению сторонников децентрализации, именно при отсутствии рыночных регуляторов экономического обмена. Как отмечал председатель Госплана ЛатвССР М. Раман, все республики СССР еще долго будут зависеть от централизованного материально-технического снабжения, централизованных инвестиций и других форм общесоюзного административного регулирования экономики. В этих условиях возможность проявления произвола со стороны центральных ведомств будет сохраняться до тех пор, пока у республик и регионов не утвердятся собственные политико-правовые механизмы защиты. В качестве одного из элементов такого механизма правительство Латвии предложило, например, заключить договор с Союзом о взаимных обязательствах³. В том же духе действуют власти и других прибалтийских республик, предлагая и настаивая на проведении в жизнь широкого спектра мер по упрочению своего политического суверенитета.

Существенное влияние на формирование центробежных ориентаций национальных движений в Прибалтике оказывают и психологические факторы,

прежде всего обостренное восприятие значительной частью коренного населения драматических особенностей истории включения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР. В памяти старших поколений еще не стерлись воспоминания о времени независимости этих республик, обеспечивавших своему населению высокий уровень жизни и весьма развитую по тогдашним меркам систему функционирования демократических институтов.

Требование обретения или упрочения политического суверенитета сегодня выдвигают национальные движения не только большинства союзных республик (в наиболее острой форме, кроме Прибалтики, в Грузии, Армении, Молдавии), но и ряде автономий (например, в Татарской АССР), в наибольшей мере нуждающихся в этом, испытывающих двойной гнет — властей центральных и республиканских. При этом, однако, следует подчеркнуть, что носителями политического суверенитета, по самой его природе, могут и должны выступать ни в коем случае не этнические общности, хотя бы и преобладающие численно, а исключительно социально-территориальные общности, объединяющие все население соответствующих административно-территориальных образований. И, возможно, независимо от того, признаются ли последние «национально-территориальными» образованиями или просто «территориальными» единицами. Политические права и обязанности граждан не могут различаться в зависимости от их этнической принадлежности. С этих принципиальных позиций надо подходить и к решению таких действительно сложных вопросов, как введение государственных языков, государственное (республиканское) финансирование культурных программ и т. п. Недостаточная взвешенность и четкость проработки некоторых подобных решений — источник многих межнациональных напряженностей.

К сожалению, в многонациональных республиках, всегда имелась, а сейчас еще более возрастает тенденция рассматривать государственность как исключительную прерогативу, а территорию — как собственность народа, давшего название республике⁴. Это обстоятельство во многом определяет особенность взаимосвязи между борьбой за упрочение политического суверенитета республик и состоянием межэтнических отношений в них.

Потенциально такая борьба способна укрепить межэтнические отношения в республиках, поскольку завоевание ими суверенитета объективно отвечает интересам всех проживающих на данной территории этнических общностей. Однако на практике вертикальный конфликт между республикой и центром зачастую перерастает в горизонтальный — между разными этническими группами, прежде всего потому, что осознание каждой из них своих прав и интересов подчас происходит в отрыве от осознания ими ответственности перед другими народами.

Вероятность обострения межнациональных отношений по мере развития конфликта институтов может обуславливаться незавершенностью процесса изживания идеологии «селективного гуманизма» (характерного для конфликта доктрин) либо воспроизводства ее в условиях развития антидемократических, бюрократических тенденций в функционировании борющихся за власть политических организаций. В таких ситуациях корпоративный интерес политиканствующих функционеров легко и охотно мимикрирует под интерес национальный, прибегая для этого к нагнетанию общественной атмосферы с помощью демагогии, выдержанной в ультрапатриотическом духе.

Таким образом, гармонизация межнациональных отношений недостижима без опоры на демократически ориентированное гуманистическое общественное сознание, а оно в свою очередь не может сформироваться и получить массовое распространение при сохранении авторитаристски-унитарной политической системы. На наш взгляд, одной из важнейших задач по преодолению препятствия этого рода является обеспечение соразмерности в распределении прав и обязанностей между основными социальными субъектами общества: государством, нацией, личностью.

В отношении государства (федеральной власти) первоочередной на сегодня задачей в сфере национальной политики представляется существенное ограничение его функций, передача части соответствующих prerogatives центра внутрисоюзным национально-государственным образованиям и одновременно повышение уровня ответственности государства перед гражданским обществом.

В частности, нынешнее руководство страны должно признать преемственность ответственности за национальную политику, проводившуюся прежними правительствами страны. И прежде всего ответственности перед гражданами, депортированными в годы репрессий, и их наследниками за причиненный физический, моральный и материальный ущерб. Последствия депортации подлежат безусловному устранению силами и средствами государства, поэтому большую часть связанных с этим расходов (помощь на переселение и обустройство) должно взять на себя именно центральное правительство, сняв экономическое бремя с местного бюджета.

Суверенные нации являются таковыми пока лишь формально. Даже союзные республики, не говоря уже о подчиненных им автономиях, до последнего времени не имели реальных политических прав и властных полномочий. А следовательно, и политических предпосылок к культивированию чувства гражданской ответственности перед другими народами. Одно тут невозможно без другого, но при этом еще раз поясним, что речь идет о политическом суверенитете именно национально-государственных образований, а не этносов или этнотерриториальных групп. Повторим, что серьезным тормозом для развития процесса децентрализации в этом направлении является сохранение иерархической системы автономий.

Понятно, что в кардинальном расширении и упрочении своих гражданских прав нуждается сегодня личность. Без этого бессмысленно ожидать возрастания чувства ответственности каждого человека перед всеми своими согражданами, независимо от их этнической принадлежности. Подлинный, нефальшивый интернационализм — атрибут сознания политически мыслящих людей, способных (и имеющих возможность) строить свои отношения с людьми другой национальности, основываясь не на стереотипах массового сознания и узкоэтнических ценностях и интересах, а на твердой почве совместной включенности в демократические процедуры управления регионом, республикой и государством.

Примечания

¹ Популизм (беседа Т. Меньшикова с А. Миграционным) // Советская культура. 1989. 24 июня.

² Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых решений. М., 1988. С. 20.

³ Экономика без абсурдов. Беседа корреспондента газеты «Известия» И. Литвиновой с Председателем Госплана ЛатвССР М. Раманом // Известия, 1989. 3 августа.

⁴ Тишков В. А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. 1989. № 5.

© 1990 г.

Э. Х. Панеш, Л. Б. Ермолов

ТУРКИ-МЕСХЕТИНЦЫ

(историко-этнографический анализ проблемы)

Последние события в Ферганской области Узбекской ССР до предела обострили и без того острейшую проблему турок-месхетинцев. Беспрецедентный по своим масштабам и драматизму межнациональный узбекско-турецкий конфликт, который по количеству жертв и трагичности событий значительно превзошел все известные в стране этнические конфликты за последние годы, вновь обнажил неразрешенность, а в некоторых случаях и кажущуюся безнадежность решения многих сложнейших вопросов национальной политики.

Турки-месхетинцы (самоназвание «турк») — малоизученная этническая группа, в настоящее время переживающая процесс консолидации в самостоятельный народ, отличный от анатолийских турок. До ноября 1944 г. жили в южных и юго-западных районах Грузии, расположенных к югу от Месхетского хребта. Говорят на турецком языке огузской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. В религиозном отношении мусульмане-сунниты. Основа традиционного хозяйства — земледелие и скотоводство.

Традиционная культура турок-месхетинцев близка к турецкой. Вместе с тем необходимо отметить, что в ней отчетливо прослеживается и грузинское влияние (например, в одежде, пище, жилище и некоторых элементах духовной культуры)¹.

В течение последних десятилетий традиционная культура месхетинских турок подверглась разрушению, в результате чего на сегодняшний день основной пласт этой яркой самобытной культуры практически утрачен. Однако память народа бережно хранит воспоминания о прежней жизни в Месхети, хозяйстве и праздниках, обычаях и традициях, материальной и духовной культуре.

Проблема турок-месхетинцев как и подавляющая часть национальных проблем в СССР, имеет свою сложную историю. Осенью 1944 г. этническая группа месхетинских турок в результате сталинской политики насильственного переселения народов была объявлена врагом советского народа и депортирована с их исторической территории в Грузию. К моменту выселения советские турки проживали в 212 селах, расположенных в пяти сопредельных районах Грузинской ССР: Адигенском, Ахалцихском, Аспиндзском, Ахалкалакском и Богдановском. Благодаря тому, что практически все взрослое мужское население было призвано в действующую армию, акция, результатом которой явилось переселение 115,5 тыс. чел., была произведена в кратчайшие сроки².

Большая часть турок-месхетинцев была рассредоточена по отдельным поселкам в различных областях и районах Узбекской ССР без права изменения места жительства. Другая часть тоже на правах спецпереселенцев была расселена в Казахстане и Киргизии³.

После XX съезда партии социальные и политические ограничения для советских турок были отчасти сняты. Им был разрешен выезд из мест проживания в Средней Азии и Казахстане и выбор места жительства в пределах определенных территорий. Возвращаться на родину в Месхети месхетинским туркам было запрещено. Одна из первых партий обосновалась в Азербайджане.

По данным на август 1988 г. турецкая община в Азербайджанской ССР насчитывала 39 тыс. 800 чел.⁴ Именно в Азербайджане для переселенцев сложились наиболее благоприятные условия межэтнического взаимодействия. Этому способствовал ряд объективных факторов⁵.

Азербайджанцы благожелательно и с большим вниманием отнеслись в 1960-е гг. к судьбе этих переселенцев. Более того, правительство Азербайджана выразило готовность принять всех турок-переселенцев из Узбекистана. Однако массовая миграция месхетинских турок из Узбекистана в Азербайджан была приостановлена, а в конце 1960-х годов им было разрешено переселяться малыми группами в отдельные районы Северного Кавказа⁶.

После ферганских событий основной поток миграции турок направлен из Узбекистана в Азербайджан⁷. Согласно материалам, полученным из «Комиссии по проблемам турко-месхетинского населения» при Верховном Совете СССР⁸, на сегодняшний день руководство Азербайджанской ССР согласилось предоставить месхетинским туркам земли для постоянного поселения. Им были предложены на выбор земли в районах Муганской степи и степи Джейран-чор; турки предпочли последнюю. В настоящее время в Азербайджане делается все возможное, чтобы в ближайшее время подготовить эти земли к устройству месхетинских турок (провести питьевую воду, построить необходимые коммуникации и т. д.). Однако скорейшему решению вопроса в значительной мере препятствует нехватка финансов и материальных ресурсов. Помимо Азербайджанской ССР принять максимально возможное число турок-переселенцев выразила готовность Чечено-Ингушская АССР. Для временного поселения беженцев из Ферганской области в РСФСР были предоставлены некоторые районы в Смоленской, Орловской, Курской и других областях.

На сегодняшний день месхетинские турки общей численностью около 400 тыс. чел.⁹ проживают дисперсно в различных регионах СССР, преимущественно в Средней Азии. Наибольшее число их живет в Узбекистане (Самаркандская, Ташкентская, Сыр-Дарьинская области). Остальные расселены более или менее компактно по различным районам Казахстана (Чиликский, Эйбекши-Казахский, Чимкентский и др.), Киргизии (Аламединский, Сокулукский, Калининский, Наукатский), Азербайджана (Саатлинский, Сардарабадский, Кубинский, Сабирабадский и др.), Кабардино-Балкарии (Урванский район), Ставропольского края (Курский район), Краснодарского края (Белореченский и Кошехабльский районы), Северной Осетии, Карачаево-Черкесии и Молдавии (отдельные населенные пункты), а также Смоленской и Орловской областей РСФСР. Таким образом, группы месхетинских турок фиксируются в одиннадцати союзных и автономных республиках.

После снятия в конце 1950-х гг. некоторых социальных и политических ограничений началась политическая активизация советских турок, которая выразилась в нарастающем движении за возвращение на родину в южную Грузию. Начиная с этого времени, проблема месхетинских турок обостряется с каждым годом. При этом само обострение можно рассматривать в нескольких аспектах. Прежде всего, расселяясь в новых регионах, переселенцы сталкиваются с естественной исторической оппозицией «абориген — пришелец»¹⁰. Во-вторых, постоянно нарастающая дисперсность расселения еще более усложняет процесс этнической консолидации и соответственно ослабляет жизнестойкость этнической группы. В-третьих, постоянно сохраняются политическое, юридическое и социальное неравноправие месхетинских турок, выражающееся в отказе им из года в год в возвращении на родину. При этом последнее обстоятельство усугубляется тем, что ряд других депортированных народов был возвращен на свою историческую родину в конце 50-х гг. В конечном итоге именно нерешенность вопроса о репатриации советских турок, их реальное политическое неравноправие и юридическая незащищенность явились глубинными причинами того, что именно они стали жертвой националистических акций в Узбекистане летом 1989 г.

Закономерно возникает вопрос, почему же эти трагические события случились именно в Узбекистане, а не в другом регионе проживания месхетинских турок. Оставляя в стороне социально-экономический анализ проблемы, непостоянный для всей страны в целом, нельзя не учесть острейшую ситуацию в Узбекистане. Однако не следует отводить социально-экономическим причинам, как бы остры они ни были, единственной и решающей роли в межнациональном конфликте. В данном конкретном случае определяющим фактором стала та обстановка, которая сложилась в регионе в течение последних нескольких десятилетий. По мнению некоторых исследователей, работавших в Узбекистане в последние годы, острая ситуация в межнациональных отношениях выражается, в частности, в узбекско-таджикских противоречиях, суть которых связана прежде всего с включением (при размежевании Средней Азии) ряда территорий с преобладающим таджикским населением в состав Узбекской ССР (Бухара, Самарканд) и проведением соответственно направленной национальной политики (тенденциозная перепись населения, административно-управленческий прессинг и т. д.).¹¹

Здесь необходимо пояснить, что существование узбекско-таджикских противоречий в значительной мере провоцирует агрессивность националистического движения в регионе. Представляется, что назревавший в течение последних десятилетий узбекско-таджикский конфликт в настоящее время стал взрывоопасным и затронул все многонациональное население республики. Национальное движение, резко возросшее за последние годы по всей стране, а вместе с тем неизбежно сопутствующие ему националистические настроения, в том числе и в Узбекистане, имеют закономерную тенденцию к открытому межнациональному конфликту в форме насилия. Итак, сложность межнациональной обстановки в Узбекистане связана, с одной стороны, с узбекско-таджикскими противоречиями и претензиями, с другой стороны, месхетинские турки, проживающие на этой территории, не являются ее историческим населением; они юридически не защищены как депортированные. Кроме того, они более компактно расселены по сравнению с другими переселенными в Узбекистан этническими группами. Все указанные факторы и привели к тому, что именно месхетинские турки стали жертвой насилия со стороны узбекских экстремистов Ферганской области. Однако необходимо понимать, что конкретная направленность узбекского националистического экстремизма в известной мере условна. Турки в данной ситуации оказались наиболее «подходящим» объектом насилия, поскольку другие «потенциальные объекты», такие, как среднеазиатские немцы, в массовом порядке эмигрируют в ФРГ, а крымские татары возвращаются в Крым. При дальнейшем развитии событий под угрозой насилия, как известно, оказались крымские татары, а также русские. Экстремистами был избран типично националистический лозунг «Узбекистан для узбеков», и в конечном итоге прозвучали призывы к выселению таджиков.

Высказанная точка зрения косвенно подтверждается тем, что первоначальная попытка развязывания узбекско-турецкого конфликта была предпринята в Акдаринском районе Самаркандской области (Самарканд, как и Бухара, — район наибольшей остроты узбекско-таджикских противоречий). Однако предупрежденные местным узбекским и таджикским населением турки не вышли на первомайскую демонстрацию, и попытка развязывания конфликта ограничилась избиванием нескольких человек из числа турецкой молодежи. Определяющую роль в неудавшейся провокации конфликта сыграла твердая позиция таджикоязычного населения, не поддавшегося на провокационные призывы узбекских экстремистов. Несколько позже подобные события имели место и в Бухаре.¹²

Вернемся еще раз к проблеме месхетинских турок и попытаемся проанализировать тот комплекс реальных причин, которые не позволяли решить вопрос об их репатриации в течение почти 40 лет. Как уже было отмечено, процесс политической активизации турок начался с момента снятия с них ряда

административных ограничений. С этого времени начинают функционировать различные неформальные организации советских турок, считающие своей основной и единственной целью движение за возвращение на родину. В конце 1950-х гг. в Средней Азии состоялся Учредительный съезд месхетинских турок, результатом которого было создание Временного организационного комитета (ВОК) по возвращению на родину и функционирующей при нем постоянно действующей комиссии (в качестве рабочей группы) из числа активистов движения. Деятельность Комитета распространялась на все регионы проживания советских турок; движением за реэмиграцию был охвачен весь этнический массив. За послевоенный период благодаря действиям Комитета было направлено более 200 различных делегаций полномочных представителей турок в высшие партийные и советские органы СССР и ГССР. В архивах Комитета бережно хранятся копии всех обращений этих делегаций к правительству и другие документы. Однако вопрос остается открытым.

Одним из камней преткновения в решении проблемы репатриации месхетинских турок стало поставленное грузинской стороной, хотя и неофициально, условие о признании турками их исторического грузинского происхождения и замена турецкой формы фамилий на грузинские.

Вопрос о происхождении месхетинских турок приобрел политическую окраску в силу той социальной несправедливости, которую ощущает эта этническая группа с момента ее депортации в Среднюю Азию, не говоря уже о том, сколь серьезно эта проблема волнует самих носителей традиционной культуры. Известно, что происхождение того или иного народа не всегда можно однозначно установить. Однако довольно редко подобный вопрос оказывается столь конфликтно значимым, как в случае с советскими турками. И причина этого — неразрешенность социально-политической ситуации, в которой они оказались.

Политические последствия того, как месхетинские турки решают вопрос о своем происхождении, самым непосредственным образом отразились в сгущениях их внутриэтнических процессах.

Подавляющее большинство рассматриваемой группы осознает себя турками. Небольшая часть сочла возможным в условиях сложившейся политической ситуации признать себя отуреченными грузинами с тем, чтобы обеспечить себе возвращение на родину¹³. Среди представителей этой группы отчетливо фиксируется ситуативное этническое самосознание.

Основная часть этнической группы с ярко выраженным турецким самосознанием настаивает на признании своей принадлежности к туркам. Обозначенные процессы с течением времени переросли по существу в борьбу двух «фракций» в национальном движении месхетинских турок — «турецкой» и «грузинской», соответственно отражающих два взгляда на способы реэмиграции. Этому была посвящена дискуссия, широко развернувшаяся на Всесоюзном съезде месхетинских турок, проходившем в августе 1988 г. недалеко от селения Псыкод Кабардино-Балкарской АССР. На съезде присутствовало около 250 человек¹⁴. Все делегаты съезда проходили регистрацию, предъявляя мандаты установленного образца от определенного числа избирателей. Съезд проходил в форме традиционного народного схода в присутствии муллы, вознесшего молитву Аллаху и благословившего собрание. Перед началом дебатов ряд лидеров, приехавших из различных регионов, по очереди читали свои стихи об утраченной родине, чем способствовали определенному психологическому настрою участников съезда.

На съезде развернулась борьба двух названных «фракций». Представители «грузинского» направления пытались доказать, что только официально признав себя грузинами, они смогут обеспечить себе возвращение на родину. Сторонники «турецкого происхождения», которые составляют, как уже было отмечено, подавляющее большинство, расценили это как предательство национальных интересов, которое не решит проблемы месхетинских турок. Под давлением съезда лидеры «грузинской» оппозиции публично признали свою точку зрения

ошибочной. В итоге съезд, заслушав программы претендентов, избрал главного лидера движения¹⁵, вынес решение добиваться возвращения на родину с обязательным признанием турецкой национальности месхетинских турок и провозгласил себя Съездом Единения¹⁶.

Из числа своих участников съезд решил направить очередную делегацию в Москву, которая и выехала на следующий день после его окончания, т. е. в 20-х числах августа 1988 г. Тогда же ЦТ впервые показало интервью с лидерами месхетинского движения.

Возвращаясь к этническому происхождению месхетинских турок, следует признать, что на сегодняшний день нет комплексного научного исследования этой проблемы. В этнографической литературе этот вопрос практически не затрагивался, за исключением редких, фрагментарных замечаний общего характера об этнических процессах в Грузии¹⁷.

Не вдаваясь в рассмотрение этой сложной этнографической проблемы, следует коротко остановиться на одной из существующих гипотез, которая практически и определяет неофициальное условие о признании месхетинскими турками их грузинского происхождения. Согласно этой точке зрения, население Месхетии было отуречено, приняло ислам и утратило грузинское самосознание¹⁸ в результате военной агрессии в XVI в. со стороны Османской империи, захватившей земли Месхет-Джавахеги, Аджарии и Лазику¹⁹.

Процессы отуречивания сопредельных Аджарии и Месхетии протекали неодинаково: с одной стороны, население Месхетии, которое в течение этого периода (с XVI в. по 20-е годы XIX в.²⁰) утратило свой язык, религию, патронимическую структуру, традиционную культуру, и что особенно важно, самосознание, и с другой, — население Аджарии, сохранившее все эти этномаркирующие показатели, за исключением религии.

Теоретически столь очевидная разница в интенсивности ассимиляционных процессов в сопредельных районах по существу единого региона вероятна лишь в двух случаях. Это либо направленная регламентация ассимиляционной политики в обозначенных районах, либо изначально исторически смешанное²¹ и потому предрасположенное к метисации население одного из них. Уже при рассмотрении первого варианта совершенно очевидно, что разница в проведении ассимиляционной политики каким-либо агрессором по отношению к различным районам оккупированного региона зависит прежде всего от потенциальной предрасположенности населения этих районов к ассимиляции, что определяется рядом факторов: формы и интенсивность исторических контактов ландшафтно-географические характеристики, характер миграционных процессов²², степень седентаризации²³ и т. д. Во втором варианте характер ассимиляционного процесса является реверсивным.

Таким образом, следует подчеркнуть, что сложная научная проблема происхождения и этнического развития месхетинских турок еще ждет своего окончательного решения на основе комплексного и всестороннего ее изучения. Но естественное и правомерное в научном отношении решение проблемы этногенеза советских турок не может быть аргументом при рассмотрении современной политической ситуации. В любом случае этническое происхождение не должно влиять на принципиальное отношение к репатриации этой группы.

Что же мешает правильному решению этого вопроса? Прежде всего здесь следует назвать общую национальную обстановку в самой Грузии. Как и во всяком многонациональном регионе, в Грузии существует ряд совершенно конкретных проблем. Каждая из них имеет глубинные корни и свою продолжительную историю. В задачи настоящей статьи не входит полный разбор всех национальных проблем. Попытаемся выявить отдельные, наиболее существенные тенденции.

Нетрудно заметить, что межнациональные конфликты в Грузии так или иначе связаны с национальными автономиями. В связи с этим сразу следует

отметить, что по сравнению с другими союзными республиками (исключая РСФСР) сравнительно небольшая по территории и населению Грузия обладает наибольшим числом автономий. Правоммерно может возникнуть вопрос: является ли наличие и создание автономии в пределах союзных республик позитивным явлением и насколько увеличение числа этих автономий может негативно повлиять на общий фон межнационального взаимодействия в конкретных регионах?

Хорошо известно, что во времена создания и первых лет существования автономий в республиках не было тех проблем, которые возникли в последние десятилетия. В предшествующие годы национальная политика, как правило, сводилась к тому, чтобы создать в автономной республике (области, округе, районе) преобладание доминирующего в республике этноса. При этом национальность, имеющая автономию, оказывалась в меньшинстве. Только такое соотношение, по мнению инициаторов подобной политики, могло реально обеспечить и гарантировать проведение «республиканской» союзной политики, отвечающей в первую очередь интересам доминирующего этноса. Процесс создания такого перевеса был достаточно длительным. Реализация этой задачи достигалась путем административно-управленческого давления, в частности проведением в автономиях социально-экономической политики «республиканского» значения, что вызывало необходимость притока трудовых ресурсов; мигрантам предоставлялись различные льготы и т. п. Как правило, такая политика приводит к межнациональным трениям, возникающим в связи с принципиальным расхождением во взглядах на вопрос, в чью пользу должны решаться внутренние проблемы в автономии: представителей большинства или коренной национальности данной национальной автономии. Соответственно возникают вопросы о языковой политике, обучении в национальных школах, представительстве национальных кадров в органах управления на всех уровнях, политическом самоопределении, сохранении традиционных культуры и хозяйства и т. д. Все это способствует резкому росту национального самосознания и закономерно приводит к прогрессирующему обострению межнациональных отношений. В совокупности эти факторы вызывают целый ряд стереотипных мер со стороны союзно-республиканской администрации. В первую очередь предпринимаются попытки сдерживания социально-экономического развития коренного населения автономий. Однако это закономерно ведёт к еще большему обострению межнациональных отношений в результате очевидной разницы в социально-экономическом развитии национальных регионов республики.

Данная ситуация также усугубляется неправильным пониманием происходящих процессов и соответственно тенденциозной их интерпретацией. Так, грузинская газета «Коммунист» опубликовала статью З. Чкванавы, в которой автор высказывает свое мнение по поводу создания «Демографического фонда Грузии» и приводит свои соображения относительно дополнений и уточнений к нормам его проекта. Декларируя обязательность дифференцированного национального подхода к проблеме развития населения региона, автор обосновывает это тем, что «способность к деторождению зависит не столько от социально-экономического фактора, сколько от биологического (курсив наш — Э. П., Л. Е.)». Доказано, говорит он далее, что рождаемость туркменов и азербайджанцев почти в четыре раза превышает рождаемость грузин, литовцев, латышей и эстонцев. «Бесконечное размножение населения отнюдь не является признаком цивилизованной нации». И далее «...такое стабильное размножение грузинской нации — совершенно естественный и нормальный процесс, который характерен для развитой и интеллектуально сформировавшейся нации»²⁴.

Цитируя этот текст, мы не ставим перед собой задачу вступать в научную полемику с доцентом Грузинского политехнического института З. Чкванавой. Его взгляды — не что иное как открытый биологический расизм. Очень важно, что именно пресса, и в особенности пресса национальная, в значительной мере

способствует формированию того положительного или отрицательного фона межэтнического взаимодействия и закрепления этнических стереотипов, которые существенно меняются в современных условиях национальных движений.

Затронув вопрос об исторических стереотипах, нельзя не остановиться на их историческом формировании и современных тенденциях. На первый взгляд, представляется вполне логичным допустить, что исторически сложившиеся взаимные представления друг о друге контактирующих этносов могут служить серьезным препятствием в решении межнациональных проблем. Однако необходимо учитывать, что эти стереотипы далеко не равнозначны. Традиционные стереотипы имеют тенденцию к размыванию, в отличие от современных, которые имеют тенденцию к концентрации. Исторические стереотипы, сформировавшиеся в результате военной или политической агрессии или любой другой конфронтации контактирующих этносов, как правило, сохраняют наибольшую психологическую остроту в памяти одного поколения после окончания конфликта. Среди факторов, способствующих устойчивости стереотипа и его консервации в памяти ряда поколений, можно назвать историческую протяженность конфликта, характер его агрессивности, исторические последствия и многое другое. Однако следует иметь в виду, что длительное существование какого-либо стереотипа в неизменном виде в памяти ряда поколений и тем более его искусственное сохранение приводят к складыванию «опозиционного» стереотипа. Национальная политика последних десятилетий в сочетании с современными этническими процессами поддерживает накопление негативных стереотипов по отношению к любому доминирующему этносу, проводящему жесткую национальную политику. Таким образом, закономерно, что националистические выступления в Грузии проходят под лозунгом «Грузия для грузин», и отчетливо прослеживается тенденция к негативному изменению фона межэтнического взаимодействия и прогрессирующему обострению межнациональных отношений.

Возвращаясь к анализу национальной политики, проводимой администрацией доминирующего этноса в регионе, следует иметь в виду и получившую достаточно широкое распространение тенденциозность при переписях населения и при регистрации его прироста. Кроме того, параллельно с указанными процессами возникает идея стимуляции рождаемости доминирующего этноса республики. Конкретно в Грузии такая практика выразилась в мысли о создании уже упоминавшегося «Демографического фонда», поддерживаемого рядом неформальных организаций. Параллельно с этим в печати высказываются положения об искусственном ограничении рождаемости национальных меньшинств Грузии, подобные высказываниям Т. Кванчилашвили, руководствующегося известным «опытом» Китая²⁵.

В современных условиях, на фоне резкого подъема национального движения по всей стране, обеспокоенность грузин степенью сохранности своей культуры вполне естественна. Нет никакого сомнения, что необходимо предпринимать всяческие усилия для сохранения этой древней культуры и ее развития, равно как и любой другой. Однако при этом необходимо особо подчеркнуть, что восприятие грузинами более высокой рождаемости у национальных меньшинств как угрозы для своей культуры говорит о неверной оценке тех естественных процессов, которые происходят в обществе. Данная диспропорция естественно вызвана реальной угрозой потери национальной культуры именно для самих национальных меньшинств. На фоне этой угрозы, на фоне идей об искусственном ограничении рождаемости, вполне естественно, что обстановка в регионе становится потенциально все более взрывоопасной.

Приведенные высказывания, утверждающие интеллектуальное и биологическое превосходство, отнюдь не способствуют нормализации межнациональных отношений. Как справедливо заметил А. Цотниашвили, «проявляя национальное самосознание, нельзя бросать тень на других, как это сделали в своих

публикациях З. Чкванави и Т. Кванчилашвили. Мы не должны считать их высказывания за убеждения всего грузинского народа»²⁶.

Однако все вышеперечисленные тенденции создают тот общий неблагоприятный фон межнациональных отношений, фиксируемый здесь достаточно отчетливо. На этом фоне те национальные проблемы, которые имели узко-региональное происхождение, соответственно переносятся на весь ареал, чему в значительной мере способствуют националистические выступления в местной печати. При этом вполне естественно, что любые подобные действия будут вызывать соответствующую реакцию противодействия, прежде всего в национальных регионах.

Наш обзор современных этнических процессов в Грузии показывает, почему позитивное решение турецкой проблемы встречает такое активное сопротивление. Усматривая источник национальных проблем в существовании национальных автономий и национальных районов, и отчетливо понимая, что возвращение депортированных турок на историческую территорию потребует создания для них в перспективе национальной автономии, грузинская сторона активно противодействует этому во избежание обострения и без того сложной межнациональной обстановки в республике. Вместе с тем следует признать, что некоторые шаги для разрешения проблемы месхетинских турок в последнее время и здесь предпринимались. Начиная с 1960-х гг. до последнего времени в Грузинской ССР поселилось 186 семей депортированных отсюда турок общей численностью 1211 чел., которые были расселены в западных районах республики (Зугдидском, Махарадзевском, Хашурском и др.). Однако на сегодняшний день здесь осталось лишь 35 семей. Кроме того, для предотвращения какой-либо национальной концентрации эти семьи были расселены по различным населенным пунктам названных районов Западной Грузии, т. е. за пределами исторической территории этой этнической группы. Территории, где в настоящее время, как это ни парадоксально, пустует около 70% сельскохозяйственных земель, обрабатывавшихся ранее месхетинскими турками, и из 212 существовавших ранее сел заселены лишь несколько десятков²⁷. Часть земель занято переселенными сюда после 1944 г. имеретинами²⁸.

Касаясь проблемы месхетинских турок в общегосударственном масштабе, нельзя не отметить, что кроме дальнейшего распыления этой этнической группы, ведущего к потере ее самобытности, национальной культуры, созданию новых этноконтактных зон, особенно в абсолютно чуждой этнической и экологической нише, и как результат резкой политической активизации, особое значение могут иметь и государственно-политические последствия неразрешенности вопроса о репатриации месхетинских турок. Хорошо известно, что турецкая проблема в последнее время существенно осложнила отношения между Болгарией и Турцией²⁹.

Особое внимание следует обратить и на возможный международный политический резонанс при рассмотрении ферганских событий, а также последствия возможной эмиграции советских турок за пределы страны, если не будет положительно решена проблема их репатриации.

Нельзя, однако, не принимать во внимание, что с момента депортации численность советских турок увеличилась, видимо, более чем в три раза. Данное обстоятельство может создать определенные трудности при репатриации всего турецкого населения на его историческую территорию. На этот случай, вероятно, должно быть предусмотрено выделение дополнительной территории, где в сходных с исторической родной экологических условиях этой этнической группе будут предоставлены все возможности для консолидации и создания культурно-национальной автономии. Какая бы из республик ни предоставила депортированным туркам земли для постоянного проживания, она бы, безусловно, приобрела серьезный экономический потенциал в лице трудолюбивого народа с высокоразвитой культурой землепользования.

Заканчивая настоящий обзор, необходимо также подчеркнуть, что давно пора предпринять конкретные шаги для окончательного решения большого

вопроса о месхетинских турках, восстановления социальной и исторической справедливости по отношению к ним. Турецкое население нашей страны безусловно должно обрести свою утраченную историческую родину.

Примечания

¹ Архив Ин-та этнографии АН СССР (Ленинградская часть, далее — ЛЧИЭ). 1966 г. Ф. К—1, оп. 2, № 1480, 1481; 1988 г., — еще не имеет номера.

² Данная цифра, за отсутствием официальных данных, взята нами из материалов Постоянно действующей комиссии при Временном организационном комитете по возвращению на родину (ВОК) месхетинских турок, производившей специальные подсчеты выселенного населения.

³ Хуришт А. Турки // Литературный Киргизстан. 1988. № 12. С. 102—111.

⁴ Данные о численности турецкой общины в Азербайджане получены нами при опросе делегатов из Азербайджана на Всесоюзном съезде месхетинских турок, проходившем в августе 1988 г. в КБАССР. На сегодняшний день эта цифра существенно возросла и продолжает расти за счет нового потока мигрантов.

⁵ Панеш Э. Х. Современные этнокультурные контакты месхетинских турок // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах. Уфа, 1989. С. 68—72.

⁶ Архив ЛЧИЭ АН СССР. 1966 г. Ф. К—1, оп. 1480, 1481; 1988 г.

⁷ Ермолов Л. Б. Экспедиционный отчет о поездке в Узбекистан в 1989 г. // Архив ЛЧИЭ АН СССР.

⁸ Комиссия по проблемам турко-месхетинского населения при Верховном Совете СССР создана 26.06.89 г. под председательством заместителя председателя Совета Министров РСФСР Л. А. Горшкова и при участии полномочных представителей Временного организационного комитета турок-месхетинцев по возвращению на родину Ю. Сарварова, Д. Кучиева, Р. Саидова, Т. Саидова, А. Алиева.

⁹ Данные соответствуют результатам переписи, произведенной инициативной группой месхетинских турок, и принимаются как условные из-за отсутствия официальных данных.

¹⁰ Панеш Э. Х., Ермолов Л. Б. О роли этнической психологии в межнациональном конфликте // Этнокультурные процессы: традиции и современность. Л., 1990.

¹¹ Рахимов Р. Р. Иван Иванович Зарубин (1887—1964) // СЭ. № 1. 1989. С. 116—119; Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист, 1988. № 10. С. 68; Рахимов Р. Р. О чем «шумят» таджики Самарканда? // Что делать? В поисках совершенствования межнациональных отношений в СССР. М., 1989. Экспедиционный отчет Л. Б. Ермолова.

¹² Полевые материалы авторов 1989 г.

¹³ Тютюнник В. И. Кто они, месхетинские турки? // Советская культура. 17.06.89.

¹⁴ Полевые материалы авторов 1988 г. // Архив ЛЧИЭ АН СССР.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Самойлович А. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926 (отд. оттиск). С. 8; Джаошвили В. Ш. Население Грузии. Тбилиси, 1968. С. 105—116; Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М., 1982. С. 201 и др.

¹⁸ Вахушти. География Грузии // Зап. Кавк. отд. РГО. Тифлис, 1904. XXIV; Хаханов А. Месхи // Этногр. обозрение № 3. М., 1891. Вешапели Г. Турецкая Грузия, Лазистан, Трапезунд и Чорохский край. М., 1916.

¹⁹ Страны и народы. М., 1984. С. 20—23.

²⁰ 1829 г. — заключение Адрианопольского мира между Россией и Турцией, по которому Месхет-Джавахети была возвращена Грузии.

²¹ Шенгелия Н. Н. Сельджуки и Грузия в XI в. Тбилиси, 1968. С. 391, 392, 396.

²² Там же. С. 391.

²³ Там же. С. 396.

²⁴ Чкванавა З. Путь найден // Коммунист (Тбилиси) 21.XI.88.

²⁵ Литературная Грузия. 30.9.88 (на груз. яз.).

²⁶ Цотнишвили А. // Советская Осетия (Орджоникидзе) 14.XII.88.

²⁷ Данные предоставлены членом Комиссии по проблемам турко-месхетинского населения Ю. Сарваровым.

²⁸ Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Указ. раб. С. 206; Сообщение И. И. Крупника по материалам его полевых исследований в Тержольском районе ГССР в 1983 г.

²⁹ Пресс-служба газеты «Известия» // Известия. 5.VII.89.

© 1990 г.

А. Ш. Колчанова, Б. П. Шиферсон

СОВЕТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕТРОГРАДА ПО РАБОТЕ СРЕДИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В 1918—1921 гг. (проблемы и тенденции)

Вопрос о строительстве и деятельности государственного аппарата, ведающего в первые годы Советской власти работой среди национальных меньшинств в городах с преимущественно русским населением, в частности в Петрограде, относится к слабоизученным. В литературе по истории Ленинграда, Ленинградской партийной организации и Петроградского Совета 1918—1921 гг. приводятся лишь отдельные факты о Комиссариате по делам национальностей Союза коммун Северной области в Петроградском губернском комиссариате по делам национальностей¹. Цель нашей статьи — опираясь на архивные источники, в какой-то мере восполнить этот пробел.

К началу изучаемого периода национальный состав населения Петрограда был весьма пестрым, и, хотя русские составляли преобладающую часть жителей столицы, группы белорусов, евреев, латышей, поляков, украинцев, эстонцев и др. исчислялись тысячами. За время гражданской войны произошла значительная миграция населения города, изменившая его этнический и социальный состав, но не настолько, чтобы хоть одно из основных национальных меньшинств исчезло из Петрограда.

II Всероссийский съезд Советов декретом от 26 октября 1917 г. образовал Советское правительство, в его состав входил Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац)². Затем в январе 1918 г. последовал ряд декретов об учреждении в составе Наркомнаца Комиссариата по делам мусульман, Еврейского и Белорусского комиссариатов³.

До переезда правительства в Москву в Петрограде, видимо, во избежание дублирования действий центральных органов не создавались местные учреждения по работе среди национальностей, и только весной 1918 г. был образован Комиссариат по делам национальностей Петроградской трудовой коммуны⁴. 29 апреля 1918 г. согласно решению I Съезда Советов Союза коммун Северной области был сформирован Совет комиссаров (СКСО), в составе которого работал Комиссариат по делам национальностей. По положению, утвержденному ЦИК СКСО 15 июля 1918 г., в задачи Комиссариата по делам национальностей входило удовлетворение политических, правовых, культурных и бытовых нужд национальных меньшинств в пределах Северной области⁵, центром которой был Петроград. Структура комиссариата складывалась постепенно. Сначала в его составе было семь отделов: Белорусский, Еврейский, Латышский, Мусульманский, Польский, Финский и Эстонский. 27 августа был образован Украинский⁶, а несколько позднее, в 20-х числах октября, — Армянский отдел⁷, действовавший в Москве с 25 сентября как отделение Комиссариата по делам армян⁸. 20 февраля 1919 г. было принято решение об организации Мордовского отдела, но фактически он не работал⁹.

Национальные отделы в пределах своей компетенции сохраняли полную автономию и, как правило, включали следующие подотделы: общего делопроизводства: «правовой-политический», культурно-просветительный; агитации; печати и издательства. В зависимости от масштаба деятельности число ответ-

ственных работников и служащих в отделах и подотделах было различным. Так, в Армянском отделе работал в основном только один человек — заведующий отделом Е. И. Каракашьян¹⁰.

Упразднение областных объединений Советов на территории РСФСР, в частности ликвидация Союза коммун Северной области 24 февраля 1919 г.¹¹, вызвала необходимость реорганизации учреждений, ведающих делами национальностей на местах. Вместо областного комиссариата был образован Петроградский губернский отдел по делам национальностей (Петрогубнац).

В связи с усилением гражданской войны повсеместно началось сокращение организаций, не имеющих непосредственного отношения к укреплению обороноспособности страны. Эти мероприятия затронули и Петрогубнац. 1 апреля 1919 г. были ликвидированы Белорусский, Литовский и Украинский отделы, а их функции переданы оставшимся отделам¹², в которых в целях экономии сил началось уменьшение числа подотделов¹³.

К началу 1920 г. в составе Петрогубнаца остались лишь Армянский, Еврейский, Латышский, Польский, Финский и Эстонский отделы. Вскоре в дополнение к ним был образован Карельский отдел, просуществовавший до июня 1921 г.¹⁴ Мусульманский отдел был переименован в Татарский. Таким образом, к концу гражданской войны в Петрогубнаце было семь национальных отделов¹⁵.

Одной из первых проблем, с которой столкнулись национальные отделы, было оказание помощи пленным, возвращавшимся через Петроград на родину, и беженцам из оккупированных губерний, скопившимся в столице за время империалистической войны. Так, наличие беженцев-эстонцев явилось главной побудительной причиной создания Эстонского отдела¹⁶. Реэвакуацией беженцев занимались также Армянский, Еврейский, Латышский, Мусульманский и Финский отделы¹⁷. Только Латышский отдел до декабря 1918 г. направил в Прибалтику около 6 тыс. латышей. Беженцам давали советы, оказывали материальную помощь, составляли списки желающих уехать. Поскольку Петроград стал транзитным пунктом для многих беженцев, появилась необходимость организации временных общежитий и убежищ для них. Такие убежища для своих соплеменников открыли в первую очередь Армянский и Финский отделы¹⁸.

Чтобы облегчить и ускорить отъезд на родину для желающих, Комиссариат по делам национальностей СКСО и его отделы стали выдавать им удостоверения об отсутствии препятствий к выезду за границу¹⁹. Здесь они часто брали на себя функции специально созданного Комиссариата по делам пленных и беженцев (Компленбеж). В связи с этим возникли трения, которые удалось ликвидировать путем делегирования в сентябре 1918 г. представителей национальных отделов в Компленбеж²⁰. Функции Финского и Мусульманского отделов были еще шире: первый выдавал паспорта и ходатайствовал о назначении пенсии лицам, чьи родственники погибли во время гражданской войны в Финляндии; второй регистрировал акты гражданского состояния²¹.

Важнейшими направлениями своей работы отделы считали пропаганду коммунистических идей, разъяснение основ Советской конституции, принятой в 1918 г., и декретов Советской власти. Необходимо было вести на родных языках разъяснительную работу о принципиальном изменении отношения пролетарского государства к национальным меньшинствам, причем не только среди постоянных жителей Петрограда, но и среди представителей национальных меньшинств, собирающихся по тем или иным причинам вскоре покинуть город. Последних рассматривали не только как объект для агитации, но и как потенциальных проводников коммунистических идей. Польский отдел возлагал особые надежды на беженцев, возвращавшихся на родину, Армянский — на новое студенчество, обучавшееся в Петрограде²². Руководитель Армянского отдела писал: «Вернувшись на Кавказ, они поведут работу среди пролетариата. Эта молодежь сможет выдвинуть из своей среды опытных и преданных советских работников — пропагандистов, агитаторов и журналистов»²³.

Одной из форм устной агитации начиная с 1918 г. были митинги, число которых варьировалось в зависимости от величины группы лиц той или иной национальности в Петрограде. Так, в течение одного года Литовским отделом было проведено пять митингов, а Мусульманским — даже 40 митингов и собраний²⁴. Иногда для выступления на митингах удавалось привлечь весьма квалифицированные силы. 21 апреля 1918 г. на общегородском митинге протеста против еврейских погромов выступили Г. Е. Зиновьев, председатель Латышского комиссариата Сукас, комиссар по еврейским делам С. Я. Раппопорт, украинец матрос Авраменко, рабочий-перс Гани-заде и другие. Участники митинга выразили протест не только против еврейских погромов на Украине, но и против резни армян на Кавказе, а также против невинно пролитой крови 3 тыс. персов в Баку²⁵.

Параллельно с проведением митингов началась организация типографий, поиск нужного шрифта, подготовка печатников и выпуск изданий на различных языках.

В связи с переносом столицы в Москву и переводом туда центральных партийных и правительственных газет, печатавшихся на национальных языках, Комиссариат по делам национальностей СКСО и его отделы приняли участие в совместном издании газет с соответствующими национальными секциями РКП(б) в Петрограде. Еврейский отдел участвовал в выпуске «Еврейского рабочего» («Дер идише арбейтер») — 2 тыс. экземпляров еженедельно; Латышский — в выпуске «Коммуниста» — 13 тыс. экз. ежедневно; Польский — в выпуске «Бюллетеня» — 2 тыс. экз. еженедельно; Мусульманский — в выпуске «Красного Севера» («Кызыль Шималь») — 5 тыс. экз. ежедневно; Финский — в выпуске «Свободы» («Вапаус») — 10 тыс. экз. ежедневно; Эстонский — в выпуске «Вперед» («Эдази») — 10 тыс. экз. ежедневно²⁶. Попытки издания собственной газеты были неудачными. Так, например, вышел всего один двойной номер органа Петроградского губернского комиссариата по еврейским делам газеты «Свободный голос» («Ди фрайе штиме») ²⁷.

Помимо газет, в Петрограде издавался ряд журналов: белорусский «Красный путь» («Чырвоны шлях»), татарский «Знамя коммунизма» («Коммунизм байрагы») и др.²⁸ Журналы были рассчитаны на более подготовленного читателя и, как правило, предназначены для Петрограда, но иногда их читали и за пределами города. В частности, Эстонский отдел распространял свой журнал по всей России среди эстонских колонистов и даже переправлял его в Эстонию²⁹.

Национальные отделы наладили перевод и выпуск на своих языках политических брошюр. Литовский отдел издал наибольшее число брошюр — 15, Финский — наименьшее — 3³⁰. Тираж изданий этого типа иногда достигал значительных величин. Тираж брошюр Еврейского отдела — 150 тыс. экз. Тематика брошюр была достаточно разнообразной. Польский отдел выпустил «Политическую экономику» Ю. Мархлевского, «Республику Советов» Кия (псевдоним П. В. Пятницкого) и «Зиновьев о Ленине»³¹; Еврейский — «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Между человеком и машиной» А. А. Богданова, «Анархисты и Советская власть» К. Радека и др.³².

Формы агитационно-пропагандистской работы изменялись на протяжении всего периода. Если в 1918 г. она проводилась главным образом через митинги и газеты, то к 1921 г. центр тяжести переместился на газеты, а число митингов сократилось.

В официальных документах признавалось, что благодаря усиленной агитации масса трудящихся — представителей национальных меньшинств была выведена из-под влияния националистов и правых эсеров.

Национальные отделы привлекли трудящихся на свою сторону не только посредством агитации, но и благодаря проводимой ими культурно-просветительной работе, как более доступной и отвечающей тяге национальных меньшинств к знаниям, в первую очередь к познанию основ собственной истории и культуры.

Главными проводниками культурного влияния стали библиотеки и клубы. Такими опорными пунктами располагали все национальные отделы. Некоторые из них имели по несколько библиотек и клубов. В частности, у Эстонского отдела был Дом просвещения, клубы в Василеостровском, на Выборгской, в Московском и Невском районах³³. Библиотеки и клубы, как правило, находились в местах наибольшей концентрации лиц данной национальности. Они обслуживали главным образом гражданское население, а также национальные части, расквартированные поблизости, как это имело место с латышскими стрелками. При клубах работали разнообразные кружки (музыкальные, женского рукоделия, художественные и др.). Так, среди прибалтийских этнических групп, сохранивших традиционную певческую культуру, создавались хоры. Особое внимание каждый из отделов уделял театральному искусству. Литовский отдел в 1918 г. открыл концертно-театральную студию, перед которой была поставлена цель — основание пролетарского театра³⁴. Латгальская драматическая студия, организованная в марте 1920 г., по мнению ее создателей, стала центром латышской культуры не только Петроградским, но и Всероссийским³⁵. Идея создания эстонского театра в Петербурге зародилась еще в XIX в., но была осуществлена только в феврале 1921 г.

Организаторы этого театра довольно возвышенно сформулировали свою цель: «Развитие искусства до высшей формы, увенчающей будущее пролетарское общество. Сделать его доступным достоянием всех пролетариев-эстонцев в России»³⁶. Аналогичную задачу стремились выполнить и еврейская студия, открывшаяся в апреле 1921 г. и давшая первый спектакль в августе того же года. Она стала одним из четырех еврейских театров, функционировавших в то время на территории России³⁷.

Приходится признать, что, хотя число спектаклей, поставленных театрами, порой было весьма значительным (32 спектакля в Эстонском передвижном драматическом театре), квалификация актеров и уровень постановок были невысоки. Не удалось привлечь к работе известных театральных деятелей, сказалось и отсутствие пьес нужного направления. В связи с необходимостью создания нового репертуара Литовский отдел объявил конкурс на драму революционного содержания. И все-таки первый шаг по пути создания пролетарских национальных театральных студий сделать не удалось.

Характерно, что в эти годы отделы не только пытались формировать новое национальное искусство, но и совместными усилиями проводили интернациональные музыкальные вечера, не требовавшие знания какого-либо конкретного языка. Здесь выступали музыканты, оркестры народных инструментов, хоры, исполнявшие произведения национальных композиторов.

Благодаря совместным усилиям Комиссариата по делам национальностей и Комиссариата народного просвещения СКСО, а впоследствии Губернского отдела по делам национальностей и по народному образованию национальным делам удалось достигнуть наибольших успехов в области просвещения.

Комиссариат по делам национальностей СКСО уже 13 сентября 1918 г. предложил Комиссариату народного просвещения СКСО организовать при губернских отделах народного просвещения национальные отделы, а все национальные начальные и средние учебные заведения национализировать, перестроив их на принципах единой трудовой школы³⁸. До образования специального отдела при Петрогубоно некоторые отделы Петрогубнаца выступили с собственной инициативой. В частности, Польский отдел просил разрешить ему действовать самостоятельно и «реорганизовать польские средние учебные заведения в духе декретов Рабоче-Крестьянского правительства»³⁹.

Необходимость создания специального органа для руководства просвещением среди нерусского населения была очевидна, и вскоре при коллегии Петрогубоно был образован Совет по просвещению национальностей, состоящий из заведующих национальными отделами. Задачи свои Совет сформулировал следующим образом: «Совет проводит через посредство своих органов мероприятия

**Сведения об организациях подотдела национальных меньшинств
Петроградского губернского отдела по народному образованию в 1920 г.***

Секция	Дошкольная работа				Школьная работа			
	детсады	к-во детей	детдома	к-во детей	школы	к-во детей	школьные детдома	к-во детей
Белорусская					1	90		
Еврейская	2	51	1	30	3	599	3	266
Латышская			1	75	6	514	3	389
Литовская			1	120				
Мусульманская	1	15	1	15	4	231	1	90
Польская	8	120	9	50	15	2837	5	700
Финская	2	70	9	372	291	12790	1	12
Эстонская	1	30	1	30	68	3250	1	120

Секция	Внешкольная работа				
	библиотеки	дома проsv.	клубы	к-во членов	курсы для взрослых
Белорусская	1				
Еврейская			1	200	
Латышская			4	1008	1
Литовская					
Мусульманская			1	78	
Польская			3	560	
Финская			1	50	
Эстонская		1	27	2000	1

* Источник: ЦГАОРЛ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 140—143.

отдела народного образования среди национальностей нерусского языка, приспособляя эти мероприятия к языковым и бытовым особенностям населяющих Петроградскую губернию национальностей»⁴⁰.

Были созданы латышская, польская, еврейская, немецкая, татарская, финская и эстонская секции, объединившиеся в подотдел национальных меньшинств Петрогубоно. Число этих секций не было стабильным и то увеличивалось, то сокращалось.

Подотдел нацменьшинств занимался дошкольным воспитанием, открывая национальные детские сады и детские дома, и, конечно, школьной работой. С особыми трудностями пришлось встретиться в национальных школах, многие из которых существовали еще при царском режиме, находясь по традиции под контролем религиозных общин. Содействовать созданию светских учебных заведений по принципу единой трудовой школы, вовлекать в них детей бедняков, расширять сеть национальных школ — вот только часть задач, которые должен был решить подотдел. Если у немцев, финнов и эстонцев имелись в Петрограде еще до революции свои школы, то латышской школы не было ни одной, тогда как число латышей к 1917 г. составляло более 20 тыс. человек. Первые латышские школы были открыты в Петрограде в 1918 г., а к 1 января 1920 г. уже действовали три латышских школы: 1-й ступени, одна 2-й ступени и две латгальских школы 1-й ступени⁴¹.

Важное значение придавалось ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В 1918—1919 гг. возник и начал работать ряд кружков по изучению родного языка для взрослых, где также читали лекции по политэкономии, социологии и современной политике. Определенное представление о сети организаций, через которые подотдел нацменьшинств вел просветительную работу, дают данные табл. 1.

При проведении просветительной работы подотдел нацменьшинств столкнулся с острой проблемой: не хватало учителей, не доставало учебников. Одной из первых взялась за решение этого вопроса эстонская секция. Для школьных работников эстонских колоний, расположенных на территории РСФСР, были открыты педагогические курсы, где занятия проводились по двум программам: одна — для «ударной группы», была рассчитана на 24 недели, другая — на 72 недели⁴². Одновременно эстонская секция 1 апреля 1921 г. выступила с предложением открыть педагогический институт. В положении об институте говорилось, что, кроме подготовки работников школьного, дошкольного и внешкольного воспитания, этот институт будет изучать экономическую, культурную и историческую жизнь урало-финских народов и распространять научные знания среди широких пролетарских и крестьянских масс эстонского населения⁴³.

В сентябре 1920 г. в Петрограде состоялась I Губернская конференция национальных меньшинств, где обсуждались вопросы просвещения и культурно-просветительной работы. Конференция отметила активную деятельность издательского отдела Петрогубоно по распространению литературы на языках различных народов России, работающего совместно с национальными секциями РКП(б) и секциями народного образования и опубликовавшего ряд учебников на латышском, финском и эстонском языках⁴⁴.

25 октября 1920 г. принято решение об открытии Института живых восточных языков в Петрограде. Институт готовил практических работников со знанием восточных языков, в том числе армянского и грузинского, тем не менее преподавателей не хватало. Только с 1922 г. началось создание национальных высших учебных заведений, в частности Института высших еврейских знаний, Петроградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств и т. д.

Уже в самом начале своей деятельности отделы Комиссариата по делам национальностей СКСО столкнулись с различного рода буржуазными общественными, благотворительными, корпоративными и другими организациями (табл. 2). Одни из них к 1918 г. существовали несколько месяцев, другие — десятилетия. Зачастую трудно было сопоставить авторитет, жизнеспособность и приносимую различными организациями пользу. Национальным отделам необходимо было выработать особый подход к той или иной организации.

Комиссариат по делам национальностей и его отделы с первых дней своего существования поставили под контроль деятельность этих обществ и приступили к выяснению их политической ориентации. Каждый из отделов наблюдал за организациями, объединявшими лиц определенной национальности. В тех случаях, когда соответствующий отдел отсутствовал, функции контроля переходили к тому отделу, сотрудники которого знали язык и традиции данного национального общества. Так, при обсуждении вопроса о регистрации «Петроградского союза российских граждан немецкой национальности» коллегия Комнаца «не имея никаких данных к запрещению его деятельности», предписала заведующему Эстонским отделом А. Г. Вальнеру ознакомиться с деятельностью общества и доложить о полученных результатах⁴⁵.

Конечно, были и явно антисоветские общества типа «Союза самоопределения Латвии», «Мусульманского военного совета Петроградского военного округа» и др., но существовали и общества достаточно нейтральные, политической деятельностью не занимавшиеся и главное внимание уделявшие благотворительности и просветительству, такие как «Петроградский армянский кружок».

«Союз самоопределения Латвии» работал под руководством меньшевиков, поставивших цель — объединить латышский народ под лозунгом Учредительного собрания, а не на советской платформе. «Союз» стремился установить связи со всеми эмигрантскими и просветительскими латышскими организациями, существовавшими на территории Советской России, в частности в Астрахани, Борисове, Рыбинске и Смоленске. Он выпустил сборник статей «Свободная Латвия» («Брива Латвия»), с выпадами против советского правительства. Опреде-

ляя характер взаимоотношений с этим союзом, заведующий Латышским отделом в июне 1918 г. запрашивал Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны, должны ли они действовать самостоятельно или получить со стороны Совета соответствующие указания или инструкции ⁴⁶.

При оценке взаимоотношений национальных отделов с благотворительными и просветительными общественными организациями приходится констатировать отсутствие дифференцированного подхода к ним, а зачастую и предвзятое отношение. В первые годы были особенно заметны левацкие перегибы руководителей государственных органов, предъявлявших невыполнимые требования классовой чистоты к руководству общественными национальными организациями. В июне 1918 г. сотрудники национальных отделов выступили за закрытие специальным декретом частных организаций благотворительного характера, в том числе «Прибалтийско-немецкого комитета», «Польского общества возвращения беженцев в Литву и Белоруссию» и др. как «преследующих явно реакционные цели» ⁴⁷. Как только в поле зрения Комнаца попал Грузинский национальный комитет, ставивший своей целью объединение всех грузин, проживающих в Петрограде, для содействия их личной и имущественной безопасности, Комиссариат 8 июня 1918 г. направил письмо в Петроградскую ЧК. В письме указывалось на существование внепартийного грузинского национального комитета. Без всяких на то оснований авторы утверждали, что опыт убедил их — все подобные национальные комитеты по существу являются белогвардейскими. ЧК сработала оперативно: 12 июня последовал обыск, в ходе которого все дела Грузинского национального комитета были увезены на Гороховую, 2 (в Чека) ⁴⁸. Точно такой же подход был применен по отношению к правлению Петроградской еврейской общины. На экстренном заседании Комиссариата по делам национальностей СКСО 13 декабря 1919 г. по представлению Еврейского отдела Комнаца было принято решение о закрытии общины «ввиду ее контрреволюционности». Представители Еврейского отдела, обследовавшие деятельность общины, пришли к выводу «о необходимости скорейшей ликвидации общины со всеми ее отделениями, так как деятельность ее не только бесполезна, но и вредна». Руководители Еврейского отдела усматривали вред в том, что выборы в общине проводились на основе всеобщего избирательного права, вследствие чего во главе ее оказались явно контрреволюционные элементы ⁴⁹. Поразительно, что ни один из руководящих работников Комиссариата по делам национальностей не выразил сомнения в правомерности столь скоропалительных выводов. Лишь заведующий Латышским отделом А. П. Пенес предложил потребовать от Еврейского отдела конкретных данных о контрреволюционности общины.

В ряде случаев национальные отделы ликвидировали разного рода общества не как буржуазные, а как бездеятельные или ведущие параллельную работу. Это имело место в отношении Эстонского комитета, Всероссийского союза евреев-воинов и др. ⁵⁰. Проводя подобные акции, национальные отделы объявляли себя единственными представителями своего народа и действовали от его имени, не ставя в известность этот народ и не пытаясь выяснить его мнение. Возможно, что ликвидация тех или иных обществ в ряде случаев была связана со стремлением национальных отделов укрепить свое материальное положение, так как иногда им передавали имущество, денежные средства и документы закрытых организаций. С такой просьбой обращался Белорусский отдел в связи с ликвидацией организаций беженцев Гродненской губернии и Польский отдел при закрытии «Совета польских организаций помощи жертвам войны» ⁵¹.

Представители Комиссариата по делам национальностей обязательно привлекались как эксперты другими ведомствами, если последние сталкивались с необходимостью оценки каких-либо национальных организаций. Зачастую мнение сотрудников Комнаца было решающим. Так, Комиссариат по военным делам СКСО согласился выдать разрешение гражданину Агабабову на право учреждения в Петрограде Армянского военного комиссариата, который приступил бы к «сформированию революционных армянских отрядов для борьбы с контрре-

волюционным мусульманским населением Закавказья», но только в случае благоприятного отзыва Комиссариата по делам национальностей⁵².

При явном уклоне к администрированию национальные отделы в ряде случаев расширительно толковали свои обязанности и выходили далеко за круг вопросов, которые им надлежало решать. Например, Латышский отдел в 1918 г. составлял списки заложников-контрреволюционеров, а Польский отдел наблюдал за соблюдением поляками — гражданами РСФСР декретов Советской власти. Правда, в то же время он брался ограждать их от незаконных действий властей⁵³.

В условиях нарастания классовой борьбы далеко не все представители новой власти считали необходимым привлечение старых специалистов. Располагая мощными административными рычагами, руководители национальных отделов своей прямолинейностью и необдуманно действовали нередко отталкивали представителей интеллигенции, мешали им вести просветительную и благотворительную работу, опасаясь чуждого идеологического влияния.

Ликвидировав целый ряд общественных организаций, национальные отделы не смогли заполнить создавшийся вакуум, поскольку не располагали ни материальными возможностями, ни достаточно квалифицированными силами. Отсутствие в составе Комиссариата по делам национальностей достаточного числа образованных людей, способных вести культурно-просветительную работу, отрицательно сказывалось на их деятельности и могло послужить причиной ликвидации национального отдела, как это случилось, например, с Украинским отделом, закрытым 22 ноября 1918 г., когда выяснилось, что свои задачи по отправке беженцев он выполнил, а людьми, которые могли бы вести культурно-просветительную работу, не располагает⁵⁴.

До принятия в июле 1918 г. Конституции РСФСР правовая основа существования различных национальных общественных организаций была весьма зыбкой и во многом зависела от отношения к ним Комиссариата по делам национальностей, лишь после 1918 г. регистрация и разрешение на открытие обществ переходит к Отделу управления Петрогубисполкома. Свидетельством нового положения обществ стали реестры их регистрации Отделом управления, хранящиеся в ЦГАОР Ленинграда.

Национальные отделы в первый период своего существования, конечно, не могли решить все поставленные перед ними проблемы. Хотя в положении о Петроградском губернском отделе по делам национальностей специально оговаривалось, что отдел «производит обследование фактического положения на местах среди компактных масс нерусского языка», следов таких обследований обнаружить не удалось. Исключение составляет Финский отдел, который в 1920 г. провел исследование мест проживания финских племен на территории России, их численности, языков и образа жизни. Материалы предполагалось обработать и опубликовать на финском и русском языках⁵⁵.

Необходимо особо подчеркнуть, что уже в то время советские органы пытались наладить и организовать работу среди национальных меньшинств в русском городе, учитывая их интересы и запросы, но эта работа сдерживалась условиями разрухи и гражданской войны.

В заключение хотелось отметить, что мы обращаемся к тем, казалось бы, далеким событиям не только ради удовлетворения своего любопытства, а для того, чтобы извлечь урок на сегодняшний день. Ведь в определенной мере ситуация тех лет напоминает современное положение, когда имеется насущная необходимость налаживать совместную работу советских органов с существующими и возникающими общественными и неформальными организациями.

Отмечая положительные черты деятельности национальных отделов, нельзя не подчеркнуть, что в те годы им удалось быстро завершить организационный период, закрепить структуру отделов и довольно разветвленную подведомственную сеть в виде школ, детских домов, клубов, театральных студий и т. д.

Правильно было бы сосредоточиться на осуществлении многообразных задач в области народного просвещения с использованием разнообразных методов, рассчитанных на различные слои национальных меньшинств и на различный уровень их образования.

В 1918—1921 гг. государственные органы в лице национальных отделов впервые осуществляли разнообразную идеологическую и просветительную работу среди беднейших слоев различных национальных групп в Петрограде. Необходимо подчеркнуть, что вся культурно-просветительная работа велась бесплатно, без вступительных взносов и без разного рода цензовых ограничений.

Вместе с тем, стремясь немедленно вывести трудящихся национальных меньшинств из-под буржуазного и религиозного влияния, руководители отделов допускали принуждение и администрирование. Их оценка ранее существовавших культурно-просветительных и благотворительных общественных организаций как потенциально контрреволюционных, хотя последние и не выходили из рамок законности, была ошибочной и имела далеко идущие негативные последствия, такие как отказ от использования и так немногочисленной старой интеллигенции, немотивированное закрытие различных обществ и организаций, которые вполне могли бы внести свою лепту в дело развития национальных меньшинств.

Однако в целом деятельность национальных отделов и сети их организаций следует оценить положительно. Своей повседневной работой в самой гуще различных национальных групп, многие представители которых, не зная русского языка, плохо ориентировались в окружающей обстановке, отделы дали толчок к развитию самосознания национальных меньшинств, к овладению ими новой идеологией, к приобщению к собственной культуре и культуре других народов, в том числе к русской культуре, что облегчало малым народам вступление в новое общество.

Таблица 2

Сведения о национальных обществах Петрограда в 1918—1921 гг.*

Общество	Дата образования	Дата закрытия	К-во членов	Адрес	Цель, задачи
1	2	3	4	5	6
Общество вспомоществования бедным семьям армян	14.01.1918		58	Спасская ул. д. 15	Помощь бедным армянам
Петроградский армянский кружок		19.06.1918			Обычный буржуазный клуб для совместного время препровождения
Армянское общество изящных искусств	[1918]				
Петербургский армянский совет		Ранее августа 1918 г.			
Культурно-просветительный клуб «Белорусская хатка»	[23.02.1920 г.]			Театральная пл. д. 1—3	Подготовка пролетариата для культурной работы в Белоруссии
Общество любителей Белорусского народного искусства	[1918 г.]			Петергофское шоссе, д. 26 (бывший трактир «Лондон»)	
Гродненский центральный комитет объединенных общественных организаций		Июль 1918 г.			

Общество	Дата образования	Дата закрытия	К-во членов	Адрес	Цель, задачи
1	2	3	4	5	6

Белорусское общество в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны					
Союз граждан Гродненской губернии					
Грузинский национальный комитет	[12.12. 1917 г.]			Сергиевская ул., д. 23	Национальное объединение проживающих в Петрограде и его окрестностях грузин на почве правовых и экономических интересов
Общество для содействия обучению детей бедных евреев ремеслу «Честный труженик»	[20.01. 1920 г.]			Гагаринская ул., д. 34, кв. 3	Содействие обучению детей бедных евреев обоюго пола ремеслу
Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев	[1918 г.]				Распространение среди евреев ремесел и земледельческих знаний
Еврейское общество поощрения художеств	[1918 г.]			Невский, д. 95-7	
Общество «Гатхио» («Гатхия»)	25.10.1918 г.			Лиговская, д. 47	Общество изучения еврейской истории и культуры
Общество Палестинской трудовой кооперации	[9.12.1919 г.]			Средний пр. д. 25	Содействие материальному и духовному благосостоянию членов общества, их объединение, содействие иудеям, желающим переселиться в Палестину
Петроградское учительское общество	[23.02. 1920 г.]			Загородный пр., д. 23	Защита профессиональных, материальных, правовых и культурных интересов, забота о правильной организации еврейских учебных заведений
Еврейское литературно-научное общество	[1918 г.]				
Петроградская еврейская община		13.12.1918			
Общество по распространению просвещения между евреями в России	2.10.1863 г.	Не ранее 15.12.1921 г.			Распространение просвещения среди евреев в России, поощрение литературы (библиотеки), курсы «общественного образования учителей» и т. д.
Петроградский клуб «Гехолуц»	[15.12. 1918 г.]			Б. Казачий пер. д. 13, кв. 13	Содействие лицам, желающим переселиться в Палестину для трудовой жизни
Еврейский комитет помощи жертвам войны и погромов	[20.01. 1920 г.]			Офицерская ул., д. 60	Продолжение деятельности действовавшей до революции 1917 г. Еврейского комитета помощи жертвам войны и оказание помощи потерпевшим от войн и погромов

Общество	Дата образования	Дата закрытия	К-во членов	Адрес	Цель, задачи
1	2	3	4	5	6
Общество охранения здоровья еврейского населения	1912 г.	1921 г.	328	Никольская, д. 29, кв. 12 (Колокольная, д. 9, кв. 15)	Изучение санитарно-гигиенических условий жизни евреев, распространение среди них правильных гигиенических сведений, чтобы способствовать научной постановке общественно-врачебного дела
Еврейское историко-этнографическое общество	17.09 1918 г.			В. О., 5 линия, д. 50	Изучение и исследование всех областей еврейской исторической и этнографической науки
Общество еврейской народной музыки	[24.09. 1919 г.]			9-я Рождественская, д. 9, кв. 22	Содействие изучению и развитию еврейской народной музыки путем собирания образцов народного творчества, художественной обработки их и распространения в обществе, а также оказание поддержки еврейским композиторам и другим музыкальным деятелям
Комиссия по исследованию истории евреев в России	1919 г.			Пушкинская ул., д. 4, кв. 14	Изучение на основании архивных данных и других первоисточников истории евреев в России
Еврейское благотворительное общество	[6.08.1919 г.]			Троицкая, д. 23, кв. 78	Оказание помощи нищему населению • Петрограда (беспроцентные ссуды, еврейские кошерные столовые, детские приюты и т. д.)
Еврейское общество взаимопомощи	[13.08. 1919 г.]				Духовная и материальная помощь своим членам и их семьям, для чего устраивать производительские и потребительские кооперативы, организация взаимной трудовой помощи и пр.
Еврейское литературно-художественное общество				Эртелев пер., д. 5	Содействие изучению и развитию литературы на разговорно-еврейском языке и еврейского театра
Карельское студенческое землячество					Объединение студентов, уроженцев Карельской трудовой коммуны, в целях содействия культурной и материальной взаимопомощи
Корейский национальный комитет в России	9.12.1918 г.			Пушкинская ул., д. 17, кв. 19	Объединение трудящихся масс Корей в единую семью с трудящимися классами Европы и Азии

Общество	Дата образования	Дата закрытия	К-во членов	Адрес	Цель, задачи
1	2	3	4	5	6

Латышский клуб Московско-Заставского района Союз самоопределения Латвии	[1921 г.]	Не ранее 1.06.1918 г.		Забалканский пер., д. 35, кв. 11 (В. О., Средний пр., д. 34)	Пропаганда идей самоопределения Латвии
Латышское общество «Культура» Буржуазное латышское благотворительное певческое общество Латгальский центральный клуб «Винниба» Литовский рабочий клуб «Пролеткульт»	Ранее 1917 г. [24.12. 1918 г.]			ул. Глинки, д. 6, кв. 1 Садовая ул. д. 14	Просветительское Сближение рабочего класса, ознакомление с идеями социализма, культурное развитие
Мусульманское общество при Петроградской соборной мечети	[1919 г.]				Объединение проживающих в Петрограде и его окрестностях граждан-мусульман с целью их культурного развития для распространения среди них «принципов Советской власти в соответствии с учением ислама»
Мусульманский военный совет Петроградского военного округа Мусульманская община в Петрограде	 [14.11. 1919 г.]	[15.06. 1918 г.]	390	Б. Московская, д. 6, кв. 3	Содействовать своим членам в культурном развитии, защите их прав и законных интересов, представлять за членов общества перед учреждениями и должностными лицами
Петроградский немецкий союз (Петроградский союз российских граждан немецкой национальности)	[9.10.1918 г.]			Невский пр., д. 13Ф	Объединение всех лиц немецкой национальности в Петрограде и его окрестностях на почве культурно-просветительных интересов
Центральное общество немецких колонистов	[23.02. 1920 г.]			Комиссаровская, д. 41, кв. 33	Объединение и представительство немецких колонистов Петроградской губернии
Польское общество ревнителей истории и литературы Петроградский кружок Варшавского общества охраны древностей	[1918 г.] [1918 г.]		605	В. О., 1-я линия, д. 52, в 1918 г. Сергиевская, д. 7 в 1919 г.	Охрана древностей от порчи и истребления и их научная разработка, в особенности тех, которые находятся в пределах Царства Польского

Общество	Дата образования	Дата закрытия	К-во членов	Адрес	Цель, задачи
1	2	3	4	5	6
Северное общество украинских граждан	[13.08. 1919 г.]		210	В. О., 1-я линия, д. 32, кв. 3	Объединение украинских граждан, проживающих в Петрограде и окрестностях на почве удовлетворения их материальных и культурных потребностей
Финское общество образования «Светоч»	[30.01. 1920 г.]			ул. Желябова, д. 6/8, кв. 32	Содействие образованию среди финского населения Петрограда и губернии
Эстонский спортивный клуб «Калев»	[20.01. 1920 г.]			Офицерская ул., д. 1	Предоставление своим членам возможности заниматься всякого рода физическими упражнениями
Эстонский комитет	Ранее 11.1917 г.	9.08.1918 г.			Для сношения с оккупированными территориями в случае занятия Эстляндии германскими войсками

* Авторы не ставили своей целью установить точное время возникновения того или иного общества. Наша задача — зафиксировать наличие обществ в изучаемый период, указать дату его регистрации (в квадратных скобках) или дату создания, если она известна.

Источник: ЦГАОРЛ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 7, Л. 4—4 об., 6—7 об., 19—19 об.; Д. 17. Л. 9, 12, 27, 39, 103—105; Д. 21. Л. 13, 26 об., 38; Д. 24. Л. 152; Д. 29. Л. 255; Д. 54. Л. 8—9; Д. 56, Л. 340—342; Оп. 2. Д. 33. Л. 2; Д. 52. Л. 3; Ф. 1001. Оп. 6. Д. 4. Л. 3—4; Д. 14. Л. 5—7; Д. 24г. Л. 1—46; Д. 24Е. Л. 7—11; Д. 112. Л. 15; Оп. 9. Д. 1. Л. 2 об.—3, 7 об.—8, 14 об.—16, 31 об.—32, 42 об.—43, 49 об.—50, 52 об.—53, 56 об.—57, 63 об.—64, 68—69 об., 82 об.—83, 97 об.—98, 101 об.—107; Ф. 2555. Оп. 1. Д. 18. Л. 4—21; Д. 259. Л. 4—4 об.; Д. 363. Л. 1—2.

Примечания

¹ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1964. Т. IV; Потехин М. Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Ч. II. Л., 1968; Кулышев Ю. С., Носач В. И. Партийная организация и рабочие Петрограда в годы гражданской войны. Л., 1971; Хмелевский В. П. Северный областной комитет РКП(б). Л., 1972, и др.

² Декреты Советской власти. М., 1959. Т. I. С. 21.

³ Там же. С. 367, 371, 460—461.

⁴ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда (ЦГАОРЛ). Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.

⁵ ЦГАОРЛ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 24. Л. 20—33.

⁶ Там же. Д. 21. Л. 16 об.

⁷ Северная Коммуна. 1918. 25 октября.

⁸ ЦГАОРЛ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 159. Л. 34.

⁹ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 49. Л. 6 об.

¹⁰ Там же. Д. 24. Л. 217 об.

¹¹ Северная коммуна. 1919. 25 февраля.

¹² ЦГАОРЛ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 24. Л. 217 об., Д. 54. Л. 19 об.

¹³ Там же. Д. 24. Л. 3.

¹⁴ Там же. Д. 58. Л. 23.

¹⁵ Там же. Д. 65. Л. 100.

¹⁶ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 95. Л. 7.

¹⁷ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 24. Л. 218 об.—219; Д. 54. Л. 8—9; Д. 100, Л. 57.

¹⁸ Там же. Д. 24. Л. 218 об.; Д. 44. Л. 18.

¹⁹ Там же. Д. 10. Л. 41.

²⁰ Там же. Л. 71—74.

²¹ Там же. Д. 54. Л. 8—9; Д. 58. Л. 94 об.

²² Там же. Д. 76. Л. 239—241.

²³ Там же. Д. 19. Л. 27—28.

²⁴ Там же. Д. 54. Л. 8—9; Ф. 75. Оп. 2. Д. 41. Л. 1.

²⁵ ЦГАОРЛ. Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 120.

- ²⁶ Там же. Д. 16. Л. 164; Д. 24. Л. 219; Д. 54. Л. 8—9; Д. 58, Л. 112.
- ²⁷ Газеты СССР 1917—1960. Библиографический справочник. М., 1970. Т. 1. С. 40.
- ²⁸ ЦГАОРЛ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 54. Л. 8—9; Д. 292. Л. 31.
- ²⁹ Там же. Д. 197. Л. 26.
- ³⁰ Там же. Д. 24. Л. 218 об.; Ф. 75. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.
- ³¹ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 84.
- ³² Там же. Д. 100. Л. 72.
- ³³ ЦГАОРЛ. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 560. Л. 116.
- ³⁴ Там же. Ф. 75. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 296. Л. 29.
- ³⁶ Там же. Ф. 2552. Оп. 559. Л. 7—8.
- ³⁷ Там же. Д. 805. Л. 2.
- ³⁸ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 10. Л. 80.
- ³⁹ Там же. Л. 88.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 921. Л. 2.
- ⁴¹ Там же. Оп. 1. Д. 557. Л. 18—19.
- ⁴² Там же. Оп. 1. Д. 937. Л. 10.
- ⁴³ Там же. Д. 936. Л. 218.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58, Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Д. 7. Л. 27.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6—7 об.
- ⁴⁷ Там же. Д. 17. Л. 9.
- ⁴⁸ Там же. Д. 7. Л. 1—1 об.
- ⁴⁹ Там же. Д. 10. Л. 133—134.
- ⁵⁰ Там же. Д. 10. Л. 44—44 об.; Д. 17. Л. 39; Д. 21. Л. 13 об.; Д. 29. Л. 255.
- ⁵¹ Там же. Д. 7. Л. 19—19 об., 21—22.
- ⁵² Там же. Д. 10. Л. 14.
- ⁵³ Там же. Д. 24. Л. 219; Д. 58. Л. 84—85.
- ⁵⁴ Там же. Л. 10. Л. 129—129 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 58. Л. 94 об.

© 1990 г.

Ш. Д. Инал-ипа

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АБХАЗИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Абхазия в первой половине XIX в. делилась на две части — «внутреннюю» и «внешнюю»¹. Внутренняя Абхазия — территория между реками Бзыбь и Ингури, на которую распространялась власть владетельного князя². Внешнюю Абхазию составляли Садзен, или Джигети (район Гагра—Сочи) а также многочисленные горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Дал, Цабал (Цебельда) и др.³. Иными словами, этнические границы были значительно шире политических.

Население Абхазии от р. Ингури на юго-востоке до р. Хоста на северо-западе в течение всей первой половины XIX в. было в основном еще мононациональным — абхазским⁴. По-прежнему оно находилось в окружении и теснейшем взаимодействии с этнически родственными и неродственными соседними народами — абазинским, убыхским, адыгскими (черкесскими), картвельскими, отчасти тюркскими (карачаевцы) и др. Это обстоятельство являлось постоянным фактором, определяющим во многом особенности этнической и культурной истории абхазского народа. Причем этнокультурные процессы на стыке двух и более групп носили, как и везде, сложный характер, протекая с различной степенью интенсивности в зависимости от социально-экономических политических и других причин.

Действительно ли в начале XIX в. этническая граница между абхазами и грузинами (мегрелами) проходила по р. Ингури?

В турецких исторических источниках позднего средневековья неоднократно

указывается, что граница между абхазами, с одной стороны, и грузинами (мегрелами) — с другой, проходила в начале XVIII в. по линии крепостей Анаклия и Рухи⁵, т. е. в нижнем течении р. Ингури. Но впоследствии сама река стала стабильной границей между Абхазией и Мегрелией. Известный грузинский ученый XVIII в. Вахушти писал о походах против Мегрелии абхазского владетеля Шараха (Сореха) Шервашидзе следующее: «И было в Одиши большое несчастье, как описали выше, и главным образом от абхазцев, так как, приходя на лодках и сушею, уводили в плен людей, завоевали всю территорию до реки Егриси и поселили там абхазцев»⁶. Преемник Сореха — Келешбей Шервашидзе также силой овладел Анаклией⁷.

Немецкий ученый и путешественник Якоб Рейнеггс, в 1780-х годах живший в Грузии, имел возможность хорошо изучить местное население. Он побывал и в Абхазии, в частности в Пицунде (Безонта), Лыхнах (Суппу). Анакопии (Анакуфа), Сухуми (Сагхуми), Анаклии (Анаклея). Для нашей темы особое значение имеет свидетельство Рейнеггса о северо-западных и юго-восточных пределах распространения абхазов в середине 80-х годов XVIII в.⁸ Он называет почти все народы и этнические группы, в непосредственном окружении которых находилась в то время Абхазия: адыгов-шапсугов, абазин, грузин-мегрелов и сванов (не названы только убыхи).

Свое описание Абхазии Рейнеггс начинает со свидетельства, что «Безонта и вся юго-западная полоса Гордийских гор принадлежит сильному, боевому древнему народу, который называет себя Абхаз (Абгас), а свою страну Аваза». Она граничит, продолжает он, «на северо-востоке с Соани (Сванети — Ш. И.), на юго-востоке с рекой Энгури и владениями Мингрелии», а вместе с тем отмечает и «большую абхазскую деревню, лежащую... у реки Энгури» под названием *Куг* (Kugh). Рейнеггс указывает также на «город, а около него крепость Анаклею...»⁹. Это резиденция абхазского князя Левана Сервазитсе (заметим кстати, что название Анаклея происходит от абхазского «Акра» — маяк, мыс, мегрельская форма — Анаркия, Анаклия).

Таким образом, на основании этого описания и других источников можно заключить, что в конце XVIII в. юго-восточная этническая граница абхазов, как и политическая граница их княжества, находилась в нижнем течении р. Ингури, в устье которой был расположен абхазский город-крепость Акра (Анаклия). Такая ситуация в основном сохранялась здесь и в течение всей первой половины XIX в., при слабо выраженных еще абхазо-грузинских ассимиляционных процессах.

В изменениях этнической ситуации, которые происходили в «стране Самурзакани» (совр. Гальский р-н), особая роль принадлежит массовому переселению сюда жителей Западной Грузии (главным образом из Мегрелии). Побудительными причинами этой миграции являлись социально-экономические и политические факторы, в том числе классовая борьба, бегство крестьян от тяжелой феодальной эксплуатации (крепостное право в Мегрелии было отменено в 1866 г.), малоземелье, малое плодородие почвы при относительно большой густоте населения, продажа крестьян и захват пленных абхазскими феодалами во время набегов. Последние были заинтересованы в привлечении арендаторов, поскольку абхазские крестьяне считали наемный труд позорным. Немалую роль в миграциях играл обычай мести. Недовольные и преследуемые крестьяне бежали и за пределы Абхазии, главным образом в Мегрелию и на Северный Кавказ. Но самыми массовыми и постоянными были миграции мегрельских крестьян, оседавших в основном в соседней Самурзакани и других частях Южной Абхазии. Демографические и этнокультурные последствия таких переселений были огромны, поскольку они способствовали не только этническому взаимопроникновению, но и сильным процессам ассимиляции. Подобные миграции, как сказано, возникали под действием самых разнообразных факторов, в том числе голода, массовых эпидемий. В 1811 г., например в Имеретии, Мегрелии и Гурии вспыхнула эпидемия чумы, продолжавшаяся около двух лет

и унесшая массу жизней. Начался небывалый голод. Спасаясь от бедствия, пишет очевидец Ник. Дадияни, «многие ушли в Абхазию, так как в Абхазии в том году не было ни голода, ни повальной той болезни»¹⁰.

Во многом эти переселения основывались на традиционном обычно-правовом институте гостеприимства (абх.— асасство) — обычае, при котором в дореформенное время крестьяне могли переселяться из одной общины в другую, переходить от одного феодала к другому. Обычай асасства официально сохранялся до 1869 г. Фактически же некоторые его нормы как существенный элемент традиционного быта абхазов продолжали действовать и позже, вплоть до первых лет Советской власти. По традиции любой гость считался лицом неприкосновенным, ему оказывали помощь и разные знаки внимания, защищали от преследования врагов, принимали в свою общину или братство и т. д. В наиболее благоприятном положении и в безопасности считался гость в доме владетеля или членов его рода. Например, известный абхазский этнограф XIX в. Соломон Званба, несмотря на свое дворянское происхождение, был в свое время «простым асасом» в имении князя Дмитрия Шервашидзе и получил от последнего право на земли Цхубена (Дранда)¹¹.

Попытки царской администрации пресечь или хотя бы сократить число переселенцев, направлявшихся из соседней Мегрелии, не имели успеха, и их наплыв «год от года усиливался»¹², особенно в 1860—1880-е годы, т. е. в период махаджирства — массового насильственного выселения абхазов в пределы Османской империи. При этом следует отметить почти нулевой отток жителей Самурзакани за ее пределы. К началу XX в. согласно документальным данным в Самурзакани насчитывалось уже 5,3 тыс. мегрелов (около 13%). Но основную долю в местном населении (36,2 тыс. чел. св. 80%)¹³ составляли «самурзаканцы», этническое состояние которых нельзя определить однозначно.

В этнической ситуации, возникшей в Самурзакани, развитие абхазского языка и культуры на протяжении всего XIX в. происходило по-разному. Вплоть до 80-х годов XIX в. они продолжали доминировать почти на всей территории Самурзакани, что подтверждается свидетельствами многих бытописателей того времени. В начале XIX в. Н. Дадияни по заданию царской администрации принимал активное участие в военных действиях на стороне абхазских владетелей Сафарбея и Дмитрия Шервашидзе против османского ставленника, отцеубийцы Асланбея Шервашидзе, за что ему был пожалован чин генерал-майора. Он принадлежал к мегрельской владетельной фамилии, прекрасно знал мегрельский и грузинский языки. Но, как об этом пишет он сам, в Абхазии ему понадобился переводчик, которым стал сопровождавший его самурзаканский князь Темурква Анчабадзе. Н. Дадияни, образованный офицер, естественно, не нуждался ни в русском, ни в грузинском переводчиках. Поэтому услуги Темурквы Анчабадзе как переводчика заключались лишь в переводе с абхазского и на абхазский язык¹⁴. Следовательно, самурзаканский князь Анчабадзе с традиционным абхазским именем Темурква должен был хорошо знать свой родной абхазский язык. Но он не мог бы так свободно владеть им, если бы с детства его окружение, — а Анчабадзе жили вблизи правого устья р. Ингури, — не было бы абхазским.

Более того, абхазский язык имел определенное распространение и среди привилегированной части западногрузинского населения, пограничного с абхазами (мегрельского, сванского и др.). Так, в 30-х годах XIX в. английский путешественник Э. Спенсер посетил Пицунду, Сухуми, Анаклию. О пребывании в Анаклии он, в частности, писал: «Известно, что мегрельские крестьяне и говорящие на черкесском диалекте, которым пользуются лишь князья и дворяне претендующие на общее происхождение с ... черкесами... Достоверность этого факта была подтверждена русскими офицерами... от которых мы узнали много подробностей... и которые охарактеризовали знать Мегрелии ... как резко отличающуюся от зависимых сословий...»¹⁵. Нет, по-моему, сомнения в том, что под «черкесами» английский автор подразумевает абхазов, а не

адыгов (черкесов), поскольку мегрелы никогда не граничили с «черкесами», напротив, их разделяли горы и большие расстояния, что исключало возможность непосредственных контактов — необходимого условия знания одним народом языка другого.

Известный французский востоковед Мари Броссе, основатель европейского грузиноведения, в середине XIX в. путешествовал по Кавказу, в том числе по Мегрелии и Абхазии. Он посетил, в частности, Окум, «главный город Самурзакано» и «Бедию, резиденцию князя Хутуны Шарвашидзе». Весной 1848 г., описывая свои впечатления о пасхальных торжествах в резиденции мегрельского владетельного князя Дадияни, он обратил внимание на то, что «церковь в Зугдиди заполнили съехавшиеся со ста верст в округе верующие. В толпе можно было видеть абхазцев-христиан, которых легко распознать по их бритым головам и белому башлыку, положенному на плечо; мингрельцев и имеретин, преимущественно одетых в русскую военную форму с красным воротником»¹⁶. Упоминаемые здесь люди с бритыми головами и накинутыми на плечо башлыками были представителями абхазской знати, приехавшей в гости к мегрельскому владетелю прежде всего из близлежащих самурзаканских селений.

С выселения части абхазов (60—70-е годы XIX в.) в Османскую империю, когда сфера распространения абхазской культуры на северо-запад от Ингури резко сократилась, в Самурзакани все-таки абхазским языком продолжали по традиции пользоваться еще довольно широко, особенно мужчины в общественных местах, хотя население этой области было уже этнически смешанным — абхазо-мегрельским. Между реками Охурей и Галидзга абхазский язык был, по словам одного наблюдателя, «языком не только общества, но и семьи»¹⁷. А. Цагарели, сведения которого из наиболее достоверных, в 1877 г. сообщал: «В Самурзакане у жителей мингрельский язык хоть и считается родным — женщины и дети говорят на нем, — но мужчины говорят и по-абхазски»¹⁸. В 1893 г. другой тонкий наблюдатель абхазского быта Н. Альбов писал, что на крайнем юго-востоке от Окуми, в общинах Саберио, Дихазурга, Чубурисхинджи и др., «господствующим языком является мингрельский, хотя старики рассказывали мне, что в старину здесь говорили больше по-абхазски». Тут же Н. Альбов отмечает, что названия гор и речек в Самурзакани «почти исключительно абхазские», «некоторые молитвы читаются по-абхазски» и что, наконец, «господствующие обычаи, и на первом плане обычай гостеприимства, — строго абхазские». Автор приходит к выводу: *«Большинство данных говорит за то, что самурзаканцы скорее происхождения абхазского и что мингрельский элемент явился сюда лишь в сравнительно недавнее время* (курсив мой. — Ш. И.)¹⁹.

К концу XIX в. процессы этнической ассимиляции самурзаканских абхазов усилились. Этому способствовали значительно усилившиеся миграции мегрелов, большая близость культур абхазов и мегрелов, а также часто заключавшиеся браки, главным образом между мегрелками и абхазами, реже — между абхазами и мегрелами²⁰. В конце XIX в. самурзаканцы этнически представляли две группы. В 1896 г., по сообщению В. Т. Маевского, самурзаканцы, ближайшие к Зугдидскому уезду, говорили по-мегрельски, другие, ближайшие к р. Охурей, — по-абхазски²¹. Даже в начале XX в. К. Ф. Ган, также побывавший здесь, отмечал: «Если же в Самурзакане большинство дворянских семейств говорит на абхазском языке, и если этот язык в домашнем обиходе сохранился до сих пор в разных селениях этой страны, как, например, в селах Эшкетах, Бедиа, Гали, Окуми и т. д.; если имена многих фамилий, как Шервашидзе, Маргани, Маршани, Сванбай, Лакербай, Эмухвари и др. те же, как у настоящих абхазцев; если брак считающийся у мингрельцев действительным только после благословения священника, у самурзаканцев не требует церковного благословения; если при том тут сохранилось много чисто абхазских обычаев, то „старый самурзаканец“ все-таки, в конце концов, вправе причислить своих земляков к абхазцам»²².

Таким образом, в последней четверти XIX в. в этническом плане Самурзакань представляла сложную картину. Здесь жили абхазы и мегрелы, находившиеся в процессе постоянного этнокультурного взаимовлияния, имелись группы и даже целые селения, общины абхазов, утративших родной язык и полностью или частично перешедших на мегрельский. Некоторые села и общины сохранили абхазский язык и свое самосознание. Но вообще не исключено, что этническое самосознание населения Самурзакани в этот период было сложным и вполне отражало те этнические процессы, которые происходили здесь в течение многих десятилетий. Последние отразились и в названии «самурзаканцы», принятом во всех официальных статистических материалах второй половины XIX в. Так, в посемейных списках 1886 г. в Самурзаканском участке Сухумского округа основное население составляли «самурзаканцы» — 29,5 тыс. чел., здесь жили также мегрелы (около 1 тыс.). Кроме них к этому времени в участке поселились греки (2 тыс.), армяне (1 тыс.), эстонцы (0,6 тыс. человек)²³.

В настоящее время только в нескольких селениях бывшей Самурзакани (Чхортоли, Бедия, Окуми Гальского района) частично сохраняется знание абхазского языка или абхазо-мегрельское двуязычие и осознание своей абхазской этнической принадлежности. Почти все остальное население считает себя грузинами (мегрелами)²⁴. В результате указанных миграционных процессов коренные самурзаканцы в основном утратили свой язык, соответственно изменилось их этническое самосознание. Но вместе с тем нельзя забывать (как это иногда бывает у некоторых исследователей), что абхазы были не только объектом, но и субъектом влияния, имевшего здесь, как и в любой другой контактной зоне двух этнических групп, двусторонний характер. В итоге такого интенсивного и продолжительного взаимодействия мы имеем на рассматриваемой территории весьма своеобразный локальный самурзаканский вариант абхазо-мегрельской народной культуры.

В верховьях Ингури обитали, как и сейчас, сваны, с которыми абхазы также поддерживали постоянные тесные контакты, нашедшие яркое отражение в этнографическом быту и духовной культуре каждого из этих народов. Во второй половине XIX в. часть сванов переселилась в верховья р. Кодор, где образовалась «Абхазская Сванетия». Ранее в этом высокогорном районе находилось общество Дал, которое до махаджирства населяли абхазы во главе с княжеским родом Маршан (сейчас здесь живут единичные семьи абхазов).

На северной стороне Главного Кавказского хребта, вблизи абхазской этнической границы, находились разбросанные в верховья Кубани и ее притоков поселения абазин, адыгов, карачаевцев. Еще Я. Рейнеггс писал об абазинах: «Однако народ, живущий на Кубани под именем Абазек, считает себя давней отделившейся колонией абхазов и называет эту страну Большая Аваза, а своему местожительству дает название Малая Аваза... Говорят оба народа Большой и Малой Авазы одним языком, лишь различными по диалектам, и имеют одинаковые обычаи»²⁵. Интересно, что часть абазин и жители аулов Апсуа, Старо- и Ново-Кувинское при общем названии «абаза» именуются также «апсуа», «апсуаква», т. е. самоназванием абхазов²⁶.

Не менее сложным были этническая ситуация и родоплеменный состав населения на северо-западных границах Абхазии. Здесь на небольшой территории в непосредственной близости друг от друга, веками жили четыре родственные между собой этнические группы — *абхазские* (садзы, или джигеты) *, составившие, по мнению некоторых ученых, «переход от абхазского племени к убыхскому» до р. Хамыш (Хоста), *убыхские* (от Хосты до р. Буу), *адыгские* (шапсуги, абадзеи и др.) на северо-запад от убыхов, а в прошлом и *абазин*

* В современной советской историко-этнографической литературе известна и другая точка зрения, согласно которой абазин (садзы, джигеты), а также убыхи являются самостоятельными, хотя и близкими к абхазам этногенетически и в культурном отношении этносами. См., например: Генко А. Н. Абазинский язык М., 1955; Лавров Л. И. Абазин // Кавказский этнографический сборник. I. М., 1955; его же. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

остатки которых отмечались в верховьях Бзыби еще в первой половине XIX в. В результате постоянного взаимодействия этих групп, близости их языков и культур стали отчасти намечаться некоторые признаки образования своеобразной, теснейшим образом взаимосвязанной общности, некой этнолингвистической непрерывности в пределах определенного круга этнических единиц, которую условно можно назвать «абхазской».

Итак, начиная с юго-восточной стороны, этническая граница абхазов к середине XIX в. проходила по правобережью нижнего течения Ингури (хотя, как сказано, население здесь уже тогда было частично смешанным и шла ассимиляция самурзаканских абхазов мегрелами) и, продолжаясь по предгорьям Главного Кавказского хребта, выходила к бассейну р. Сочишта, где население было также этнически смешанным — абхазо- или садзо-убыхским. За пределами очерченного пространства, занятого абхазами, оставались разбросанные по верховьям Кубани и ее притоков поселения их ближайших соплеменников — северокавказских абазин, в языке которых, говоря словами Ф. Торнау, произошло лишь «слабое изменение, сравнительно с чистым абхазским языком, заметное, впрочем, только для привычного уха»²⁷.

Приведенные выше сведения дают основание для вывода о том, что к 60-м годам XIX в. вся территория Абхазии — от Хосты до Ингури — была почти сплошь населена собственно абхазскими этническими группами — садзами, бзыбцами, акапо-гумцами, абжуйцами и самурзаканцами, включая сюда и горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Дал, Цебельда и др. Численность этих групп не поддается точному определению²⁸. Кроме того, абхазский этнический элемент был представлен и на Северном Кавказе, если иметь в виду их ближайших сородичей — прикубанских абазин, а также в Аджарии, о чем будет сказано ниже.

Абхазы в целом не отличались миграционной активностью, если не считать исключительный случай махаджирства и более ранние переселения абазин на Северный Кавказ. Это не значит, конечно, что вообще не было никаких передвижений. Но передвижения происходили в основном в пределах своей этнической территории, а миграции за пределы страны были в целом крайне редкими и незначительными. Большую роль в сдерживании переселений абхазов играли семейно-родовые традиционные связи, религиозные и патриархальные отношения. Хотя, с другой стороны, тот же традиционализм, в особенности обычай кровной мести, нередко выступал причиной одиночных и даже групповых переселений. Такие факторы, как язык, быт, духовная и материальная культура, обычаи, привычки, навыки, одним словом, комплекс ценностей и ориентаций в общественной и бытовой сфере, обнимаемых термином «абхазство» (апсуара), были основными причинами традиционно малой миграционной активности абхазов. Но все-таки этого оказалось в дальнейшем недостаточно для сохранения их этнической монолитности в собственной стране. И волею неумолимых исторических судеб в течение короткого промежутка времени этническая территория Абхазии оказалась в корне перекроенной, причем прогрессирующие с каждым годом изменения происходили в ущерб интересам коренных жителей, которые полностью были отстранены от решения важнейших вопросов своей жизни.

Вообще в XIX в., особенно во второй его половине, сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца Российской империи в другой, население перемещивается, национальная обособленность ослабевает. На Западном Кавказе, в частности в Абхазии, такие миграционные потоки осложнились насильственным выселением многих десятков тысяч коренных жителей в султанскую Турцию. Махаджирство происходило несколькими этапами. Первая волна переселения имела место еще в 1840-х годах, вторая — в период Крымской войны (1853—1855 гг.), третья — в связи с упразднением ставшего уже ненужным царизму Абхазского владетельного княжества (1864 г.), четвертая — во время Лыхненского антиколонизального восстания 1866 г. и пятая, самая крупная — в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Так, поголовно были выселены убыхи, садзы — связующее этническое звено между абхазами и убыхами, многолюдные абхазские горные общества Аибга, Ахчипсы, Мдавей, Псху, Гума, Дал, Цебельда. Опустела вся Северо-Западная (от Бзыби до Хосты) и вся Средняя (совр. Сухумский и Гульрипшский районы) Абхазия, были выселены большинство бзыбских и в меньшей степени абжуйских сел и др. Картина была удручающей. «Куда же делись коренные жители этой страны?» — с возмущением восклицал грузинский общественный деятель Т. Сахокия в 1903 г.²⁹ По словам Н. Я. Марра, «Абхазия была обездолена в своей даже центральной этнографической части... Остались одни одичалые дворы с фруктовыми деревьями, ни души абхазской, ни звука абхазского»³⁰. Эмигрировало и много абазин, большей частью из племени ашхаруа (тамовцы, кизилбековцы, баговцы, большинство чегреев и мысылбаев). Другую часть абазин — тапантовцев переселение затронуло сравнительно в меньшей степени³¹. Всего же переселилось в Турцию, по примерным данным, около 100 тыс. человек абхазского этнического корня, включая и абазин³².

Небольшая часть абхазов-махаджиров обосновалась в районе Батуми, входившем до 1877 г. в состав Османской империи. Эти земли турецкое правительство с 1866 г. уступило в аренду абхазским эмигрантам, которые за это были обязаны платить мечети; постепенно абхазы образовали среди аджарцев несколько селений³³. Число абхазов, поселившихся к концу XIX в. в Батуми и его окрестностях (селения Ангиса, Кахабери, Минда, Махмудие, или Мнатоби, Ферия, Кведа, Самеба, Гонио, Челта, Урехи, Чарнали, а также в Кобулет, Пичвнари, Цихисдзири, Чаква и др.), составляло не менее 10 тыс. чел.

Махаджирство явилось одной из величайших, если не самой величайшей трагедией абхазского народа, одним из наиболее катастрофических конфликтов, когда-либо им пережитых, последствия которого дают о себе знать по сей день.

Махаджирское опустошение создало исключительно благоприятные условия для усиления колониционных процессов. С середины, а особенно с последней четверти XIX в. многонациональность населения Абхазии становится все более и более заметной. В ряд мест, главным образом в Сухуми, а также в другие прибрежные пункты — Акра (совр. Анаклия), Очамчира, Дранда, Келасури, Псырдзха (совр. Новый Афон), Гудаута, Пицунда, Гагра, Цандрипш и др. постоянно переселялись вначале не очень многочисленные иноэтнические группы — грузины (в основном мегрелы), русские, армяне, греки, эстонцы, турки, представители других народов.

На Красной Поляне, где в июле 1864 г. был отслужен молебен по случаю сдачи последних непокорных кавказских племен (ахчипсовцев и псхувцев) и окончания Кавказской войны, первые новые поселения появились уже в конце 1860-х годов³⁴, причем древнеабхазское название Губаадвы, отсюда Кбаада, было заменено царским фамильным именем — Романовск. Эти поселения представляли собой небольшие деревни греков и эстонцев³⁵ — едва ли не первые иноэтнические поселки здесь после махаджирства. К концу же века этническая картина стала значительно более сложной, особенно на побережье. Так, согласно А. Н. Дьячкову-Тарасову, описание которого относится к лету 1900 г., вблизи Адлера находилось большое село Молдаванка, а разноязычное население самого Адлера состояло из русских, турок, мегрелов, абхазов, персов, представителей других национальностей. Но эта «великолепная», по определению А. Дьяčkова-Тарасова, русская колониальная окраина³⁶ не составляла, конечно, исключение. Такая же картина наблюдалась и в ряде других мест (например, в Гагре).

Колонизация края, получившая широкое развитие с середины 60-х годов XIX в., была одним из самых существенных звеньев в цепи великодержавной политики царизма на Кавказе³⁷. Целью этой политики было не только экономическое освоение «освобожденных» от горцев земель, но также руссификация местных жителей и стремление иметь на побережье — от Анапы до Бзыби

и далее на юго-восток — вполне надежное в политическом отношении население, путем создания не только сельских гражданских, но и военных казачьих поселений. Колониальный земельный фонд составлялся из обширных конфискованных участков бывшего владельца и других абхазских феодалов, земель махаджирских эмигрантов (которым в случае возвращения на родину было запрещено селиться вблизи побережья), «казенных земель» крестьянских общин и других «свободных земель». Заселение происходило путем вызова переселенцев, отведения и продажи им государственных земель, которые к 1900 г. составляли более 480 тыс. десятин³⁸. Формы колонизации были разные: арендная, особенно поощрявшаяся абхазскими помещиками, «дворянская», курортная, монастырская, а с конца XIX в. и «пролетарская» и др. О колонизации В. И. Ленин писал: «Переселённый фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа „руссификации окраин“»³⁹.

Так, начиная с 30-х годов XIX в. и до начала XX в. в разных районах Абхазии были основаны десятки русских или смешанных по национальному составу поселений. Вот неполный перечень этих поселений⁴⁰, названных в большинстве своем по именам знатных особ, основателей поселков или по губерниям, откуда вышли иммигранты: Александровское, Алексеевское (Первое и Второе), Анастасьевское, Андреевское, Баклановское (Бакланка, Баклановка), Бамбора, Белоречёнский-поселок, Беслетская, Васильевка, Веселая и др. В с. Михайловское на Гумисте в 1881 г. поселились греки, в с. Мцара в 1892 г. обосновались армянские беженцы из Турции и т. д.

К 1900 г. таких селений было уже более 35. Некоторые из них влачили, правда, жалкое существование и вообще сошли на нет. Кроме того, страшным бичом для новопоселенцев являлась малярия, свирепствовавшая в тогдашней Абхазии. Это не относится к преуспевавшим богачам, которые селились в таких предгорных местах, как Цебельда, где, по сообщению Г. А. Рыбинского, на рубеже XIX—XX в. было 24 помещика, владевших 16 тыс. десятинами земли, из которых половина принадлежала графу Бобринскому.

Как мы видим, только на рубеже XIX—XX в. в Абхазии появился целый ряд русских поселений, которым были даны в большинстве случаев русские названия, а коренные абхазские наименования были преданы забвению⁴¹. Все эти малые и более значительные поселения и дачи создавались, как правило, на лучших местах курортной зоны в районе Сухуми, Гагры, Гудауты, Адлера, Цебельды и т. д.

Русским центром в Абхазии в 1860—1870 гг. был Сухум, населенный тогда почти исключительно русскими, но к концу века, в связи с созданием в 1874 г. Ново-Афонского монастыря, роль русского центра перешла к Новому Афону. «В монастыре,— читаем в книге „Абхазия и Ново-Афонский монастырь“,— живет 300 монашествующих, до 400 послушников и несколько сот рабочих. Это настоящий, чисто русский, православный культурный пункт, имеющий, кроме религиозного и экономического, и весьма важное политическое значение»⁴². Афонский монастырь получил 3278 десятин земли, а Моквский, основанный в 1885 г.— 300 десятин.

К концу XIX в. в Абхазии было создано еще до 20 новых поселений, где обосновались малоазийские (турецкие) армяне⁴³, греки⁴⁴, эстонцы⁴⁵, немцы⁴⁶. Так, в 1860-х годах в Цебельде обосновалось 70 греческих и 150 чешских семей⁴⁷.

В XIX в. в Абхазию было завезено несколько негритянских семей, немногочисленные и сильно ассимилированные потомки которых еще встречаются (или встречались до недавнего времени) в нескольких селениях Южной, а также Северной Абхазии (Адзюбжа, Киндги, Тамыш, Тхина, Река, Илори, Ачандара, Аацы и др.)⁴⁸. У старшего поколения этих жителей ярко были выражены негроидные расовые признаки: темный цвет кожи, крутые завитки черных волос, характерный рисунок губ и пр.⁴⁹.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. христианское население Малой Азии (армяне, греки, грузины и др.), рассчитывая на избавление от многовекового турецкого господства, приняло русских, по словам английской газеты «Дейли-Ньюс», «с распростертыми объятиями». Командующий корпусом царских войск Лорис-Меликов, учитывая страх христиан за свою судьбу в случае, если по заключению мира их интересы не будут учтены, считал необходимым переселение их в Россию для сохранения дружественного элемента на случай новой войны с турками, причем значительная их часть, главным образом армяне и греки, переселились в Абхазию⁵⁰.

Так постепенно маленькая Абхазия из страны моноэтнической превратилась в полиэтническую, одноцветная в основном этническая карта сменилась многоцветной, мозаичной. Например, в начале XX в. в окрестностях Сухуми, кроме единственного абхазского селения, уже было 26 общин переселенцев, из них 10 греческих, 6 русских, 5 мегрельских, 3 немецких, 3 эстонских, в Драндах поселились болгары⁵¹, в Эшерах и других местах — лазы.

Существенно менялась также доля абхазов в общей численности населения Абхазии. Если к середине XIX в. абхазы составляли подавляющее большинство населения страны, то к концу века в результате массовых миграций мегрелов и процессов этнической ассимиляции абхазов их было немногим более 55%. В 1897 г., по данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи, в Абхазии проживало 106,2 тыс. чел., из них абхазов — 58,7 тыс. (55,3%), грузин — 25,9 тыс. (24,4%), армян — 6,5 тыс. (6,1%), греков — 5,4 тыс. (5,0%), русских — 5,1 тыс. (4,8%), прочих — 4,5 тыс. (4,2%)⁵². Таким образом, абхазы еще составляли более половины населения Абхазии. Но вскоре эта демографическая ситуация стала меняться. По переписи 1959 г., абхазы находились уже на четвертом месте, составляя лишь 15,1% всего населения Абхазии. Несомненно, созданию такой демографической ситуации способствовала целенаправленная ассимиляторская политика, в частности переселенческая, осуществлявшаяся в Абхазии в период бериевщины. Наибольшую долю в населении республики составили грузины (39,1%), на втором месте оказались русские (21,4%), на третьем — армяне (15,9%)⁵³. Только за последние 30 лет наблюдается очень небольшое повышение доли абхазского населения — в настоящее время свыше 18%.

Подведем некоторые итоги. Коренное население Абхазии характеризуется слабым участием в межрегиональных миграционных обменах, что обусловлено главным образом этническими и социально-психологическими причинами. Традиционные социальные и этнографические особенности препятствовали длительному отрыву местных жителей от веками создававшейся привычной этносоциальной среды, адаптации их в инонациональной среде, что также служит косвенным, но существенным доказательством насильственного характера махаджирского выселения. Все это отражалось на тенденциях и динамике территориального перемещения местных жителей, которые оставались и наименее урбанизированной частью населения. Вместе с тем в XIX в., особенно в пореформенное время, после выселения абхазов небывалые масштабы принимают эмиграционные процессы. Главной особенностью и результатом таких процессов является непрерывное сокращение доли абхазов в Абхазии при одновременном резком увеличении иноэтнического элемента и почти полном отсутствии сколько-нибудь заметного миграционного оттока населения.

Конечно, человеческое бытие — это всегда общение и контакты. Они происходили везде и всегда, в том числе и в Абхазии XIX в., а тем более в нынешнюю эпоху НТР. Нет ни одного «чистого» народа. Бесперывное смешение и переkreщивание народов — один из важнейших законов внутринациональной эволюции. Процесс усиления интернационализации и ломки национальных перегородок, который мы сейчас наблюдаем, берет свое начало, как указал В. И. Ленин, в основном с рубежа XIX—XX вв.

Отметченную выше смешанность растущего народонаселения на ограниченной территории ⁵⁴ нельзя рассматривать вне зависимости от эпохи, изолированно от общего политического и социально-экономического развития страны. В частности, на изменение этнической ситуации в Абхазии не могли не оказывать свое влияние и такие факторы, как относительно быстрое развитие капиталистических отношений в пореформенный период (с 1871 г.), создание промышленных и торговых предприятий, оживление морского и других путей сообщения, строительство Черноморской шоссейной дороги (1892 г.), дачное и курортное строительство (Гагринская климатическая станция принца Ольденбургского, которому принадлежало здесь 14 500 дес. земли, санаторий «Гульрипш» крупнейшего русского лесопромышленника Н. Н. Смецкого, имение великого князя Александра Михайловича на Мачаре и др.), основание в 1874 г. большого Ново-Афонского монастыря на месте исчезнувшего с лица земли крупного абхазского селения Псырдзха, возникновение и рост городов (Сухум, объявленный городом в 1847 г., насчитывал в 1853 г. 300 жителей, а в 1893 г. — 7 тыс.) и др.

Абхазия на рубеже минувшего и нынешнего столетий являла собой пример поразительного сочетания разнообразных тенденций. С одной стороны, непрерывный приток групп различных национальностей способствовал, например, развитию некоторых форм хозяйства (табаководства, торговли, отдельных видов ремесленного производства и др.), росту культуры и просвещения, а также созданию кадров местного рабочего класса и интеллигенции и т. д. С другой стороны, мы видим ничем не прикрытую колонизацию края, проводимую царизмом в интересах военно-феодалного и буржуазно-помещичьего режима, хищническую эксплуатацию уникальных природных богатств, без ведома и участия коренных жителей, объявление последних (после махаджирства) «виновным населением», начало культурной нивелировки, ломку традиционных устоев под воздействием вездесущего «Бессердечного чистогана», образование необратимой смеси и пестроты этнического состава населения, уменьшение количества абхазов до крайне опасных размеров, поставившее абхазский народ перед угрозой полной ассимиляции.

Абхазия, где издавна сталкивались и перекрещивались исторические судьбы разных народов — абхазского, абазинского, убыхского, адыгейского, кабардинского, грузинского, а с начала XIX в. русского и других народов, где теперь бок о бок живут и трудятся представители около 100 национальностей, стала, особенно за последнее столетие, своего рода естественной лабораторией для изучения взаимодействия этносов, культур и языков. Вряд ли поэтому можно переоценить теоретическое и практическое значение комплексного исследования этнокультурных процессов, происходящих здесь в течение длительного времени. Но изучаются они у нас все еще слабо, несмотря на то что Абхазия представляет собой одну из «горячих точек» нашей страны в области национальных взаимоотношений, а национальная политика является в настоящее время самой актуальной и сложной политикой. Поэтому, на мой взгляд, назрел вопрос о создании (например, при Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР) хотя бы небольшой группы специалистов по вопросам истории и нынешнего состояния национальных отношений в Абхазии, в полном соответствии с духом и буквой решений XIX партийной конференции, записавшей в своей резолюции: «Современная национальная политика нуждается в глубокой научно-теоретической разработке. Это ответственный социальный заказ научным учреждениям и специалистам» ⁵⁵.

- ¹ Дадияни Ник. История Грузии. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК). 1902 Вып. 31. С. 99.
- ² Анталава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII вв. Сухуми, 1949. С. 9.
- ³ Шервашидзе Г. М., сын последнего владельца Абхазии, писал в 1910 г.: «Народ Па и Ахчипске ничего общего в своей политической жизни с Абхазией не имел и никогда в состав княжества Абхазского не входил, отторгнутый от последнего не только исторически, но и естественными препятствиями» (*Шервашидзе Г.* Так пишется история // Закавказье. № 125). Сказано слишком безапелляционно. Ни о каком абсолютном «отторжении Малой Абхазии», куда входили названные общества, от «Большой Абхазии» не может быть и речи. Вспомним хотя бы периоды правления некоторых владетелей Абхазии XVIII—XIX вв. — Зураба, Келешбега и самого Михаила, отца автора приведенной цитаты. Абхазские владетели не только имели большое влияние на Джитетию, но последняя иногда даже входила в Абхазское княжество, хотя бы формально, как это имело место, например в 1841 г., вскоре после образования Джигетского (Садзского) приставства, причисленного к Абхазии (*Дзидзария Г. А.* Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958. С. 17—19). Но скоро приставство было вновь отторгнуто от страны и присоединено к Черноморской губернии. Вообще царское правительство по своему усмотрению неоднократно кромало и перекраивало административную карту Абхазии. Однако при всех этих изменениях основными частями страны оставались Бзыбь на северо-западе, Средняя Абхазия и Абжуа на юго-востоке.
- ⁴ Вопросы исторической и современной демографии Абхазии мало освещены в научной литературе — см. монографии *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми, 1965 и *Дзидзария Г. А.* Народное хозяйство...; его же. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, в каждой из которых специальные разделы посвящены населению. См. также *Соловьева Л. Т.* Роль миграционных процессов в этническом развитии Самурзакано // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. М., 1985.
- ⁵ Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII—XVIII вв.) (Турецкий текст с грузинским переводом). *Шенгелая Н. Н.* Тбилиси, 1982. С. 36, 37, 93, 99, 117, 147 и др.
- ⁶ Вахушти. История Грузии. Тифлис, 1913. С. 317. Ч. II. Мы еще мало, что знаем о роли миграций в этнокультурном развитии и политической жизни народов Кавказа, в том числе Абхазии, но отрицать значение переселений, особенно в определенные периоды истории нашего края, конечно, не приходится, что требует, однако, специального изучения.
- ⁷ Дадияни Ник. Указ. раб. С. 76.
- ⁸ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик. 1974. С. 209, 404.
- ⁹ *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Hildesheim und St. Petersburg, 1797. Th. II.
- ¹⁰ Дадияни Ник. Указ. раб. С. 89.
- ¹¹ Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // Сб. сведений о кавказских горах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 9.
- ¹² *Соловьева Л. Т.* Указ. раб. С. 103.
- ¹³ Там же. С. 52, 53.
- ¹⁴ Дадияни Ник. Указ. раб. С. 103.
- ¹⁵ *Spenser E.* Travels in Circassia, Krim-Tatari. L., 1839. P. 317—318.
- ¹⁶ *Буачидзе Г.* Мари Броссе. Страницы жизни. Тбилиси, 1983. С. 223—224.
- ¹⁷ *Цагарели Г.* Мингрельские этюды. СПб., 1880. Вып. 1. С. VII—VIII.
- ¹⁸ *Цагарели А.* Из поездки в Закавказский край летом 1877 года // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877. Вып. XI. С. 205, 210.
- ¹⁹ *Альбов Н.* Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. СПб., 1893. Вып. III. Год третий. С. 306.
- ²⁰ Аналогичная картина наблюдается у северокавказских абазин, которые в условиях чересполосного расселения и еще большей культурной близости с адыгами (черкесами) уже давно подвергаются ассимиляции со стороны последних.
- ²¹ *Маевский В. Т.* Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. Тифлис, 1896. С. 265.
- ²² *Ган К. Ф.* Поездка в Мегрелию, Самурзакань и Абхазию // Кавказский вестник. Тифлис 1902. № 4. С. 29; см. также *Джанашия Н. С.* Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. С. 41.
- ²³ Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
- ²⁴ *Соловьева Л. Т.* Указ. раб. С. 44, 53.
- ²⁵ *Reineggs J.* Op. cit. P. 4—13.
- ²⁶ *Генко А. Н.* Абазинский язык. М., 1955. С. 5—6 сл.
- ²⁷ *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. С. 113.
- ²⁸ Действительно, очень запутанны и противоречивы имеющиеся сведения о количестве населения Абхазии к середине XIX в. — от 30—35 и до 150 тыс. чел. и более. По-видимому, ближе всего к истине Ф. Торнау — около 140 тыс. и А. Берже — около 145 тыс. (вместе с садзанами и абазинами), хотя Г. А. Дзидзария склонен придерживаться цифры около 100 тыс. чел. (*Дзидзария Г. А.* Народное хозяйство... С. 24—25).

- ²⁹ Сахакия Т. Путешествия... Тбилиси, 1950. С. 296 (на груз. яз.).
- ³⁰ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938. С. 177.
- ³¹ Лавров Л. И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. I. С. 16.
- ³² Современный нам американский историк Э. Толедано, опираясь на секретные донесения английских консулов в Сухум-Кале и Керчи в 60-х годах XIX в., пишет: «В декабре 1863 года федерация племен Абаза слалась, и 150.000 из них было приказано покинуть Кавказ к следующей весне (курсив мой — Ш. И.). Четырьмя месяцами позже было побеждено последнее черкесское племя — убыхи». Автор далее указывает, что абхазские и убыхские земли, с которых были согнаны коренные жители, стали тут же заселяться азовскими казаками и всякого рода «заслуженными» царскими чиновниками (Толедано Эхуд Р. Османская работорговля и ее упадок. 1840—1890. Принстонский университет, Нью-Джерси. С. 149). Поскольку в приведенной здесь цитате убыхи упоминаются отдельно, то, само собою понятно, что под абазинами можно подразумевать только абхазов, так как собственно абазин в то время на побережье уже давно не было.
- ³³ Вольнский Л. В. История Батумского края // Батумское побережье. Батум, 1911. С. 37; Кольфоглу И. И. Древние известия о Батуме // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. 1905. Т. XXVIII. № 1. С. 46.
- ³⁴ Дьячков-Тарасов А. Н. Через перевалы Псеашха // СМОМПК. Вып. 31. 1903. С. 38—39.
- ³⁵ Тот же автор отмечает, что 20 эстонских семей поселились в 1860-х годах в с. Бурное, которое находилось в верховьях р. Лабы (Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. раб. С. 18).
- ³⁶ Там же. С. 43—48.
- ³⁷ Дзидзария Г. А. Махаджирство... С. 422, 423.
- ³⁸ Там же. С. 425, 428.
- ³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 330.
- ⁴⁰ Указанные кое-где в скобках сведения о времени основания отдельных населенных пунктов заимствованы в основном из книги Д. И. Исмаил-Заде «Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX — начало XX в.» М., 1982. см. также Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913.
- ⁴¹ Из числа населенных пунктов, в которых стали жить приезжие, местные названия сохранили всего лишь несколько: Адлер, Бамбора, Гудаута (с 1897 г. населенный пункт городского типа), Дранда и некоторые другие. Колонисты не только «беспощадно вырубали леса», но и «уничтожали прежние географические имена, и скоро Абхазия неузнаваема будет...», — писал К. Д. Мачавариани в своем «Путеводителе...» (С. 153, 346). Так, ничем не оправданная замена и ликвидация абхазских названий и вообще бесконечная топонимическая чехарда в Абхазии, принявшая широкий размах в период бериевщины, берет свое начало еще во второй половине XIX в., причем она была связана с политикой сначала русификации, а потом грузинизации края.
- ⁴² И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1899. С. 245.
- ⁴³ Атаря Армянская, Арагич и Лабра в Очамчирском районе, ряд армянских селений на территории современного Гулрыпшского района, Эшера Армянская в Сухумском районе, Анухва Армянская, Мцара, Каваклак (совр. Агараки) в Гудаутском районе и др.
- ⁴⁴ Большое греческое селение Михайловка, на месте бывшей абхазской общины Гума, с Ольгинское северо-восточнее Сухуми и др.
- ⁴⁵ Эстонка юго-восточнее Сухуми, на месте абхазского Даупкыт, или Дапукыт, на правом берегу нижнего течения Кодора, Сальме в верховьях Псоу и др.
- ⁴⁶ Поселки немецких колонистов Гнаденберг, Линдау и Найдорф были созданы в окрестностях Сухуми в 1879 г. (Дзидзария Г. А. Махаджирство... С. 430).
- ⁴⁷ Кавказ. 1866. № 76.
- ⁴⁸ Нелегкая судьба занесла их сюда. Вот что ответил старый адзюбжинский негр Ширин Абаш на вопрос о том, как они попали в Абхазию: «Еще в прошлом веке один купец, приобрета большую партию негров-рабов, привез их в Стамбул, а вскоре они были подарены русскому царю. Но в Петербурге мои соотечественники от непривычного климата стали болеть и умирать. Оставшихся в живых, среди которых был и мой прадед, царица подарила, как дарят котят, одному вельможе, имевшему поместье на теплом берегу Черного моря» (Счастье старого негра // Заря Востока. 17 августа 1958 г.).
- ⁴⁹ Неструх М. Ф. Человеческие расы. М., 1954. С. 54.
- ⁵⁰ Мезерлидзе Ш. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1879 гг. Батуми, 1955. С. 63.
- ⁵¹ Ган К. Ф. Указ. раб. С. 33.
- ⁵² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XVI. Кутаисская губерния. СПб., 1905. С. 244—253, 288—291.
- ⁵³ Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Тбилиси, 1967. С. 24.
- ⁵⁴ В 1959 году средняя плотность населения Абхазии доходила до 47 человек на 1 км², а в курортных зонах почти до уровня наиболее развитых стран Европы, где в 1977 году на 1 км² проживало 64 человека.
- ⁵⁵ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 139.

А. И. Кузнецов, Л. И. Миссонова

МЕТИСАЦИЯ И ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КАМЧАТКИ И ЧУКОТКИ

Расовое смешение происходило на всем протяжении человеческой истории. Примером европеоидно-монголоидной метисации на территории нашей страны может служить, в частности, южносибирская раса. Контакты представителей этих двух рас происходили еще во время освоения русскими Сибири и Дальнего Востока.

Процесс интенсивного увеличения метисного населения наблюдается в послевоенный период во всех автономных округах Крайнего Севера СССР. Это объясняется резким увеличением численности приезжего, в подавляющем большинстве европеоидного, населения в связи с открытием и разработкой полезных ископаемых, организацией колхозов, совхозов, рыбокомбинатов и других предприятий и учреждений. Большинство приезжих составляли мужчины, многие из них — молодые холостяки, что само по себе в значительной степени увеличивало вероятность межрасовых контактов, которые вели к рождению европеоидно-монголоидных метисов. Не последнюю роль в сближении женщин монголоидного коренного населения с приезжими европеоидами могла играть и разница в антропологическом типе, в манере общения «приезжих» в сравнении со «своими» мужчинами и, наконец, в сексуальном поведении монголоидных и европеоидных мужчин. Необходимо отметить также, что среди представителей коренных народов Крайнего Севера, получивших среднее специальное и высшее образование, большинство составляют женщины*. Они часто не хотят выходить замуж за мужчин своей национальности, не имеющих равного с ними образования.

Метисация на Крайнем Севере нашей страны и увеличение доли монголоидно-европеоидных метисов в составе коренного населения региона — явление известное, наблюдаемое повседневно, и не только антропологами и этнографами. Для констатации данного явления не нужно проводить специальных исследований. Но для количественной оценки указанного феномена, для выявления механизмов расового смешения, его хронологических рамок, для анализа соотношения антропологических типов в современном составе коренных народов Крайнего Севера необходимо обратиться к конкретным материалам, к документам.

В настоящей статье предлагается анализ полевого материала, собранного авторами в 1987 г. в пос. Оклан Пенжинского р-на Корякского автономного округа и в 1988 г. в пос. Кеperвеем Билибинского р-на Чукотского автономного округа. Материал представляет собой описание 39 родословных линий эвенов и коряков в пос. Оклан и 37 родословных линий чукчей, эвенов и коряков в пос. Кеperвеем, записанных по методике, разработанной Г. М. Афанасьевой и Ю. Б. Симченко¹. Перекрестный опрос информаторов дает в высшей степени достоверные сведения о нулевом и нисходящих поколениях, и с большой степенью достоверности позволяет предполагать антропологическую принадлежность второго и последующих восходящих поколений.

В данном исследовании нет анализа механизма наследования расовых признаков метисами, так как авторы не применяли расово-морфологические методики, обычные для советской антропологической школы. Мы будем опери-

* Например, за период с 1952 по 1989 г. из 1165 представителей коренных национальностей Крайнего Севера, окончивших факультет Народов Крайнего Севера Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, 904 (77,6%) — женщины, 261 (22,4%) — мужчины. См. Протоколы Государственных комиссий по распределению выпускников Отделения (позднее — факультета) Народов Крайнего Севера. 1952—1989 гг. // Архив ЛГПИ им. А. И. Герцена.

ровать подсчетом «наследуемых» метисами *номинальных долей* «европеоидности» и «монголоидности». В связи с этим нужно отметить, что *фенотип исследуемых монголоидно-европеоидных метисов не всегда адекватно отражает степень их расового смешения (по генотипу)*.

В дальнейшем мы будем рассматривать коренное население (коряки, чукчи, эвены) *обобщенно* как «монголоидов», а приезжих — как «европеоидов» (за исключением тех случаев, когда приезжие были монголоидами, например, якуты).

Для удобства изложения исследованного материала авторы употребляют в данной статье слово «метис» и в тех случаях, когда речь идет об этническом смешении внутри одной (монголоидной) расы, а слово «чистокровный» — для обозначения детей от однонациональных браков.

* * *

Еще до перевода на оседлость для эвенов Окланской тундры в 1929 г. был создан Окланский (орочельский) родовой совет, подчинявшийся райисполкому образованного в 1928 г. Пенжинского района, вошедшего в созданный 10 декабря 1930 г. Корякский национальный округ.² Современный поселок Оклан был построен на одноименной реке в 1953—1955 гг.³ В нем поселились 21 семья эвенов и 8 семей коряков. Совместное проживание привело к увеличению возможности заключения браков между эвенами и коряками. Ранее браки между ними не поощрялись, так как эвены номинально были христианами, а коряки — язычниками⁴. В 50-х годах значения этому уже не придавалось. Появление в Корякском национальном округе различных по национальности приезжих (как и в других регионах, коренное население в большинстве случаев называло всех приезжих русскими) привело к метисации, в результате которой, как будет показано, почти половина коренного населения пос. Оклан в настоящее время представляет собой европеоидно-монголоидных метисов.

В пос. Кепервеем, основанном в 50-х годах, жили главным образом чукчи и эвены. Когда в районном центре (пос. Билибино) был построен аэропорт, рядом с домами коренных жителей вырос поселок авиаторов. В итоге в настоящее время в Кепервееме жители коренной национальности составляют лишь четверть общего населения поселка.

Сопоставление полевых материалов, собранных в двух поселках, в одном из которых значительно преобладает коренное (88,54%), а в другом — приезжее (75,1%) население, позволит, на наш взгляд, увидеть картину метисации на северо-востоке страны в целом.

* * *

По данным Окланского сельсовета, в июле 1987 г. в пос. Оклан насчитывалось 192 жителя следующих национальностей: эвенов — 131, коряков — 39, русских — 19, поляков — 1, татар — 1, удмуртов — 1. Всего *коренного населения* было 170 чел. (88,54%), *некоренного* — 22 чел. (11,46%). Среди 16 мужчин, числившихся русскими: шестеро — выходцы из пос. Марково на Чукотке, а один рожден русской от корейца. 10 русских женаты на эвенках, двое — вдовцы, четверо — холостяки. Русские женщины (их всего 3) замужем за поляком, татаринем и эвеном; удмуртка — незамужняя.

Коряки составляли одну пятую часть (20,34%) населения поселка. Их половозрастной состав и семейное положение было следующим:

	Мужчины	Женщины	Итого
Всего коряков	15	24	39
В том числе:			
дети (до 18 лет)	7	14	21
взрослые (18 лет и старше)	8	10	18
Из них: в браке	3	6	9
холостые и незамужние	5	1	6
вдовцы и вдовы	—	2	2
разведенные	—	—	1

В 1987 г. старшей корячке был 61 год, второй по старшинству — 43, младшей — 25 лет. Старшему мужчине исполнился лишь 41 год.

Необходимо отметить, что все трое женатых коряка состоят в браке с эвенками, а все шесть замужних корячек — в браке с эвенками. Одна из вдов была замужем за чукчей, другая — за коряком, а после его смерти родила троих детей от европеоидов. Дети от европеоидов были у четырех корячек из десяти.

Чистокровных коряков в поселке — 15 (38,46%); 7 мужчин, 6 женщин и две 17-летние девушки. Метисов — 24, в том числе 19 детей и 5 взрослых. Трое из взрослых метисов — дети чукчи и корячки, две метиски — дети русского и корячки, родившиеся в 1951 и 1955 гг. Между 1955 и 1970 гг. не родилось ни одного европеоидно-монголоидного метиса. В 1970 г. родились две последние чистокровные корячки, все последующие годы коряцкие женщины рожали только метисов, в том числе и от европеоидов. С 1970 по 1987 г. корячки родили 2 детей от коряка, 10 от эвенов и 9 от европеоидов. 57% номинальных отцов были монголоидами и 43% — европеоидами. Табл. 1 дает представление о степени метисации в 1987 г.

15 чистокровных коряков и 10 монголоидных метисов составили в общей массе номинальных коряков 64%, а европеоидно-монголоидные метисы — 36%. Соотношение монголоидных и европеоидных долей у метисов было следующим:

	Дети	Взрослые	Всего
$\frac{3}{4}$ европеоидности и $\frac{1}{4}$ монголоидности	3	—	3
$\frac{1}{2}$ европеоидности и $\frac{1}{2}$ монголоидности	6	2	8
$\frac{1}{4}$ европеоидности и $\frac{3}{4}$ монголоидности	3	—	3
Итого	12	2	14

Из 19 детей-метисов семеро, или 37% — эвено-коряцко-чукотские, а 12 чел., или 63% — европеоидно-монголоидные метисы. В общем генофонде номинальных коряков соотношение монголоидного и европеоидного компонентов равнялось 32:7, общая монголоидность группы — 82%, европеоидность — 18%.

Таким образом, за 36 лет, с 1951 по 1987 г., среди коряцкого населения пос. Оклан, процент европеоидности возрос с нуля до 18, число европеоидно-монголоидных метисов с 1955 по 1970 г. оставалось постоянным и равнялось двум. В 1987 г. их стало 14, или 36% от всех лиц, записанных коряками. Вступающее в репродуктивный период поколение коряков состоит, кроме двух чистокровных корячек, из метисов, 36% которых от европеоидно-монголоидных браков. Учитывая непрекращающиеся половые контакты с приезжими, можно прогнозировать дальнейшее увеличение доли европеоидности среди коряцкого населения в Оклане.

Эвены в 1987 г. насчитывали две трети (68,2%) населения пос. Оклан. Их половозрастной состав и семейное положение были следующими:

	Мужчины	Женщины	Итого
Всего эвенов	65	66	131
В том числе:			
дети	38	25	63
взрослые	27	41	68
Из них: в браке	11	12	23
холостые и незамужние	12	17	29
вдовцы и вдовы	4	12	16

Из 17 незамужних эвенок 9 бездетны, 8 имеют детей. Из 12 замужних — 10 замужем за русскими, две — за коряками. 42,6% эвенского населения (41% женщин и 44,2% мужчин) репродуктивного периода не состоит в браке. Одно из объяснений этому — нежелание женщин выходить замуж за представителей коренной национальности, так как это связано с работой и жизнью в тундре (что характерно и для других районов Крайнего Севера).

Первая из ныне живущих эвенок-метисок родилась от русского в 1946 г. Выйдя замуж за русского, она родила троих детей, которые имели три четверти

Таблица 1

Антропологическая характеристика коряков пос. Оклан

Антропологический состав	Мужчины		Женщины		Итого				Всего
	взрослые	дети	взрослые	дети	мужчины	женщины	взрослые	дети	
Коряки	8 (20,51)	7 (17,95)	10 (25,64)	14 (35,9)	15 (38,45)	24 (61,54)	18 (46,15)	21 (53,85)	39 (100)
В том числе:									
чистокровные	7 (17,95)	—	6 (15,38)	2 (5,13)	7 (17,95)	8 (20,51)	13 (33,33)	2 (5,13)	15 (38,46)
метисы эвено-корякско-чукотские	1 (2,56)	4 (10,26)	2 (5,13)	3 (7,69)	5 (12,82)	5 (12,82)	3 (7,69)	7 (17,95)	10 (25,64)
метисы европеоидно-монголоидные	—	3 (7,7)	2 (5,13)	9 (23,07)	3 (7,7)	11 (28,2)	2 (5,13)	12 (30,77)	14 (35,9)
Всего метисов	1 (2,56)	7 (17,95)	4 (10,26)	12 (30,77)	8 (20,54)	16 (41,03)	5 (12,82)	19 (48,72)	24 (61,54)
Всего монголоидов	8 (20,51)	4 (10,26)	8 (20,51)	5 (12,82)	12 (30,76)	13 (33,33)	16 (41,02)	9 (23,07)	25 (64,1)
Монголоидность группы, %	100	78,6	90	67,8	90	77,0	95,0	71,4	82
Европеоидность группы, %	0,0	21,4	10,0	32,2	10,0	23,0	5,0	28,6	18
Соотношение монголоидности и европеоидности в группе	8:0	5,5:1,5	9:1	9,5:4,5	13,5:1,5	18,5:5,5	17:1	15:6	32:7

Примечание. В табл. 1—7, 9 в скобках указан процентный состав.

европеоидного компонента и одну четверть монголоидного. Аналогичное соотношение было еще у нескольких европеоидно-монголоидных метисов, у других — равные доли номинальной европеоидности и монголоидности. Кроме межрасовых браков были и межэтнические. Так, в 1977 г. корейско-русский метис женился на эвенке с тремя четвертями эвенского и одной четвертью чукотского.* компонентов. Четверо детей от этого брака «унаследовали» $\frac{1}{4}$ европеоидности и $\frac{3}{4}$ монголоидности, доля монголоидности включала $\frac{1}{8}$ чукотского, $\frac{2}{8}$ корейского и $\frac{3}{8}$ эвенского компонентов.

Браки русских с эвенками заключались в 1981, 1982, 1985, 1986 и 1987 гг. Возраст эвенков, вступавших в брак — от 18 до 40 лет. Возраст вступления в брак русских мужчин также — от 18 до 40 лет.

В 1981 г. первый русский женился на эвенке, отцом которой был эвен, а матерью — метиска от эвена и чукчанки. Двое детей от этого брака имеют равные доли европеоидности и монголоидности ($\frac{3}{8}$ эвенская и $\frac{1}{8}$ чукотская). В 1982 г. второй русский женился на эвенке с четвертью чукотского компонента. Их дети имеют равные доли европеоидности и монголоидности ($\frac{3}{8}$ эвенского и $\frac{1}{8}$ чукотского компонентов). В том же году еще один русский женился на эвенке с четвертью чукотского компонента. Их дети были наполовину русскими (европеоидами), на $\frac{3}{8}$ эвенками и на $\frac{1}{8}$ чукчами (монголоидами).

Все состоящие в браке русские (10 чел.) в пос. Оклан женаты на эвенках и только одна русская замужем за эвеном. Характерно, что 17 женщин-эвенков (всего их 41) не были замужем. В то же время 12 из 27 мужчин-эвенков не женаты. Если не считать вдов и вдовцов, то окажется, что среди женщин-эвенков только 12 замужем, причем 10 из них — за русскими; среди мужчин-эвенков — 11 женатых и 12 холостяков. Прогрессирующая тенденция предпочтения эвенками в качестве половых партнеров европеоидов монголоидам способствует продолжению расового смешения и увеличению доли европеоидности у эвенков. Вступление в брак приезжего европеоида с женщиной коренной национальности стало обычным явлением.

В июле 1987 г. в Оклане было 18 этнически смешанных семей, общей численностью 69 человек, т. е. 36% населения поселка. Из 69 чел. 47 были эвенками, 36 из них — детьми от русских или европеоидно-монголоидными метисами с невыясненной национальностью отца.

В поселке насчитывалось 50 чистокровных эвенков — 9 детей и 41 взрослый (19 мужчин, 31 женщина), 81 метис — 54 ребенка, 27 взрослых: 21 — от браков между эвенками, коряками, чукчами и ительменом, 60 — от европеоидно-монголоидных браков (доли европеоидности и монголоидности — от четверти до трех четвертей).

Из 63 детей: чистокровных эвенков — 9, детей в русско-эвенских семьях — 36, детей метисов у незамужних эвенков — 18 (национальность отца последних не ясна, но принадлежность к европеоидам очевидна).

Таким образом, чистокровные эвенки в пос. Оклан в 1987 г. составляли приблизительно 38%, монголоидные метисы — 16%, и европеоидно-монголоидные — 46%. Другими словами, монголоиды в целом составляли 54,2%, а европеоидно-монголоидные метисы — 45,8% от общего числа номинальных эвенков. Антропологическая характеристика эвенков пос. Оклан дана в табл. 2.

У эвенков больший процент европеоидно-монголоидных метисов (45,8%), чем у коряков (35,9), больший (26,3%), чем у коряков (18%) и процент европеоидности в общем генофонде группы. Однако доля детей среди европеоидно-монголоидных метисов заметно сближается: у эвенков — 90%, у коряков — 85,7%, — что свидетельствует о значительном ускорении процесса метисации в последние 18 лет.

Для выяснения механизма метисации небезынтересно сравнить эвенков и коря-

* Здесь и далее слово «чукотский» употребляется по отношению к чукчам (чукчанкам).

Таблица 2

Антропологическая характеристика эвенов пос. Оклан

Антропологический состав	Мужчины		Женщины		Итого				Всего
	взрослые	дети	взрослые	дети	мужчины	женщины	взрослые	дети	
Эвены	27 (20,61)	38 (29,01)	41 (31,3)	25 (19,08)	65 (49,62)	66 (50,38)	68 (51,91)	63 (48,09)	131 100
В том числе:									
чистокровные	16 (12,22)	4 (3,05)	25 (19,08)	5 (3,82)	20 (15,27)	30 (22,9)	41 (31,3)	9 (6,87)	50 (38,17)
метисы эвено-корякско-чукотские	9 (6,87)	—	12 (9,16)	—	9 (6,87)	12 (9,16)	21 (16,03)	—	21 (16,03)
метисы европеоидно-монголоидные	2 (1,53)	34 (25,95)	4 (3,05)	20 (15,27)	36 (27,48)	24 (18,32)	6 (4,58)	54 (41,22)	60 (45,8)
Всего метисов	11 (8,4)	34 (25,95)	16 (12,21)	20 (15,27)	45 (34,35)	36 (27,48)	27 (20,61)	54 (41,22)	81 (61,83)
Всего монголоидов	25 (19,09)	4 (3,05)	37 (28,24)	5 (3,82)	29 (22,14)	42 (32,06)	62 (47,33)	9 (6,87)	71 (54,2)
Монголоидность группы, %	96,2	35,2	95,1	56,0	39,4	80,3	95,5	53,3	73,7
Европеоидность группы, %	3,8	64,8	4,1	44,0	60,6	19,7	4,5	46,7	26,3
Соотношение монголоидности и европеоидности в группе	26:1	13,375:24,625	39:2	14:11	45,625:19,375	53:13	65:3	33,625:29,375	98,625:32,375

Таблица 3

Антропологическая характеристика коренного населения пос. Оклан

Антропологический состав	Мужчины		Женщины		Итого				Всего
	взрослые	дети	взрослые	дети	мужчины	женщины	взрослые	дети	
Коренное население (эвены, коряки)	35 (20,59)	45 (26,47)	51 (30,0)	39 (22,94)	80 (47,06)	90 (52,94)	86 (50,59)	84 (49,41)	170 (100)
В том числе:									
чистокровные	23 (13,53)	4 (2,35)	31 (18,24)	7 (4,12)	27 (15,88)	38 (22,35)	54 (31,76)	11 (6,47)	65 (38,23)
метисы эвено-коряк- ско-чукотские	10 (5,88)	4 (2,35)	14 (8,23)	3 (1,76)	14 (8,24)	17 (10)	24 (14,11)	7 (4,12)	31 (18,23)
метисы европеоид- но-монголоидные	2 (1,18)	37 (21,76)	6 (3,53)	29 (17,06)	39 (22,94)	35 (20,59)	8 (4,71)	66 (38,82)	74 (43,53)
Всего метисов	12 (7,06)	41 (24,12)	20 (11,76)	32 (18,82)	53 (31,18)	52 (30,58)	32 (18,82)	73 (42,94)	105 (61,76)
Всего монголоидов	33 (19,41)	8 (4,71)	45 (26,47)	10 (5,88)	41 (24,12)	55 (32,35)	78 (45,88)	18 (10,59)	96 (56,47)
Монголоидность груп- пы, %	97,1	41,9	94,1	60,3	73,9	79,4	97,1	67,9	76,8
Европеоидность груп- пы, %	2,9	58,1	5,9	39,7	26,1	20,6	2,9	32,1	23,2
Соотношение монголоидно- сти и европеоидности в группе	34:1	18,875:	48:3	23,5:	59,125:	71,5:	82:4	48,625:	130,625:
		:26,125		:15,5	:20,875	:18,5		:35,375	:39,375

ков пос. Оклан в целом (т. е. все коренное население) с коренным населением пос. Кебервеем (см. табл. 3 и 6).

За 42 года, с 1946 по 1987, число европеоидно-монголоидных метисов возросло с нуля до 74 человек и составляет сейчас в пос. Оклан 43,5% всего коренного населения. Учитывая большой процент европеоидного компонента именно у молодежи и детей, а также стремление женщин родить ребенка от европеоида, можно предположить, что европеоидность у коренного населения будет нарастать.

* * *

По данным Малоануйского сельсовета, в августе 1988 г. в пос. Кебервеем насчитывалось 1028 человек. Некоренное население было представлено следующими национальностями: русские — 526, украинцы — 158, белорусы — 19, татары — 14, башкиры — 8, молдаване — 6, азербайджанцы — 6, мордва — 5, армяне — 4, греки — 3, таджики — 3, коми-пермяки — 3, поляки — 2, якуты — 2, немцы — 2, киргизы — 2, чуванцы — 2, болгары, осетины, литовцы, казахи, грузины, марийцы, эвенки — по одному человеку. Всего некоренное население составляло 772 чел., или 75,1%. Коренное население равнялось 256 чел., или 24,9%: чукчей — 195 чел., или 19%, эвенов — 58 чел., или 5,6%, коряков — 3, или 0,3%. Половозрастной состав коренного населения был следующим:

	Мужчины	Женщины	Всего
Чукчи	92	103	195
В том числе: дети	43	45	88
взрослые	49	58	107
Эвены	26	32	58
В том числе: дети	15	16	31
взрослые	11	16	27
Коряки	—	3	3
В том числе: дети	—	2	2
взрослые	—	1	1
Всего коренного населения	118	138	256
В том числе: дети	58	63	121
взрослые	60	75	135

Как и в Оклане, коренное население Кебервеема, номинально относимое к чукчам, эвенкам и корякам, фактически состоит как из чистокровных представителей указанных национальностей, так и из монголоидных и монголоидно-европеоидных метисов.

Единственная корячка, приехавшая сюда после окончания училища из пос. Парень Магаданской обл., вышла замуж за украинца и родила двух девочек. Таким образом, коряки представлены одной чистокровной корячкой и двумя европеоидно-монголоидными метисками; монголоиды составляют одну треть, европеоидно-монголоидные метисы — две трети, общая монголоидность этой минигруппы равна 2, европеоидность — 1, соотношение европеоидности и монголоидности — 1:2.

Первый ребенок от русского и чукчанки родился в 1948 г. Всего от браков русских с чукчанками, а также с русско-чукотскими, русско-эвенскими и другими метисками родилось 88 метисов. Остальные 15 европеоидно-монголоидных метисов были рождены от цыгана и чукчанки, осетина и чукчанки, украинца и чукчанки, украинца и эвенки, украинца и корячки, а также от русско-бурятского метиса и эвенки. Соотношение антропологических типов чукчей и эвенов представлено в табл. 4 и 5, антропологический состав всего коренного населения поселка — в табл. 6.

Таблица 4

Антропологическая характеристика чукчей пос. Кебервеем

Антропологический состав	Мужчины		Женщины		Итого				Всего
	взрослые	дети	взрослые	дети	мужчины	женщины	взрослые	дети	
Чукчи	49 (25,13)	43 (22,05)	58 (29,74)	45 (23,08)	92 (47,18)	103 (52,82)	107 (54,87)	88 (45,13)	195 (100)
В том числе:									
чистокровные	34 (17,43)	17 (8,72)	45 (23,08)	13 (6,66)	51 (26,15)	58 (29,74)	79 (40,51)	30 (15,38)	109 (55,89)
метисы чукотско-эвено-корякские	4 (2,05)	2 (1,02)	5 (2,56)	2 (1,02)	6 (3,07)	7 (3,59)	9 (4,61)	4 (2,05)	13 (6,66)
метисы европеоидно-монголоидные	11 (5,65)	24 (12,3)	8 (4,1)	30 (15,39)	35 (17,95)	38 (19,49)	19 (9,75)	54 (27,69)	73 (37,44)
Всего метисов	15 (7,69)	26 (13,33)	13 (6,66)	32 (16,41)	41 (21,02)	45 (23,07)	28 (14,35)	58 (29,74)	86 (44,1)
Всего монголоидов	38 (19,49)	19 (9,74)	50 (25,64)	15 (7,69)	57 (29,23)	65 (33,33)	88 (45,13)	34 (17,43)	122 (62,56)
Монголоидность группы, %	88,7	72,1	93,0	64,0	81,0	83,4	90,7	67,9	80,6
Европеоидность группы, %	11,3	27,9	7,0	36,0	19,0	16,6	9,3	32,1	19,4
Соотношение монголоидности и европеоидности в группе	43,5:5,5	31:12	54:4	28,75:16,25	74,5:17,5	82,75:20,25	97,5:9,5	59,75:28,25	157,25:37,75

Таблица 5

Антропологическая характеристика эвенов пос. Кебервеем

Антропологический состав	Мужчины		Женщины		Итого				Всего
	взрослые	дети	взрослые	дети	мужчины	женщины	взрослые	дети	
Эвены	11 (18,96)	15 (25,86)	16 (27,59)	16 (27,59)	26 (44,82)	32 (55,18)	27 (44,55)	31 (53,45)	58 100
В том числе:									
чистокровные	7 (12,07)	—	12 (20,69)	1 (1,72)	7 (12,07)	13 (22,41)	19 (32,76)	1 (1,72)	20 (34,48)
метисы эвено-чукотские	—	4 (6,9)	—	6 (10,34)	4 (6,9)	6 (10,34)	—	10 (17,24)	10 (17,24)
метисы европеоидно-монголоидные	4 (6,9)	11 (18,97)	4 (6,9)	9 (15,53)	15 (25,86)	13 (22,42)	8 (13,79)	20 (34,49)	28 (48,28)
Всего метисов	4 (6,9)	15 (25,86)	4 (6,9)	15 (25,86)	19 (32,76)	19 (32,76)	8 (13,79)	30 (51,72)	38 (65,52)
Всего монголоидов	7 (12,07)	4 (6,9)	12 (20,69)	7 (12,07)	11 (18,97)	19 (32,76)	19 (32,76)	11 (18,97)	30 (51,72)
Монголоидность группы, %	81,8	63,3	87,5	73,4	71,1	80,4	85,1	68,5	76,3
Европеоидность группы, %	18,2	36,7	12,5	26,6	28,9	19,6	14,9	31,5	23,7
Соотношение монголоидности и европеоидности в группе	9:2	9,5:5,5	14:2	11,75:4,25	18,5:7,5	25,75:6,25	23:4	21,25:9,75	44,25:13,75

Таблица 6

Антропологический состав коренного населения пос. Кебервеем

Антропологический состав	Мужчины		Женщины		Итого				Всего
	взрослые	дети	взрослые	дети	мужчины	женщины	взрослые	дети	
Коренное население (чукчи, эвены, коряки)	60 (23,49)	58 (22,66)	75 (29,3)	63 (24,61)	118 (46,09)	138 (53,91)	135 (52,73)	121 (47,27)	256 (100)
В том числе:									
чистокровные	41 (16,01)	17 (6,64)	58 (22,66)	14 (5,47)	58 (22,65)	72 (28,13)	99 (38,67)	31 (12,11)	130 (50,78)
метисы чукотско-эвено-корякские	4 (1,56)	6 (2,34)	5 (1,95)	8 (3,13)	10 (3,90)	13 (5,08)	9 (3,51)	14 (5,47)	23 (8,98)
метисы европеоидно-монголоидные	15 (5,86)	35 (13,67)	12 (4,69)	41 (16,02)	50 (19,53)	53 (20,71)	27 (10,55)	76 (29,69)	103 (40,24)
Всего метисов	19 (7,42)	41 (16,02)	17 (6,64)	49 (19,14)	60 (23,44)	66 (25,78)	36 (14,06)	90 (35,16)	126 (49,22)
Всего монголоидов	45 (17,58)	23 (8,98)	63 (24,61)	22 (8,59)	68 (25,56)	85 (33,20)	108 (42,19)	45 (17,57)	153 (59,76)
Монголоидность группы, %	87,5	69,8	92,0	65,8	78,8	80,0	89,2	66,9	78,7
Европеоидность группы, %	12,5	30,2	8,0	34,2	21,2	20,0	10,8	33,1	21,3
Соотношение монголоидности и европеоидности - группе	52,5:7,5	40,5:17,5	69:6	41,5:21,5	93:25	110,5:27,5	121,5:13,5	82:39	203,5:52,5

Таблица 7

Антропологическая характеристика суммарной группы эвенов Оклана и Кеperвеема

Суммарная группа эвенов пос. Оклан и Кеperвеем	Мужчины		Женщины		Итого				Всего
	взрослые	дети	взрослые	дети	мужчины	женщины	взрослые	дети	
Эвены	38 (20,11)	53 (28,04)	57 (30,16)	41 (21,69)	91 (48,15)	98 (51,85)	95 (50,27)	94 (49,73)	189 (100)
В том числе:									
чистокровные	23 (12,17)	4 (2,12)	37 (19,58)	6 (3,17)	27 (14,29)	43 (22,75)	60 (31,75)	10 (5,29)	70 (37,04)
метисы эвено-коряк- ско-чукотские	9 (4)	4 (2,12)	12 (6,35)	6 (3,17)	13 (6,88)	18 (9,52)	21 (11,11)	10 (5,29)	31 (16,4)
метисы европеоидно- монголоидные	6 (3,18)	45 (23,80)	8 (4,23)	29 (15,34)	51 (26,98)	37 (19,58)	14 (7,41)	74 (39,15)	88 (46,56)
Всего метисов	15 (7,94)	49 (25,92)	20 (10,58)	35 (18,5)	64 (33,86)	55 (29,1)	35 (18,52)	84 (44,44)	119 (62,96)
Всего монголоидов	32 (16,93)	8 (4,23)	49 (25,93)	12 (6,35)	40 (21,16)	61 (32,28)	81 (42,86)	20 (10,58)	101 (53,44)
Монголоидность группы, %	92,1	43,2	93,0	63,0	70,5	80,3	92,6	70,0	75,6
Европеоидность группы, %	7,9	56,8	7,0	37,0	29,5	19,7	7,4	30,0	24,4
Соотношение монголоид- ности и европеоидности в группе	35:3	22,875: :30,125	53:4	25,75: :15,25	64,125: :26,875	78,75: :19,25	88:7	54,875: :39,125	142,875: :46,125

В пос. Кеperвеем, как и в пос. Оклан, среди взрослых и детей наблюдается обратное соотношение численности монголоидов к численности метисов:

	В Оклане:		В Кеperвеем:	
	монголоиды	европеоидно-монголоидные метисы	монголоиды	европеоидно-монголоидные метисы
Взрослые	78 (90,69%)	8 (9,31%)	108 (80%)	27 (20%)
Дети	18 (21,4%)	66 (78,6%)	45 (37,2%)	76 (62,8%)

Чукчи живут в пос. Кеperвеем, коряки — в пос. Оклан, а эвены — и в Оклане (131 чел.), и в Кеperвеем (58 чел.). В поселке Оклан эвены составляют 77% коренного и 68,2% всего населения, а в пос. Кеperвеем — соответственно 22,6% и 5,6%. Уровень межрасового смешения эвенов указанных двух поселков примерно одинаков. Европеоидно-монголоидные метисы-эвены в Оклане составляют 45,8% всех эвенов, а в Кеperвеем — 48,2%. Соотношение монголоидности и европеоидности в общем генофонде номинальных эвенов Оклана — 3:1, Кеperвеема — 3,2:1, общая монголоидность номинальных эвенов Оклана — 73,7%, номинальных эвенов Кеperвеема — 76,3%, а европеоидность — соответственно 26,3% и 23,7% (см. табл. 2 и 5). Антропологическая характеристика суммарной группы эвенов поселков Оклан и Кеperвеем представлена в табл. 7.

Существуют ли различия в уровне расового смешения у эвенов, чукчей и коряков?

Как видно из табл. 8, процент европеоидно-монголоидных метисов почти одинаков у чукчей (37,4%) и коряков (38,1%) и на 8,4—9% больше у эвенов

Таблица

Монголоидно-европеоидные метисы поселков Оклан и Кеperвеем

Коренное население	Дети				Взрослые			
	Численность монголоидно-европеоидных метисов	% от всех детей	% от всех монголоидно-европеоидных метисов (включая взрослых)	% от общей численности (соответственно эвенов, чукчей, коряков обоих поселков)	Численность монголоидно-европеоидных метисов	% от всех взрослых	% от всех монголоидно-европеоидных метисов (включая детей)	% от общей численности (соответственно эвенов, чукчей, коряков обоих поселков)
Эвены	74	78,7	84,1	39,1	14	14,7	18,9	7,4
Чукчи	54	61,4	74	27,7	19	17,8	26	9,7
Коряки	14	60,9	87,5	33,3	2	11,1	12,5	4,8

(46,5%). Европеоидно-монголоидные дети составляют 78,7% всех детей-эвенов, 61,4% всех детей-чукчей и 60,9% всех детей-коряков. В то же время у коряков наибольший процент детей (87,5%) в общей массе европеоидно-монголоидных метисов, у эвенов — 84,1%, у чукчей — 74%. Таким образом, наблюдается некоторое снижение уровня метисации у чукчей по сравнению с коряками и эвенами обоих поселков. В пос. Кеperвеем европеоидно-монголоидные метисы составляют у эвенов 48,2%, у чукчей — 37,4%, общая европеоидность группы эвенов — 23,7%, чукчей — 19,4%. Это тем более странно, так как некоренное население Кеperвеема в 3 раза превышает численность чукчей, эвенов и коряков вместе взятых, что создает больше возможностей для межрасовых контактов. Для выяснения причин этого попробуем сравнить антропологические характеристики коренного населения поселков Оклан и Кеperвеем:

	Оклан	Кеperвеем
Общее население поселка	192	1028
Коренное население	170 (88,5%)	256 (24,9%)
Европеоидно-монголоидные метисы	74 (43,5%)	103 (40,2%)
Европеоидность группы	23,2%	21,3%

Таблица 9

Антропологический состав коренного населения поселков Оклан и Кебервеем

Суммарная группа коренного населения пос. Оклан и Кебервеем	Мужчины		Женщины		Итого				Всего
	взрослые	дети	взрослые	дети	мужчины	женщины	взрослые	дети	
Чукчи, эвены и коряки	95 (22,3)	103 (24,18)	126 (29,58)	102 (23,94)	198 (46,48)	228 (53,52)	221 (51,88)	205 (48,12)	426 (100)
Чистокровные	64 (15,02)	21 (4,93)	89 (20,89)	21 (4,93)	85 (19,95)	110 (25,82)	153 (35,91)	42 (9,86)	195 (45,77)
Метисы монголоидные	14 (3,29)	10 (2,35)	19 (4,46)	11 (2,58)	24 (5,64)	30 (7,04)	33 (7,75)	21 (4,93)	54 (12,68)
Метисы европеоидно-монголоидные	17 (3,99)	72 (16,9)	18 (4,23)	70 (16,43)	89 (20,89)	88 (20,66)	35 (8,22)	142 (33,33)	177 (41,55)
Всего метисов	31 (7,28)	82 (19,25)	37 (8,69)	81 (19,01)	113 (26,53)	118 (27,7)	68 (15,97)	163 (38,26)	231 (54,23)
Всего монголоидов	78 (18,31)	31 (7,28)	108 (25,35)	32 (7,51)	109 (25,59)	140 (32,86)	186 (43,66)	63 (14,79)	249 (58,45)
Монголоидность группы, %	91,0	57,6	92,8	63,7	73,6	79,8	92,1	60,7	78,4
Европеоидность группы, %	9,0	42,4	7,2	36,3	26,4	20,2	7,9	39,1	21,6
Соотношение европеоидности и монголоидности в общем генофонде группы	8,5:86,5	43,625:59,375	9:117	37:65	52,125:145,875	46:182	17,5:203,5	80,625:124,375	91,875:334,125

Соотношение номинальных долей европеоидности и монголоидности у метисов поселков Оклан и Кеperвеем

Соотношение номинальных долей у метисов	Коряки			Чукчи			Эвены			Всего		
	дети	взрос- лые	итого	дети	взрос- лые	итого	дети	взрос- лые	итого	дети	взрос- лые	итого
$\frac{3}{4}$ европеоидности и $\frac{1}{4}$ монголоид- ности	3	—	3	11	—	11	17	—	17	31	—	31
$\frac{5}{8}$ европеоидности и $\frac{3}{8}$ монголоид- ности	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	1
$\frac{1}{2}$ европеоидности и $\frac{1}{2}$ монголоид- ности	8	2	10	38	19	57	49	14	63	95	35	130
$\frac{1}{4}$ европеоидности и $\frac{3}{4}$ монголоид- ности	3	—	3	5	—	5	7	—	7	15	—	15
Всего	14	2	16	54	19	73	74	14	88	142	35	177

В пос. Оклан, где пришлое население составляет всего 11,5%, уровень межрасового смешения на 1,9—3,3% выше, чем в пос. Кеperвеем, где приезжие составляют 75,1% населения поселка.

Нам кажется, что вероятность межрасовых половых контактов в значительной степени зависит от случая и от личности половых партнеров. В Оклане, например, от одного эвена были дети у пяти эвенских и корякских женщин, а от одного русского — дети у шести эвенок.

Учитывая, что разброс показателей межрасового смешения как у эвенов, чукчей и коряков в отдельности, так и у всего коренного населения Оклана и Кеperвеема относительно невелик, можно сказать, что суммарные характеристики коренного населения поселков Оклан и Кеperвеем представляют своего рода антропологическую модель современного коренного населения Чукотки и Камчатки (табл. 9).

Смешение в пределах монголоидной расы проходило между коряками, чукчами, эвенками, якутами, ительменами, киргизами. В смешанных чукотско-корякских, чукотско-эвенских и корякско-эвенских семьях мужем и женой, естественно, могли быть представители всех трех указанных национальностей. Монголоиды, не являющиеся коренными жителями Оклана и Кеperвеема, были мужьями в семьях эвенк-эвенка, якут-чукчанка, якут-эвенка, ительмен-эвенка, киргиз-чукчанка.

У европеоидно-монголоидных метисов только в двух случаях матери принадлежали к европеоидной расе: русская, вышедшая замуж за эвена в пос. Оклан, и русская, замужем за чукчей в пос. Кеperвеем. У остальных европеоидно-монголоидных метисов матери — эвенки, чукчанки и корячки, а отцы — русские, украинцы, белорусы, осетины, цыгане и другие европеоиды. Соотношение номинальных долей европеоидности и монголоидности у метисов представлено в табл. 10.

В среднем в обоих поселках европеоидно-монголоидные метисы насчитывают 41,4% от всего коренного населения; из них 8,1% — взрослое население, а 33,3% — дети, т. е. население, вступающее в репродуктивный период. Доля европеоидно-монголоидных метисов среди детей составляет 69,3%, а монголоидов — 30,7%. Каждые двое из трех представителей подрастающего поколения — европеоидно-монголоидные метисы. Учитывая не прекращающиеся контакты коренного монголоидного населения со все более увеличивающимся приезжим европеоидным, можно предположить постоянное увеличение доли европеоидности в генофонде коренного населения Чукотки и Камчатки.

Однако изменение антропологического типа коренного населения почти не отражается на этническом самосознании. Дети от смешанных европеоидно-монголоидных браков «наследуют» национальность матери, т. е. коренную национальность. Два случая, когда эвен и чукча женились на русских женщинах и записали своих детей эвенами и чукчами, лишь подтверждают правило, согласно которому при смешанных браках ребенок относится к коренной национальности. В некоторых случаях это объясняется материальными льготами, получаемыми коренным населением Севера, но есть, очевидно, и другие причины. Так, вполне естественно отнесение к национальности матери ребенка матери-одиночки, растущего без отца и воспринимающего культуру и самосознание этноса своей матери. Но и в полных смешанных семьях ребенок усваивает традиции культуры своей матери, являющейся основным воспитателем детей и поэтому оказывающей на них наибольшее влияние. Интересно отметить, что и в корякско-чукотских, и в корякско-эвенских семьях национальность детей отождествляется с национальностью матери.

У эвенов в прошлом существовал патрилокальный брак и патрилинейный счет родства.⁵ Патрилинейность сохраняется и сейчас, выражаясь в присвоении детям фамилии отца при отнесении их к национальности матери.

Современное развитие коренных народов Чукотки и Камчатки (также, как и остальных народов Крайнего Севера) привело к потере ими многих черт традиционной культуры, приобщению к общесоветской материальной и духовной культуре, к сближению с приезжими по уровню развития, образу жизни, обладанию материальными и духовными благами. Все это разрушает существовавшее предубеждение по отношению к коренному населению, как к отсталым народам, и облегчает связи приезжих с местным населением. Дальнейшей европеоидно-монголоидной метисации будет способствовать и то, что приезжему психологически легче взять в жены европеоидно-монголоидную метиску, а сейчас, как показывают материалы данной статьи, среди подрастающего поколения таких метисов подавляющее большинство.

Примечания

¹ Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б. Опыт генеалогических описаний (на примере чукчей) // Сов. этнография. 1986. № 3. С. 106—115.

² Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР. Петропавловск Камчатский, 1986. С. 59.

³ Там же. С. 145.

⁴ Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1961. С. 151—152.

⁵ Там же. С. 140.

© 1990 г.

В. В. Напольских

МИФ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ЗЕМЛИ В ПРАУРАЛЬСКОЙ КОСМОГОНИИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ, ПАРАЛЛЕЛИ, ЭВОЛЮЦИЯ

В статье рассматриваются лишь некоторые аспекты проблемы, вынесенные в заголовок. Вопросам семантики мифа и этногенетической интерпретации был посвящен доклад автора на XVII Всесоюзной финно-угорской конференции. Тезисы его опубликованы¹.

В качестве прафинно-угорских космогонических мифов могут быть реконструированы два мифа². 1. Водоплавающая птица или демиург в виде птицы ныряет на дно первичного океана, приносит крупинку земли, из которой затем вырастает

суша (миф о ныряющей птице — МНП*). 2. Птица (утка, режа — гусь, ласточка и др.) сносит яйцо или несколько яиц посреди первичных вод. Затем яйца разбиваются, и из них или из частей одного яйца возникают небо, земля, солнце и т. п. (миф о творении из яйца — МТЯ).

Поскольку МТЯ имеется лишь у прибалтийских финнов и коми (наряду с МНП), а также у саамов (примечательно и наличие темы ныряния за утонувшими яйцами в коми МТЯ), мордвы (только следы)³ и отсутствует совершенно у обских угров и самодийцев, невозможно возводить его к прауральскому уровню. Истоки его лежат, вероятно, в мифологии дофинно-угорского населения Восточной Европы.

МНП является характернейшим космогоническим мифом самодийцев⁴ и имеется почти у всех уральских народов — здесь и ниже при ссылке на мифы используются индексы Указателя — см. Приложение (Б1-Е7), причем часто в очень развитых, ярких вариантах, не имеющих аналогов вне уральского мира. МНП — единственный общеуральский миф о возникновении суши, и, если не становиться на гиперкритическую точку зрения, то есть все основания считать его восходящим к культуре уральского пранарода. Поскольку вообще правомерно говорить о былом существовании уральского пранарода и имевшейся у него прауральской мифологии, постольку следует признать, что единственный космогонический миф, который можно для нее восстанавливать, — МНП. Однако широкое распространение в мире сюжетов о возникновении суши среди первичных вод создает представления о МНП как о «мировом» или «бродячем» (с истоками в индоиранском мире) сюжете⁵, а отсюда, видимо, следует неуместность какой-либо реконструкции.

Проблема «мировых» сюжетов требует особого рассмотрения; отметим здесь лишь три принципиальных, на наш взгляд, обстоятельства. 1. Существование «мировых» сюжетов не препятствует реконструкции мифологии, подобно тому как наличие языковых универсалий не мешает сравнительно-историческому языкознанию. 2. Принадлежность сюжета к мировым следует доказывать, а не постулировать априорно. 3. Даже в мифах на «мировые» сюжеты можно выделить особенности, характерные для той или иной группы народов и объяснимые генетической или контактной общностью.

Для того чтобы показать отнюдь не «мировой» характер МНП, достаточно выделить в сюжете следующие мотивы: а) ныряние за землей; б) добывание из-под вод не всей земной тверди, а крохотного кусочка земли, из которого затем вырастает суша; в) водоплавающая птица в роли ныряльщика. Круг мифов, содержащих эти темы (см. Указатель), оказывается, охватывает далеко не все человечество⁶.

О генетической общности МНП и о принципиальной возможности определения их этнической принадлежности и реконструкции помимо частных особенностей содержания мифов (см. ниже) свидетельствуют и особенности их распространения в мире. 1. В Сибири носители МНП — исключительно урало-алтайские народы (для кетов очевидно мощное урало-алтайское влияние, и миф кетов явно вторичен — речь в нем идет не о творении мира, а о творении острова Дон'ом во время его борьбы с Хосядам). 2. На Американском континенте МНП отсутствует на юге, юго-западе и юго-востоке США, нет его и южнее территории США, и носителями мифов о нырянии за землей являются в основном племена, принадлежащие лишь к нескольким этноязыковым общностям: алгонкины, ирокезы, сиу, калифорнийские пенути⁷. 3. Американский и сибирский ареалы МНП «разорваны» не имеющими этого мифа эскимосами на-дене и другими северо-западными индейцами, чукотско-камчатскими народами. Именно для этих групп характерен цикл мифов о Вороне⁸. Важно, что мифы данного цикла представляют, очевидно, генетическое единство с возникшими истоками на юге тихоокеанского региона⁹. Да и в целом

мифология северо-восточных палеоазиатов и северо-западных индейцев образует некую общность, противостоящую мифологиям других народов Северной Азии и Северной Америки¹⁰. 4. В Европе МНП помимо финно-угров имеется лишь у северных русских (А1-5 и один вариант из бывшей Смоленской губ. — А6), в составе которых очевиден мощный финно-угорский субстрат. Мифы других славян, балтов и румын, видимо, не содержат всех трех тем МНП — здесь можно говорить лишь о косвенном влиянии.

Мнение о генетической общности МНП, о сибирских, урало-алтайских истоках сюжета неоднократно высказывалось рядом отечественных¹¹ и зарубежных¹² исследователей.

Сравнение мифов уральских народов (см. таблицу) позволяет определить два возможных прауральных варианта МНП.

МНП₁: по приказу демиурга на дно первичного океана ныряет утка или гагара, часто сам демиург в облике этих птиц. Ныряние, возможно, неоднократно. Из принесенного кусочка земли создается суша (Б1-2; В1-4; Д5, 6, 9; Е2-4).

МНП₂: по приказу демиурга (порою без него) на дно ныряет гагара, но не приносит земли. Затем ныряет утка (или подобная ей водоплавающая перелетная птица, но не гагара) и приносит землю, из которой по слову демиурга, а чаще без него, вырастает суша (Д2, 3, 7, 10; Е1, 5—7).

МНП₂ выглядит более сложным и одновременно более архаичным (отсутствие противостояния «бог — черт», имеющегося в большинстве МНП₁). Важно, что его варианты обнаружены у обских угров и самодийцев — народов, возможно, сохранивших многие черты культуры древних уральцев. Отметим, что, несмотря на сложность, МНП₂ имеет прекрасные параллели у неуральных народов Сибири (Ж1; 32; И1; К1) и несколько более отдаленные — в Северной Америке (Н4; П2-3; Р1; С1-3; Т1). Это также указывает на его глубокую древность. Можно предположить, что МНП₁ — результат деградации МНП₂: народам средней полосы Восточной Европы гагара почти не известна, поэтому в европейских МНП₁ ныряет, как правило, утка, в сибирских же — обычно гагара, а в Америке в напоминающих МНП₁ мифах — вновь утка (Н1-3; О1). Следовательно, едва ли евразийские и американские МНП₁ имели общий прототип, скорее они развились независимо из более сложных и древних вариантов МНП. Возможно, однако, что МНП₁ и МНП₂ сосуществовали очень давно. К примеру, для праурального уровня трудно предполагать монолитное единство мифологии пранарода: оба сюжета, вероятно, были представлены в ней в качестве «диалектных» вариантов.

Важно и то, что в МНП₂ гагара в роли неудачливого ныряльщика противопоставляется другой птице (утка, гоголь, турпан, чирок, поганка) — ныряльщику удачливому. Противопоставление это тем более разительно, что гагара порою отказывается нырять (Е6), обманывает демиурга, не отдавая принесенную землю (К1), и подвергается наказанию (Е6; Ж1; И1; К1), чего никогда не бывает с уткой, которую, напротив, награждают (Е6; И1; К1; Л3). Такое противостояние выглядит неестественно: на самом деле гагара ныряет лучше утки, но соответствует роли, которую играют утка (связь с небесными богами, добрыми духами)¹³ и гагара (связь со средним и нижним миром, защита от злых духов, проводник шамана в нижний мир)¹⁴ в мировоззрении носителей МНП. Оно к тому же соответствует месту этих птиц в мифологической картине мира эвенков¹⁵, кетов¹⁶, селькупов¹⁷, а также в картине мира, восстановимой для прафинно-угорской мифологии¹⁸, где мир делится относительно реки, текущей с юга (верхний) на север (нижний мир). Летающие на юг водоплавающие птицы связаны, таким образом, с верхним миром — небом, богами (отсюда обладание божественной силой в МНП₂), а живущие у Ледовитого океана гагары — с нижним и средним миром.

Нам неизвестны классические мифы типа МНП₂ (с противостоянием утка — гагара) в Северной Америке. В указанных выше американских параллелях

Содержание (основные мотивы) мифов о ныряющей птице

Тема	Мифы *																	
	A1	A2	A3	A4	A5	A6	B1	B2	B1	B2	B3	B4	Г1	Г2	Д1	Д2	Д3	Д4
И утка, и гагара				+										+	+	?	+	+
Только утка (утки) **	+	+	+		+	+		+	+	+	+	+						+
Только гагара (гагары)							+											+
Утка-бог		+								+				+				
Утка-черт	+	+	+	+	+				+		+	+						
Гагара-бог																		
Гагара-черт				+			+						+	+				+
Однократное ныряние	+	+					+		+	+		+	+	+				+
Неоднократное ныряние			+	+	+	+		+			+					+	+	+
Гагара приносит землю							+						+	+			?	+
Гагара ныряет неудачно				+												+	+	
Гагара отказывается нырять																		
Наказание гагары																		
Утка приносит землю	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+				+	+	+
Утка ныряет неудачно				+														?
Награждение утки																		
Получение божественной силы			+	+		+					+					+		
Другие животные / птицы																		
Тип мифа ***	1	1	1		1	1	1	1	1	1	1	1				2	2	1

Тема	Мифы *																	
	Д10	Е1	Е2	Е3	Е4	Е5	Е6	Е7	Ж1	З1	З2	И1	И2	И3	К1	К2	К3	К4
И утка, и гагара	+	+				+	+	+	?			+	?		+			
Только утка (утки) **											+			+			+	+
Только гагара (гагары)			+	+	+					+						+		+
Утка-бог																	+	+
Утка-черт																	+	+
Гагара-бог																		
Гагара-черт											+							
Однократное ныряние			+	+			+							+		+	+	+
Неоднократное ныряние	+	+			+	+		+		+	?	+	+		+	+	+	+
Гагара приносит землю			+	+	+					+			+			+		+
Гагара ныряет неудачно	+	+				+		+	+			+			+			
Гагара отказывается нырять							+											
Наказание гагары	+	+					+		+			+			+			
Утка приносит землю						+	+	+			+	+		+	+		+	+
Утка ныряет неудачно											?							
Награждение утки							+					+						
Получение божественной силы										+				+				
Другие животные / птицы									+		?					+		
Тип мифа ***	2	2	1	1	1	2	2	2	(0)	1	(0)	2		1	2		1	1

Тема	Мифы *																			
	Л4	Л5	М1	Н1	Н2	Н3	Н4	Н5	Н6	Н7	Н8	О1	П1	П2	П3	П4	Р1	С1	С2	С3
И утка, и гагара														+	+					
Только утка (утки) **	+			+	+	+	+	+	+	?	?	+	+			+	+	+	+	+
Только гагара (гагары)		+	+							?								+	+	+
Утка-бог															+					
Утка-черт																				
Гагара-бог																				
Гагара-черт		+																		
Однократное ныряние		+		+	+				+	+		+								+
Неоднократное ныряние	+		+			+	+	+					+	+	+	+	+	+	+	
Гагара приносит землю		+	+							?										
Гагара ныряет неудачно															+	+				
Гагара отказывается нырять																				
Наказание гагары																				
Утка приносит землю	+			+	+	+	+	+	+	?	?	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Утка ныряет неудачно							+						+	+			+	+	+	+
Награждение утки.																				
Получение божественной силы						+	+									+				
Другие животные/птицы	+												+			+		+		
Тип мифа ***		1	1	1				0	0	0	0				0	0	0	0	0	0

* См. Указатель.

** Под «уткой» подразумеваются противостоящие гагаре птицы: утка, лебедь, гусь, поганка.

*** МНП₀ — 0; МНП₁ — 1; МНП₂ — 2.

В скобки заключены варианты, которые лишь приблизительно могут быть отнесены к определенному типу.

лях к МНП₂ неудачно ныряют разные птицы (в том числе утки и гагары, а порой и звери), приносит же землю самая маленькая птица (специально оговорено и подчеркнуто в П3; С1), обладающая, видимо, особой, не физической силой (воплощение бога в П2). Данный вариант мифа обозначим МНП₀ (в нем в качестве удачливого и неудачливого ныряльщика противостоят не конкретные птицы — утка и гагара, а вообще маленькая, обладающая особой силой птица, приносящая землю, и крупные, но не способные добыть землю птицы¹⁹).

На фоне отсутствия противопоставления утка — гагара, т. е. каких-либо отголосков МНП₂, да и евразийских МНП₁ (см. выше), в Америке в евразийских мифах можно обнаружить следы мотивов, характерных именно для американских МНП₀: подчеркнуто малые размеры удачливого ныряльщика (Д2; Е6; Ж1—?) и мотив его чудесной или получаемой от бога силы (А3, 4, 6; В3; Д3; С1; Л4) — даже если в русских мифах этот мотив — наследие народно-христианской традиции, его появление в МНП весьма органично, ибо сложность задачи ныряльщика подчеркивается в большинстве мифов (ныряние, потому, как правило, неоднократное). Вообще в Евразии в МНП₂ удачливый ныряльщик всегда меньше по размеру, чем неудачник. Мотив наказания (проклятия) гагары, сопрягающийся с мотивом награждения утки, также может восходить к традиции МНП₀ (ср. создание рек для уток в награду за ныряние в Н3, 4). Учитывая все это, можно предположить, что МНП₀ является древнейшим сохранившимся в Америке вариантом мифа (эволюция сюжета шла здесь, очевидно, по другой линии), в то время как в Северной Азии одновременно с развитием указанных выше представлений о роли утки и гагары в мире на основе МНП₀ сформировался МНП₂, в котором место маленькой божественной птицы заняла утка, связанная с небесными богами, а место неудачливого ныряльщика — гагара.

Таким образом, в эволюции прауральского космогонического мифа можно предположительно наметить три стадии: 1. До уральская. Существовала до отделения американских носителей МНП от азиатских, среди которых были

и предки уральцев, входившие в состав более широкой и более древней, чем уральская, этноязыковой общности. Основной миф — МНП₀. Существование МНП₁ как диалектного варианта допустимо, но маловероятно. 2. Ранний уральская. Бытовала после отрыва американских носителей МНП. В среде сибирских племен (вероятнее всего, урало-алтайских) на основе МНП происходило становление МНП₂. МНП₁ возможен как диалектный вариант. 3. Прауральская, характеризовавшаяся развитыми формами МНП₂ на фоне соответствующей ему картины мира. На этой стадии распространены и варианты МНП₁.

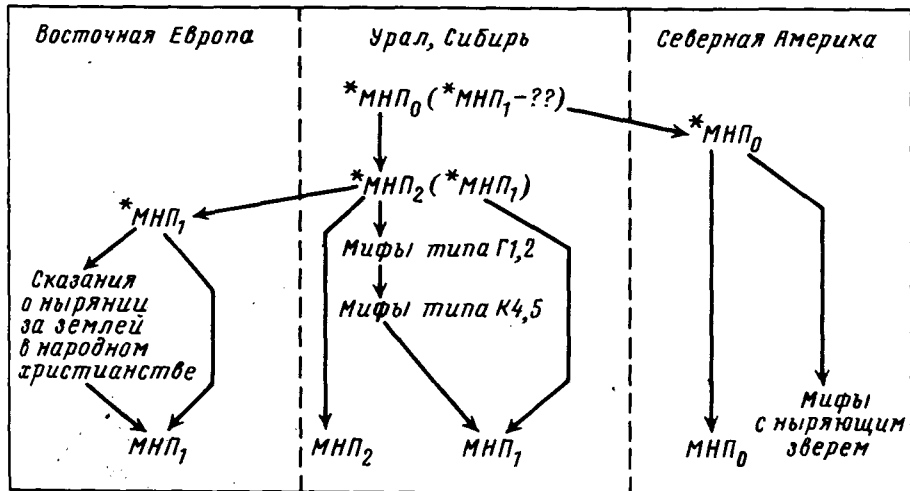
Можно предположить, что в Америке МНП₀ у предков ирокезов и восточных алгонкинов претерпел значительные изменения: птицы в мифе были заменены зверями. Но основная особенность МНП₀ сохранилась и в мифах ирокезско-алгонкинской традиции: неудачу терпят крупные звери (бобер, выдра), а землю приносит нырнувший последним самый маленький персонаж (ондатра, лягушка) ²⁰. Замечательно объяснение удачных действий ондатры в мифе этого типа: верхних чехалис: ондатра достала землю с помощью своих особо сильных духов-помощников, которые были только у нее и к помощи которых она до того не прибегала ²¹.

В Евразии с развитием у носителей МНП₂ дуалистических представлений более высокого уровня (типа бог — черт) соответственно меняется и миф: бог ассоциируется с уткой, черт — с гагарой, что соответствует роли этих птиц в МНП₂ и их месту в мифологической картине мира древнейших носителей МНП. Вероятно, одновременно меняются и роли птиц в мифе: (бог-утка уже не ныряет, а лишь приказывает, землю же приносит черт-гагара Г1, 2). Следующий шаг — потеря одного противостояния (утка — гагара) и возникновение нового: бог — светлая птица; черт — черная птица (А2; К4, 5). Замечательно, что в К4 утку-черта, принесшую землю, утка-бог наказывает за утайку части земли: не дает суши для житья, т. е. по сути дела так же, как наказывают гагару в Е6; Ж1; И1; К1. Возможно, истоки имеющего широкое распространение в Сибири и у финно-угров мотива «дырки в земле» (спор двух демиургов о владении сушей: бог не дает своему противнику землю, и тот выпрашивает место, чтобы воткнуть кол, затем делает дыру в земле и либо сам уходит под землю, либо из дыры вылезают комары, гады и т. п.) лежат в теме наказания гагары в МНП₂. К тому же гагара, как было отмечено, ассоциируется именно с нижним миром (точнее, входом в нижний мир).

От мифов типа А2; К4, 5 недалеко до МНП₁: раз бог не ныряет, его птичий облик с утратой древних верований теряет смысл и забывается.

Когда предки финно-угров расселялись на запад (в данном случае речь идет о древних носителях прауральского космогонического мифа, истоки которого могли находиться лишь восточнее Урала; поэтому, независимо от решения проблем происхождения финно-угорских народов, следует предполагать быстрое продвижение носителей МНП, вошедших в состав финно-угров Европы от Урала на запад), они, очевидно, включили в свой состав носителей МТЯ, который у прибалтийских финнов почти (а у саамов — полностью) вытеснил МНП. Хотя эти два сюжета представляют собой совершенно различные, несводимые к общей праформе типы космогонических мифов, в них имеются общие темы: творение посреди водного пространства и водоплавающая птица как участники творения, что, очевидно, облегчало восприятие и сохранение МТЯ носителями МНП и приводило к контаминации и даже смешению обоих сюжетов (как в некоторых мифах коми).

Сложен был путь развития МНП в Восточной Европе. Здесь, кроме северных областей, гагара — птица более чем редкая, поэтому она закономерно исчезла из МНП поволжских финно-угров и МНП₂ превратился в МНП₁. Скорее всего, уже в этом виде (МНП₁), вследствие контактных и субстратных финно-угорских влияний, МНП оказал воздействие на мифологию восточных славян и балтов ²². Но полностью МНП был воспринят, по-видимому, лишь предками русских

Гипотетически восстанавливаемая эволюция МНП в Северной Евразии и Северной Америке. (Знаком * обозначены реконструируемые праформы. В скобки заключены диалектные варианты. Стрелки показывают направление развития сюжета. В нижней строке — итоговые, исторически зафиксированные варианты мифов)

(в основном северных), т. е. там, где финно-угорское влияние было максимальным. Образ гагары в Б1, возможно, вторичен, хотя не исключено и проникновение на север Восточной Европы МНП₂ (ср. А4).

Еще раз МНП мог попасть в Европу вместе с предками венгров (Д1) и повлиять на восточнороманскую, югославянскую и галицийскую традиции. Здесь, однако, влияние МНП было слабее, чем на севере Руси, и образ ныряющей птицы (центральный в МНП) отсутствует. Появление темы ныряния за землей у южных славян вообще может объясняться русским влиянием²³. Очевидно, в славянской среде произошла контаминация богомильских (иранских по истокам) идей о творении суши среди вод, в которой особую роль играл Сатана, с традицией, восходящей к МНП (мотив ныряния за землей), в результате чего и сформировались своеобразные космогонические сказания народно-христианской традиции (о нырянии за землей Сатаны и т. п.), которые и дошли до нашего времени.

Эти сказания вследствие русского влияния вернулись затем к финно-уграм, оказав влияние на финно-угорскую мифологию (идея о Сатане как активном действующем лице творения), что видоизменило их древние мифы: черт и утка объединились в них, так как в обеих традициях (черт — в народно-христианской, утка — в древней уральской) они — удачливые ныряльщики (Б1; В1; 3, 4). К богомильскому же (народно-христианскому) источнику, видимо, восходит мотив утаивания части принесенной земли Сатаной (А3, 4, 6; Б1, 2; В1-4)²⁴. Данная схема (культурные импульсы от финно-угров к славянам и обратно) принадлежит А. Н. Веселовскому²⁵ и представляется наиболее правомерной. Нельзя вместе с тем исключать и других христианских (например, несторианских²⁶) влияний на финно-угорские и тюркские МНП. Важно то, что богомильская традиция как таковая (равно как и иранская) не содержит образа ныряющей птицы и ни в коем случае не может быть источником даже финно-угорских и тем более сибирских мифов²⁷. Выводы в обобщенном виде представлены на рисунке.

¹ Напольских В. В. Культ утки у финно-угров: евразийско-североамериканские параллели // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция (тезисы докладов). Т. 2. Устинов, 1987. С. 183—184; см. также: *Napolskikh V. V. The Diving-Bird Myth in Northern Eurasia and North America* // Brief Report // *Uralic Mythology and Folklore*. Budapest, 1989 (in print).

² Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. с. 187—188.

³ Там же. С. 164, 167, 168, 171, 175.

⁴ Хелимский Е. А. Самодийская мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 39.

⁵ Это мнение В. Г. Богораза (Богораз В. Г. Основные типы фольклора Северной Азии и Северной Америки // Сов. фольклор. Вып. 4—5. М.; Л., 1936. С. 45) и У. Харвы (The Mythology of All Races. V. 4. Finno-Ugric, Siberian. Boston, 1927. P. 321—328), встречающееся до сих пор в некоторых исследованиях. Вероятно, традиция рассмотрения МНП как «мирового» или «бродячего» сюжета восходит к работе: *Dähnhardt O. Natursagen. Eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legenden*. Bd. 1. Leipzig; Berlin, 1907. S. 35—38.

⁶ Критику работ О. Денхардта и У. Харвы см.: *Hatt G. Asiatic Influences in American Folklore* // Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske meddelelser. B. 3. № 6. København, 1949. P. 20—22, 28, 35.

⁷ *Count E. W. The Earth-Diver and the Rival Twins: A Clue to Time Correlation in North-Eurasian and North American Mythology* // *Indian Tribes of Aboriginal America*. Chicago, 1952. P. 62; *Rooth A.-B. The Creation Myths of the North American Indians* // *Anthropos*. 1953. Fasc. 3—4; P. 498—502; *Barnouw V. Wisconsin Chippewa Myths and Tales*. Madison, 1977. P. 54.

⁸ *Hatt G. Op. cit.* P. 26.

⁹ Мелетинский Е. М. Палеоазиатский эпос о Вóроне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 182, 194—195; *его же*. Палеоазиатский мифологический эпос: цикл Вóрона. М., 1979.

¹⁰ *Jochelson W. The Koriak Religion and Myth* // *Jesup North Pacific Expedition*. V. 6. Pt. 2. Leiden; New York, 1905. P. 355—360.

¹¹ *Коробка Н. И.* Образ птицы, творщей мир, в русской народной поэзии и письменности СПб., 1910. С. 20—21; *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 5 // Зап. Академии наук. Т. 46. СПб., 1889. С. 4—5, 32—33; *Акцорин В. А.* К вопросу об общем образе творца мира в космогонических мифах финно-угорских народов // *Вопр. славянского финно-угроведения*. Т. 1. Петрозаводск, 1974. С. 97; *Золотарев А. М.* Родовой страх и первобытная мифология. М., 1964. С. 278—280 и др.

¹² *Rooth A.-B. Op. cit.* P. 499; *Hatt G. Op. cit.* P. 22—28; *Hultkrantz A. Belief and Worship in Native North America*. Syracuse, 1981. P. 14 et al.

¹³ См., например, у удмуртов: *Васильев И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований веток Казанской и Вятской губерний. Казань, 1906. С. 45—46; у коми: *Плесовский Ф. В.* Космогонические мифы коми и удмуртов // *Этнография и фольклор коми*. Сыктывкар, 1972. С. 38; у манси: *Röheim G.* Hungarian and Vogul Mythology. Seattle; London, 1966. P. 33; у хантов: *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 284—285; *Steinitz W.* Ostjakisch Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten // *Ostjakologische Arbeiten*. Budapest, 1977. Bd. 1. S. 331—335; у селькупов: *Прокофьева Е. Д.* Старые представления селькупов о мире // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера*. С. 113, 118; у ненцев: *Хомич Л. В.* Шаманы у ненцев // *Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири*. Л., 1981. С. 22, 28, 31, 39; у кетов: *Анушин В. И.* Очерк шаманства у енисейских остяков. Сб. МАЭ. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1914. С. 7; у эвенков: *Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору* / Сост. Василевич Г. М. Л., 1936. С. 30.

¹⁴ См., например, у коми: *Плесовский Ф. В.* Указ. раб. С. 38; у обских угров: *Karjala nen K. F.* Die Religion der Jugra-Völker. Teil. 1. // *Folklore Fellow Communications*. V. 8. № 4. Porvoo, 1921. S. 71—72, 186—187; *Ibid.* II. V. 11. № 44. Porvoo, 1922. S. 24; у селькупов: *Прокофьева Е. Д.* Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сб. МАЭ. Т. 20. Л., 1961. С. 68; *ее же*. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Там же. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 353; у нганасан: *Попов А. А.* Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л., 1984. С. 81—84; у кетов: *Анушин В. И.* Указ. раб. С. 55—5; у эвенков: *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблем происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958. С. 61, 154, 167; *Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору*. С. 30.

¹⁵ *Анисимов А. Ф.* Указ. раб. С. 61—65.

¹⁶ *Николаев Р. Ф.* Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. С. 6.

¹⁷ *Прокофьева Е. Д.* Указ. раб. С. 59—60; Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980. С. 154, 157—158.

¹⁸ Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. Указ. раб. С. 189; *Hoppál M.* *Folk Beliefs and Shamanism Among the Uralic Peoples* // *Ancient Cultures of the Uralian People*. Budapest, 1976. P. 225.

¹⁹ Этот вариант как древнейший см. также: *Schmidt W.* *Das Tauchomotiv in Erdschöpfung*.

fungsmythen Nordamerikas, Asiens und Europas // *Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken*. P., 1937. S. 118—121.

²⁰ Типичные мифы этой традиции см.: *Barnouw V.* Op. cit. P. 39, 68; *Parker A. C.* *Seneca Myths and Folk Tales*. Buffalo, 1923; *Izquierdo Gallo M.* *Mytologia americana*. Madrid, 1957. P. 74, 81.

²¹ *Adamson T.* *Folk Tales of Coast Salish*. N. Y., 1969. P. 1—3.

²² Тезис не нов. Археологическое подтверждение факта распространения культового почитания утки от финно-угров к славянам см.: *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // *Археология СССР*. Свод исторических источников. Е1-60. Л., 1981.

²³ *Коробка Н. И.* Указ. раб. С. 4.

²⁴ *Золотарев А. М.* Указ. раб. С. 280.

²⁵ *Веселовский А. Н.* Указ. раб. С. 32, 116.

²⁶ *Сумцов Н. Ф.* Отголоски христианских преданий в монгольских сказках // *ЭО*. М., 1890. № 3. С. 4—5.

²⁷ *Коробка Н. И.* Указ. раб. С. 9, 18; *Золотарев А. М.* Указ. раб. С. 277—279.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Указатель мифов о ныряющей птице

A1 — русские (апокриф XVI в.): *Барсов Е. В.* Тивериадское море по списку XVI в. // *Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских*. Кн. 2. М., 1886. A2 — русские (Заонежье): *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. Вып. 5 // *Зап. Академии наук*. Т. 46. СПб., 1889. С. 68. A3 — русские (Север): Там же. С. 69. A4 — русские (Западная Сибирь): *Городцов П. А.* Западносибирские народные легенды о творении мира и борьбе духов. // *Этнографическое обозрение* (далее — ЭО). М., 1909. № 1. С. 51—52. A5 — русские (Западная Сибирь): Там же. С. 57. A6 — русские (Смоленская губ.): *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 1 // *Зап. Русского географического общества* (далее — РГО) по отделению этнографии. Т. 20. СПб., 1981. С. 229—230, 232—233.

B1 — финны (Восточная Финляндия): *Harva U.* *Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker* // *Folklore Fellow Communications*. V. 125. Helsinki, 1938. S. 101; B2 — карелы: *Мансика В. П.* Финские варианты к дуалистической легенде о сотворении мира // *ЭО*. М., 1909. № 2-3. С. 171—172.

B1 — мордва (эрзя): *Мельников П. И.* *Очерки мордвы*. Саранск, 1981. С. 53. B2 — мордва (мокша): Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10. Саранск, 1983. С. 188. B3 — мордва (мокша): *Веселовский А. Н.* Указ. раб. С. 12—13. B4 — мари: *Акцорин В. А.* Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии // *Вопр. марийского фольклора и искусства*. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1980. С. 15.

Г1 — коми-зыряне: *Плесовский Ф. В.* Космогонические мифы коми и удмуртов // *Этнография и фольклор коми*. Сыктывкар, 1972. С. 42. Г2 — коми-пермяки: *Грибова Л. С.* *Пермский звериный стиль (проблемы семантики)*. М., 1975. С. 30.

D1 — венгры: *Suhajda A.* *A föld és a világ keletkezése a Kalevalában meg a vogul énekekben, mondákban* // *Eötvös Loránd Tudományegyetem. Nyelvtudományi dolgozatok*. K. 3. Budapest, 1971. O. 65; участие двух водоплавающих птиц в венгерском мифе восстанавливается на археологическом материале: *Alföldi A.* *An Ugrian Creation Myth on Early Hungarian Phalarae* // *American Journal of Archaeology*. 1969. V. 73. P. 361; D2 — манси: *Гондатти Н. Л.* Следы язычества инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1880. С. 45. D3 — манси (Сыгва): *Munkácsi B.* *Magyar népköltési gyűjtemény*. Budapest, 1902. Kot. 1, kiégesz. fűz. O. 340—341; D4 — манси (Сыгва): Ibid. O. 339; D5 — манси (Лозьва): Ibid. O. 341—342; D6 — манси (Верхняя Лозьва): *Kannisto A.* *Materialen zur Mythologie der Vogulen* // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. V. 113. Helsinki, 1958. S. 76; D7 — манси (Конда): Ibid. S. 77—78; D8 — манси: *Чернецов В. Н.* *Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов)*. Л., 1935. С. 23—24. D9 — ханты: *Материалы по фольклору хантов* / Сост. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Т. 17. Томск, 1978. D10 — ханты (Нижневартовский р-н): *Легенды и сказки хантов* / Сост. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Томск, 1973. С. 27.

E1 — ненцы (лесные): *Lehtisalo T.* *Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samojeden* // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. V. 53. Helsinki, 1924. S. 8—9. E2 — ненцы (Туруханский край): *Григорьев П. И.* *Туруханский край, его природа и жители*. СПб., 1871. С. 202. E3 — ненцы:

Хомич Л. В. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 17. Е4 — энцы: Прокофьева Е. Д. Материалы по религиозным представлениям энцев // Сб. МАЭ. Т. 14. М.; Л., 1953. С. 204. Е5 — нганасаны: Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Сост. Долгих Б. О. М., 1977. С. 50. Е6 — нганасаны: Попов А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л., 1984. С. 4. Е7 — нганасаны: миф записан Е. А. Хелимским от нганасана Тубяку Костёркина.

Ж1 — юкагиры: Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1985. С. 23.

З1 — русские (Русское Устье): Фольклор Русского Устья. Л., 1986. С. 211—212. З2 — русские (Русское Устье): Там же. С. 213.

И1 — эвенки (общевенкийский): Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Вып. 1 / Сост. Василевич Г. М. Л., 1936. С. 4, 279. И2 — эвенки (Подкаменная Тунгуска) Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958. С. 155. И3 — нанайцы: Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. С. 13.

К1 — якуты: Третьяков П. И. Указ. раб. С. 207. К2 — якуты: Серошевский В. Л. Якут. СПб., 1896. С. 653. К3 — долганы: Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1977. С. 110. К4 — хакасы (качинцы): Катанов Н. Ф. Качинская легенда о сотворении мира // Изв. Общества археологии, истории и этнографии. Т. 12. Вып. 2. Казань, 1984. С. 185. К5 — алтайцы (Горный Алтай): Каташ С. С. Мифы, легенды Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1978. С. 3. К6 — алтайцы (куу-кижи): Narva U. Op. cit. S. 104.

Л1 — буряты: Жуковская Н. Л. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов Зарубежной Азии. М., 1980. С. 95. Л2 — буряты: Шашков Ш. Шаманство в Сибири // Зап. РГО по отделению этнографии. Т. 2. СПб., 1864. С. 30. Л3 — буряты: Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. Восточно-Сибирского отдела РГО. Т. 1. Вып. 2. Иркутск, 1890. С. 66, 67. Л4 — буряты. Там же. С. 66—67. Л5 — буряты: Шарашкина Н. О. Мифы бурят. Иркутск, 1980. С. 27.

М1 — кеты: Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сб. МАЭ. Т. 2. Вып. СПб., 1914. С. 14.

Н1 — сиу (племня не названо): The Mythology of All Races. V. 4. Finno-Ugric, Siberia. Boston, 1927. P. 327; Н2 — апсарока: Lowie R. H. Crow Texts. Berkeley; Los Angeles, 1905. P. 196, 201. Н3 — апсарока: Ibid. P. 207—209; Н4 — апсарока: Ibid. P. 198—199; Н5 — апсарока: Ibid. P. 195; Н6 — апсарока: Clark E. E. Indian Legends from the Northern Rockies. Norman, 1966. P. 289—290; Н7 — мандан: Dähnhardt O. Natursagen. Eine Sammlung naturdeutender Sagen, Märchen, Fabeln und Legenden. Bd 1. Leipzig; Berlin, 1907. S. 75; Н8 — дакота (вахпетов): Count E. W. The Earth-Diver and the Rival Twins: A Clue to Time Correlation in North-Eurasia and North American Mythology // Indian Tribes of Aboriginal America. Chicago, 1952. P. 6.

О1 — арикара: Burland C. North American Indian Mythology. L., 1975. P. 84.

П1 — черноногие: Wissler C., Duvall D. C. Mythology of the Blackfoot Indians // Anthropological Papers of American Museum of Natural History. V. 2. № 1. N. Y., 1908. P. 19; П2 — апанан: Schmidt W. Das Tauchmotiv in Erdschöpfungsmythen Nordamerikas, Asiens und Europas. Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken. P., 1937. S. 114—115. П3 — чейенн: Sanders T. E., Peek W. W. Literature of the American Indians. L., 1977. P. 22—23. П4 — чиппева: Dähnhardt O. Op. cit. S. 87.

Р1 — западные моно: Sanders T. E., Peek W. W. Op. cit. P. 53.

С1 — йокутс (гашову): Kroeber A. L. Indian Myths of South Central California // University of California. Publications in American Archaeology and Ethnography. V. 4. № 4. Berkeley, 1900. P. 204—205; С2 — йокутс (йоелмани): Ibid. P. 229—230; С3 — йокутс (трухохи): Ibid. P. 209—210. С4 — мивок: Ibid. P. 202; С5 — майду: Hatt G. Asiatic Influences in American Folklore // Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filologiske meddelelser. B. 31. № 6. København, 1949. P. 14.

Т1 — неветти: Dähnhardt O. Op. cit. S. 87.

ПРОБЛЕМА МАТРИЛИНЕЙНОСТИ В ДОКЛАССОВОМ И РАННЕКЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Более ста лет назад Ф. Энгельс выдвинул идею о том, что исторический процесс закабаления женщин был связан с классообразованием и становлением государства. В буржуазной же науке вопрос об эволюции социального положения женщин долго замалчивался, и лишь недавно он был остро поставлен феминистками в связи с новой волной выступлений за эмансипацию женщин в капиталистических странах¹.

На заре XX в. в буржуазной науке на смену идее прогресса пришли историзм и функционализм (Ф. Боас в США, А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский в Англии), а с ними игнорирование и дискредитация взглядов как К. Маркса и Ф. Энгельса, так и И. Бахофена и Л. Г. Моргана, идеи которых Энгельс использовал для выработки концепции первичности материнского права и эгалитарной материнско-родовой организации. Концепция материнского права и матриархата отвергалась как безосновательная фантазия, и возникшая по отношению к ней враждебность была так сильна, что в дальнейших исследованиях матрилинейных обществ вопрос об их эволюции если и рассматривался, то крайне сдержанно и с большими оговорками².

Между тем именно вопрос о неоднозначных обязанностях и разделении власти между женщиной, с одной стороны, и ее мужем и братом — с другой (загадка матрилинейности), ставил в тупик британскую социальную антропологию в годы ее расцвета. Проведя фундаментальное изучение систем родства, Дж. Мердок как будто бы не нашел аргументов «в пользу эволюционистского положения о первичности матрилинейности»³ и вторичности патрилинейности. Вместе с тем среди обширных собранных им материалов не нашлось ни одного случая перехода от патри- к матрилинейности, хотя примеров обратного рода было много. Лишь в последние 20 лет поднятый еще Бахофеном вопрос о материнском праве и ранних этапах материнской социальной организации начал снова обсуждаться, в частности, под углом зрения более высокого статуса женщин в древности⁴. При этом под влиянием феминистских идей некоторые авторы стремятся к более объективному анализу матрилинейных обществ⁵, тогда как откровенные феминистки пытаются доказать тезис о существовании в прошлом безусловно матриархальных обществ⁶. Перед учеными-марксистами и другими исследователями «новый» вопрос о «происхождении патриархата»⁷ встал в связи с дискуссией о сущности доклассового общества и причинах его трансформации.

Ранее мне приходилось отмечать⁸, что данные современной науки не подтверждают существования какой-либо древней матриархальной стадии как таковой. Но это еще не решает проблемы первичности матрилинейных социальных систем по отношению к патрилинейным, о чем в XIX в. писали Бахофен, Морган и Энгельс, к идеям которых мы и обратимся, опираясь на новые исторические данные.

Современные взгляды на место женщины в первобытном обществе

В центре научных споров о статусе женщины в древности, проходивших за последние 20 лет, стоял вопрос о том, было ли подчиненное положение женщин изначально универсальным явлением или возникло исторически, в ходе классообразования. Социобиологи и многие этнографы, придерживающиеся идеалистических взглядов, отстаивают теорию об универсальности или почти

универсальности подчиненного положения женщин⁹. Марксисты же и другие ученые-материалисты настаивают на том, что половое неравенство связано с возникновением частной собственности и институционализированной общественной стратификации¹⁰. В последние годы на смену неозолуционистской теории о первичности патрилокальных общин у бродячих охотников и собирателей¹¹ пришла более гибкая концепция, утверждающая адаптивное значение родственных связей у современных охотников и собирателей. Было показано, что в обществах, рассматривавшихся ранее под углом зрения доминирования «мужчины-охотника»¹², большую роль в хозяйстве играли женщины-собирательницы¹³.

В западной науке наблюдается большой интерес к социальной организации приматов, в которой ищут объяснение поведения ранних людей. Особое значение при этом придается силе и постоянству материнско-детских связей: некоторые специалисты считают такие связи изначальными и лежащими в основе древнейшей социальной организации¹⁴. Сложилась концепция, согласно которой ранняя семья у гоминид была основана не на постоянных связях обоих родителей со своим потомством, а на материнско-детской ячейке, скрепленной дежом пищи и длительной социальной близостью. По мнению С. Слокана для понимания социальной организации гоминид в плиоцене наибольшим интерес представляют те современные данные, которые связаны с матрилинейностью и патрилокальностью — «достаточно обычными характеристиками нашего биологического вида»¹⁵.

Наиболее последовательная теория о ранних материнских формах социальной организации человечества была выдвинута советскими учеными. К началу 50-х годов в советской науке возникло критическое отношение к матриархальной концепции¹⁶, а после 1955 г. произошел отказ от теории матриархата. На смену матриархальной концепции в работах советских этнографов пришли очень разные теоретические взгляды относительно характера древних общественных структур, особенно материнского рода. Некоторые авторы рассматривают материнский род как экзогамный коллектив, пришедший на смену групповому браку. Это соответствует современному представлению о том, что в определенный период истории родовая организация существовала в виде универсального социального феномена. Этот период многие связывают с поздним палеолитом, когда возник человек современного вида. Защитники материнской родовой теории (взгляды советских ученых в этом отношении расходятся) и материнско-родовая теория не является общепринятой) настаивают на первичности и универсальности материнского рода¹⁸. Современные охотничьи общества, где преобладает билатеральное родство, представляют, по их мнению, не изначальный тип, а результат распада прежней материнско-родовой организации.

Матрилинейность, характерная для материнского рода, была порождена не биологическими, а чисто социальными факторами. По Ю. Семенову, первичная матрилинейность была следствием дуально-родового брака¹⁹. Он считает, что древнейшая социальная ячейка состояла из матери и детей²⁰. Там, где на смену материнско-детской группе приходил групповой брак, возникали партнерские связи между мужчинами и женщинами, охватывающие также и их потомков (детей). Это привело к установлению новых социальных и экономических отношений с соседними группами, в результате чего появилась родовая экзогамия. Экономические связи женщин имели двойной характер: с детьми и половыми партнерами, а также со своими братьями и сестрами. Совершился переход от дислокального к патрилокальному брачному поселению, но главной экономической ячейкой остался материнский род.

В той же работе Семенов стремился доказать, что двойное родство у австралийских аборигенов — результат распада более раннего материнского рода. В целом первичность материнского рода хорошо согласуется с многочисленными фактами, собранными Мердоком.

Вместе с тем в основу периодизации первобытной истории советские авторы кладут не эволюцию систем родства, а формы хозяйства и связанные с ними социально-экономические отношения. Проблема матрилинейности рассматривается в их работах в свете изучения ранних форм именно социальной организации. Ведь объяснение первичности материнской социальной организации, основанное на биологических факторах, противоречило бы марксистскому подходу, опирающемуся на социальные факторы.

Анализ женских статуэток позднего палеолита и неолита

Вопрос о позднепалеолитических и неолитических женских статуэтках в Европе и Передней Азии привлекает внимание как марксистов, так и исследователей феминистской ориентации. Буржуазная наука рассматривала эти фигурки как отражение либо особого культа, либо абстрактных идей плодородия. Женские статуэтки ставили в тупик ученых, не разделявших теорию материнского рода. Загадочным считалось и внезапное исчезновение позднепалеолитических «Венер», вернувших свою былую популярность лишь в неолите.

Феминистски настроенные исследователи, особенно М. Гимбутас²¹, продемонстрировали картину последовательного проникновения из Передней Азии в Юго-Восточную Европу культурного комплекса, основанного на поклонении богине-матери. Образ «богини плодородия» достаточно сложен: он связан с контролем над плодovitостью не только людей, но и животных и вообще дикой природы, соединяя в себе тем самым доземледельческие и земледельческие черты. Согласно Гимбутас, позднее она превратилась в богиню возрождения, луны, став атрибутом оседлого матрилинейного общества, носительницей одновременно и жизни, и разрушительных сил природы. Тогда же был известен и мужской фаллический символ, который позднее фактически слился с женской символикой. Какого-либо резкого разделения на мужское и женское начала в неолите не прослеживается, и все же Гимбутас видит в рассмотренной символике отражение господствующего положения женщины-матери в обществе.

Анализируя сходные данные палеолитического искусства, советский ученый А. Д. Столяр рассматривает женские фигурки в свете широкой символической системы, отражающей становление человеческого самосознания²². В древнейшем искусстве он прослеживает выделение человека из природы, «раздвоение мира». В ходе эволюции анималистические сюжеты постепенно сменялись антропоморфными, ассоциировавшимися с абстрактным женским образом, символом воспроизводства самой жизни, что отражало торжество исторического над биологическим и было тесно связано с процессом сапиентации. В центре концепции Столяра — не женский культ или доминирование женщин, а древнее мировоззрение. Рассматриваемые мировоззренческие сдвиги революционизировали отношения человека с природой, а также взаимоотношения между людьми, в том числе между женщинами и мужчинами.

Матрилинейность и проблема ее исторического приоритета

По мнению многих советских ученых, материнская социальная организация первична. Хотя такая точка зрения не общепринята, все согласны с тем, что материнская социальная организация и материнское родство соответствует доклассовому обществу. В западной релятивистской антропологической литературе, где первичность материнской организации отрицается, данный вопрос рассматривается в связи с социально-политическими типами. При этом Мердок и феминистски ориентированные исследовательницы, использующие его метод²³, не видят связи между матрилинейностью и социополитическими типами, как эгалитарными, так и стратифицированными.

Важные уточнения в изучение матрилинейных систем внесли Д. Шнайдер

и К. Гаф, разграничившие понятия линейно-родственной группы и домохозяйства²⁴. Акцент на братско-сестринские, а не супружеские отношения может рассматриваться как взаимозависимость, а не зависимость женщин от мужской власти и защиты. Ведь от сестры зависела непрерывность родственных связей во времени, от брата — руководство, защита и забота. По мнению Д. Аберле, такие матрилинейные системы, как правило, не встречаются в экономически и политически развитых обществах, но он обошел молчанием вопрос о ранних этапах человеческой истории. В личном письме К. Гаф сообщила автору данной статьи, что, по ее мнению, в прошлом матрилинейность была распространена много шире, чем ныне. Хотя она считает матрилокальность необходимым, но недостаточным условием для матрилинейности, она признает, что наличие большого числа нематрилокальных матрилинейных обществ в современном мире указывает на существенные изменения в прошлом. Действительно, хорошо известно, что в условиях колониализма матрилинейные общества быстро исчезали. Так, в 1896 г. британские власти практически положили конец матрилинейности у тийяров в Северной Керале (Индия), приняв закон, устанавливающий для жен преимущества перед сестрами и материнскими родичами при наследовании имущества²⁵. В Гане в постколониальное время распространение наемного труда и товарного земледелия привело к усилению малой семьи, ослабив тем самым роль матрилиниджа²⁶. В целом все это соответствует выводам Э. Ликок о разрушительном воздействии товарно-денежных отношений на эгалитаризм в обществе наскапи.

Не менее интересны и иные данные о стойкости матрилинейности в условиях капитализма и наличия значительного прибавочного продукта. Так, на о-ве Наму (Маршалловы острова), несмотря на столетнее плантационное хозяйство (продажа копры), матрилинейные связи до сих пор сильны, в особенности в поземельных отношениях. Еще ярче пример толаи, сделавших значительные успехи на пути к капитализму (продажа копры и какао) и тем не менее сохранивших матрилинейный порядок наследования земли²⁷. Судя по данным из Замбии, в условиях проникновения капиталистических отношений и классовообразования матрилинейность сохранялась прежде всего в беднейших сельских районах. Сельские дельцы и торговцы справедливо видели в матрилинейности тормоз для предпринимательства, зато для сельского малоземельного или безземельного населения она была единственным способом получить доступ к земле и товарно-денежному хозяйству²⁸. Обобщив африканские материалы, М. Дуглас заключает, что, судя по опыту XX в., матрилинейность не противоречит конкуренции и экономическому развитию, так как, начиная рискованное дело, индивиды постепенно втягивают в него группу материнских родичей, которые проявляют при этом большую заинтересованность и активность²⁹.

Учитывая необычайную стойкость современных матрилинейных обществ, а также случаи исчезновения матрилинейности, можно предполагать, что в прошлом таких обществ было значительно больше, чем ныне. И действительно, в древности выявляются случаи исторического приоритета матрилинейности.

Матрилинейность в догосударственных и раннегосударственных обществах

Ирокезы и конфедерация ашанти — хорошо известные примеры существования в ранних государствах матрилинейности. Многие общества американских индейцев также достигли высокого уровня социально-экономического развития, сохранив матрилинейность, например чироки, чоктав, крики и др. на Юго-Востоке США. Во многих африканских государствах в предколониальное и колониальное время также господствовала матрилинейность.

В государствах Северной и Центральной Кералы на Малабарском побережье матрилинейность сосуществовала не только с кастовыми и классовыми различиями, но и с развитой военной практикой. Есть много данных о традициях группового брака в Центральной и Южной Керале, где все женщины среди найяров

итались «общими»³⁰. А в знатных матрилинейных кастах здесь приживались жесткой гипергамии, чтобы сохранить «чистоту» элитарных линиджей. Применяв таксономию Мердока для типологизации государств по размеру родонаселения («минимальное государство» включает 1,5—10 тыс. чел., «малое» — 10—100 тыс., «государство» — более 100 тыс. чел.), Шнайдер и Гаф обнаружили, что матрилинейность более всего коррелирует с «минимальным государством» (32% всех учтенных матрилинейных обществ), меньше — с «малым государством» (10%) и совсем мало — с «государством» (5%). А патрилинейность распределялась среди этих категорий следующим образом: 34% в «минимальных государствах», 13% — в «малых» и 15% — в «государствах». Таким образом, патрилинейность чаще встречалась в «государствах», а матрилинейность — в «минимальных государствах»³¹. Если рассматривать эти данные под эволюционным углом зрения, то выясняется, что с ростом размеров государства, т. е. с усложнением социально-экономической структуры патрилинейность и «минимальное государство» исчезают.

Сейчас переход к производящему хозяйству хорошо изучен в Передней Азии, Мезоамерике и Юго-Восточной Азии. Во всех этих случаях переход занял три — четыре тысячелетия. При этом в Старом Свете важную роль сыграло скотоводство, а в Новом при наличии большого разнообразия культурных растений скотоводство важного значения не имело³². Как такие различия отражались на общественной эволюции? Возможно, чем выше была роль палочно-мотыжного земледелия (причем не только в процессе классообразования, но и в дальнейшем), тем больше шансов имелось у материнских форм социальной организации сыграть значительную роль в историческом процессе.

Передняя Азия. Древние формы материнского родства, существовавшие в глубокой первобытности и сохранившие свое значение в самых ранних государствах, лучше всего представлены в Передней Азии. Постепенное накопление богатства (скот и рабы) и развитие военного дела по мере укрепления ранних государств являлись четкими индикаторами падения роли материнского родства и материнской социальной организации.

Судя по имеющимся данным, в период классообразования статус женщин в Передней Азии оставался высоким. В 6200—5400 гг. до н. э. в Чатал Хююке (Анатолия) существовали развитые ирригационное земледелие и скотоводство, развивались города и торговля при подсобных занятиях собирательством, охотой и рыболовством. В религиозной символике и мифологии преобладали богини, с которыми ассоциировалось не только земледелие, но и охота³³.

Важно, что женщин здесь хоронили вместе с земледельческими орудиями; детей и орудия погребали либо рядом с женщинами под крупными платформами, либо поодаль под маленькими платформами, но всегда отдельно от мужчин. Это свидетельствует о матрилинейном и матрилокальном обществе³⁴. Судя по погребальному обряду, социальной стратификации здесь почти не было, богатых могил не обнаружено. Характерно, что при всей значительности работ в Чатал Хююке их результаты почти никто не использовал для изучения статуса женщин³⁵.

Дальнейший ход классообразования прослеживается в Месопотамии по данным о погребальном обряде: там в могилы знати клали оружие и печати, а простых общинников — сосуды, украшения и орудия. Судя по быстрой поляризации таких погребений во времени, классообразование происходило весьма интенсивно³⁶. При этом есть данные о высоком положении женщин в древнем Шумере и их важной роли в становлении государства³⁷. Известно, что уже в протописьменный период простые земледельцы здесь были вынуждены обслуживать знать³⁸. Начались завоевательные походы, появилось рабство, а возникшее в результате этого богатство стало опорой власти месопотамских правителей. Рабы были заняты на общественных работах, а земледельцев все чаще привлекали к службе в численно растущем войске.

Захваченных на войне мужчин обычно убивали, в плен же брали в основ-

дом женщин и детей. Поэтому в раннединастический период среди пленны преобладали женщины³⁹. В ранних шумерских государствах хозяйственным и репродуктивным способностям женщин придавали большое значение. Следовательно, женское рабство заслуживает особого внимания как фактор первичного накопления богатства в процессе классовообразования и формирования государства.

В раннем теократическом государстве женщины занимали высокое положение в храмовой иерархии, например в Уре, где высшая администрация состояла из женщин. Одновременно женщины преобладали и среди работников храмового хозяйства (в ремесле и земледелии). Видимо, по статусу они были сродни илотам и происходили из семей, из поколения в поколение обслуживавших храмы. Иначе говоря, с древнейших времен классовые и половые различия не совпадали: высокий статус некоторых женщин ничуть не влиял на статус женщин в целом.

Производственной ячейкой общества являлась, очевидно, широкая группа родственников типа конического клана, которая и владела землей. На земле трудились члены такой расширенной семьи и рабы, точнее — рабыни. В раннединастическое время коллективистские порядки и обычаи отступали на задний план, и к 2000 г. до н. э. землевладение в целом было уже сугубо индивидуальным⁴⁰.

Падение роли общинных порядков в процессе становления государства отразилось и в наиболее ранних законах (серия эдиктов из Лагаша XXV в. до н. э.), которые требовали супружеской верности только от женщин, запрещали полиандрию и закрепляли патрилинейность. По Р. Рорлих, наличие полиандрии в раннединастической Месопотамии говорит о матрилинейности, а требование супружеской верности только от жены свидетельствует о патрилинейности и патрилокальности⁴¹. Закон об отделении женщин от детей и введение жесткого контроля за их сексуальностью — четкие показатели преобразования прежней материнской общины, триумфа частнособственнической идеологии и, очевидно, патриархальных социальных отношений.

В 1700—1190 гг. до н. э. в Анатолии существовало Хеттское царство, где наблюдался переход от матрилинейности к патрилинейности, что отражалось и в религии⁴². В царской семье практиковались браки между братьями и сестрами, и право наследования передавалось через царскую сестру (*тавананна*), т. е. престол переходил к ее сыну. Позднее, когда браки между братьями и сестрами были запрещены, тавананна сохранила должность жрицы, но трон уже передавался сыну ее брата. В первой половине II тыс. до н. э. новый могущественный хеттский царь отменил звание тавананны и сам стал первосвященником. Но матрилинейный принцип был еще так силен, что брат тавананны продолжал вполне законно претендовать на царскую власть. В силу того же принципа при отсутствии законного наследника (сына) трон переходил к мужу старшей дочери умершего царя⁴³.

Матрилинейный принцип наследования царской власти у хеттов был окончательно отменен в 1380 г. до н. э., когда царь сам стал выбирать себе наследника и по собственной воле мог присвоить титул тавананны своей жене. В хеттских законах этого периода (1450—1250 гг. до н. э.) отразилось стремление к жесткому контролю над женщинами и собственностью. Женщинам запрещалось продавать собственность своих мужей; сурово каралось насилие над замужней женщиной, а также обвинение ее в аморальности; замужняя женщина в отличие от рабыни и проститутки должна была носить покрывало; вступление девушки в добрачные половые связи влекло суровое наказание; женщинам разрешалось по своей воле делать аборт⁴⁴.

В Старовавилонском царстве, несмотря на тысячелетнюю тенденцию ограничения женских свобод, еще в 1800 г. до н. э. в Уре женщины не находились в полной зависимости от мужчин, хотя патрилинейные и патриархальные институты здесь уже давно существовали. В некоторых случаях женщины могли сам

заключать сделки, независимо от отцов, братьев или мужей. Наличие особого статуса у жриц или *харимтум* (обычно зависимые, бедные или безземельные наложницы, не имеющие семьи) давало им право на наследование имущества⁴⁵.

Любопытно, что харимтум находились под защитой могущественной богини Инанны-Иштар, не только узаконивавшей, но и освящавшей их торговые операции. Такая защита храмовых проституток кажется логичной при наличии жесткого контроля за поведением замужних женщин и суровых наказаний за супружескую измену. С развитием месопотамской цивилизации роль богини Инанны, когда-то самой могущественной из богинь, падала, и ко времени записи эпоса о Гильгамеше с ней уже не считались и высмеивали ее в мифе о триумфе войны (мужчина) над миром (женщина).

Таким образом, трансформация древнего статуса женщины и материнской общины в Месопотамии прослеживается очень четко. Хотя материнские формы социальной организации встречались и в раннеклассовый период, с развитием государственности и военного дела они уходили в прошлое. Нельзя понять эти изменения без учета роста контроля над женщинами и детьми в условиях развития частного землевладения, рабства, скотоводства и накопления богатства. Приведенные данные свидетельствуют об особом месте материнского родства и материнских форм социальной организации в становлении государственности, что заслуживает дальнейшего изучения.

Долина Нила. В Египте еще в додинастическое время встречались женские статуэтки, а позднее женские божества играли главную роль в религиозном культе. До Среднего Царства включительно царский титул здесь наследовался по материнской линии. В науке издавна дискутируется вопрос о матрилинейном наследовании престола и статусе женщин в Древнем Египте. Хотя некоторые авторы это оспаривают⁴⁶, египетские данные дают основания для предположения о матрилинейности. Это — и акцент на материнское родство в царской семье, и ссора дяди с племянником в мифе о Сете и Горе. О том же говорит порядок наследования престола путем брака с представительницей царского рода, а также высокое положение женщин в древнеегипетском обществе⁴⁷.

Главной фигурой в мифологии и религии египтян была богиня Исида. Она обучила своего брата-мужа земледелию и вернула его разрубленное на части тело к жизни. С древнейших времен она воплощала в себе принцип священного правления⁴⁸. В Греции и Риме Исиде поклонялись как богине-матери, причем у женщин в течение всей античной эпохи сохранялся особый культ Икиды.

Так как мать фараона своим статусом узаконивала его право на престол, женщины из царского рода считались «гарантом законности престолонаследия». Разумеется, это не матриархат, но наличие матрилинейного принципа наследования вряд ли можно оспаривать. Последнее прослеживается в глубь веков вплоть до II—III династий. Конечно, сама по себе матрилинейность еще не свидетельствует о высоком статусе женщин в целом. И действительно, в искусстве изображения жен и дочерей фараонов уменьшаются в размерах с Древнего до Нового Царства.

Минойский Крит. Около 3000 г. до н. э. на Крите начался процесс урбанизации с сопутствующей социальной стратификацией. Особенностью Минойского государства было отсутствие внутренних войн и необычно интенсивное развитие торговли, причем среди купцов были как мужчины, так и женщины⁴⁹. Основной социальной единицей был род, существовала общинная собственность на землю, а жрецы и знать жили за счет прибавочного продукта. Женские сюжеты преобладали в искусстве, причем женщины, выполнявшие сельскохозяйственные работы в раннеклассовый период, сохраняли ту огромную роль, которую они играли еще в неолитическом обществе. Как и в Анатолии, минойские женщины участвовали в охоте. Заметные следы материнского счета

родства, сохранявшиеся на Крите позднее, позволяют предполагать определенную роль матрилинейности в рассматриваемый период. По мнению некоторых авторов, на Крите существовал реальный матриархат — теократия во главе с царицей-жрицей. Об этом как будто бы говорят полное отсутствие изображений всемогущего мужчины-правителя и большая роль женщин в религии⁵⁰.

Китай. Будущие исследования в рассматриваемом направлении, возможно, позволят выявить аналогичную картину и в Китае. Судя по имеющимся данным, в период формирования древнекитайского государства женщины принимали активное участие в системе управления⁵¹. Особенности социальной организации и социального статуса женщин в китайском неолите хорошо согласуются с матрилинейностью в Китае шаньского времени (XVI—XI вв. до н. э.). Очевидный социальный дуализм выявляется в царском могильнике в Анянь⁵². Передача царской власти от дяди к племяннику и от деда к внуку показывает, что в раннединастический период наследование царской власти осуществлялось матрилинейно⁵³.

Хотя в древнем Китае имелось центральное правительство, отношения к женщинам в ранних источниках — подчеркнуто уважительное. Женщины, имевшие титул *фу*, могли владеть землей, исполнять ритуальные обязанности и даже руководить войском. Исходя из числа женщин, обладавших титулом *фу*, некоторые авторы считают, что он наследовался либо что его обладательница была в определенном родстве с правящим родом Шань.

Позднее, в эпоху Чжоу, тоже были известны могущественные царицы, устраивались также богатые погребения женщин с церемониальными и военными атрибутами. Правда, еще нет строгих доказательств матрилинейного счета родства в царской семье, однако объем политической власти, которой обладали женщины царствующей династии, объясняет критическое отношение к участию женщин в политике, сложившееся к эпохе триумфа конфуцианства (V в. до н. э.).

Корея. В эпоху Трех царств (57 г. до н. э. — 668 г. н. э.) произошло объединение уже существовавших в Корее государств: Когурё на севере и Силла и Пекче на юге. В этом образовании доминировало царство Силла с системой двойного родства⁵⁴. В раннеземледельческий период в Корее отмечалось равенство полов, причем предполагают, что в раннем неолите господствовали матрилинейность⁵⁵. Институт «комнаты зятя» в Когурё, или период матрилиальности, длившийся до достижения ребенком определенного возраста, считается обычаем, сохранившимся от эпохи господства матрилинейности.

И замужние, и незамужние женщины участвовали в земледельческих работах, составляя основную рабочую силу, платили налоги, наравне с мужчинами обеспечивали семью и оставались за хозяйек дома, когда мужчины уходили на войну. Мужчины и женщины в одинаковой мере делились на шесть возрастных категорий. В Силле право женщин руководить домохозяйством было распространено и среди простых общинников, причем им обладали даже незамужние дочери⁵⁶.

Однако после объединения Трех царств положение женщин начало ухудшаться. Сын все чаще наследовал отцу, причем в царской семье это с самого начала было правилом. И все же в Силле были известны три выдающиеся царицы, правившие в период консолидации древнекорейского государства. По мнению корейского исследователя Юнг Чанг Кима, в этом проявлялись существенные права, доставшиеся женщинам от более ранней «племенной» системы. Царица Сондок (632—647 гг. н. э.) пришла к власти благодаря тому, что все мужчины рода «священной кости» умерли. Источники не сохранили упоминаний о каких-либо возражениях против передачи трона женщине. Царице Сондок наследовала ее кузина Чиндок (647—654 гг. н. э.), вышедшая из того же рода. Царица Чинсон (887—897 гг.) правила много позднее, и это доказывает, что даже проникновение конфуцианства не привело к полной победе патриархальной традиции.

Мезоамерика. В целом вопрос о социальной эволюции, сопровождавшей развитие производительных сил и становление государственности в Мезоамерике, еще не рассматривался. Частично это объясняется тем, что американские археологи пока избегают реконструкций нематериальной сферы культуры. По имеющимся данным, оседлое земледелие сложилось здесь на базе высоко-специализированного присваивающего хозяйства, которым занимались много-семейные общины. Как известно, собирательство было преимущественно женским занятием, и логично предположить, что окультуривание растений производилось женщинами.

В связи со становлением государственности в долине Мехико по меньшей мере один автор указывает, что, «например, в Туле высшая власть принадлежала женщинам, а в Мехико происхождение царской власти связывали с женщиной по имени Иланкуитль»⁵⁷. Во всяком случае вначале в царском роду господствовала матрилинейность, и тольтекский линидж Кольхуакана обосновался в Мехико благодаря Иланкуитль, что позволило ацтекской династии претендовать на родство с самим Кетцалькоатлем. Хотя в классический период установился патриархат, женщины и тогда могли быть жрицами, а главный злак, маис, ассоциировался с женскими божествами.

* * *

Итак, надо отметить, что сложности с гипотезой о матрилинейности и матриархате возникали, в частности, из-за нечеткой терминологии. Одно время перенесение мифологических данных о правлении женщин на живую действительность, в которой встречалось родство по материнской линии, вело к отождествлению матрилинейности с матриархатом. Кроме того, идея первичности матрилинейности подавалась в политическом контексте, в котором идеи Моргана и Энгельса ассоциировались с социализмом и противопоставлялись историческому партикуляризму и функционализму в США и Англии, где эволюция систем родства отрицалась.

Недавно было высказано пожелание заново синтезировать разнообразные накопившиеся материалы по рассматриваемой проблеме⁵⁸. Но для этого вначале необходимо обобщить данные о матрилинейности. Вот почему здесь был детально рассмотрен вопрос о древности материнских форм социальной организации. Выяснилось, что они были распространены в прошлом много шире, чем принято считать; что матрилинейность наблюдалась во многих доклассовых обществах, а в ряде случаев продолжала существовать и в раннегосударственном периоде.

Разумеется, с марксистской точки зрения, смена филиации не является главным моментом трансформации древней общинной структуры, но в ней, безусловно, отражаются более существенные социально-экономические изменения, которые ведут к становлению классового общества. Это — изменения в отношениях собственности, разложение родовой организации, развитие военного дела и территориальная экспансия раннего государства. Но в условиях слабо выраженной социальной стратификации, ограниченного объема прибавочного продукта, связанного с примитивным богарным земледелием, при отсутствии территориальных захватов и рабства в раннем государстве вполне мог сохраниться материнский счет родства. На китайском и корейском примерах видно, что в раннем государстве могло существовать и двойное родство, объединяющее элементы матри- и патрилинейности. А о том, как велась борьба за уменьшение роли и в конечном счете отмену материнского принципа, свидетельствует хеттский пример.

Историю становления ранних государств трудно реконструировать, так как она не освещена в письменных источниках. Поэтому здесь нам приходится полагаться на теоретические положения и их применение для интерпретации древних материальных остатков. Крепкие связи внутри материнско-детской ячейки

хорошо известны у высших обезьян; предполагают, что такие же связи определяли и ранние этапы семейной жизни, что и обусловило первичность материнского рода. В современных индустриальных государствах или в странах третьего мира снова возникает «матрифокальная» семья как «новая» форма семьи, где матери-одиночки возглавляют домохозяйства.

Все это создает теоретические предпосылки для решения «загадки» женских статуэток, распространенных в Передней Азии и Европе в позднем палеолите и неолите. А отсутствие пространственно-временной преемственности между ними, возможно, указывает на более общий тип социальной организации, который преобладал в доклассовом обществе.

Более понятным становится и феномен современных матрилинейных обществ. Во-первых, можно предполагать, что в прошлом матрилинейность была распространена значительно шире. Об этом свидетельствуют данные о распаде матрилинейных систем в XVIII—XIX вв. в условиях колониализма. Во-вторых, как хорошо известно, при наличии многочисленных случаев перехода от матри- к патрилинейности обратной картины нигде не наблюдалось, и это тоже говорит об историческом приоритете матрилинейности, хотя в западной антропологии последнее до сих пор отрицается.

Сохранение матрилинейности в современных условиях развития товарного хозяйства и появления определенной социальной стратификации помогает понять случаи встречаемости матрилинейности в предклассовых и раннеклассовых обществах, так как матрилинейность в тенденции существует в «малых государствах», но исчезает в развитых государствах с увеличением объема богатства и развитием частной собственности. Типичные черты этой трансформации: женское рабство, ограничение свободы замужних женщин, законы о новом порядке наследования, появление патрилинейности и пр.

Итак, мне представляется, что имеется достаточно данных для вывод о широком распространении в доклассовых и раннеклассовых обществах матри- линских форм родства, включавших, в частности, матрилинейность, но не св- димых только к ней. Приведенные выше сведения доказывают перспективность исследований в этом направлении. Кроме того, обсуждение рассмотренной здесь гипотезы — хороший повод для диалога между учеными разных стран, мар- систами и немарксистами, археологами и этнографами.

Перевод В. А. Шнирельман

Примечания

¹ Webster P. *Matriarchy: A Vision of Power // Toward an Anthropology of Women*. N. Y., 1978; Leacock E. *Women's status in Egalitarian Society; Implications for Social Evolution // Current Anthropol.* 1978. V. 19. № 2; Fluehr-Lobban C. *Marxism and the Matriarchate One-Hundred Years After: Publication of the Origin of the Family, Private Property and State // Critique of Anthropology*, 1980. V. 7. № 1; Sacks K. *Engels Revisited: Women, the Organization of Production and Private Property*. Women, Culture and Society. Stanford, 1974.

² *Matrilineal Kinship*. Berkeley; Los Angeles, 1961.

³ Murdock G. P. *Social Structure*. N. Y., 1949. P. 187.

⁴ Hildebrandt H.-J. *Matriarchal Myth or Matriarchal Reality: Some Comments on the Present State of the Question*. 1986. (unpublished).

⁵ Schlegel A. *Male Dominance and Female Autonomy, Domestic Authority in Matrilineal Societies*. New Haven, 1972; Sanday P. R. *Female Power and Male Domination. On the Origin of Sexual Inequality*. Cambridge, 1981.

⁶ Rorhlich-Leavitt R. *Women in Transition: Crete and Sumer // Becoming Visible*. Boston, 1977. P. 39—59.

⁷ Lerner G. *The Creation of Patriarchy*. N. Y., 1986; Ruyle E. *On the Origin of Patriarchy and Class Rule*. 1988 (unpublished).

⁸ Fluehr-Lobban C. *A Marxist Reappraisal of the Matriarchate // Current Anthropol.* 1979. V. 20. № 2; eadem. *Marxism and the Matriarchate*.

⁹ Wilson E. O. *Sociobiology. The New Synthesis*. Cambridge, 1975; Schlegel A. *Sexual Stratification*. N. Y., 1977; Sanday P. R. *Toward a Theory of the Status of Women // Amer. Anthropol.* 1975. V. 75. № 5; Friedle E. *Women and Men. An Anthropologist's view*. N. Y., 1975.

¹⁰ Leacock E. *Op. cit.*; *Politics and History in Band Society*. N. Y., 1982; Gailey C. W. *Kinship Kingship. Gender Hierarchy and State Formation in the Tongan Islands*. Austin, 1987.

- ¹¹ Service E. R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. N. Y., 1962.
- ¹² Man the Hunter. Chicago, 1968.
- ¹³ Woman, the Gatherer / Ed. Dahlberg F. New Haven, 1981.
- ¹⁴ McGrew W. C. The Female Chimpanzee as a Human Evolutionary Prototype // Woman, the Gatherer.
- ¹⁵ Slocum S. Comment to Quiatt and Kelso's «Households and Hominid Origins» // Current Anthropol. 1982. V. 26. № 2. P. 215.
- ¹⁶ Fluehr-Lobban C. Marxism and the Matriarchate ...
- ¹⁷ Semenov Yu. I. More on Marxism and the Matriarchate // Current Anthropol. 1979. V. 20. № 4. P. 818.
- ¹⁸ Bromley Yu. V., Pershits A. I. Frederick Engels and Contemporary Problems Concerning the History of Primitive Society // Sov. Anthropol. and Archaeol. 1985. V. 23. P. 50, 51.
- ¹⁹ Семенов Ю. И. Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений // Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Т. 4. М., 1967.
- ²⁰ Semenov Yu. I. The Problem of the Transition from the Matrilineal to the Patrilineal Clan // Sov. Anthropol. and Archaeol. 1976—1977. V. 15. P. 8, 9.
- ²¹ Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe. Berkeley, 1982.
- ²² Stoliar A. D. On the Sociohistorical Decoding of Upper Palaeolithic Female Signs // Sov. Anthropol. and Archaeol. 1977. V. 16. № 2.
- ²³ Murdock G. P. Op. cit.; Schlegel A. Male Dominance and female economy...; *idem*. Sexual Stratification.
- ²⁴ Matrilineal Kinship.
- ²⁵ Gough K. Tiyyar: North Kerala // Ibid. P. 407, 408.
- ²⁶ *Idem*: The Modern Disintegration of Matrilineal Descent // Ibid. P. 635.
- ²⁷ Pollock N. J. Comment to Fluehr-Lobban C. Marxist Reappraisal of the Matriarchate // Current Anthropol. 1979. V. 20. P. 353.
- ²⁸ Poewe K. O. Matriliney and Capitalism: the Development of Incipient Classes in Luapula, Zambia // Dialectical Anthropol. 1978. V. 3. № 4. P. 344, 345.
- ²⁹ Douglas M. Is Matriliney Doomed in Africa? // Man in Africa. L., 1969.
- ³⁰ Gough K. Nayar: Central Kerala // Matrilineal Kinship. P. 370.
- ³¹ Aberle D. F. Matrilineal Descent in Cross-Cultural Perspective // Ibid. P. 681—686.
- ³² Kabo V. R. The Origins of the Food-Producing Economy // Current Anthropol. 1985. V. 26. № 5. P. 608.
- ³³ Mellaart J. Catal Hüyük: Neolithic Town in Anatolia. N. Y., 1967.
- ³⁴ Rorhlich R. State Formation in Sumer and the Subjugation of Women // Feminist Studies. 1980. V. 6. P. 78.
- ³⁵ Ho см.: Narr K. J. Mutterrechtliche Züge im Neolithikum (Zum Befund von Catal Hüyük) // Anthropos. 1968—1969. Bd 63—64. № 3—4; Шнирельман В. А. (Ред.). Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981 // Сов. археология. 1984. № 4. С. 265.
- ³⁶ Alekshin V. A. Burial Customs as Archaeological Source // Current Anthropol. 1983. V. 24. № 2. P. 143.
- ³⁷ Rorhlich R. State Formation in Sumer...; Diakonoff I. M. Women in Old Babylonia not Under Patriarchal Rule. // Economic and Social History of the Orient. 1986. V. 29. P. 327—342; Zagarell A. Trade, Women, Class and Society in Ancient Western Asia // Current Anthropol. 1986. V. 27. P. 415—430.
- ³⁸ Rorhlich R. State Formation in Sumer... P. 81.
- ³⁹ Zagarell A. Op. cit. P. 417.
- ⁴⁰ Ibid. P. 416.
- ⁴¹ Rorhlich R. State Formation in Sumer... P. 85.
- ⁴² Lerner G. The Creation of Patriarchy. N. Y., 1986. P. 154.
- ⁴³ Ibid. P. 155.
- ⁴⁴ Saggs H. W. F. Everyday Life in Babylon and Assyria. N. Y., 1965. P. 150, 151.
- ⁴⁵ Diakonoff I. M. Women in Old Babylonia...
- ⁴⁶ Troy L. Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History // Uppsala Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilizations. Uppsala, 1986. P. 103.
- ⁴⁷ Последнее особенно подчеркивают современные египетские феминистки. См. el-Saadawi N. The Hidden Face of Eve. L., 1980.
- ⁴⁸ Lerner G. Op. cit. P. 159.
- ⁴⁹ Rorhlich-Leavitt R. Women in Transition... P. 42.
- ⁵⁰ Ibid. P. 47, 49.
- ⁵¹ Munford Th. Women, Politics and the Formation of the Chinese State // Pre-industrial Women. Canberra, 1984. P. 6.
- ⁵² Chang K.-C. Early Chinese Civilization. Cambridge, 1976. P. 94, 95.
- ⁵³ Cooper E. Ten Section Systems, Omaha Kinship and Dispersal Alliance Among the Ancient Chinese // Current Anthropol. 1983. V. 24. № 3. P. 329.
- ⁵⁴ Women of Korea, a History from Ancient Times to 1945. Seoul, 1979.
- ⁵⁵ Lee K.-B. A New History of Korea. Cambridge, 1984. P. 6.
- ⁵⁶ Ibid. P. 39.
- ⁵⁷ Soustelle J. Daily Life of the Aztecs on the Eve of the Spanish Conquest. Stanford, 1961. P. 183.
- ⁵⁸ Hildebrandt H.-J. Matriarchal Myth or Matriarchal Reality?

© 1990 г.

А. Д. Франко, О. Е. Франко

**ФЕДОР КОНДРАТЬЕВИЧ ВОВК (ВОЛКОВ).
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

Федор Кондратьевич Вовк (Волков) (1847—1918 гг.) — известен как ученый широкого профиля — этнограф, антрополог, археолог, литературовед¹, но, пожалуй, излюбленным предметом его исследований была этнография. Еще в детстве, в живописном селе на Полтавщине, он начал присматриваться и прислушиваться к народным обрядам и песням. Затем утопающий в зелени фруктов садов Нежин, где Ф. К. Вовк провел гимназические, насыщенные бурными событиями шестидесятые годы. В гимназии образовался кружок по собиранию народных песен, поговорок, пословиц, в который входил Ф. К. Вовк и где у него выработалось особое, внимательное отношение к народному языку.

В Новороссийском (1865—1867 гг.) и Киевском (1867—1871 гг.) университетах, где Ф. К. Вовк учился на естественном отделении физико-математического факультета, он усиленно занимался химией и ботаникой, опубликовал свои первые научные исследования о смоле и хлорофиле (1869, 1871 г.).

В 1873 г. в Киеве было основано Юго-Западное отделение Русского географического общества (далее — РГО). В воспоминаниях о П. П. Чубинском — одном из его основателей — Ф. К. Вовк охарактеризовал деятельность РГО на Украине, которое в основном занималось сбором фольклорных и этнографических материалов. За время своего существования (1873—1876 гг.) Юго-Западное отделение РГО собрало и издало семь томов «Трудов», которые до сих пор считаются непревзойденными по количеству собранного материала.

Со свойственной молодости энергией Федор Кондратьевич как действительный член РГО с головой окунулся в работу. Он подготовил и дважды издал «Программу Юго-Западного отдела Императорского Русского Географического общества для собирания сведений по этнографии» (Киев, 1873, 1876 гг.) опубликовал несколько статей о народных названиях растений на Украине и об их применении в народной медицине, о ярмарках и орнаменте, собрал и материал о народных анекдотах, вошедший в сборник «Cryptadia» («Тайное»), вышедший во Франции несколькими выпусками на французском языке² (некоторые анекдоты были опубликованы также на украинском языке).

Ф. К. Вовк был одним из организаторов однодневной переписи населения Киева (2 марта 1874 г.) и III Археологического съезда (август — сентябрь 1874), на котором рассматривались вопросы не только археологии, но и других наук, в том числе и этнографии. На съезде также была образована секция исторической географии и этнографии России и славянских земель. Ф. К. Вовк выступил с сообщением «Отличительные черты южно-русской орнаментики». Эта работа длительное время оставалась единственным исследованием украинского орнамента. Автор в ней попытался не только систематизировать материал, но и выявить источники и пути восточного влияния на исследованные узоры и их цветовую гамму.

Рис. 1. Ф. К. Вовк (Волков). Румыния, 1881 г.

Летом 1875—1876 гг. в составе археологической экспедиции под руководством В. Б. Антоновича Ф. К. Вовк выезжал в Киевскую и Волынскую губернии, где собрал значительный фольклорный и этнографический материал. Параллельно он подготовил к изданию на украинском языке в Праге и Женеве (1878 г.) «Кобзар» Т. Г. Шевченко, в который вошли запрещенные в России произведения.

Ф. К. Вовк — активный член киевской «Громады». Она первоначально не ставила перед собой политических задач, а стремилась способствовать сохранению языка, обычаев и нравов украинского народа. Но постепенно, под влиянием революционного народничества и социалистических идей, передовая часть «Громады» стала на революционный путь. Квартира Ф. К. Вовка в Киеве превратилась в центр так называемой «Киевской коммуны», где постоянно читались лекции по политической экономии, в том числе по Марксу. Позже доносчик писал: «От него (Ф. Вовка — *авторы*) слышал о чтении им у себя на квартире систематического курса нигилистической естественной истории по Фохту, Молешотту, Бюхнеру, Фейербаху и др., где доказывалось отсутствие бога и пр. Зибер читал курсы социалистической политической экономии по Карлу Марксу, сочинение которого перевел на русский язык — „Критика Капитала“»⁴.

Вместе со своими ближайшими друзьями С. Подолинским, О. Терлецким, Н. Зибером и М. Драгомановым Ф. К. Вовк организовал типографию в Вене, а затем в Женеве, где издавал, а затем отправлял в Россию запрещенную литературу.

После ареста жены и детей в Киеве, Ф. К. Вовку удалось скрыться за границу. В Тульче (Румыния, 1879), Бухаресте (1880—1882), Женеве (1883—1887) он продолжает революционную деятельность, вступает в тесные контакты с деятелями разных политических направлений: народнического, либерального, революционно-демократического и социал-демократического (П. Лавров, С. Подолинский, М. Драгоманов, Ив. Франко, Г. Плеханов, З. Арборе-Ралли, П. Аксельрод, В. Засулич и др.).

Рис. 2. Ф. К. Вовк. Париж, 1901 г.

На протяжении всей жизни Ф. К. Вовк проявлял глубокий интерес к различным социалистическим теориям, внимательно следил за практикой борьбы пролетарских масс. Об этом свидетельствуют его конспекты, вырезки из газет и журналов о революционном движении в России и за рубежом; большая по объему работа, написанная им в 1878 г., — «Робітницька справа у Західній Європі і думки про спільне громадське життя» («Рабочее дело в Западной Европе и мысли о совместной общественной жизни»), — в которой освещена деятельность руководимого К. Марксом и Ф. Энгельсом Первого Интернационала и уделено много внимания Парижской Коммуне. В личном архиве Ф. К. Вовка, хранящемся в Институте археологии АН УССР, имеется автограф его лекции «Научные основания социализма»⁵. С начала 90-х годов, серьезно занявшись этнографией и антропологией, он постепенно отошел от социалистического движения, однако до конца жизни живо интересовался революционными событиями, происходившими в России и за рубежом.

В период эмиграции (1879—1905) Ф. К. Вовк совершал продолжительные экспедиционные исследования украинского и русского населения Добруджи, ремесленников Болгарии, знакомился с коллекциями музеев Вены, Рима, Неаполя, Флоренции, Берна, Женевы, Цюриха и Парижа.

Несмотря на лишения и болезни, часто не имея крыши над головой, ведя записи на оберточной бумаге, Ф. К. Вовк собирал ценнейшие материалы. Он опубликовал в «Киевской старине» под псевдонимами «Кондратович» и «Лупулеску» историко-этнографические очерки «Задунайская Сечь по местным воспоминаниям и рассказам» (1883 г. № I—III) и «Русские колонии в Добрудже (историко-этнографический очерк)» (1889 г. № I—V), а в 1890 г. в Болгарии — «Свадбарските обреди на славянските народи» («Свадебные обряды у славянских народов»).

Ф. К. Вовк исследует историю миграции и быт украинцев, русских и болгар в дельте Дуная. Ознакомившись с имеющейся литературой на польском, румынском, немецком и других языках, он обращается к непосредственным свидетелям происходивших событий. Особенно много сведений ему удалось получить у 120-летнего запорожского казака Анания Ивановича Коломийца, сохранившего прекрасную память.

С 1887 г. Ф. К. Вовк постоянно живет в Париже. В первые годы возможно «ради хлеба насущного», он публикует несколько статей о парижских художественных выставках.

Несмотря на бедность, Ф. К. Вовк усиленно занимается в Антропологической школе при Сорбонне сначала как слушатель, а затем как активный член парижского Антропологического общества. Здесь ученый познакомился с трудами

ми П. Брока, Л. Мануврие, А. Мортилье, Э. Тайлора. Он слушал лекции и вел научные изыскания в «Школе высших исследований», «Музее истории природы», «Музее Трокадеро». Одновременно Ф. К. Вовк изучал славянскую этнографию, археологию, антропологию.

В архиве Ф. К. Вовка сохранилось множество конспектов, в которых он записывал не только лекции, но и свои замечания и выводы⁶.

В 90-е годы он прослушал курсы лекций по этнографии, доисторической антропологии, этнологии, географической антропологии, социологии и многим другим смежным дисциплинам. Среди материалов архива — конспекты лекций А. Мортилье по этнографии (1896—1990 гг.), рукописные дополнения Ф. К. Вовка к корректуре статьи Л. Мануврие, конспекты произведений П. Брока по анатомии ископаемого человека, записи лекций М. М. Ковалевского, аннотации работ профессоров Сирета, Гами, Герве и др.⁷ Здесь же встречаются зарисовки одежды, утвари.

Почти ежегодно в летнее время Ф. К. Вовк как член парижского Антропологического и Доисторического научных обществ, а также Общества научных экскурсий в Париже выезжал в этнографические, географические и археологические экспедиции и экскурсии по Европе⁸. Особый интерес ученый проявил к изучению дольменов и в 1896 г. опубликовал посвященную им статью⁹.

В 1891—1892 гг. в парижском журнале «L'Anthropologie» (т. III—IV) была опубликована его работа «Брачный ритуал и обряды на Украине» («Rites et usages nuptiaux en Ukraine»), до сих пор сохранившая научное значение. На украинском языке эта работа была издана в Праге только в 1927 г. Институтом им. М. П. Драгоманова. На родине же она так и не публиковалась. Автор рассматривает в ней весь ход свадьбы (сватанье, «заручины», «гильце», «девичий вечер», каравай, венчание, встреча жениха и невесты у дома, «поезд молодого», выкуп, подарки, расплетение косы, раздел караваев, прощание с друзьями, «комора», посольство к матери, «перезва»), приводит обрядовые песни, описывает одежду и украшения, сравнивает обряды разных регионов Украины.

Интересовала Ф. К. Вовка и судьба обрядов украинского населения, оказавшегося за пределами родины — в Турции, Польше, Румынии, где наряду с традиционными обычаями, появлялись новые. У украинцев, живших в Красном Броде (Словакия), до начала XVIII в. существовал так называемый *вазар* — место, куда съезжались все, желавшие найти себе пару: молодежь, люди среднего возраста и даже старики. Девушки презжали туда в венках с лентами, а вдовы — в венках без лент. Парни и одинокие мужчины выбирали себе невест, а выбрав, произносили: «Ked ti treba chlora, pod do pora» (если тебе нужен мужчина, идем к попу) и тут же шли венчаться в находившуюся поблизости церковь. С женихами и невестами на вазар приезжали родители и родственники и после венчания играли здесь же свадьбу¹⁰. Возможно, этот обычай был порожден немногочисленностью и мозаичностью расселения украинцев в Словакии.

Необходимо подчеркнуть большой вклад Ф. К. Вовка в сбор свадебных обрядов и песен не только украинцев и русских, но и других народов, населявших Россию¹¹. Он собирал обычаи и обряды почти всех народов земного шара. В архиве ученого сохранились опубликованные и рукописные материалы о свадебных обрядах народов Франции (с начала XIX в.), а также Ирландии, Испании, Италии, Сицилии, Турции, Германии, Пруссии, Индии, Америки, Японии и многих других стран¹². Важно отметить, что Ф. К. Вовк рассматривал обряды в историческом аспекте, изучая летописный, фольклорный и археологический материал. Привлекали ученого особенности свадебных обрядов разных народов мира: совершение подвига, связывание полотенцами, укрытие покрывалом, купание в одной посудине, прохождение через отверстие в дереве, перепрыгивание через шпагу, обмен амулетами, исполнение ритуальных танцев, пение «бесовских песен», ломание палки.

Ф. К. Вовк опубликовал во французских, русских и украинских журналах ряд оригинальных работ на самые разные темы: о побратимстве; о легендах о Наполеоне в России; об амулетах крымских татар; о рыбной ловле; о свадебных обрядах в Болгарии; о различных формах захоронений (в саях, лодках, бересте, корзинах, камнях, в подвешенном состоянии и т. д.).

Важная заслуга Ф. К. Вовка в том, что, выступая в прессе, он знакомил мировую научную общественность с достижениями отечественной научной мысли в области этнографии, археологии и антропологии. Бесчисленные рецензии, аннотации, обзоры новой появляющейся в России и за ее пределами литературы в этих областях наук¹³ сделали имя Ф. К. Вовка (Войкова) известным в самых широких научных кругах. Он становится членом парижских Антропологического, Исторического и Доисторического обществ, львовского Научного общества им. Т. Г. Шевченко, Пражского научного общества, соредактором «Этнографических сборников», которые он издавал вместе с Ив. Франко и В. Гнатюком во Львове; корреспондентом чешского «Энциклопедического словаря Отто» и Большой французской энциклопедии, французского «Исторического журнала», а также ряда других журналов и газет. В 1899 г. Ф. К. Вовк вместе с Ив. Франко становится издателем журнала «Матеріали до українсько-руської етнології» (Львов), в одной из первых программных статей которого дает оценку современному состоянию этнологии, определяет ее задачи и указывает пути развития. В этом журнале публикуются и созданные им программы научно-этнографических исследований и собирания сведений о народной бытовой технике.

Заинтересовавшись фундаментальной работой известного чешского этнографа Л. Нидерле «*Lidstvo v době předhistorické*» («Человечество в доисторические времена»), Ф. К. Вовк перевел ее на русский язык и издал в 1898 г. в Петербурге под редакцией Д. Н. Анучина.

В 1900 г. Ф. К. Вовк — один из организаторов Всемирной выставки в Париже и приуроченных к ее открытию Международного съезда фольклористов и Конгресса по доисторической археологии, проходивших почти одновременно. Много усилий приложил он для создания русского этнографического отдела выставки и популяризации его экспонатов.

Средства на устройство выставки выделялись мизерные. Русское отделение ее не имело даже путеводителя, в то время как другие участники Всемирной выставки дарили всем посетителям красочные альбомы и проспекты.

Здесь же, на выставке, Ф. К. Вовк читал на протяжении нескольких месяцев курсы лекций. В отделе, посвященном России, были представлены бытовые предметы русских, украинцев, башкир, прибалтийских и других народов, населявших Россию.

При выставке был создан международный университет, включавший четыре секции: французскую, английскую, немецкую и русскую. Русскую секцию возглавляли И. И. Мечников и М. М. Ковалевский. Во время отчета о деятельности секций 7 октября А. Мортилье сделал доклад о развитии археологии в России, А. Покровский — о взаимосвязях археологии и этнографии, М. Ковалевский и Д. Пиралов — о культуре и быте кавказских народов, Ф. К. Вовк выступил с докладом «Наука неграмотных на Украине»¹⁴.

На международном съезде фольклористов, посвященном изучению славянского фольклора, который состоялся в сентябре 1900 г., был прочитан доклад Ив. Франко о фольклорных исследованиях в Галиции (сам автор приехал в Галицию), В. Охримович рассказал об остатках «первобытного коммунизма» в Галиции, Ф. К. Вовк — о народных знаниях вообще и на Украине в частности.

На Международном конгрессе по доисторической археологии и археологической антропологии Ф. К. Вовк выступил с рефератом об индустрии неолитического периода¹⁵. Кроме того, он вел экскурсии по выставке фотографий, посвященных раскопкам Кирилловской стоянки в Киеве, проведенным В. В. Хвойком. Ф. К. Вовк первым высказал мысль о датировке данного памятника эпохой мадлен на основании орнамантики на бивне мамонта. Такого же

нения придерживались исследователи этого периода Э. Пьетт и А. Мортилье. Впоследствии эти оценки вызвали бурные дискуссии, окончившиеся подтверждением догадки Ф. К. Вовка¹⁶.

В конце 90-х годов Ф. К. Вовк серьезно занялся исследованием эволюции ступни на всем протяжении развития человечества — от человекообразных обезьян до *Homo sapiens*. За научные успехи парижское Антропологическое общество наградило его большой медалью П. Брока и годовой премией Годара. На одной стороне медали выбита обрамленная миртовым венком надпись: «Th. Volkov 1901. Société d'Anthropologie de Paris», на другой: «Paul Broca 1824—1880».

С 1901 по 1905 г. по приглашению И. И. Мечникова и М. М. Ковалевского Ф. К. Вовк преподавал славянскую и сравнительную этнографию, а также антропологию и археологию в Русской высшей школе общественных наук в Париже (где в феврале 1903 г. читал лекции В. И. Ленин¹⁷). В архивном наследии ученого сохранились черновые курсы его лекций, в том числе по сравнительной этнографии¹⁸.

В 1905 г. в Сорбонне за работу «Скелетные видоизменения ступни у приматов и в человеческих расах» («Variations squelettiques du pied chez les Primates et dans les races humaines») Ф. К. Вовк получает степень доктора естественных наук.

На протяжении пяти лет (1902—1906) в каникулярное время по поручению парижского, а затем петербургского Антропологических обществ, этнографического отдела Русского музея и Научного общества им. Т. Г. Шевченко Ф. К. Вовк исследовал в историческом, антропологическом и этнографическом отношениях украинское население Галиции, Буковины, Венгрии и Сербии. Огромный материал, собранный им, ученый публиковал в парижских, петербургских и львовских научных изданиях¹⁹, популяризировал, читая лекции в Париже, Львове, а затем в Петербурге. Кроме того, он создал этнографические коллекции Русского музея (ныне хранятся в Государственном музее этнографии народов СССР).

Как уже упоминалось, Ф. К. Вовк как этнограф принадлежал к эволюционной школе. Главными представителями ее были Э. Тайлор в Великобритании, Ю. Липперт в Германии, Л. Г. Морган в США, П. Брока, Л. Мануврие и А. Мортилье во Франции, Д. Н. Анучин и М. М. Ковалевский в России.

Ф. К. Вовк получил заслуженное признание западноевропейских ученых благодаря большим знаниям, опыту и эрудиции. Он постоянно стремился на родину, но смог вернуться туда лишь после революции 1905 г. Однако в России не признавались ученые степени, приобретенные за границей, и Федору Кондратьевичу пришлось «добывать» их вторично.

Всю свою жизнь Ф. К. Вовк испытывал неустroенность: его жена и друг по революционной борьбе Христина Васневская с малолетними сыновьями была арестована в 1879 г. и выслана в Вятку, а затем в связи с болезнью (туберкулез) переведена в Астрахань. Так они были разлучены на всю жизнь, поскольку жить на родине Ф. К. Вовк не мог. Постоянная нужда и бесконечные поездки Ф. К. Вовка приводили к длительным разлукам и со второй его семьей, которую он создал уже в сорокапятилетнем возрасте. Жена с двумя детьми годами жила у родственников и знакомых Ф. К. Вовка в Румынии, на Украине, в Москве, еле сводя концы с концами, перебиваясь случайными заработками домашней учительницы, массажистки, переводчицы.

Двенадцать лет с 1905 по 1917 г. Ф. К. Вовк был хранителем Русского музея. Собирая этнографический материал в славянских землях, он выезжал на Балканы, в Чехию, Галицию и многие уголки России. До сих пор в Государственном музее этнографии народов СССР хранятся коллекции, собранные ученым, и наиболее полные из них — по украинцам. Сохранились там и архивные документы, переписка, описи этнографического материала, характеризующие деятельность Ф. К. Вовка по созданию музея, его экспозиций, приобретению оборудования и т. п.²⁰

Рис. 3. Ф. К. Вовк с женой. Париж, около 1900 г.

В 1906—1917 гг. Ф. К. Вовк был одним из организаторов и преподавателей Свободной высшей школы им. Лесгафта и Педагогической Академии Лиги «Образования» в Петербурге (1907—1912 гг.), созданной на общественных началах.

С 1907 г. он приват-доцент, а затем доцент кафедры географии Петербургского университета, председатель Антропологического общества, действительный член русских Археологического и Географического обществ, заместитель председателя Общества помощи нуждающимся студентам им. Т. Г. Шевченко в Петербурге.

В 1908 г., накануне XIV Археологического съезда, Ф. К. Вовк открыл палеолитическую стоянку в с. Мезин Полтавской губернии и сделал сенсационный доклад на съезде.

В 1910 г. ученый как президент Русского антропологического (Петербург) и член парижского Антропологического обществ, принимал участие в конференции Доисторического французского общества.

17 января 1911 г. в Петербурге Ф. К. Вовк выступил с научным докладом «Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России», который был опубликован в Ежегоднике Русского антропологического общества²¹.

В сентябре 1912 г. на XIV Международном конгрессе по антропологии и доисторической археологии в Женеве Ф. К. Вовк прочитал доклад о раскопках Мезинской палеолитической стоянки (в дальнейшем опубликовал статью). Там же он был награжден премией Кана. Конгресс принял предложение Ф. К. Вовком единую международную систему антропологических измерений, выработанную французской антропологической школой (к которой принадлежал и Ф. К. Вовк) еще в 1907 г. (Антропологический конгресс в Монако).

С 1910 г. Ф. К. Вовк (Волков) — редактор «Ежегодника Русского антропологического общества» при Петербургском университете, в котором публи-

вались археологические и этнографические материалы. В ежегоднике особое внимание уделялось исследованиям народов Сибири, Океании, Африки, материалам об их быте, экономике, праве, системе землепользования и т. д. Ф. К. Вовк любовно собирал коллекцию африканских, южноамериканских и эскимосских масок и амулетов, что было для него своего рода «хобби». Им написана статья «Этнографические коллекции из бывших Российско-Американских владений. Предметы, поступившие из Царскосельского арсенала»²³.

Как активный член Русского географического общества, ученый был одним из организаторов проходившего в Петербурге в 1916 г. XI Международного географического конгресса и одним из авторов готовившегося издания «Географический очерк Российской империи»²⁴.

Большую работу проводил Ф. К. Вовк в Комиссии по изучению племенного состава России. Им были разработаны анкеты-вопросник и программа сбора этнографических и антропологических данных. Война и разруха не дали возможности окончить начатую работу. Впоследствии поступившие материалы были использованы для составления этнографических карт.

В 1916 г. увидели свет исследования «Этнографические особенности украинского народа» и «Антропологические особенности украинского народа»²⁵, являющиеся итогом многолетней работы Ф. К. Вовка и его последователей. За эти работы Ф. К. Вовк получает золотую медаль Русского географического общества и звание доктора антропологии и этнографии «honoris causa» Петроградского университета.

29 ноября 1916 г. французское правительство наградило Ф. К. Вовка орденом Почетного Легиона, желая подчеркнуть этим значение научных связей России и Франции.

29 октября 1917 г. Ученый совет Киевского университета избрал его заведующим кафедрой географии и этнографии. Но признание ученых заслуг пришло слишком поздно. 29 июня 1918 г. в Жлобине под Гомелем по пути в Киев, заболев воспалением легких, на 72-м году жизни Ф. К. Вовк скончался. Похоронен он на сельском кладбище.

Научное и научно-популярное наследие Ф. К. Вовка включает 455 опубликованных работ. Коллекции и материалы, собранные им, составляют ценнейшую часть фондов многих музеев страны. Его громадный, еще мало изученный научный архив — целая сокровищница прогнозов, мыслей, научных гипотез. Его библиотека стала основой книгохранилища Института археологии АН УССР.

Ф. К. Вовк считал, что в круг антропологических наук входят: физическая антропология, палеоантропология, этнография и этнология²⁶. Ученый полагал, что наука о человеке, или антропология могла возникнуть только на основе общего естествознания, геологии, палеонтологии, биологии. Около середины XVIII в. возникла антропология, затем — палеоантропология — предэсторическая антропология и только после нее — наука о человеческом быте — этнография и последняя в этом ряду — наука о происхождении народов, составе и характере жизни — этнология. Р. Оуэн, Ч. Дарвин, Г. Мортилье, К. Бер, П. Брока, Л. Мажуврие, Э. Тайлор, А. Мортилье поставили эти науки в связь с другими естественными науками и общими теориями эволюции. Сначала этнография была простым описанием разных народов, затем она стала выделяться в отдельную науку — сравнительную этнографию. Сейчас этнография, — заключает Ф. К. Вовк, — «выработала научную методику, систематизацию, классификацию и научную обработку». По его мнению, «планетарные исследования всех народов мира», сравнительная этнография могут дать хорошие результаты.

Ф. К. Вовк прошел школу передовой западноевропейской науки того времени. Ученый подчеркивал необходимость разработки: 1) «планов и систем исследований»; 2) установления единства научных приемов и методов исследований; 3) «регистрации и научной обработки результатов и их издания»; 4) «созыва совещаний, конференций» и т. п. Самой большой, на наш взгляд, заслугой Ф. К. Вовка как ученого явилось ознакомление европейской, а благодаря этому

и мировой научной мысли с достижениями отечественной этнографии, археологии, антропологии.

Ф. К. Вовк потратил много усилий для создания кафедры антропологии и этнографии в Петербургском и Киевском университетах. Сохранились его доклады, записки, письма о необходимости учреждения специальных кафедр изучения славянских народов²⁷. Ученый пишет, что в славянских странах уже сформировались лингвистическое, статистическое, археологическое, фольклорное и этнографическое направления, особенно в Чехии.

Немаловажное значение придавал он вопросам изучения истории домостроительства от домов на сваях до многоэтажных строений. Интересовали его хозяйственные постройки, дворы, ограды, ворота, хозяйственный инвентарь, водные и наземные средства передвижения, канатное передвижение и т. д.

Ф. К. Вовк собирал сведения о ремеслах и их технике (гончарство, «золотарство», сапожничество, ткачество), о торговле ремесленными товарами, отхожих промыслах (чумацтво, сплав леса, добыча угля). В его архиве сохранились выписки и черновые материалы, посвященные хлебопашеству, виноделию, рыбной ловле, пчеловодству, шелководству, скотоводству, птицеводству²⁸.

В круг его интересов также входили народный календарь, народная медицина и знахарство, народная математика, «наука неграмотных»²⁹.

Объектом изучения Ф. К. Вовка были религия (сектантство, раскольниковство), народные верования и обряды: русалии, опахивание, купальские костры, побратимство, кумовство, людоедство, убийство стариков и др.³⁰

Ф. К. Вовк собирал сведения о культуре и быте национальных меньшинств России — вогулов, айнов, ногайбаков, черемисов, самоедов. Сохранились фотографии, зарисовки типов людей, построек, отдельных предметов и т. д.

Необходимо отметить, что в личном фонде Ф. К. Вовка хранится уникальный, весьма обширный иллюстративный материал. Сам исследователь отличался фотографическим талантом и фотографировал. Если учесть, что Ф. К. Вовк объездил много стран и познакомился со многими народами (а его интересовали и современность и прошлое) и что его друзья и многочисленные знакомые, зная о его увлечении, собирали и высылали ему различный материал, можно представить богатство иллюстративного материала, находящегося в личном фонде ученого. Особенно это касается фотографий типов людей и одежды. Здесь уместно сказать и о обширной переписке Ф. К. Вовка, включающей 5479 писем от 755 корреспондентов, среди которых выдающиеся политические и общественные деятели, известные ученые, писатели, собиратели этнографических материалов, рабочие, крестьяне. В архиве Ф. К. Вовка хранятся письма Д. Н. Анучина, В. А. Городцова, Л. Нидерле, А. А. Шахматова, Г. Мортилье, Л. Мануврие, М. Ф. Биляшевского, В. М. Гнатюка, И. Я. Франка, П. Б. Аксельрода, Л. А. Волкенштейн, В. И. Заслич, О. М. Покровского, Н. И. Лебедева, а также Я. В. Чекановского, А. Черни Д. А. Клеменца, касающиеся проблем этнографии, кроме того сохранились 105 черновиков писем Ф. К. Вовка.

Ф. К. Вовк хранил в своем архиве рукописи этнографов В. Г. Богораз, А. Веретельника, М. Дикарева, Ю. Талько-Гринцевича, В. Зуева, Д. А. Клеменца, Л. Костинова, Д. Ухтомского и других.

Ф. К. Вовк создал научную школу. Среди его последователей — академик, член лондонского королевского Антропологического общества П. П. Ефименко, известные ученые С. И. Руденко, Л. А. Капица, Д. А. Золотарев, А. З. Носов, М. Я. Рудинский, А. Г. Алешо и другие. Благодаря А. Г. Алешо, в 1921 г. в Киев были перевезены архив и библиотека Ф. К. Вовка и создан Музей антропологии и этнографии им. проф. Федора Вовка, состоявший из трех разделов: этнографии, антропологии и предистории. Музей (впоследствии Кабинет) развернул широкую научную, издательскую и выставочную работу. В тридцатые годы Кабинет был закрыт, Ф. К. Вовку «наклеен ярлык» буржуазного националиста, а заведующий Кабинетом М. Я. Рудинский сослан в Вологодскую область.

Возможно, не все во взглядах и научных выводах Ф. К. Вовка выдержало

испытание временем, однако настала пора вернуть ему доброе имя учёного и прогрессивного общественного деятеля.

! Статья является только первым шагом в изучении богатейшего научного наследия Ф. К. Вовка, глубокое и всестороннее исследование которого еще впереди.

Примечания

- ¹ Волков или Вовко Ф. К. // Энциклопедич. словарь / Изд. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Т. I/Д. СПб., 1905. С. 1—5; *Анучин Д. Н.* Ф. К. Волков (1847—1918) // Русский антропологический журнал. 1923. Т. 12. Вып. 3—4. С. 78, 79; *Золотарев Д. Ф.* К. Волков // Русский исторический журнал. 1918. № 5. С. 353—365; *Житецький І.* Спогади В. К. Дебагорія-Мокрієвича за Ф. Вовка // Україна. Київ, 1928. № 4. С. 77—79; *Стельмах Г. Ю., Приходько М. М.* Ф. К. Вовк (до 130-річчя від дня народження) // Укр. істор. журнал. 1967. № 3. С. 125—128; *Лінка Н., Кузнецова С.* Архів Ф. К. Вовка // Архіви України, 1967. № 6. С. 70—75.
- ² *Cryptadia. P.*, 1902; Научный архив Института археологии АН УССР (далее НА ИА АН УССР). Ф. 3. В. 178—183; Список растений с народными названиями и этнографическими примечаниями // Зап. Юго-Западного отд. Импер. Русского географического общества. Т. I. Киев. 1893; О сельских ярмарках и значении их для изучения ремесел и кустарной промышленности // Там же.
- ³ Труды третьего Археологического съезда в России 1894 г. в Киеве. Т. I, II. Киев, 1878. С. 317—326.
- ⁴ НА ИА АН УССР. Ф. 3. В. 384. Л. 2; Центральный государственный исторический архив УССР. Ф. 442. Оп. 830. Д. 41 «а».
- ⁵ НА ИА АН УССР. Ф. 3. В. 385—386.
- ⁶ Там же. Ф. 3. В. 77—80; В. 23.
- ⁷ Там же. В. 53. В. 72—77.
- ⁸ Там же. В. 84.
- ⁹ Там же. В. 54, 55.
- ¹⁰ Там же. В. 162.
- ¹¹ Там же. В. 130—131. В. 134, 137, 138, 139, 140—142, 105.
- ¹² Там же. В. 106—123, 143—145, 146—148; В. 151, 152—157, 167.
- ¹³ *Вовк Г.* Бібліографія праць Хведора Вовка 1847—1918. Київ, 1929.
- ¹⁴ НА ИА АН УССР. Ф. 3. В. 86, 304 «а».
- ¹⁵ Матеріали до українсько-руської етнології. Т. 3. Львів, 1900. С. 181—182.
- ¹⁶ НА ИА АН УССР. Ф. 3, В. 36; *Бахмат К. П.* Вікентій Вячеславович Хвойка (до 50-річчя з дня смерті) // Археологія. Київ. 1964. № XVII. С. 192.
- ¹⁷ *Сарбей В. Г., Франко О. О.* Паризькі уроки вождя // Вітчизна, 1987. № 11.
- ¹⁸ НА ИА АН УССР. Ф. 3. В. 282.
- ¹⁹ *Tylor Edw.* On American Lot-games // *Anthropologie. P.*, 1897; (Рецензия). Une note sur Ethnographie // *Rev. des Traditions populaires. P.* 1891; Les villes englouties en Russie // *Ibid.* 1892. 895; Антропологічні досліді українського населення Галичини, Буковини і Угорщини. І. Гуцули // Матеріали до українсько-руської етнології. Т. X. Львів, 1908; Sacrifices humains en Grande-Russie // *Anthropologie. P.*, 1894; Об организации антропологических исследований славянских племен // Зап. Импер. Академии наук. СПб., 1912. Международные соглашения для объединения антропологических измерений // Ежегодник Русск. Антропол. Общества. Т. IV. 1913; Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России // Там же.
- ²⁰ Научный архив Государственного музея этнографии народов СССР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 73, 80; Центральный государственный исторический архив СССР. Ф. 472. Оп. 27 (410). Д. 42. Л. 60, 65, 6, 90, 95, 116, 119, 122, 140, 144, 146, 149: ф. 565. Оп. 3. Д. 1558. Л. 40, 42, 43, 45.
- ²¹ Ежегодник Русского антропологического общества. Т. V. СПб., 1913.
- ²² *Nouvelles découvertes dans la station paléolithique à Mesine* // XIV Congress international Anthropologie et d'archéologie préhistorique. Genève, 1912; НА ИА АН СССР. В. 39.
- ²³ Материалы по этнографии России. Т. I. СПб., 1910.
- ²⁴ НА ИА АН УССР. Ф. 3. В. 87.
- ²⁵ Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916. С. 427—647.
- ²⁶ НА ИА АН УССР. Ф. 3. В. 304.
- ²⁷ *Волков Ф. К.* Об организации антропологических исследований славянских племен // Зап. Императорской Академии Наук. СПб., 1912; НА ИА АН УССР. Ф. 3. В. 4; Славяне. Там же. 1. 1—10.
- ²⁸ НА ИА АН УССР. Ф. 3. В. 164, 194, 197, 209, 214, 230, 236, 224, 234, 248, 256, 330, 349.
- ²⁹ Там же. В. 225, 242, 244, 323.
- ³⁰ Там же. В. 244, 323, 400—405.
- ³¹ Там же. В. 249, 250.

© 1990 г.

Лев Самойлов

ЭТНОГРАФИЯ ЛАГЕРЯ

«Преступный мир,— высказался хорошо знакомый с ним Варлам Шаламов,— с Гуттенберговских времен и по сей день остается книгой за семью печатями для литераторов и читателей». Шаламов считает, что крупнейшие русские писатели, касавшиеся этой темы,— Достоевский, Толстой, Чехов, Горький — либо романтизировали и идеализировали уголовников, либо ошибались и не описывали настоящих «блатных» вовсе, принимая за них случайные фигуры. Ибо, заявил он, «блатной мир — это закрытый, хотя и не очень законспирированный „орден“, и посторонних лиц для обучения и наблюдения туда не пускают». До недавнего времени и правоохранительные органы ревностно оберегали лагерь от внешнего наблюдения, не предоставляли прессе доступ туда. Эта закрытость, по существу за немногими исключениями, остается и сейчас².

Мне, можно сказать, повезло.

В 1981—1982 гг. я отбывал заключение в ленинградской тюрьме «Кресты», а затем в лагере (исправительно-трудовой колонии) на окраине Ленинграда. Срок был сравнительно небольшим (полтора года), и поскольку я не признавал за собой вины, имея в виду добиться реабилитации, то отбыл его полностью. Перед тем я преподавал в Ленинградском гос. университете и занимался научными исследованиями — мои работы печатались в археологических, этнографических, исторических и философских изданиях. Это предопределило мою ориентацию в тюрьме и лагере — дало мне возможность отвлечься от личных невзгод и с интересом войти в чуждую и буйную среду. Среду, в которой скопилось множество тяжелейших проблем, настоятельно требующих изучения.

Я решил рассматривать свое невольное путешествие в этот непривычный мир как очередную научно-исследовательскую экспедицию, а свое ознакомление с ним — как включенное наблюдение, временами — как включенный эксперимент.

Качеству наблюдения способствовало то, что, несмотря на небольшой срок, неуважаемую уголовниками статью обвинения и интеллигентское прошлое, я отстоял в тюрьме и лагере свое достоинство и даже завоевал (вероятно, некоторыми особенностями своего характера) уважение в этой среде: занял в ней влиятельное положение, получил высокий статус — титул *улового*. В спальной секции, где громоздятся трехъярусные койки на полсотни и больше заключенных, уголовной занимает нижнюю уголовную койку, на которую никто не имеет права присесть и даже ступить, забираясь на расположенные выше койки. Уголовной никто не смеет бить и оскорблять, к нему обращаются не с *кликухой* (кличкой), а по имени-отчеству, с ним охотно *базарят* (беседуют) зэки любого ранга, и ему открыто многое вокруг.

Результат этого импровизированного исследования я изложил в двух публицистических статьях, напечатанных в журнале «Нева»: «Правосудие и дилемма креста» (1988, № 5) и «Путешествие в перевернутый мир» (1989, № 4). Статьи эти я публиковал под псевдонимом, которым пользуюсь только для публицистики, а поскольку здесь продолжается начатый там разговор, я выступаю под тем же псевдонимом и в данном обсуждении.

Для этнографов и других специалистов по культуре могут представлять интерес следующие аспекты темы.

1. **Особый мир: уголовная среда мест заключения как субкультура.** Нравы и обычаи этой среды описывались неоднократно. Несмотря на упреки В. Т. Шаламова, все же «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и чеховский отчет о поездке на Сахалин можно считать началом русской писательской традиции публицистического описания социального дна и его язв — традиции, которую продолжили своим подвижническим трудом В. Т. Шаламов и А. И. Солженицын³. В этой традиции было много описательных работ⁴, на основе которых выросли научные труды М. Н. Гернета — самые крупные исследования царской тюрьмы и каторге⁵. Сталинские лагеря подробно освещены В. Т. Шаламовым и А. И. Солженицыным⁶. Но после оттепели 60-х годов «архипелаг ГУЛАГ» существенно изменился, особенно в том, что касается его контингента и административных установок. Я же наблюдал изнутри и смог описать лагерь временный, начала 80-х годов⁷. Несмотря на смягчение режима по сравнению с прежними временами, мои описания ужаснут непривычного человека, ибо уголовная среда не стала более благонаправленной.

Конечно, обстановка в лагерях неодинакова. Тот лагерь, где мне довелось побывать срок, не относился к числу лучших для проживания. Это был мужской лагерь общего режима. В лагерях более сурового режима (усиленного, строгого) обстановка спокойнее. Но, с другой стороны, есть и такие, где выжить и сохранить здоровье значительно труднее. Таковы лагеря дальние, периферийные. Кроме того, в женских колониях, по свидетельствам побывавших там, куда хуже, чем в мужских, а наибольшей свирепостью отличается среда в колониях для несовершеннолетних (*малолеток*).

В каждом государстве существует субкультура уголовников, «культура дна». Криминалисты отмечают, что и в нашей стране «у преступного мира существует своя субкультура, которая является одним из мощных факторов воспроизводства преступности»⁸. Но я наблюдал эту субкультуру в лагере, а это нечто особое.

В своих наблюдениях я обращал внимание на институционализацию уголовной среды в лагере, на ритуализацию всей жизни в нем, на самостоятельные структуры сообщества уголовников. Уголовная субкультура в лагере выглядит грубо формализованной, очень жесткой, живучей и сильной. Она отличается не только от общей культуры народа, но и от уголовной субкультуры на воле, представляя, так сказать, ее конденсат, и тут действуют такие процессы и структуры, которых на воле нет. В естественном состоянии на воле уголовный мир существует мелкими группками, там нигде нет такого гигантского скопления людей, а в тюрьмах преступники рассажены по камерам и редко встречаются с обитателями других камер. Лагеря создали у нас совершенно особый вид уголовного сообщества — такого не было и нет нигде в мире. Эта уникальная структура заслуживает тщательного и срочного изучения.

Сообщество уголовников в лагере четко разделяется на три касты (*масти*). В нашем лагере они назывались: *воры, мужики и чушки*⁹.

Воры (по другим обозначениям, *люди, человеки*, в прежние десятилетия — *матные*) — это не только те, кто осужден за кражу, но и бандиты, грабители, убийцы, словом, любые уголовники крупного пошиба, пользующиеся в преступном мире славой лихих, опытные, агрессивные и умеющие постоять за себя. Обычно их около одной десятой или даже одной шестой всего лагерного контингента, но за пределами того, что доступно ведению администрации, они управляют в лагере всем. Раздача пищи и белья, размещение на койках, поведение на работе и вне ее — за всем неусыпно следят воры.

Воры являются блюстителями «воровского закона», т. е. уголовной морали, которую они прививают и навязывают всем. По этой морали, не труд, а кража, грабеж, разбой — дело чести и доблести, всякое убийство — героический поступок, пьянка и дебош — высшая услуга, *кайф*, предмет сладостных воспоми-

ний, похвальбы и зависти. Правила этой морали диктуют непримиримую противостояние *ментам*, запрещают давать правдивые показания и доносы (хотя бы на врагов!), требуют уплаты карточных долгов, осуждают *крысу* воровующего у своих, у воров же. Считается привилегией воров отнимать передачи и вообще любые продукты у мужиков и чушковых, кроме пайки хлеба, — кровный *положняк*, его отнимать нельзя. *Правилка* (воровской суд) моментально покарает нарушителя — при мне одного нарушителя, отнявшего *положняк*, выпороли перед строем всего отряда (около 200 человек). Но пострадавший те, кто вздумал бы утаить от воров полученную передачу.

Мужики (это средняя каста) называются так потому, что пашут — работают за себя и за воров. Их в лагере большинство, но они ничего не решают. Об этом это люди, попавшие в лагерь за бытовые преступления, мелкие хищения, производство или спекуляцию, хулиганство. Часто это случайные преступники. По воровской классификации, их следовало бы отнести к *фраерам* — нечастным к миру *урок*, но государственный закон и суд сочли их преступниками и в этом смысле (но только в этом) уравнили с ворами. Современные урки *фраерами* не зовут: они ведь тоже нарушили закон, тоже пострадали от *ментов*, тоже попали за решетку и так же *мотают срок*. От *фраеров* на воле они отделились, но и к ворам не причислены. Так же, как на воле вору мораль позволяет облапошивать *фраеров*, так в лагере ему сам бог велел жить за счет мужиков — отнимать у них передачи, похищать продукты ради *грева* подкормки сидящих в штрафном изоляторе воров (это не считается *крысничеством*), заставлять работать вместо себя, понуждать к уборке помещений и т. п.

Третья каста (*чушки*, *обиженные*) — это изгон, отверженные, парии, социальные рабов. Сюда попадают люди малодушные или опустившиеся, грязные (отсюда название — *чушок*), пораженные кожными заболеваниями, дебилы или, наоборот, чересчур интеллигентные, сюда же относят многих попавших в лагерь по сексуальным статьям (особенно за половые извращения, безудержно — пассивных партнеров), и сюда же можно угодить за серьезные нарушения воровской морали — неуплату карточного долга или кражу у своих (*крысничество*). Чушковых можно и должно подвергать всяческим унижениям, издевательствам, побоям. В качестве рабов они должны обслуживать воров, исполнять любые их прихоти, чистить общие уборные. Чушок должен быть покорным и заметным — как дух, как тень. Чушок всегда в синяках, бледный, с ужасом в глазах. Как чушки выносят подобную жизнь, мне непонятно. Их примерно столько же, сколько воров, т. е. одна десятая или чуть меньше.

Для них, *обиженных*, администрация создала специальные замкнутые отделения в тюрьме и лагере (*обиженки*), чтобы как-то обезопасить их от бичей, но всех чушковых туда не упрятать. И главное, они снова выделяются собой, а в *обиженках* немедленно возникают — уже из самих *обиженных* — те же три касты: свои вору, свои мужики и свои чушки. Так что система обладает замечательной воспроизводимостью.

Касты различаются по униформе, поведению, правам, экономическому и правовому положению. Всеми правдами и неправдами вору стремятся перекрасить выданную администрацией униформу в черный цвет, ушивают ее по фигуре и щеголяют в отутюженных брючках и начищенных сапогах на увеличенных каблуках. Мужики носят мешковатые синие *робы*, а чушки донашивают чужие обноски — утратившую цвет серую рвань. По лагерю вору ходят с гордой осанкой, держат себя развязно, нагло, везде (в столовой, поликлинике, лагере) проходят без очереди. Мужики ведут себя скромно, большей частью помалкивают или разговаривают тихонько, они всегда устали и голодны. Чушок всегда прячется в закоулках, стоит позади строя, полусогнутый, со втянутой в плечо головой, запуганный и дрожащий. В столовой за каждым столом первые и последние порции получают вору — чтобы наесться *от пуза*, затем раздают порции мужикам (делят поровну, досыта не получается). Чушки стоят в конце длинной

гола и доедают остатки — у них жизнь и вовсе впроголодь. Тех из них, кто причислен к *пидорам* (педерастам и вафлерам, т. е. пассивным участникам орально-генитальных сношений), во многих лагерях вообще не пускают за стол — они должны есть в углу, по-собачьи, из отдельной посуды. Чтобы не спутать как-нибудь, не смешать посуду, их миски и ложки пробиты насквозь (а что протекают, не беда, сойдет и так). Спят воров на нижнем ярусе коек, мужики — на среднем и верхнем, а чушки — в отдельных помещениях похуже, нередко непереветриваемых, без окон (*обезьянниках*).

Верхняя каста дробно иерархизована. На вершине пирамиды — *главвор*, или *авторитет* (прежний титул — *пахан*). Пост этот достается не обязательно самому сильноному физически, а одному из наиболее решительных и усвоенных, властных и опытных, тому, кто сумеет заручиться наиболее широкой поддержкой воров. Ниже располагаются *угловые* (занимающие в каждом бараке или казарменном помещении угловую нижнюю койку), *бугры* (бригадиры), далее в иерархии следуют *бойцы* (дружинники главвора) и уж затем — прочие воров. Еще одна категория — *подворики* (новички в касте, *шестерки* — те, кто в подручных, на побегушках у влиятельных воров). Деление на касты наглядно выступает в размещении на собраниях или когда позволяется смотреть телевизор: впереди на кресле главвор, у ног его располагается свита, далее на первых скамьях рассаживаются бугры и угловые, затем — другие воров, за ними чем попало громоздятся толпой мужики, а в двери и щели несмело заглядывают чушки.

Официально администрация этого различия не признает, но на деле вынуждена считаться с ним, в частности при назначениях заключенных на различные посты в «самоуправлении» — старшин, бригадиров и т. п. Старшина отряда может распоряжаться только в том случае, если его назначение одобряет главвор отряда. Иногда старшиной просто назначают главвора. Характерно, что главвора можно назначить старшиной, но я не слышал, чтобы когда-либо старшина превратился в главвора. Главвор со своими присными спаян в тесную клику, и иногда происходят кровавые схватки между разными воровскими кланами — схватки за власть. Но обычно власть устанавливается мирным порядком на ночной *сходне* воров. Мужики и, уж конечно, чушки в сходне не участвуют.

Власть воров держится на терроре, на устрашении. Существует детально разработанная, нигде не записанная, но всем в лагере известная шкала жестоких наказаний за прегрешения против воровской власти и воровского закона. Каждое наказание имеет свое место в этой шкале и свое жаргонное название: *кажем*, *опустить почки* (бить по пояснице до крови в моче), *заглушить* (топтать, терзать до полусмерти), *замочить* (убить). Одно из серьезных наказаний — понижение статуса, перевод в нижестоящую касту. Чтобы провести эту меру, опустить человека, нужно выполнить особый обряд, включающий торжественную смену одежды (на одежду нижестоящей касты), а если речь идет об опускании в касту чушковых, то и реальное или символическое изнасилование. Для последнего достаточно прикоснуться половым членом к губам *опускаемого*. Время от времени в том или ином отряде (подразделении исправительно-трудовой колонии) воров производят *замес* — ночное поголовное избивание мужиков и чушковых, чтобы те пребывали в постоянном страхе перед ворами. Замесы происходят один-два раза в месяц. В иных отрядах воров обходятся без замесов. Об отрядах, где замесы происходят часто, говорят, что там царит *беспредел*. Тем словом и вообще обозначают произвол и бесчинства воровских заправил, переходящие всякие границы).

2. О силе зла: **аккультурация и диффузия**. Благодаря организованности, сплоченности и агрессивности воров в лагере родившаяся там воровская субкультура становится уголовной субкультурой лагеря в целом. Эта субкультура обладает чрезвычайно высокими потенциальными аккультурации. Человек поставленный всей обстановкой лагеря в условия, требующие от него сосредоточения

всех жизненных сил на одной-единственной задаче: выжить. Солженицын Иван Денисович весь подчинен этой задаче. Солженицын акцентирует роль государства и администрации в сложении этих условий, Шаламов больше вскрывает роль воровской среды. Оба фактора взаимосвязаны: без государственных мер воровская среда не была бы столь конденсированной и не получила такой власти над остальным контингентом, а без воровской среды с ее традициями лагеря не обрели бы таких потенций аккультурации. Администрация контролирует лишь общие контуры поведения заключенного, лишь издаст лишь в дневные часы, тогда как воровская среда охватывает заключенного плотно, круглосуточно и повсеместно. За утрату чести и достоинства, за стигматизацию (клеймение) обществом она компенсирует его, показывая еще более униженных, позволяя отыграться на них и открывая пути продвижения по ступеням воровской иерархии. Ее кара за сопротивление настигает быстрее, чем государственная, и бьет сильнее.

Школу отрицательного опыта в лагере проходят все. Воры утверждают тут в своей *блатной* морали, приобретают закалку характера, становясь идеальными жестокими, наглыми, агрессивными, повышают профессиональную выучку для преступных занятий. Мужики проникаются безверием и цинизмом, привыкают к покорности и плутням. Чушкы лишаются малейших остатков человеческого достоинства и становятся готовыми на все — на любое унижение, любую подлость, только бы избежать побоев, получить какие-нибудь мелкие поощрения.

Все три касты цементируются в единый коллектив, сильный своей ненавистью к *ментам*, традициями, отработанным взаимодействием и круговой порукой. Эта система парализует усилия административного аппарата, и в результате лагеря не способны выполнять свою основную функцию — перевоспитывать преступников, превращать их в законопослушных граждан. Наоборот, лагеря оказываются рассадниками преступности в стране. Не менее трети освобождающихся вновь совершают преступления (и ведь это только выявленные рецидивы, а сколько остается за пределами статистики!).

Между тем в начале 80-х годов из лагерей ежегодно выходило на свободу и вливалось в общество чуть меньше миллиона человек. Сколько же проходило через лагеря, получая криминальную закалку, за время жизни одного поколения? Многие миллионы. Вдобавок сказывается и прошлое страны: в 40—50-е годы в тюрьмах и лагерях у нас сидело, по воспоминаниям Н. С. Хрущева, 10 млн. человек¹⁰ (по разным подсчетам зарубежных историков, от 17 до 22 млн. человек). Ныне те из них, кто выжил, пребывают в составе старшей части общества. За последние 30 лет осуждено 35 млн. человек (из них 10 млн. по рецидиву), больше половины из них были в местах лишения свободы. Сейчас по данным, приведенным в речи министра внутренних дел В. В. Бакатина в Верховном Совете СССР (июль 1989 г.), в местах лишения свободы находится около 800 тыс. человек, а еще год-два назад было вдвое больше — 1,6 млн. Так что лагеря и сейчас перерабатывают заметную часть населения страны, увеличивая в нем криминальный компонент.

В связи с этим нужно отметить то огромное влияние, которое лагерная субкультура оказала на всю культуру нашей страны. Вспомнив эпизод в аэропорту — о том, как сотрудница Аэрофлота грубо покрикивала на иностранцев, загоняя их в «накопитель», Е. Евтушенко замечает: «Не пришло ей в голову, что „накопитель“ это слово из лагерного лексикона... А вы не задумывались о том, сколько лагерного в нашей ежедневной „вольной“ жизни — всевозможных накопителей, отстойников, очередей то за тем, то за этим, как за лагерной базой... унижительных шмонов — физических и духовных, паханства и шестерничества, видимых и невидимых колючих проволок...»¹¹. Еще более широким является замечание А. Битова: «Жить в России и не иметь лагерного опыта невозможно. Если вы не сидели, то имели прикосновения и проехали сами были близки к этому или за вас отволокли близкие и дальние родств

Рыбки, или ваши будущие друзья и знакомые. Лагерный же быт растворен повсюду: в армии и колхозах, на вокзалах и в банях, в школах и пионерлагерях, вузах и студенческих стройотрядах»¹². Но оба писателя больше намекают, собственно, на роль государства в обеспечении диффузии лагерной субкультуры за пределы лагерей. Между тем не стоило бы оставлять в тени другую сторону явления, другой активный фактор: основной массив лагерной субкультуры — это воровская стихия. Кажется, еще никем во всей полноте не описано и не оценено то массированное влияние «блатной» лексики в русский просторечный и даже в литературный язык, которое произошло за время Советской власти: *блатной, туфта, халтура, погореть, засыпаться, шкет, шпингалет, на арапа, бычок, чинарик, чифир, шестерка, шпана, заложить, стукач, кимарить, мент, лезвий, доходяга, качать права, на халяву* и т. д. Не говоря уже о потрясающей распространенности «блатных» песен, брани, татуировок.

Поэтому изучение «блатной» субкультуры в чистом виде — как уголовной субкультуры лагерей — исключительно важно. Важно для целей борьбы с ней в очагах ее постоянного воспроизводства. Есть ли в этой субкультуре уязвимые места? На какой базе она существует? Как прервать или хотя бы ослабить питающие ее злокачественные культурные традиции?

С другой стороны, лагерную субкультуру уголовников естественно рассматривать как часть общей культуры народа, как ее подвид, а особенности этой субкультуры — как продолжение и усиление недостатков нашего общества, наследственных (пережитки прежних формаций) и приобретенных (деформации идеала, свойственные реальному социализму). Так, Г. Ф. Хохряков считает, что в грубом приближении в колониях осужденные пытаются создать то, что они утратили. Появляется некая модель общества, из которого они изъяты¹³. Маймистов пишет: «Сообщество осужденных не изобрело велосипеда и не только выдумало модель, по которой строит свои законы. Оно лишь скопировало, правда, в более жестокой форме, те отношения, которые почти все мы почитаем и не почитаем, но исповедуем в нашей свободной жизни»¹⁴. Авторы указывают на охватившие наше общество нетерпимость, бездушие, жестокость, на существование у нас и на свободе своих отверженных — людей с судимостью и тех, кого еще недавно столь решительно отвергали, — «диссидентов» и др. Все это действительно имеет место. В нашем обществе были и элементы жестокости, и жестокий террор, происходило и формирование кланов, борющихся за власть, а избавились ли мы от всего этого полностью? Не без основания особенности субкультуры уголовников возводятся к еще одному фактору — специфике закрытых сообществ¹⁵ — и сравниваются с армейской уголовщиной любого вида (дедовщиной, которую неполно и неточно определяют то как «уставные взаимоотношения», то как «казарменное хулиганство»).

Однако одними этими факторами возникновение рассматриваемой субкультуры и ее специфики не объяснить. В такой категорической и абсолютной форме введенные объяснения неверны. Лагерное сообщество уголовников — отнюдь не просто слепок нашего общества, а лишь отражение некоторых, пусть даже отрицательных, его сторон. Массовое возникновение городских подростковых бандформирований (*стай*), организованных на тех же принципах, в Казани и других городах показывает, что для объяснения феномена, включающего и субкультуру уголовников, эта модель недостаточна: Казань — не изолированный социум, не общество чужаков.

3. **Уголовник и дикарь: сходства лагерной среды с архаическим обществом.** В примитивизме психологии и языка уголовников написано немало¹⁶. Однако посредственное наблюдение позволило мне угледеть более разностороннее сходство уголовной среды с первобытным обществом. И тут и там трехкасная структура, а также выделение вождей с их боевыми функциями. Первобытное общество на стадии разложения всегда распадалось на верхний слой (дифференцированную знать, включающую аристократов, жрецов и купцов), средний (крестьян-общинников) и низший (рабов, холопов).

Каждый зэк старается найти себе (часто среди земляков) *кента* — закадычного лагерного друга, с которым можно было бы вместе *цифировать*, делить поредачки, помогать друг другу во всем и защищать друг друга от *беспредель*. Институт *кентовки* очень напоминает первобытное *п о б р а т и м с т в о*.

Архаическим (первобытным) обрядам и н и ц и а ц и й соответствующим *прописки* в камерах и лагерях с жестоким ритуалом и азартными избиениями с каверзными вопросами и стандартными ответами на них, которые нужно заранее знать. На вопрос: «Пику в глаз или в ж... раз?» — нужен ответ: «Шаг в сторону и ход конем». На вопрос: «В ж... дашь или мать продашь?» — следует ответ: «Парня в ж... не е..., мать не продают». На вопрос: «Кого будешь бить — кента зэка или медведя?» — ответ, разумеется: *медведя*. (Кент — это друг, зэк — товарищ, свой), но далее следует вопрос: «Как бить — до крови или до синяков?». Надо отвечать: «До крови», потому что тогда можешь отделаться легкой царапиной, а иначе и будут бить до синяков. Впрочем, отношение к кенту двойственное — на вопрос: «На танке едешь, кого задавишь — кента или мать?» — требуется ответ: «Кента. Сегодня кент, а завтра мать». Еще вопрос: «На толчке (унитазе) газета, на ней чистый кусок хлеба, а на столе грязный кусок мыла. Что согласишься есть — хлеб или мыло?» Надо ответить: «Мыло». Заставят реализовать сказанное и съешь хлеб с унитаза, даже отделенный газетой, — попадешь в чушки: осквернился. А мыло в тюрьме и зоне — дефицит, его тебе съесть не дадут, пожалеют (не тебя, а мыло). Хитроумный вопрос: «Если кента укусит змея и надо отсосать — что будешь делать?». Ответ: «Позову вафлера» (ведь ранку на руке или ноге кент мог бы отсосать и сам). Не сумеешь догадаться, можешь угодить в пидоры...

Обычая табу вполне идентичны представлениям уголовников о том, чего делать нельзя, что не подобает (*заподло*) обитателю лагеря (*заподло* — держаться за подлое, принимать за подлое). Эти представления давно утратили смысл и уже непонятны, но строго соблюдаются. Нельзя носить что-либо красного цвета (там иная символика: это цвет педерасти). Нельзя использовать уроненные на пол или на землю ложку или миску (даже если ее помыть!). Но *пидор* (лагерную шапку) поднять можно, только ее следует отстирать. Лишний хлеб нельзя бросать в толчок, а только в мусорное ведро или коробку. Воду в толчок нельзя спускать рукой — только ногой. *Заподло* пить прямо из крана (*с горбого*) — по-видимому, от слишком близкой аналогии с орально-генитальным сношением. *Заподло* говорить «спасибо» (нужно: «благодарю»). *Заподло* называть *цирика* (надзирателя) по имени. Не подобает в драке бить кого-либо ногами... нет, не вообще, а лишь опираясь руками о шконку (койку), а без опоры можно. И т. д.

Т а т у и р о в к а (*наколка*) исполняет у современных уголовников ответственные функции знаковой системы — точно так, как и у первобытных племен. Наколкой отмечается прохождение сквозь тюремные учреждения (разные впадинки на пальцах), *зону* (пять точек на запястье), жизненные девизы и девальсы (четырёхлучевые или восьмиконечные звезды на плечах: «Клянусь надену погон»; те же звезды на коленях — «не опущусь на колени перед ментами», оскаленная морда тигра — «оскалил пасть на Советскую власть»), статьи уголовного кодекса, по которой он осужден (джинн, вылезающий из бутылки — осуждение за наркотики; кинжал в руке — *бакланка*, т. е. статья за хулиганство; кот в сапогах — квартирные кражи, т. е. вор-домушник, и т. д.), срок (связка с числом глав или колоколов по числу лет, которые человек *отзвонил*, т. е. пробыл в лагере *до звонка* — полностью, до конца срока). Криминолог А. Гур (Москва) приводит другие в чем-то отличающиеся расшифровки (восьмиконечная звезда — профессиональный вор; сердце, пронзенное стрелой, — закон; паук в паутине — наркомания)¹⁷. Если это не результат намеренного искажения смысла информаторами (ведь исследователь как-никак офицер милиции), и если не подвели мои информаторы (не все они с большим опытом), то надо заключить, что в разных районах и в разное время татуирование

изображения могут приобретать разный смысл, так что изучение этих локальных различий (например, в обозначении наркоманий) может способствовать выявлению глубинных связей и районирования преступного мира, т. е. по ним можно проследить формирование локальных очагов преступности. К наколке относятся очень серьезно, этим не шутят. Можно накалывать только то, что тебе положено: (принцип: «отвечай за наколку»).

К татуировке примыкает другое у р о д о в а н и е т е л а — изменение размера полового члена подкожными включениями, обычно из пластмассы, — шариками, шпалами и даже осями с насадкой колесиков по бокам (эти колесики торчат снаружи). Уголовник убежден, что такое оснащение члена усиливает его сексуальную привлекательность — повышает наслаждение, доставляемое им женщине. Очень похожие приспособления — «ампаланги» Н. Н. Миклухо-Маклай описывал у малайских племен.

Сближает уголовников с дикарями и л ю б о в ь к у к р а ш е н и я м, особенно к блестящим, металлическим; ожерельям и медальонам на цепочках, перстням, браслетам. Особенной популярностью пользовались *ансеры* — браслеты с пластинкой, на которой выгравировано какое-нибудь изречение на латини или английском. Их специально изготавливали в лагере. Вору, да и мужику, старались раздобыть себе застегиво-молнии и шитье их во все пригодные для этого места униформы — ширинку, карманы куртки и брюк.

Далее, поражает отмечавшаяся в литературе б е д н о с т ь, у б о г о с т ь б л а т н о г о ж а р г о н а, выражающего сотни понятий и оттенков каким-нибудь одним словечком, например оценочным *ништяк* (ничего) или нецензурным глаголом, заменяющим чуть ли не любой другой (он может означать «ударить», «украсть», «длительно возиться» и пр.). А многое выражается просто междометиями и бранью. Это поистине словарь Элочки-людоедки.

Уголовники демонстративно прокламируют некое несуществующее на деле особое почитание матери («не забуду мать родную») — отец не упоминается. Оскорбление матери — тягчайшее из оскорблений (матерная брань). Даже традиционное русское ругательство из трех слов нередко в диалоге вежливо заменяется другим, эвфемистичным: «не «...твою мать!», а «...твою б...!». На место матери собеседника подставляется его мимолетная «подруга» — тяжесть оскорбления снимается. Кое-где даже избегают в драке бить по татуировкам со словом «мать». Во всем этом проглядывается нечто очень архаичное.

В уголовной среде очень распространены с у е в е р и я — надежда на амулеты, опасения сглаза, вера в «легкую руку» и т. п.

В чем причина всех этих сходств с архаическим или даже первобытным обществом? Многие объясняют все аномалиями в психической сфере, индивидуальным примитивизмом психики лиц «с отклоняющимся поведением», оказавшихся в уголовной среде, — тем патологическим примитивизмом, который, с одной стороны, привел их к асоциальному поведению, а с другой — обусловил ногообразное сходство с детьми и дикарями.

С моей точки зрения, главная причина этих сходств коренится в биологической природе человека вообще. Известно, что за последние 40 тыс. лет человек биологически не изменился. Наша психофизиологическая природа та же, что была 40 тыс. лет назад. Тогда она и сформировалась. Следовательно, она должна была оказаться а д а п т и р о в а н н о й к т о г д а ш н и м природным условиям своего формирования и социокультурной среды. А социокультурная среда того времени — это первобытное общество, верхний палеолит, родовый строй. Вот к этой среде и приспособлена наша психофизиологическая природа. Культура и общество с той поры проделали целый ряд грандиозных скачков, посылальный путь развития, а природа наша осталась той же. Выходит, мы созданы для того, чтобы быть первобытными охотниками (по сути, хищниками), придерживаться первобытных семейных норм, жить в небольших, весьма зам-

кнутых коллективах, в стабильной обстановке и в согласии с природной средой. Все остальное наращено культурой.

В ней выработаны все те механизмы и структуры, которые предназначены компенсировать накопившиеся противоречия между психофизиологическими данными человека и нынешними социокультурными условиями его существования, адаптировать человека в нынешней социокультурной среде, от которой отказаться не может. В этом суть современного воспитания в семье и обществе, обучения в школе, с этим согласована значительная часть функций индустрии спорта и зрелищ и пр. (разрядка напряженности, сублимация агрессии).

Когда же по тем или иным причинам образуется дефицит культуры, психофизиологическая природа человека освобождается от культурных норм, от установок общества, навязанных ей воспитанием, и порождает то, что мы называем асоциальным поведением. Если же людей с дефицитом культуры собрать вместе, сосредоточить в закрытых сообществах и вольно или невольно предоставить им некоторые возможности самоорганизации (а именно это и сделано в «исправительно-трудовых» лагерях), то в таких сообществах социальное бытие людей естественно приобретает те структуры и формы, которые вполне соответствуют природе человека, не воспитанного в современной культуре. Природикария.

Конечно, противопоставление лагерной уголовной среды законопослушному обществу налагает дополнительную злонамеренность на изначально дикие формы. И конечно же, сходство с казарменным хулиганством говорит о роли закрытости, замкнутости в формировании злокачественных субкультур. Но сходство еще и с полубандитскими подростковыми формированиями в новых районах крупных городов и в пригородах, где не развита инфраструктура и куда слабо проникает культура вообще, заставляет полагать, что главное здесь все-таки дефицит культуры.

Отсюда напрашивается вывод об основных направлениях борьбы с этой субкультурой и ее вредным воздействием на людей: а) ликвидация условий для формирования и существования ее структур, т. е. отказ от заключения в лагерях, б) повышение общего уровня гуманистической культуры народа.

Но может быть, кроме этого общего, радикального способа решения проблемы есть и частичные приемы, способные быстро, без коренной ломки устранить хотя бы некоторые наиболее злостные особенности рассматриваемой субкультуры, ослабить и смягчить ее воздействие на индивида? Если бы можно было у любой организацией подорвать условия ее существования, затруднить ее поддержание...

4. Традиции зла: проблема живучести субкультуры. Итак, в лагерях не меньше — в тюрьмах с давних времен сложились традиции и нормы субкультуры, насильственно навязываемые сообществом уголовников каждому новому бывшему. Часть этих норм помогает заключенному противостоять бедствиям для него обстоятельствам неволи да и своей личной неорганизованности, помогает справиться с личной катастрофой. Это нормы взаимопомощи, традиции общественной саморегуляции и самоорганизации (выборы старост в камеры, очередность в распределении мест и т. п.), выработанные формы сопротивления злоупотреблениям администрации (например, голодовка).

Другие нормы (и их значительно больше) носят злокачественный характер — в них проявляется насилие уголовных верхов над всеми прочими обитателями исправительных заведений и культивируются установки на асоциальное поведение. К таким нормам относятся: разделение сообщества на касты, свирепее закоренелых преступников над шаткими, ситуационными, исправимыми правонарушителями, систематическое ограбление масс (дань), жестокие обряды, грубые обычаи, дикие забавы, различные формы террора. В них заложается механизм аккультурации (перевоспитания), противостоящий усилению администрации по исправлению преступников. Как демонтировать этот одиозный механизм? Как пресечь, прервать злокачественные традиции криминальной субкультуры?

Конечно, первопричины преступности нужно искать в чем-то ином — в недостатках общественного устройства, в неравномерности распределения общественных благ, образования и культуры, в личных качествах отдельных индивидов, но и роль криминальных традиций, их влияние на людей нельзя распылять со счетов. Эта сторона преступности образует самостоятельную проблему.

А что если применить к решению этой проблемы коммуникационные критерии стабильности и нестабильности культуры? Согласно современным семиотическим представлениям, культура есть прежде всего некий объем информации, передаваемой не генетическим путем, хранящийся вне индивида в обществе, и нормально уделяемой обществом каждому индивиду; эта информация, усваиваемая каждым индивидом после его рождения, содержит пластичную программу поведения. В рамках этой концепции культурную преемственность можно представить как передачу культурной информации от поколения к поколению, т. е. как сеть коммуникации наподобие телефонной или радиосвязи. В науке об электросвязи, радиосвязи и т. п. давно определены те факторы, которые обеспечивают устойчивость и эффективность коммуникационных сетей: исправность контактов, достаточное количество каналов связи, повторяемость информации, единство знаковой системы и др. Нарушение этих факторов ведет к неисправностям и разрыву сети, к нарушению среды. В культурологии уже были попытки уподобить распространение культурных явлений коммуникационным процессам в технике¹⁸. Задача в том, чтобы определить, какие явления в культуре соответствуют тем или иным дефектам в технических сетях коммуникации.

Например, к нарушениям контактов можно приравнять конфликт поколений и убыль воспитания в семье. К сужению и уменьшению каналов передачи — резкое сокращение объема школьного образования, ликвидацию каких-то воспитательных учреждений, исчезновение ряда профессий. К уменьшению повторяемости — ускоренную смену профессиональных занятий, раннее отделение молодых семей, и т. д.¹⁹

А каким явлениям в лагерной жизни можно было бы придать аналогичное значение? Повторяемость информации, ее закрепление обеспечивается длительностью сроков заключения, многолетним пребыванием в колонии и монотонностью, однообразием быта. Уменьшить повторяемость невозможно без сокращения сроков заключения и без изменения их форм. Под последним имеется в виду замена содержания в исправительно-трудовых заведениях отбыванием наказания без отрыва от дома или с частичным отрывом — на дневное время суток или, наоборот, на ночное время. Одно из средств специфически уголовной коммуникации, передающей престиж в этой среде, — знаковая система криминальной среды: татуировка, самодельное варьирование лагерной униформы (по кастам), блатной жаргон, матерная брань. Администрация борется с этим, но безуспешно: татуировка несмываема, варьирование униформы (окраска) трудно устранимо, и, как показывает армейский опыт, взамен могут возникнуть неконтролируемые формы варьирования (способы ношения, мелкие детали), а за речью вообще не уследить. К некоторому разрушению контактов в передаче злокачественных лагерных традиций привела бы частая перетасовка отрядов, на которые делится лагерь, а еще больше — иной принцип распределения новоприбывших по отрядам, который бы отделял новичков от старожилов. Нетрудно заметить, что эти установки противоречат друг другу. Кроме того, они не вяжутся с функционированием лагеря и его отрядов как производственных коллективов. В идеале устранить контакты, передающие эти злостные традиции, могло бы лишь введение всемерной изоляции заключенных друг от друга вплоть до одиночного заключения (при этом могли бы применяться резко сокращенные сроки заключения). Наконец, как добиться сужения и уменьшения каналов коммуникации? Если задуматься, то очень просто: уменьшить число лагерей.

Отрадно, что наши правоохранительные органы пошли по этому пути: последние год-два количество населения исправительно-трудовых колоний уменьшилось вдвое и почти половина колоний закрыта. Правда, это осложнило обстановку в них: выпущены на свободу менее опасные правонарушители, и в лагерях сгустился контингент повышенной криминальной насыщенности. Правда и то, что материальная часть лагерей (постройки, оборудование) предсудитительно не подвергаются уничтожению: администрация не верит в целостность и долговременность предпринятых мер²⁰, потому что преступность растет.

Но ведь из всего сказанного выше вытекает еще более радикальное решение вопроса о лагерях — вовсе от них отказаться. Тогда подпитка уголовной культуры резко ослабнет: останутся лишь те каналы передачи вредной информации, которые уголовники применяют для коммуникации на воле, а они гораздо слабее (криминальные сообщества там рассеяны, встречи спорадичны). Непонятно, какое такое решение означало бы отказ от давно принятого у нас метода исправления коллективным трудом. Что же, этот метод отнюдь небезупречен, но его оценка выходит за пределы этнографических аспектов темы.

5. Прочие аспекты. В своем анализе я не рассматриваю подробно прочие этнографические аспекты темы, но мои наблюдения и описания среды, надеюсь, дают пищу и для других размышлений. Так, примечательный феномен представляет собой образование лагерных *семей* на основе чего-то вроде *полюбовничества* (*кентовка*, *кенты*), мною лишь бегло отмеченное. Интересны тогдашние во-об-мен-ные отношения без монетной формы денег: в лагере имелись деньги запрещенные, и пакетик чая (необходим для чифиря) превратился в всеобщий эквивалент (*тымак*, *тимак*). Так, при обменах, купле-продаже за тымак можно было в начале 80-х годов приобрести 5 пачек сигарет, или 2 баночки рыбных консервов, или 2 пачки маргарина, или 1 буханку белого хлеба, или буханку черного (источник их поступления — *выписка* из лагерного магазина: передачи с воли, хищения с кухни). Одна воровская (черная) куртка стояла уже 5 тимаков, штаны — 10, *гайка* (перстень) под золото с имитацией пробы 10, *ансер* — 15 тимаков. Разумеется, в лагере трудно было бы накопить такое количество реальных пакетиков чая, нужных для оплаты, но их в реальности и не требовалось — повсеместно производились безналичные расчеты, а в тимаках лишь все исчислялось, так что тымак превращался в условную меру стоимости. Долги записывались, а в какой-то момент можно было расплатиться товарами и услугами. Эти сложные торговые сделки (*макли*) нередко приводили к конфликтам и крови.

В ленинградских лагерях межэтнические отношения не выступали на первый план, что естественно: население более или менее однородно в национальном отношении. Интересно, однако, что антисемитизм (речь идет о начале 80-х годов) не был замечен, хотя евреи в колониях были (в Ленинграде это наиболее заметное включение в славянскую среду). По крайней мере антисемитизм ограничивался тут отдельными личными взаимоотношениями и не перерастал во всеобщую травлю, чего можно было бы ожидать, учитывая грубость и неразвитость основного контингента. Я справлялся у бывавших в других колониях — картина та же во многих.

Чем объяснить этот феномен? Тем ли, что в этой среде реально существовавшие в обществе тенденции нередко приобретали противоположную направленность? Мне кажется, скорее всего здесь больше сказалось другое: изгнание стереотипного образа еврея в представлениях обывателя, связанные переменами в мире. Сказались сообщения прессы о многолетней войне государства Израиль с арабами и эмиграция части евреев из СССР (преимущественно в США). На месте существа физически слабого, невинного, говорящего с акцентом, хитрого, но смешного и жалкого (такой тип возбуждает у ловликов инстинкт преследования) появился другой образ: абсолютно чисто

порящий по-русски, агрессивный и преуспевающий фирмач, потенциальный иностранец (такой вызывает у *блатного* чувство зависти и восхищения). Национальная неприязнь с оттенком презрения сосредоточилась на жителях Средней Азии (уголовники обзывают их *чурками*) — они чаще оказываются в *чужаках*. Это можно объяснить их меньшей грамотностью, плохим знанием русского языка и скованным из-за этого поведением.

Значительное место в лагерном быту занимает сексуальная жизнь, разумеется, на гомосексуальной основе: институт «жен» для лиц высокого статуса, *пидор* «пидоров» (термин — от неграмотного *пидораз*, *пидорас*, т. е. педераст), сексуальные действия в обрядах опускания. Лагерная этика отличает гомосексуальные сношения на воле от тех, которые происходят в лагере: первые считаются зазорными, вторые — нет. Активные партнеры даже в лагере имеют более высокий статус, чем пассивные. Распространенность этих отношений в лагере не всеобъемлюща и затрагивает больше верхний слой и часть нижнего (*пидоров*). В среднем слое она невелика, а между тем именно он наиболее многочисленный. И *воры*, и *пидоры* отрешаются от гомосексуального поведения сразу же по выходе из лагеря, если не имели этой склонности до лагеря.

Любопытна цветовая символика: красный цвет табуирован, так как считается цветом педерастии. Объяснить это никто мне не мог. Не исключено, что в основе лежит эвфемистическое выражение «посадить на красного (или кожаного) коня» (смысл: изнасиловать).

Вообще семиотические аспекты рассматриваемой субкультуры представляют интереснейшее поле для исследований, а нынешняя открытость темы позволяет избирать разные пути ее изучения, минуя мой путь.

Приведенные здесь соображения, а также материалы наблюдений подробнее представлены в указанных выше моих статьях.

Примечания

¹ Шаламов В. Очерки преступного мира // Дон. 1989. № 1. С. 75—76.

² Радышевский Д. Дайте нам журналиста и священника // Московские новости. 1989. № 27.

³ Достоевский Ф. М. Сибирская тетрадь (Записки из Мертвого дома). Л., 1972; Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Т. 14—15. М., 1987; Шаламов В. Указ. раб. С. 74—115; Солженицын А. И. Архипелаг Гулаг. Ч. 1—7. Париж, 1973—75 (сокращенная публикация — «Новый мир». 1989. № 8—12; 1990).

⁴ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Т. 1—3. СПб., 1871; 3-е изд., СПб., 1900; Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872; Брейтман Г. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. Казань, 1901; Александров В. Арестантская республика // Русская мысль. 1904. Кн. 9. С. 68—84; Дорошевич В. М. Сахалин. М., 1907. (Ч. 1. Каторга; Ч. 2. Преступники).

⁵ Гернет М. Н. Очерки тюремной психологии // Право и жизнь. 1922 (в большинстве номеров за эти годы); *его же*. История царской тюрьмы. 2-е изд. М., 1946—1951.

⁶ Той же теме посвящены книги: Варди А. Подковный мир. Франкфурт-н/М., 1971; Чалидзе В. Уголовная Россия. Нью-Йорк, 1977; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Париж, 1987 (см. мою рец. в журнале «Знание — сила». 1980. № 11).

⁷ Наблюдения «снаружи» представлены в работах: Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; *его же*. Социальная среда и личность. Автореф. дис. ...докт. юр. наук. М., 1987; *его же*. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван, 1988 (совместно с Г. С. Саркисовым); *его же*. Наказание лишением свободы // Социологические исследования. 1989. № 2. С. 75—83. В 1984 г. весь тираж его книги «Личность в условиях изоляции общества» приказано было уничтожить (см. об этом «Московские новости». 1988. № 38. С. 11).

⁸ Гуров А., Шекохизин Ю. Под контролем мафии // Литературная газета. 1989. 19 июля. С. 13.

⁹ Эти же касты описываются, кроме работ Г. Ф. Хохрякова, в статьях журналистов: Никитский Л. Беспредел // Огонек. 1989. № 32. С. 27—29; Маймистов И. Отверженные // Литературная газета. 1989. 19 апреля. С. 13.

¹⁰ Хрущев Н. С. Воспоминания // Огонек. 1989. № 28. С. 31.

¹¹ Евтушенко Е. Невоспитанность воспитания // Советская культура. 1989. 11 марта. С. 6.

¹² Битов А. Комментарий к общенизвестному // Литературная газета. 1989. 12 апреля. С. 6.

¹³ См.: Лошак В. Личность за проволоккой (беседа с Г. Ф. Хохряковым) // Московские новости. 1988. № 38. 10 сентября. С. 11.

¹⁴ Маймистов И. Указ. раб. С. 13. Стлб. 3.

¹⁵ Podgórecki A. Zarys socjologii prawa. Warszawa, 1971.

¹⁶ См., например: Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Я и мышление. Т. III—IV. Л., 1935. С. 47—100.

¹⁷ Гуров А., Шекоцихин Ю. Указ. раб.

¹⁸ Мошь А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 54—57, 126—207.

¹⁹ Клейн Л. С. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981. С. 18—23.

²⁰ Рожнов Г. Решетки про запас // Огонек. 1989. № 20. Май. С. 11—15.

© 1990 г.

В. Р. Кабо

СТРУКТУРА ЛАГЕРЯ И-АРХЕТИПЫ СОЗНАНИЯ

Льву Самойлову принадлежит редкое в нашей стране достижение — воспользовался своим вынужденным пребыванием в исправительно-трудовом лагере для того, чтобы подвергнуть среду, в которой ему пришлось жить, социологическому и этнографическому анализу. Он подошел к ней как исследователь, обладающий профессиональными знаниями и литературным талантом. Мир действительно еще плохо известен и почти совсем не изучен. Мне пришлось провести в лагере несравнимо больший срок — несколько лет, и было это в 1980-е годы, а в 1949—1954 годах. С большим интересом прочитал я очерк Л. Самойлова в «Неве» (1988, № 5; 1989, № 4) и теперь в «Советской этнографии», прочитал их и как человек, располагающий аналогичным опытом, и этнограф, посвятивший себя изучению первобытного общества. Нам обоим была предоставлена возможность изучать лагерное общество оптимальным методом «погружения», притом с интервалом в три десятилетия, что позволяет рассмотреть это общество в динамике, в исторической перспективе.

Какие же мысли вызывает у меня очерк Л. Самойлова? В чем наши впечатления совпадают, а в чем — нет? Как я отношусь к его выводам, в том числе к сопоставлению, казалось бы парадоксальному, лагерного общества с первобытным?

В мое время, как и теперь, режим в лагерях разного типа тоже был разным, и я жил далеко не в худших условиях, в чем-то напоминающих те, в которых находился и автор очерков. Большую часть контингента составляли заключенные, отбывающие срок по так называемым бытовым статьям, меньшую — политические, сидящие по ст. 58 (к ним принадлежал и я). Я тоже имел возможность наблюдать иерархическую структуру лагерного социума. Правда, она менялась на моих глазах. Сначала в ней доминировали *суки* — изгои блатного мира, нарушившие его законы и поэтому осужденные этим миром на физическое уничтожение. При них в зоне царил тот *беспредел*, о котором пишет Самойлов, иначе говоря, власть силы, а не закона. Это было своего рода бесструктурное хаотическое состояние. Затем в лагерь привезли группу воров *в законе*, которые удалось обзавестись холодным оружием и совершить переворот. Наутро по «ночи длинных ножей» из барakov выносили резанных *суков*. Наступило царство *закон*. Воры установили в зоне жесткий и, соответственно их системе представлений, справедливый порядок. У *мужика* больше никто не мог отобрать по своему произволу деньги или полученную из дома посылку. Получив заработанную на лесоповале зарплату, он отдавал заранее обусловленную ее часть бригадиру, который в свою очередь передавал ее вору. Кроме того, бригадир был обязан *проводить* в рабочих нарядах воров как работающих, хотя в действительности

тельности они не работали, а сидели в зоне или грелись в лесу у костра. Но за воров обеспечивали работающим спокойное существование, «социальную щещенность». Начальство, видимо, также было заинтересовано в такой теме «косвенного управления», так как она обеспечивала и выполнение производственного плана, и порядок в зоне. В рыхлом, бесструктурном состоянии, которое имело место при *суках*, выкристаллизовалась твердая структура, ладающая ясной, законченной формой. На вершине ее находилась немногосленная, но сплоченная каста воров в законе, внизу — многочисленная масса *ботяг*, или *мужиков*. Между теми и другими, как и полагается, располагалась ослейка — интеллигенция из заключенных, работники бухгалтерии, плановости, санчасти и т. п. От них требовалась только лояльность к ворам и установленному ими порядку.

Во главе воров, в свою очередь, стояла еще более узкая группа *старших* воров, в которой, как мне представляется, господствовал принцип коллегиальности и коллективности руководства; впрочем, может быть, я ошибаюсь, на их вещаниях я не присутствовал. Внутри нее, однако, происходила постоянная борьба за власть, вследствие чего кто-нибудь из воров вдруг оказывался нарушителем воровских законов, кодекса воровской чести. Или откуда-то из дальних герей приходила *ксива* — письмо, разоблачающее кого-нибудь из воров преступлениях против воровского закона, совершенных когда-то в прошлом, другом месте. И на *толковище* (совещании воров, в данном случае — суде сти) такой отступник приговаривался к смерти как предатель и *сука*. Такие *учившиеся* воров иногда спасались на вахте, и их увозили в другие лагеря, где сподствовали *суки*.

На низшей ступени воровской иерархии находились *малолетки* — молодые оловники, будущие воров в законе, их смена, те, кто пополнит — сначала в лагере, а потом на воле — воровские кадры. Они еще учатся, овладевают нормами воровского мира, но уже принадлежат к правящему сословию.

Читая очерк Л. Самойлова, я обнаружил, что за тридцать лет лагерь стал многом иным. Он ожесточился. Сама атмосфера изменилась. «Какие-то дые серые фигуры, опасно озираясь, бродят по зонам, жмутся к стенкам... И всем веет какой-то готовностью к тревоге... Какой-то напряженностью, которая здесь разлита во всем и ощущается сразу. Некий глухой, затаенный кас — в согнутых позах, в осторожных движениях, в косых взглядах. Будто немый террор связывает всех» (Нева. 1989. № 4. С. 151). Ничего подобного мое время (во всяком случае, в моем лагере) не было. Не было такого, чтобы оны заключенных, истязаемых другими заключенными, раздавались в зоне почти каждую ночь, как пишет Л. Самойлов. Террор, конечно, был, на нем и держалась власть господствующей касты воров, но он не ощущался так явственно, как откровенно. Не было и такой системы изощренных издевательств, такого кровавого садизма.

Кастовая иерархическая структура была и в то время, и она сохранилась, но дые касты и взаимоотношения между ними стали в чем-то качественно иными. Самойлова отсутствует важное в прошлом понятие *технического* вора, артиста виртуоза своей профессии, не запятнавшего ее *мокрым* делом и потому пользующегося в своей среде (и среди остальных эзков) самой высокой репутацией, истократа блатного мира. Я хорошо знал людей этой категории. Они отличались от остальных воров и многих других эзков сравнительно более высоким интеллектуальным развитием, интеллигентными манерами, нередко любовью к поэзии (кумир — Есенин). Они разительно отличались от других эзков и речевым поведением: никогда не сквернословили и в совершенстве владели *феней* (латным жаргоном).

Самые границы воровской корпорации в очерках Самойлова как-то размыты: категорию воров попадают и бандиты, и убийцы, и спекулянты. В воровском мире, каким я его знал, такого не бывало. Не входили в касту воров и бригадиры. явилась каста *чушковых*, неприкасаемых, рабов, с которыми можно проделы-

вать «все, что угодно». Можно поздравить наше общество: такого унижения человеческой личности, точнее — такой степени ее унижения тридцать лет назад в лагере еще не было. Не знаю, творилось ли тогда в колониях для малолетних уголовников что-нибудь подобное тому, что описывает Леонид Габич в повести «Одлян, или Воздух свободы» (Новый мир. 1989. № 6, 7). Во всяком случае, возникает предположение, что и дедовщина, которая развилась в армии в последние десятилетия, и численный рост жестоких преступлений, о которых свидетельствует пресса, — все это явления не случайные, они отражают какие-то опасные сдвиги в общественной психологии, ее ожесточение. В этом процессе симптомы которого мы наблюдаем ежедневно и повсеместно, большую роль сыграли и лагеря — рассадники преступности, более того, лагерной психологии, лагерного образа мышления, лагерных ценностей, лагерного отношения к жизни, разлагающих общество.

Л. Самойлов высказывает мысль, что в уголовной иерархии предста- «как в зеркальном отражении», иерархия лагерной администрации (Нева, 1989. № 4. С. 155). На основании собственных наблюдений я позволю себе сделать иное обобщение. Вся иерархическая структура лагерного социума, какой я видел ее тридцать лет назад, была зеркальным отражением сталинского общества. Почему власть в лагерной зоне (и в тюремной камере) принадлежала вору? Потому что они были сплочены, связаны жесткой дисциплиной, воровским законом, и в этом отношении они подражали (стихийно или сознательно) правящей партии с ее иерархической структурой, ее дисциплиной и уставом, с вытекающими из членства в ней правами и обязанностями. Малолетки, будущие воры по закону, были своего рода *комсомолом*, кузницей кадров. Процессы над *сука* напоминали процессы над *врагами народа*, да и судьба *сук* напоминала судьбу последних — они подлежали беспощадному уничтожению. Мужики должны были добросовестно трудиться. Они облагались подоходным налогом, выплачивали который могли жить спокойно, с уверенностью, что их никто не обидит, а если такое случится, можно обратиться к ворам, как к власти, за помощью. У воров была своя — несложная — идеология. Самый способ своего существования они оправдывали просто: «все воруют» — все общество, по их убеждению, строится на воровстве, на блате.

В структуре лагерной среды с ее кастовостью и неравноправием, с привилегиями для немногих, с монополией власти проглядывает слишком много аналогий с *волей*. Это не ускользнуло и от Л. Самойлова. Он справедливо пишет: «Лагерное общество уголовников отразило какие-то черты всей жизни советского общества» (там же, с. 162). О том же говорится и в обсуждаемом очерке. Правильнее было бы сказать, что лагерь и общество отразили друг друга, как бы два зеркала, обращенные одно к другому.

Общество воров было государством в государстве, структурой в структуре. Все человечество делилось для них на две полярно противоположные категории — на воров и неворов, *фраеров*. Другие различия между людьми не имели такого значения или вовсе не признавались. Национальной розни не было, антисемитизмом они не были заражены совершенно. Важно одно — вор ты или нет.

Существовало, впрочем, еще одно фундаментальное социальное различие на этот раз возникшее внутри самой правящей касты: между ворами и *сука*. Это различие, вероятно, все еще сохраняется, если судить по признаниям Л. Самойлова, что он находился в *сучьей* зоне. Возможно, этим отчасти и объясняются несходства между его и моими впечатлениями.

Кастовая структура лагеря, ее воспроизводимость, ее аналогии с трехкастовой структурой первобытного общества на стадии его разложения — одно из наиболее интересных и ценных наблюдений Л. Самойлова. Однако классические касты имеют наследственное происхождение, они непроницаемы для представителей других каст. В лагере человек все же может, в некоторых случаях подняться по иерархической лестнице или, напротив, его могут опустить на социальное дно, совершив особый обряд. Эта социальная мобильность — кон-

во, относительная — отличает так называемые касты лагерного социума от классических каст и сближает с социальными слоями общества за пределами лагерной зоны. Поэтому, говоря о лагере, уместнее пользоваться нейтральными понятиями, такими, как социальная страта, система социальных страт. Хотя следует признать, что сословие воров вследствие его замкнутости и регламентации всей жизни его членов вплоть до взаимоотношений с внешним миром обладает многими признаками касты.

Л. Самойлов отмечает еще несколько важных особенностей лагерного социума. Среди них — ритуализация поведения (включая явления, подобные первобытным инициациям), табуирование определенных слов, вещей и действий, цветовая символика. К ним относится и система знаков — например, накатка. В этих явлениях выражается принадлежность человека к определенной социальной категории, его социальный статус, место в социальной иерархии. Все это приводит Самойлова к мысли, что лагерное общество во многом строится по модели первобытного. Впрочем, в сравнениях лагерного общества с первобытным не все у Л. Самойлова убедительно. Что первобытного в «особом почитании матери»? К чему оно в этом ряду и не относит ли автор это явление к пресловутому матриархату? В целом, однако, наблюдения Самойлова поражают своей меткостью.

Обоснованы ли эти аналогии с первобытным обществом? И если они обоснованы как объяснить этот феномен? И наконец, по какой же все-таки модели строится лагерное общество? Ведь только что говорилось совсем о других аналогиях.

Л. Самойлов объясняет существование явлений, сближающих лагерное общество с первобытным, особенностями эволюции человека на протяжении последних 40 тыс. лет, после того, как сформировался человек современного физического — типа — *Homo sapiens*. Менялась, усложнялась, обогащалась культура, но психофизиологическая основа эволюции оставалась на том же уровне, на каком она находилась в эпоху позднего палеолита. А если это так, — я думаю, что это так, — не удивительно, если те или иные социумы, по каким-то причинам, воспроизводят древние, первобытные структуры общественной жизни и социальной организации. Что именно заставляет их это делать, еще далеко не ясно, это еще необходимо изучать, чаще же всего это происходит тогда, когда они оказываются в особых, экстремальных ситуациях. В основе этого феномена, как я думаю, лежат единые для всего человечества структуры сознания, единые как в пространстве, так и во времени. Они-то и способствуют воспроизводству в различных группах человечества, в разные эпохи, неких универсальных явлений в социальных отношениях и духовной культуре, сближающих современные социальные системы или отдельные явления культуры с первобытными.

Примеров этого этнография, социология, история, да и окружающая жизнь предлагают немало. Таков мир воров, как на воле, так и в заключении, где мы имеем возможность наблюдать присущие ему особенности как бы в концентрированном и обнаженном состоянии. Таковы стихийные объединения подростков. Как воспроизводится структура первобытного социума и свойственные ему парадигмы сознания в группе подростков, поставленных в экстремальные условия, показано в замечательном романе У. Голдинга «Повелитель мух». Можно высказать предположение, что попади группа вполне современных мужчин и женщин, скажем, на необитаемый остров, где они вынуждены были бы вести длительное коллективное существование в условиях полной изоляции от внешнего мира (своего рода коллективная робинзонада), они воспроизвели бы структуру первобытной общины. В масонских ложах и других тайных обществах воспроизведены многие характерные черты тайных, или мужских союзов поздней первобытности. Этот пример показывает, кстати, что Л. Самойлов не совсем прав, утверждая, что первобытность выходит наружу в условиях «дефицита культуры» (лучше сказать — цивилизации, так как первобытные люди культуры не меньше нас).

Дело, очевидно, не в недостатке культуры. В разгадке этого феномена могли помочь теория архетипов К. Юнга и современный структурализм. Разумеется, универсальные явления, порожденные древними архетипами мифологического сознания, предстают не в чистом виде, их конкретный, индивидуальный облик обусловлен социально-историческими факторами, культурной средой, экологией. Вот чем объясняется то сходство лагерного мира с обществом по другую сторону проволоки, о котором говорилось выше. Ведь этот мир формировался не в вакууме.

Наша психофизиологическая природа, утверждает Л. Самойлов, адаптирована к условиям экологии и социокультурной среды позднего палеолита. То, что она сформировалась тогда — несомненно. Но верно и то, что только человеку, единственному из всех живых существ, удалось на этой психофизиологической основе создать социальные и культурные механизмы, с помощью которых он сумел приспособиться к любым условиям. И если, как пишет Самойлов, эти механизмы призваны компенсировать противоречия между психофизиологическими данными человека и социокультурными условиями его существования, то эта задача выполнялась ими уже в первобытную эпоху. На это были ориентированы и система воспитания и социализации, и обряды инициации и социальные нормы. В этом отношении первобытное общество (в том числе и позднепалеолитическое) не отличалось принципиально от нашего. И механизмы культуры, и характер взаимодействия между природой человека и социокультурной средой были в основном те же самые.

Необходимо сказать, что сопоставления современного лагерного (и любого другого) социума с первобытным обществом допустимо делать лишь с большой осторожностью. О первобытном обществе среди широкой публики, а нередко даже среди специалистов, бытуют упрощенные и неверные представления. Оно кажется многим диким, примитивным, неразвитым, подавленным страхом перед стихийными силами природы. В действительности все это далеко от истины. Культура первобытного общества по-своему богата и сложна. Её религия, мифология, по мере того как погружаешься в них, поражают сложностью и многообразием, глубиной постижения мира. Далеко не примитивен и язык этих обществ, богат их словарный запас, хотя он своеобразен и отражает реалии данной культуры. Автор статьи глубоко заблуждается в оценке языков первобытных обществ.

Итак, когда мы говорим о воспроизводстве каких-то архаических структур в современную эпоху, надо помнить, что речь идет, главным образом, о воспроизводстве универсальных явлений, о воспроизводстве некоей схемы, а не всего ее богатого культурного содержания, бесконечно сложного и глубоко индивидуально-конкретного. В прошлом оно составляло цельную систему, теперь мы имеем дело с ее контурами, наполненными иным содержанием, в лучшем случае — фрагментами прежнего. В отличие от современного лагерного мира классическое первобытное общество гармонично, оно живет (или стремится жить) в согласии с самой собой и природой, его не раздражают кричащие противоречия, то загоняемые внутрь, то вырывающиеся наружу. В то же время оно достаточно гибко и пластично. Свойственная ему система социальных статусов еще не превратилась в окостеневшую кастовую систему, это произойдет позднее, при переходе к классовому обществу. Всем этим объясняются и устойчивость первобытной социальной структуры, и ее способность адаптироваться к меняющимся условиям, и способность к развитию.

Воспроизводство первобытных социальных структур, структур архаического сознания в современных условиях не следует смешивать с межпоколенной трансмиссией явлений первобытной культуры. Механизм этого воспроизводства иной. Явления, возникающие при этом, не «пережитки» далекого прошлого. Они имеют иное происхождение. Они выполняют задачи, поставленные современной действительностью. В тех конкретных условиях, о которых идет речь в статье, они призваны укрепить, консолидировать коллектив, придать ему

устойчивость, необходимую в борьбе за выживание, сохранить его систему ценностей, организовать его взаимоотношения с внешним миром, с другими социальными группами.

Все то, о чем по необходимости бегло сказано здесь, о чем говорится в статье Л. Самойлова, почти совершенно не изучено. Не изучен, прежде всего, сам феномен воспроизводства древних социальных структур в современных условиях, причины и механизмы этого явления. Плохо, а порою почти не изучены те социальные общности, в которых оно наблюдается. Это относится и к лагерной среде, о которой шла здесь речь. Она еще ждет своих исследователей. Как и любое иное общественное образование, ее необходимо изучать изнутри, хотя совсем не обязательно проникать в нее тем же способом, каким оказались в ней авторы обсуждаемой статьи и этого отклика на нее.

© 1990 г.

Н. И. Григулевич

**ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ЛОКАЛЬНЫХ ПИЩЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ
РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ АРМЕНИИ**

В этнической экологии продолжается разработка методов, подходов и концепций научных исследований. В настоящей статье мы предлагаем подход, который можно было бы назвать изучением локальных комплексов жизнеобеспечения. Сам по себе метод подробного исследования небольших территорий не нов для этнографической науки. С этого этапа начинается любой сбор сведений этнографического характера. И все же есть существенное различие между предлагаемым методом и тем, что уже имеется. Широкое распространение того или иного явления культуры объясняется прежде всего длительной историей его развития. Именно широкий ареал распространения подобного явления — своего рода проверка на «прочность» в самых разнообразных условиях — служит одной из главных предпосылок становления этого феномена на уровень культурно значимого. Поэтому в традиционной этнографии «точечное» исследование — чаще всего шаг на пути к обобщению и анализу гораздо более обширного материала.

Для этнической экологии интересны не столько собственно явления культуры, сколько их «изменчивость», иными словами, то, как эти явления ведут себя в разных природных и других условиях, насколько они деформируются, при каких условиях исчезают, в какой степени одни элементы культуры альтернативны другим и т. д. Этноэколог стремится выяснить именно специфическое проявление какого-либо элемента культуры для того, чтобы понять его роль в конкретной системе жизнеобеспечения. Вместе с тем известно, что для жизнеобеспечения, в особенности осуществляемого по традиционным принципам, необходимым условием является наличие комплекса локальных связей человека с природой. Поэтому в этнической экологии данные о локальных этнокультурных процессах могут оказаться достаточными для глубокого осмысления таких явлений, как жизнеобеспечение, этнокультурная адаптация и др.

В настоящей работе мы рассмотрим некоторые аспекты такой важнейшей области жизнеобеспечения, как традиционное питание. Эта тема наиболее эффективно разрабатывается в этноэкологических исследованиях; традиционный пищевой комплекс практически всегда напрямую и жестко связан с природными и другими условиями, в которых существует человек, и, следовательно, в наибольшей мере, чем остальные элементы культуры, отражает уровень приспособленности именно к данным конкретным условиям.

Специфические проблемы возникают при изучении особенностей систем жизнеобеспечения переселенческих групп. Оказавшись далеко от исконной этнической территории в новых природно-экологических условиях, в окружении иного этнического населения, такие группы вынуждены в той или иной степени изме-

нять прежнюю систему питания. Миграции населения — это важнейший фактор этнической эволюции, прослеживаемый на протяжении всей истории народов мира, однако происходящим в результате этого изменения системы питания до сих пор не уделялось достаточного внимания.

В рамках разрабатываемой Сектором этнической экологии Института этнографии АН СССР темы «Этническая экология переселенческих групп» в качестве модели переселенческой группы были выбраны поселения русских сектантов — молокан и духоборов, обосновавшихся в Закавказье в 30—40-х годах XIX в. Такие группы в силу присущей им конфессиональной обособленности, как правило, сохраняют характерные для данного этноса черты материальной и духовной культуры¹. С течением времени комплекс традиционной системы хозяйства, перенесенный на новые земли, под воздействием культурных и экологических факторов претерпевает ряд изменений, которые должны способствовать трансформации традиционной системы питания. Именно это мы и попытаемся показать в настоящем исследовании.

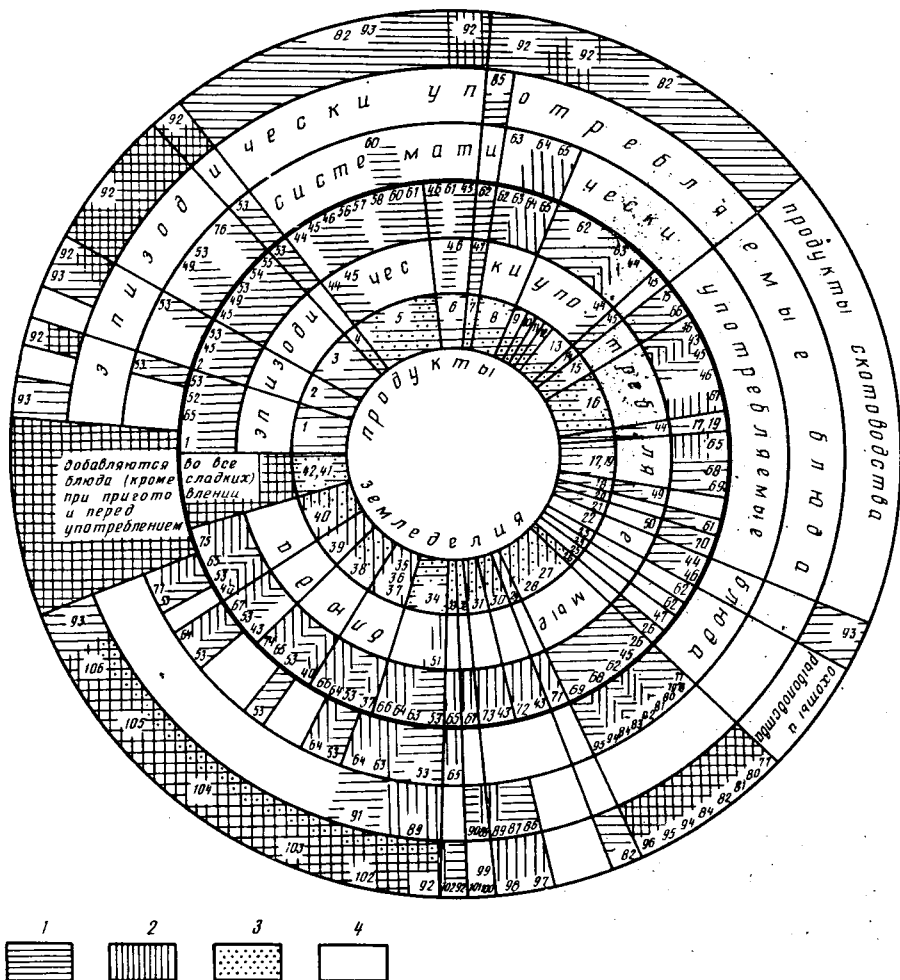
Изучая адаптацию пищевого комплекса системы жизнеобеспечения, мы ставили перед собой следующие задачи: выявление структуры потребления продуктов в прошлом и настоящем, определение тенденций инноваций и заимствований²; получение достоверной картины фактического питания сельского населения с учетом его традиционных и экологических особенностей. В исследовании по традиционному питанию различных этносов³ мы не обнаружили методологических и методических рекомендаций для решения поставленных задач и были поставлены перед необходимостью разработать такой исследовательский аппарат.

В 1985 г. нами была разработана программа обследования жителей русских сел в республиках Закавказья, а также их соседей — представителей коренных национальностей. Программа включает «Практические рекомендации для сбора материала по программе „Традиционная пища сельского населения“» и три типа анкет, а также образцы заполнения анкет и список дикорастущих растений с указанием русского, ботанического и простонародного названий.

Мы исходили из того, что осветить все необходимые вопросы в одной анкете не представляется возможным. Поэтому разделили весь континуум на три смысловые части или анкеты. Анкета 1 самая объемная, предназначена для сбора наиболее детальной информации о фактическом питании на сегодняшний день (вторая половина 1980-х годов). Кроме того, в ней с пометкой «История» собирается аналогичная информация для более ранних периодов. В ходе исследования мы старались охватить следующие временные интервалы: 1) конец XIX — начало XX в; 2) 1930-е годы — период коллективизации; 3) 1940—1950-е годы — послевоенный период.

Анкета 2 предназначена для сбора данных о повседневном рационе сельской семьи на момент обследования (завтрак, обед, ужин) с учетом количества потребляемых продуктов и вкусовых предпочтений. В анкете 3 акцент сделан на ритуальных, праздничных блюдах и напитках, наиболее архаических, но зачастую сохранившихся по сей день. Она также подразделяется на различные временные периоды.

В данной работе невозможно привести анкеты полностью, поэтому ограничимся перечислением вопросов, которые в них затрагиваются: перечень основных продуктов; частота употребления каждого продукта в теплый и холодный сезоны; продукты, производимые и потребляемые в данном хозяйстве; покупные продукты; в виде каких блюд и изделий употребляются основные продукты; технология приготовления отдельных блюд и изделий; способы хранения и заготовки продуктов впрок; продукты охоты и рыбной ловли; перечень основных дикорастущих трав, а также кустарников и деревьев, плоды которых употребляли в пищу; сроки сбора трав, ягод и плодов; способы их использования и хранения; алкогольные и безалкогольные напитки; суточный рацион сельской семьи; особенности пищевого рациона различных возрастных групп; пищевые запреты;

Динамика и структура пищевого комплекса русских старожилых сел Лермонтово и Фиолетов
 1 — продукты и блюда, традиционные для пищевого комплекса русских; 2 — заимствованные продукты и блюда, а также те, что возникли в XX в.; 3 — покупные продукты; 4 — продукты и блюда, вышедшие ныне из употребления.

Продукты земледелия. Употребляемые в течение всей жизни в Закавказье: 1)* капуста (белокочанная); 2) морковь; 3) картофель; 4) свекла; 5) мука пшеничная; 6) дрожжи; крупы: 7) гречневая; 8) рисовая; 9) пшеничная; 10) перловая; 11) манная; 12) тыква; 13) сухофрукты; 14) мед; 15) огурцы; 16) подсолнечное масло; 17) фрукты (яблоки, груши, вишня...); 18) грибы; 19) ягоды (клубника, смородина, малина); 20) мята, хмель; 21) дикорастущие травы; 41) соль; 42) перец. **Вышедшие из употребления:** 22) ржаная мука; 23) льняное масло; 24) конопляное масло; 25) мука гречневая. **Заимствования и инновации:** 26) чай байховый; 27) сахар; 28) пареная свекла; 29) крупа кукурузная; 30) кабачки; 31) баклажаны; 32) фасоль; 33) листья винограда; 34) пряности и специи: 35) чеснок; 36) петрушка; 37) кишнец; 38) перец болгарский; 39) лук; 40) помидоры.

Блюда на основе продуктов сельскохозяйственного и скотоводческого комплексов. Употребляемые эпизодически: 43) икра (баклажаны, кабачки, лук...); 44) кулага; 45) пироги (с творогом, картошкой, морковью...); 46) хлеб (собственного изготовления); 47) кулеш; 48) окрошка; 49) супы (мясо, рыба, лук); 50) щи (картофель, капуста, морковь...); 51) аджика. **Употребляемые систематически:** 52) каша; 53) шеная капуста; 54) борщ; 55) вареный картофель; 56) жареный картофель; 57) блины; 58) салянка; 59) затирушка; 60) вареники; 61) лапша; 62) квас; 63) каша; 64) плов; 65) харчо; 66) солёные огурцы; 67) лобио; 68) варенья; 69) компоты; 70) чай (из дикорастущих); 71) мамалыга; 72) жареные кабачки; 73) печеные, тушеные баклажаны; 74) запеченный перец болгарский; 75) соусы; 76) мясо с вареной картошкой; 77) яичница с помидорами; 78) молоко свежее коровье (некипяченое), молоко парное; 79) протокваша; 80) творог; 81) мацони; 82) масло сливочное (в том числе топленое); 83) сыры; 84) пахта

праздничные, гостевые, ритуальные блюда; напитки; печенья; инновации и заимствования в традиционной кухне; данные о приусадебном хозяйстве; состав семьи информатора; материальное положение и доходы семьи.

Сбор полной информации по программе требует продолжительных, иногда неоднократных бесед с одним и тем же информатором, что, безусловно, затрудняет обследование большого контингента жителей. Сокращение времени бесед возможно тогда, когда по полной схеме опрошено хотя бы несколько человек. Некоторые затруднения возникают при выявлении наиболее знающих информаторов. Это прежде всего относится к выполнению той части программы, которая касается питания в прошлом. Как правило, наиболее ценную информацию сообщают не старики, а люди, достигшие 60—65-летнего возраста, т. е. те, которые довольно отчетливо помнят период, когда еще преобладало единоличное хозяйство. Оказывается, что хранительницы очага не могут ответить на все вопросы. Они обычно досконально знают технологию приготовления блюд и полуфабрикатов. А вот объем запасов, источники их пополнения, период хранения, закупочные цены — обо всем этом лучше осведомлены мужчины. Кроме того, от мужчин можно получить более исчерпывающую дополнительную информацию о хозяйстве, условиях заготовки и хранения продуктов, характере и объеме трудовых затрат для их получения. Молодые люди, как правило, лучше осведомлены об инновациях и особенно заимствованиях в пищу коренных народов. Нам приходилось неоднократно наблюдать, как в одной и той же семье люди старшего поколения больше привержены традициям, а молодежь наряду с традиционными широко употребляет в пищу заимствованные блюда.

Как известно, сведения, сообщаемые информаторами, не всегда соответствуют действительности. Нередко это связано с соображениями престижности, в особенности, когда дело касается потребления мясных и молочных блюд. Поэтому в ходе обработки полученных материалов приходится производить коррекцию, учитывая сведения о личном подсобном хозяйстве и доходах информаторов, а также данные, полученные в ходе включенного наблюдения.

Цельность пищевого комплекса, реконструируемого нами на основе собранных материалов, в значительной степени условна, особенно на нынешнем этапе социально-экономического и культурного развития, когда система и номенклатура питания каждой семьи в известной степени индивидуальны. В прошлом, особенно в период единоличного хозяйствования (с рубежа нашего столетия до середины 1930-х годов), питание отдельных семей дифференцировалось в зависимости от уровня личного хозяйственного благополучия. Однако перечисленные трудности не исключают возможности выявления общих закономерностей питания, так как получение и использование продуктов питания всегда зависело не только от этапов хозяйственно-экономического развития указанных сел, но и от сложившихся культурно-исторических и природных условий.

В качестве примера изучения локальных комплексов жизнеобеспечения мы представляем материалы, собранные нами за полевой сезон 1987 г. в двух русских селах Гугарского района Армянской ССР — Лермонтово (бывшее с. Воскресеновка) и Фиолетово (бывшее с. Никитино)⁴. В Лермонтове и Фиолетове живут потомки русских сектантов-молокан⁵, которые в 30—40-е гг. XIX в. по ряду причин были вынуждены покинуть родные места (южные губернии России) и перебраться в Закавказье⁶. В силу этнической и конфессиональной замкну-

Мясные и рыбные блюда, употребляемые эпизодически: 85) кишки, начиненные печенью и гречкой;

86) уха из форели; 87) жареная форель; 89) шашлык; 90) жаркое из дичи; 91) уха

Продукты скотоводства, охоты и рыбной ловли: 92) говядина; 93) яйца; 94) молоко овечьё; 95) молоко козье; 96) сливки; 97) форель; 98) другая рыба (сазан, карась, сиг); 99) медвежатина; 100) мясо копытной дичи (джейраны, кабан); 101) мясо дикой птицы (куропатка, перепелка); 102) баранина; 103) козлятина; 104) ковурма; 105) домашняя птица (куры, утки, гуси); 106) курдючное сало.

тости эта группа русских сумела сохранить свою целостность. Вот как описывает свои впечатления от поселений русских, которые облюбовали для своего устройства возвышенное горное плато со знаменитым альпийским оз. Гокча (Саван) известный исследователь-кавказовед А. Ф. Ляйстер: «...И здесь, среди чудно звучащих для русского уха названий армянских и татарских селений, появились: Воскресеновка, Никитино, Надеждино, Семеновка... Целый ряд селений, посещая которые, как бы незаметно переносишься за тысячи верст — в самую глубь коренной России: те же мазанки с подслеповатыми окнами у бедных, те же деревянные срубные хаты с тесовой или черепичною крышею и традиционным коньком на ней у зажиточных, тот же теплый запах теплого хлеба и дыма который так мягко окутывает вас при въезде в любую из российских деревень...»⁷.

Воскресеновка и Никитино были основаны в 1840-х годах вдоль дороги Дилижан — Караклис (нынешний Кировакан), протекающей по нескольким межгорным долинам. В одной из таких долин в нескольких километрах одно от другого и разместились эти два села. Конкретные места для поселений выбирались мигрантами с тем расчетом, чтобы сельскохозяйственные угодья размещались на плоскости, хорошо прогреваемой солнцем, а жилые строения были защищены от северных ветров. Поэтому, несмотря на большую высоту, климатические условия, в которых проживает русское население, в целом вполне удовлетворительны для жизни и ведения хозяйства. Сразу же уточним, что такое расположение селений не исключает объективных трудностей для земледелия. В частности поля, размещенные на дне долины, подвержены сильным ветрам, которые здесь отнюдь не редкость, а также выхолаживанию почвы в ночные часы при повышенной влажности атмосферы. Другой сложностью для ведения земледелия и приусадебного хозяйства является качество почв. И дело не столько в том, что они малогумусны (бурые лесные и дерновые), а в том, что они, как правило, маломощны и каменисты. Окружающие естественные ландшафты: по долине и низкотным холмам остатки дубовых и буковых лесов на бурых почвах. Горы сильно расчленены, а высокогорья покрыты субальпийскими лугами и кустарниками.

Лермонтово и Фиолетово относятся к тем немногим селам, обследованным нами на территории Закавказья, в которых русские по численности резко преобладают над коренными национальностями (армян, азербайджанцев, курдов). Так, в Лермонтове при общей численности 1583 чел. (на 1987 г.) на долю русских приходится 89%, а в Фиолетове при общей численности 1800 чел. русские составляют 87%. Это обстоятельство, безусловно, также способствовало большей сохранности здесь традиционной культуры. Всего по разработанной нами программе было обследовано 19 семей (23 информатора).

Для того, чтобы систематизировать и проанализировать полученные в результате анкетирования сведения⁸, мы составили матрицу в виде круговой диаграммы; весь объем данных в ней группируется по 8 параметрам: продукты, блюда, хозяйственный комплекс (земледельческий или животноводческий), период на протяжении которого употреблялось то или иное блюдо, частота употребления (систематически или эпизодически), их происхождение — свои или покупные (рисунок). Подобная матрица дает представление об основной структуре изучаемого пищевого комплекса и происходивших в нем изменениях приблизительно за 150 последних лет и является первой попыткой формализовать континум полученных в ходе полевых исследований данных.

В центре матрицы — продукты земледелия, составляющие основу питания, а также изготавливаемые из этих продуктов блюда — основные (систематически употребляемые, сезонные). Затем следуют блюда, включающие компоненты как растительного, так и животного происхождения: блюда, для приготовления которых использовались только продукты животного происхождения (также с подразделением на основные и дополнительные), и наконец — продукты животноводческого комплекса.

Анализ матрицы позволяет сделать ряд выводов. В структуре питания русских старожилов в местах выхода основу составляют продукты земледелия. При

переселении на Кавказ почти все компоненты системы питания, относящиеся к сельскохозяйственному комплексу, сохранились практически без изменений. На первоначальном этапе адаптации русские переселенцы пытались сохранить без потерь весь традиционный пищевой комплекс: выращивали озимую и яровую пшеницу, полбу, просо, рожь, гречиху, овес, ячмень, лен, коноплю, мак (из семян трех последних культур давили растительное масло), капусту, тыкву, хрен, морковь, картофель, свеклу, бобы, горох. Ячмень и овес шли в основном на корм скоту. Лук и чеснок из-за религиозного запрета мусульман не выращивали и в пищу не употребляли.

Со временем из употребления вышли лишь гречневая и ржаная мука. Культур, которые по тем или иным причинам переставали возделываться, сохранились в рационе благодаря тому, что перешли в разряд покупных. Льняное, конопляное и маковое масло были заменены подсолнечным. Некоторые традиционные для русских земледельцев компоненты стали употребляться шире за счет введения в рацион новых для русских старожилов блюд, заимствованных из кухни кавказских народов.

С другой стороны, и набор продуктов земледелия, используемых в питании русских старожилов, с течением времени также расширился за счет заимствования ряда продуктов, традиционных для народов Закавказья. Условно можно выделить три группы заимствованных продуктов сельскохозяйственного комплекса: 1) зернобобовые — кукурузная крупа, кукуруза в початках, фасоль; 2) овощные культуры — помидоры, кабачки, баклажаны; 3) пряности, соленья — перец острый (аджика), пряные травы, специи, маринованные виноградные листья.

Эти заимствованные компоненты используются либо для приготовления модифицированных русских блюд (борщ) и солений (огурцы, помидоры маринованные), либо традиционных кавказских блюд и приправ (плов, лобио, долма, аджика и др.). Таким образом, в данном случае заимствованные компоненты не столько компенсируют утраченные при переселении, сколько существенно расширяют основу традиционного питания, главным образом ее сельскохозяйственный компонент.

Если принять весь набор когда-либо употреблявшихся продуктов земледелия в исследованных селах за 100%, то, по нашим данным, 60% приходится на долю традиционно используемых русскими старожилами, 10 — на долю утраченных и 30% — на долю заимствованных из кухни кавказских народов.

Что же касается блюд, относящихся преимущественно к животноводческому комплексу, то заимствуются не столько сами продукты, сколько способы их переработки. В данном случае мы смогли четко проследить влияние окружающей среды на формирование структуры и особенностей пищевого комплекса. Русские переселенцы использовали преимущественно некипяченое молоко, из которого готовили простоквашу, творог. Масло сбивали из скисших сливок. Народы Закавказья же, как правило, кипятят молоко и уже из него получают разнообразные молочные и прежде всего кисломолочные продукты.

Наши полевые материалы свидетельствуют, что русские, попав в Закавказье, сразу позволяли климатические условия, пытались максимально сохранить традиционные для них способы переработки молока. В селах Лермонтово и Фиолент в условиях среднегорной местности со сравнительно мягким, умеренным климатом живет традиция приготовления простокваши. Русские старожилы считают ее более полезной для здоровья, чем мацони. Это же мы наблюдали в 1988 г. в русских духовборческих селах Богдановского района Грузинской ССР, расположенных на высоте 2000 м над уровнем моря. В то же время русские, жившие в жарких субтропиках Ленкоранской низменности, все молоко подвергали кипячению⁹.

Более подробно рассмотрим культуры, имеющие отношение к сельскохозяйственному комплексу. Жители сел Воскресеновка и Никитино, так же как жители других русских сел Закавказья, выращивали пшеницу и рожь, доля которой со временем уменьшалась. Н. Дингельштедт, наблюдавший быт этих сел, писал,

что «переселенцам пришлось расстаться со знакомыми посевами ржи и овса, но они не только скоро вошли во вкус пшеничного хлеба, но по примеру местных жителей стали своих лошадей кормить ячменем, находя даже, что так лучше...»¹⁰. Пшеничная мука широко употреблялась для выпечки хлеба, пирогов, приготовления различных мучных блюд. В настоящее время ее используют почти так же широко, но ряд традиционных блюд перешел в разряд дополнительных. Это старинное русское блюдо на основе солода — кулага, саламата, хлебный квас. По-прежнему часто, как в повседневных, так и в ритуальных трапезах употребляется лапша, сваренная на мясном бульоне.

Самодельные дрожжи из пшеничных отрубей, муки и соцветий хмеля использовались русскими для выпечки хлеба, пирогов, приготовления кваса. В настоящее время дрожжи применяются гораздо реже, так как хозяйки сами пекут хлеб только по праздникам или торжественным случаям. Традиция приготовления кваса практически утрачена.

Из ржаной муки пекли хлеб и готовили кулагу. Затем рожь, пользовавшуюся малым спросом на местных рынках, перестали возделывать. Несмотря на это жители сел Лермонтово и Фиолетово до наших дней сохранили пристрастие к хлебу, выпеченному из ржаной муки, который покупают в ближайшем городе Кулагу теперь готовят из пшеничной муки.

Интересно, что в Эриванской губернии гречиху выращивали, и притом весьма успешно, только в названных селах. Вот что пишет об этом Н. И. Спасский: «Русские переселенцы-молочане селений Никитино и Воскресеновка Александровского уезда разводят для собственного употребления гречиху, которая родится там отлично. В 1870 г. под гречихой было 40 десятин, посеяно на этом пространстве 45 четвертей; урожай был сам-14, так что собрано его 230 четвертей»¹¹. Из гречневой крупы варили кашу, из муки — кулеш. По всей вероятности, сокращение посевов гречихи, а затем и их полное исчезновение было вызвано теми же причинами, что и сокращение посевов ржи, — низким спросом на местных рынках. Н. И. Спасский подчеркивает, что гречиха не только нигде больше по губернии не возделывается, но и вряд ли известна местному населению. В наше время присутствие в рационе гречки определяется ее наличием в магазине. Гречневая же мука полностью вышла из употребления. Это единственный компонент земледельческого комплекса традиционной системы питания русских старожилов, который был ими полностью утрачен при адаптации в Закавказье.

У молочан сладкая рисовая каша — традиционное свадебное и поминальное блюдо (кутья). Она до сих пор осталась в рационе, но приобрела некоторые кавказские черты (в нее добавляют корицу, кишмиш). В наши дни рис используется русскими в основном для приготовления заимствованных из кавказской кухни блюд — плова, харчо, долмы (голубцы в виноградных листьях). Из крупяных блюд распространены пшенная, манная и перловая каши. Просо, из которого получали пшено, ранее выращивали сами. Азербайджанцы использовали необрущенное просо как добавку при выпечке хлеба. В настоящее время пшено перешло в разряд покупаемых продуктов. Пшенную кашу иногда по традиции варят с тыквой. Из покупной кукурузной крупы русские готовят мамалыгу, которую едят со сливочным маслом. Это единственное крупяное блюдо, заимствованное из кухни кавказских народов.

На приусадебных участках русские выращивали разнообразные овощи: капусту, картофель, свеклу, морковь, редис, репу, редьку, тыкву, из которых готовили традиционные русские блюда. В Лермонтове и Фиолетове капусту выращивали и для продажи. До наших дней она пользуется особым спросом на рынках. Лук и чеснок, ранее не употреблявшиеся молочанами по религиозным соображениям, судя по полевым материалам стали возделывать с конца 1930-х годов. В наше время эти запреты соблюдаются только людьми преклонного возраста, и то далеко не всеми.

Пищевой рацион жителей сел Лермонтово и Фиолетово постоянно расширялся за счет покупных овощных культур, которые невозможно было вырастить в местных климатических условиях. Это прежде всего помидоры, огурцы, салат, баклажаны, кабачки, представлявшие собой новые для русских культуры. Их готовят так, как это принято у кавказских народов. Кабачки и баклажаны жарят, запекают, делают из них икру. Баклажаны кроме того фаршируют. Русские переняли также опыт приготовления долмы. Они так же, как и коренные народы, покупают фасоль: стручковую жарят с луком и яйцами, из зерновой готовят лобио, добавляя в него многочисленные травы и специи. Огурцы, как и капусту, засаливают на зиму.

Постепенно русские переселенцы переняли у армян и азербайджанцев традицию широкого употребления зелени и пряностей. На приусадебных участках наряду с петрушкой и укропом они выращивают кишнец, сельдерей, чабрец, рейхан, тархун. Покупают гвоздику, черный перец, лавровый лист, шафран, корицу, виноградный уксус. Используется все это как в свежем виде, так и для приготовления различных солений, маринадов, в выпечке, при приготовлении долмы, плова и других заимствованных блюд.

Соль добавлялась русскими во все блюда и в тесто. Было принято досаливать пищу на столе. Черный жгучий перец употреблялся в весьма умеренных дозах. Живя в Закавказье, они стали использовать перец и соль в больших количествах. Дело в том, что переселенцы заимствовали у коренных народов ряд приемов заготовки овощей на зиму. Очень популярна среди русских кавказская жгучая приправа аджика, которую готовят в нескольких вариантах. Среди основных компонентов аджики, наряду с пряной зеленью — соль и жгучий перец.

Фрукты, ягоды, орехи широко используются в традиционной русской кухне как в свежем виде, так и для приготовления варенья и компотов. В условиях Закавказья изменился видовой набор фруктов и ягод, употребляемых в пищу. В селах Лермонтово и Фиолетово на приусадебных участках выращивают яблоки, груши, вишню, сливу, клубнику, малину, крыжовник, кизил. Такие культуры, как виноград, айва, черешня, абрикосы, гранаты, персики, хурма, дыни, арбузы, так же как грецкие и миндальные орехи, в этом климате не вызревают. Поэтому по возможности их покупают на рынке и употребляют как в свежем виде, так и для компотов и варений.

Вместа выхода для приготовления компотов и кулаги русские использовали сухофрукты из плодов дикой яблони и груши. После переселения на Кавказ ассортимент сухофруктов у них значительно расширился за счет покупных, традиционных для закавказской кухни: чернослива, кураги, урюка, инжира, изюма. Ими заменяют сладости; кроме того, их добавляют в плов и рисовую кашу.

Русские старожилы сел Лермонтово и Фиолетово наряду с их соседями — армянами широко употребляют в пищу дикорастущие растения. В условиях весеннего авитаминоза включение в рацион щавеля, шпината, крапивы, лебеды, черемши, хвоща насыщает организм необходимыми витаминами. Кроме того, русские собирают дикорастущую смородину, землянику, малину, ежевику, алычу, терн, калину, шиповник. Облепиху покупают на рынке. Ягоды употребляют в свежем виде и заготавливают впрок. Наше внимание обратил на себя тот факт, что жители обследованных сел в отличие от русских, живущих в средней полосе, не собирают плоды рябины в окрестных лесах. По-видимому, эта традиция была ими утрачена, что на фоне резкого расширения спектра используемых в пищу фруктов, овощей и ягод представляется совершенно незначительной потерей. Грибы собирают и варят из них супы. Из цветов дикого хмеля, как уже упоминалось, изготавливают самодельные дрожжи. Мята, чабрец, зверобой, душица испокон веков использовались для заварки ароматных и полезных чаев. Кроме того, мяту добавляли в квас. Постепенно в связи с широким распространением черного байхового чая напиток из дикорастущих трав перешел в разряд

эпизодически приготавливаемых. То же можно сказать и о квасе. В трудные годы Великой Отечественной войны эти полузабытые традиционные напитки опять вошли в употребление. В наши дни русские старожилы сел Лермонтово и Фиолетово заваривают и пьют черный байховый чай по несколько раз в день.

Для получения растительных масел русские выращивали на приусадебных участках лен и коноплю. Масло, сбивавшееся на многочисленных маслобойнях, использовалось в пищу и в сыром виде, и для жарения. В настоящее время конопляное и льняное масла полностью уступили место подсолнечному. Интересно, что русские старожилы и сейчас считают конопляное масло самым вкусным и полезным. Покупное подсолнечное масло используется в свежем виде для заправки салатов, супов, для жарения при приготовлении заимствованных из кавказской кухни блюд — баклажанной и кабачковой икры, лобио, а также добавляется в тесто (для хлеба и пирогов).

В традиционной русской кухне широко употреблялся мед. Когда русские поселились в селах Воскресеновка и Никитино, они стали активно заниматься пчеловодством¹², чему способствовало и местоположение сел в горно-лесной зоне, недалеко от альпийских лугов с их богатыми медоносами. Достигнув некоего пика, пчеловодство постепенно стало сходить на нет. В Лермонтове сохранилась всего одна пасека. Упадок пчеловодства объясняется как исчезновением традиционных медоносов (гречихи и др.), так и тем, что в связи с доступностью сахара мед давно перестал употребляться как естественный сладкий и, кроме того, питательный и целебный продукт.

Более подробно остановимся на рассмотрении продуктов и блюд животного происхождения. До 1940-х годов в с. Лермонтово русские старожилы держали много коз, молоко которых в основном шло в пищу детям. Технологию приготовления мацони русские целиком заимствовали у армян: молоко, надоенное от всех имеющихся в хозяйстве животных, смешивали и кипятили. Заквашивая в теплом виде небольшим количеством сметаны или остатком мацони.

В селах Лермонтово и Фиолетово русские кроме мацони делают и два вида армянских сыров: нитевидный сыр чилчил (чичель), который получается путем нагревания мацони и молока с последующим вытягиванием нитей (в последние годы за неимением молока его делают редко), и круглый сыр из цельного овечьего молока чанах (иногда с добавлением козьего), который готовится из теплого кипяченого молока, заквашиваемого сычужной закваской (часть жидкого ягненка кладут в трехлитровую банку, заливают сывороткой от мацони, добавляют рис и сахар). Эту закваску делают весной, и она сохраняет свои полезные свойства в течение всего лета. Сыворотку из-под сыра в пищу не используют. Она идет на корм скоту. Бурдючный сыр мотал в с. Лермонтово делают только армяне.

Еще несколько лет назад, когда условия (главным образом наличие кормов) позволяли получать на личном подворье достаточное количество молока, русские старожилы снимали с сырого молока сливки, и когда они прокисали из них в деревянных бочонках сбивали масло.

Интересно, что иногда при сохранении традиционного способа получения того или иного продукта, типичного для русских средней полосы, способ употребления побочных продуктов перенимались от автохтонного населения.

Наши полевые материалы показывают, что в личном хозяйстве русские старожилы держали коров, лошадей, овец, коз, птицу. Буйволов в отличие от армян не разводили, хотя условия для этого были. Обеспеченность скотом была довольно высокой; в Никитине на каждые 100 человек приходилось 175 голов крупного рогатого скота¹³. Свиней не держали, так как существовал у переселенцев-молочан религиозный запрет на употребление свинины. В настоящее время на личном подворье, как правило, наряду с крупным рогатым скотом содержатся овцы, птица (в основном куры и утки). В последние годы в связи с ухудшением социально-экономической ситуации на селе, нехваткой кормов

и пастбищ количество скота, содержащегося в личном пользовании, сокращается.

Наряду с традиционными для русских мясными блюдами (щи на мясном бульоне, мясо с картошкой, пироги с мясом и потрохами) в быт русских старожилов широко вошли блюда, заимствованные у армян (харчо, долма, сациви, мамалыга, шашлык, плов), которые употребляются как в повседневной кухне, так и в праздничной. Кроме того, русские по примеру армян и азербайджанцев научились заготавливать мясо на зиму, делая ковурму (пережаренное, залитое курдючным салом мясо). В качестве животного жира используется перетопленное курдючное сало. В пищу идут куриные яйца во всех видах, утиные добавляются в тесто.

В потреблении мяса и мясных продуктов у русских старожилов и коренного населения прослеживается четкая сезонная зависимость. Они используются в основном в осенне-зимний период; на летнем столе преобладают молочные и овощные блюда. Удельный вес хлеба, печеностей и мучных продуктов остается весьма значительным на протяжении всего года. Аналогичная картина наблюдается и в питании коренных народов. Что касается особенностей рациона старших возрастных групп, то нами не выявлено сколько-нибудь значительных отклонений от общей картины. В некоторых семьях представители старшего поколения, чаще всего женщины, продолжают придерживаться пищевых запретов, не употребляя в пищу свинину, зайчатину, лук и чеснок.

Охота и рыболовство, игравшие большую роль в традиционной культуре русских, в условиях Закавказья с его горными лесами и реками и относительно ограниченными земельными ресурсами, получили дополнительный импульс. Продукты охоты и рыбной ловли стали весомой добавкой к столу русских старожилов. Наши информаторы свидетельствуют, что окрестности русских сел Воскресеновка и Никитино были богаты дичью. Вплоть до 40-х годов XX в. их жители охотились на медведей, джейранов, куропаток, перепелок. Несмотря на запрет употреблять в пищу свинину, мужчины охотились на диких кабанов и сами готовили и ели их мясо. Таким образом, они раньше женщин стали отходить от этого пищевого запрета. В последние годы охота на все виды птицы и дичи полностью запрещена.

В многочисленных реках и источниках в изобилии водилась форель, численность которой из-за обмеления рек и речушек в последнее время значительно сократилась. На столе русских старожилов в наши дни чаще можно встретить сазана, карася, а также севанского сига. Из них варят уху, жарят, а также по примеру армян и азербайджанцев делают из рыбы шашлык.

Таким образом, для русских жителей сел Лермонтово и Фиолетово характерна значительная стабильность пищевого комплекса на протяжении всей истории их проживания: в горах Кавказа, что свидетельствует об успешной адаптации в таких важных сферах жизнеобеспечения, как хозяйство и быт. Продуктовая основа земледельческого комплекса осталась практически неизменной за счет того, что те культуры, которые перестали по тем или иным причинам выращивать, перешли в разряд покупаемых. Из употребления вышла значительная часть малосущественных для рациона культур. Заимствования составляют 30% всего набора земледельческих культур. Блюда чисто земледельческого комплекса тоже сохранились.

Больше заимствований обнаруживают блюда, приготовляемые из продуктов пастбищно-скотоводческого комплекса, хотя основные блюда и здесь остаются неизменными.

Больше всего трансформировался комплекс блюд из продуктов скотоводства. Значительно количество новых блюд и заимствованных способов обработки мясных продуктов. На тех территориях, где позволяет экологическая ситуация, традиционные для русских способы обработки продуктов скотоводства применяются в максимальной степени.

В целом пищевой комплекс русских старожилов изменился незначительно, в основном за счет добавления новых элементов, не ставших, впрочем, основными. Стержень жизнеобеспечения (набор продуктов и способы их обработки) остался прежним. Более пластичным оказался скотоводческий комплекс, т. е. та часть жизнеобеспечения, которая играет подчиненную роль и имеет менее развитые формы, чем у коренного населения. Консервативность земледельческого комплекса происходит из-за его наибольшей развитости (главенствующее положение в структуре традиционного питания, большое разнообразие продуктов и блюд в абсолютном значении по сравнению со скотоводческим и относительно того же у коренного населения). Сохранить земледельческий комплекс в значительной степени удалось благодаря удачному выбору места для поселения и соответственно, для ведения хозяйства в близких к местам выхода природных условиях. На нынешнем этапе многие элементы этого комплекса сохраняются в рационе за счет покупки, что, безусловно, сказалось на частоте их употребления, целиком зависящей от наличия продуктов в продаже. В последние годы в ряде районов Закавказья, как и в других регионах, ассортимент продуктов в сельских магазинах существенно оскудел. В сочетании с трудностями ведения подсобного хозяйства, как огородничества, так и животноводства, это привело к ухудшению и обеднению пищевого рациона сельских жителей.

В прошлом пищевой комплекс с преобладанием натуральной основы был большей степени комплексом самообеспечения. В настоящее время многие локальные экологические связи, особенно касающиеся производства традиционных продуктов земледелия, прервались. За счет возрастания роли обмена и торговли система жизнеобеспечения стала более открытой. С другой стороны, в области получения продуктов скотоводства появились новые экологические связи, что объясняется прежде всего наличием прекрасных местных пастбищ. В Закавказье, когда русские встали перед необходимостью налаживать хозяйство в иных, чем у себя на родине, природных и климатических условиях, для более успешной адаптации было выгодно максимально расширить набор используемых в повседневном питании продуктов и блюд. Это расширение они осуществили прежде всего за счет заимствований в области скотоводческого комплекса коренных народов, оказавшегося более богатым и разнообразным.

Когда по данной программе будут охарактеризованы все обследованные нами локальные пищевые комплексы русских старожилов Закавказья, станет возможным провести их сравнительное исследование, наиболее интересное с этноэкологической точки зрения. Кроме того, нам представляется чрезвычайно актуальным проанализировать традиционные пищевые комплексы с точки зрения их биологической значимости, что очень важно для оценки их влияния на адаптацию мигрантов в новом для них природном и этническом окружении. В последующем мы предполагаем реализовать эти две линии исследований.

Примечания

¹ Козлов В. И., Комарова О. Д., Степанов В. В., Ямсков А. Н. Проблемы адаптации русских старожилов в Азербайджане (середина XIX—XX в.) // Сов. этнография. 1988. № 6.

² Наши полевые материалы свидетельствуют, что существенное влияние на традиционное хозяйство и материальную культуру поселенцев оказывали контакты с коренным населением, с которым на протяжении всей истории своей жизни в Закавказье русские поддерживали тесные связи. В данной статье делается попытка проанализировать значение подобных контактов для развития традиционной культуры.

³ Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М. 1981. Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М., 1982; Феномен долгожительства. М., 1982; Культура жизнеобеспечения и этно. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983; Липинская В. А. Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII—XX вв.). М., 1987; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.

⁴ Работа проводилась в составе антрополого-этнографического отряда (начальник Д.

Глова Н. А.) Комплексной межинститутской этноэкологической экспедиции по изучению русских поселенцев на Кавказе (начальник — Большаков В. А., научный руководитель — Козлов В. И.).

⁵ В этих селах действуют также общины прыгунов и максималистов, представляющих собой ответвления секты молокан. Мы не будем останавливаться на них подробно в силу их крайней малочисленности.

⁶ См. об этом более подробно: *Исмаил-заде Д. И.* Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX — начало XX в.). М., 1982; *Долженко И. В.* Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении. (Конец XIX — начало XX в.). Ереван, 1985.

⁷ Памятная книжка Эриванской губернии на 1912 г. Эривань, 1912. Ч. 5. С. 2.

⁸ См. полевые материалы автора: Архив Ин-та этнографии АН СССР. Комплексная меж-институтская этноэкологическая экспедиция по изучению русских поселенцев на Кавказе, антрополого-этнографический отряд, 1987 г. Полевые материалы автора.

⁹ *Grigulevich N. J.* Cultural and Ecological Peculiarities of the Traditional Diet of the Russians in Azerbaijan // XII ICAES: Zagreb. July 24—31. 1988. М., 1988.

¹⁰ *Дингельштедт Н.* Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту. СПб., 1885. С. 3.

¹¹ *Спаский Н. И.* Сельскохозяйственно-статистические сведения об Эриванской губернии за 1870 г. // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 175.

¹² Дореволюционные исследователи отмечали, что у коренных жителей Эриванской губернии, в отличие от русских, не было развито пчеловодство. (*Спаский Н. И.* Указ. раб. С. 190).

¹³ *Долженко И. В.* Указ. раб. С. 65.

© 1990 г.

А. С. Петрова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

(психологическая антропология
и кросс-культурные исследования)

Когда в советской литературе говорится об этнопсихологическом направлении в этнографии США, под этим, как правило, подразумевается деятельность школы исследований культуры и личности. Основные черты этого направления критически проанализированы в работах советских этнографов и философов¹. Однако советская историография американской этнопсихологии почти исключительно ограничивается критическим анализом концепций названной школы, причем даже в тех работах, где речь должна идти о современных этнопсихологических исследованиях за рубежом².

Наша задача состоит в том, чтобы в общих чертах осветить современные тенденции развития американской этнопсихологии и несколько уточнить бытующую в нашей литературе упрощенную картину.

Как известно, уже в начале 1950-х годов методологические основы школы исследований культуры и личности были подвергнуты аргументированной критике, исходившей не только извне (от представителей других этнографических школ, а также от психологов и социологов)³, но и от ученых, долгое время работавших в русле данного направления⁴. С тех пор школа исследований культуры и личности навсегда утратила ведущее положение в американской этнографии. Однако это совсем не означало, что у ученых угас интерес к обширному спектру проблем, лежащих на стыке этнографии и психологии. Напротив, тематика работ настолько расширилась, что не укладывается теперь в рамки проблемы «культура и личность». В настоящее время обширная область этнографических исследований, имеющих четко выраженный психологический аспект, объединяется под названием «психологическая антропология» (термин, введенный в 1961 г. одним из ведущих современных американских исследователей этого направления Ф. Л. К. Сюем)⁵.

Можно считать, что период становления психологической антропологии как субдисциплины социальной и культурной антропологии завершился к концу 70-х годов. В 1977 г. было основано Общество психологических антропологов (Society for Psychological Anthropology), издающее журнал «Этос» («Ethos»). В 1978 г. начал выходить «Журнал психологической антропологии» («Journal of Psychological Anthropology»). К этому времени появились фундаментальные сводки данных и первые учебники по этой дисциплине⁶.

Переход от термина «культура и личность» к термину «психологическая антропология» не был случайным, а диктовался логикой развития науки. По сравнению с предыдущим периодом психологическая антропология основывается на более объективных теоретических предпосылках, отличается большей методологической строгостью, более последовательно стремится к достоверности выводов, избегая чрезмерно широких обобщений. Положительной оценки заслуживают присущие работам нового периода элементы историзма (методически они выражаются, например, в лонгитюдных исследованиях, позволяющих проанализировать психологические последствия социокультурных сдвигов). Для психологической антропологии характерен учет экологических и экономических условий жизни общества, а также внутрикультурных вариаций и межкультурных контактов⁷.

Развитие психологической антропологии протекает на фоне усиления традиционной тенденции к психологизации американской социальной и культурной антропологии⁸. Еще Р. Линтон определял этнографию (антропологию) как науку, «изучающую человеческое поведение во всех его аспектах»⁹. Принятые американскими этнографами (Р. Лоуи, А. Кребер, К. Клакхон, Р. Кинг и др.) определения ключевого для данной науки понятия культуры исполняют такие термины, как «поведенческие нормы», «научение», «установка» и т. д., т. е. имеют ярко выраженный психологический аспект¹⁰. Общая психологизация этнографических исследований затрудняет четкое отграничение психологической антропологии от других отраслей этнографии.

Тем не менее можно выделить отдельные *направления*, получившие в рамках психологической антропологии наибольшее развитие. К ним относятся: сравнительные исследования социализации детей (этнография детства); анализ этнокультурной специфики психических заболеваний и примыкающих к ним «измененных состояний сознания»; этнографические исследования влияния культуры на восприятие и мышление и, наконец, изучение национального характера, наиболее прямо связанное с традициями школы исследований культуры личности.

Этнографическое изучение *социализации детей*, по мнению некоторых исследователей, уже выросло в самостоятельную субдисциплину со своей структурой, собственными теориями и методами¹¹. Важное место моделей социализации этнической культуре признается всеми исследователями. Однако современная наука давно отказалась от жесткого детерминизма, характерного для представителей направления «культура и личность», непосредственно выводивших особенности культуры и национального характера из традиционных способов ухода за детьми. Школа исследований культуры и личности эксплицитно либо имплицитно исходила из полного единства методов воспитания в данной культуре. Ученые нового поколения отказались от этого упрощенного подхода и считают своей задачей тщательный учет внутрикультурных вариаций, вызываемых в частности, межкультурными контактами. Поэтому исследования последнего времени обычно не стремятся к широким обобщениям, а ставят перед собой конкретные задачи, например, выявление связи между способами воспитания детей и бытующими в обществе понятиями о болезни и колдовстве. Следует также отметить, что в последние десятилетия традиционные способы воспитания детей рассматриваются с эволюционной точки зрения. При этом более тщательно анализируется их связь с материальной основой жизни общества, с системой жизнеобеспечения.

В современной этнографии детства ведущее место принадлежит исследованиям Дж. и Б. Уайтинга, основанным как на детальном изучении социализации детей в отдельных культурах, так и на широком статистическом анализе межкультурных сходств и различий в социализации¹².

Определенная преемственность по отношению к школе исследований культуры и личности сохраняется не только в этнографическом изучении социализации, но и в исследовании *национального характера*. Это направление психологической антропологии не принадлежит к числу ведущих. В основном его представляют работы уже упомянутого Ф. К. Сюя¹³. Как известно, именно недостаточно обоснованные обобщения, сделанные при изучении национального характера в рамках школы культуры и личности, вызвали самую острую критику¹⁴. Неудивительно, что с тех пор в этой области произошли значительные изменения. Современному ученому обычно приходится иметь дело не с относительно изолированными и гомогенными этносами, а с имеющими сложную структуру этническими образованиями. Поэтому широко используется выборочный метод, позволяющий учесть влияние социально-экономических переменных. В этих исследованиях уже не может быть места таким понятиям, как базовая личность (основная личностная структура, формируемая данной культурой) или же «модальная личность». Скорее изучается своеобразие этнокультурных факторов, которые накладывают определенные ограничения на вариативность типов личности в данном обществе. В частности, Ф. Сюя считает, что психологические особенности общества во многом определяются преобладающей структурой отношений родства, которая в свою очередь предопределяет тип психо-социального гомеостаза, влияющего на все стороны жизни общества. Исследователь опирается в основном на анализ объективированных форм культуры: литературных и религиозных текстов, произведений искусства и т. д. Другие исследователи «национального характера» используют также прямое психологическое тестирование, уделяя большое внимание проблеме выборки¹⁵.

В последнее время все чаще раздаются призывы к междисциплинарному сотрудничеству в изучении психологического облика современных обществ. По утверждению Г. Хофстеде, необходима координация усилий ряда наук — психологии, социологии, политологии и антропологии. В рамках общих исследований антропологи могут внести вклад в изучение сложных индустриальных обществ, выделяя главные аспекты личности и социальные системы, по которым эти общества различаются между собой¹⁶.

Давние традиции в американской этнологии имеет также изучение этнокультурных особенностей *норм психического здоровья* и отклонений от них. Известно, что представители школы исследований культуры и личности, опираясь на психоаналитические концепции, широко применяли психиатрическую терминологию к изучаемым народам и культурам в целом. В частности, Р. Бенедикт рассматривала культуры различных народов как проявления якобы присущей каждому этносу специфической психопатологии¹⁷. На современном научном уровне такие легковесные суждения невозможны. В настоящее время транскультурная психиатрия занимается традиционными представлениями о психических болезнях, их критериями в различных обществах, традиционными способами их распознавания и лечения. Особое внимание уделяется психическим заболеваниям «эндемичным» для определенной этнокультурной среды (амок у малайцев, арктическая истерия, иму у айнов и т. д.¹⁸). К транскультурной психиатрии непосредственно примыкает изучение этнокультурных аспектов, присущих так называемым измененным состояниям сознания, пограничным между нормой и патологией. Это галлюцинации, различные виды транса и одержимости, составляющие необходимый элемент многих ритуалов в традиционном обществе (культ вуду на Гаити, шаманизм и т. п.). Такие состояния считаются в этих обществах приемлемыми и желательными, поэтому с позиций культурного релятивизма патологией их назвать нельзя. Тем не менее их изучение тесно связано с клинической психологией и психиатрией¹⁹.

В обобщающих трудах последнего времени среди основных направлений психологической антропологии называют также исследование *этнокультурных особенностей восприятия и когнитивных процессов*. Наибольшую известность в этой области получили труды М. Коула и его сотрудников²⁰. В отличие от других данный раздел психологической антропологии практически не имеет традиций американской этнологии. Отчасти он опирается методологически на гипотезы лингвистической относительности Сепира — Уорфа²¹. Однако основой работы М. Коула являются соответствующие разделы общей психологии. Теоретические исследования «культуры и мышления» восходят к концепции культурно-исторического развития психики, выдвинутой советским ученым Л. С. Выготским. Университетским учителем М. Коула был один из виднейших последователей Л. С. Выготского — А. Р. Лурия.

Отсутствие генетической связи с этнографической наукой и непосредственная опора на «академическую» психологию ставят школу «культуры и мышления» в пограничное положение между психологической антропологией и так называемыми кросс-культурными исследованиями (ККИ), представляющими второе важнейшее направление в современной американской этнопсихологии.

Если психологическая антропология сформировалась и продолжает развиваться в рамках этнографической науки, то кросс-культурные исследования (иногда называемые кросс-культурной психологией) возникли в ходе развития психологии²². Результаты ККИ публикуются в многочисленных психологических журналах. Выходят и периодические издания, специально посвященные такого рода исследованиям, например, «Журнал кросс-культурной психологии» («Journal of Cross-Cultural Psychology»); «Международный журнал межкультурных отношений» (International Journal of Intercultural Relations). Стимулом к первоначальному развитию ККИ стала осознанная психологами необходимость проверки любых выводов и гипотез на материале различных культур. Типичная работа, выполненная в рамках ККИ, ставит своей задачей подтверждение всеобщности той или иной психологической закономерности и/или выявление особенностей ее реализации в разных культурных средах. Например, являются ли все аспекты теории Ж. Пиаже о стадиях развития мышления у детей универсальными; какие из этих стадий могут изменяться в зависимости от культуры; какие соответственно действительны только в Швейцарии.

Понимание того, что любая психологическая закономерность в принципе должна быть подвергнута кросс-культурной проверке²⁴, следует считать методологическим достижением данной субдисциплины. Другим важным аспектом ККИ, на практике с трудом отделимым от первого, является валидизация на разном образном культурном материале различных психологических методик²⁵. Прежде всего перед исследователем встает задача адаптировать методику исследования к тем, чтобы его субъекты (respondенты), принадлежащие к иной культурной среде, могли выполнять предлагаемые им задания, не испытывая психологических трудностей. Это выдвигает определенные требования к предъявляемому стимульному материалу. Поэтому в ККИ обычно отдается предпочтение невербальным методикам перед вербальными и проективными перед не проективными. Среди проективных невербальных методик особое значение имеют тест тематической апперцепции (ТАТ) и тест Роршаха²⁶. Их применение в ККИ имеет свою специфику. Использование любой психологической методики кросс-культурной плане преследует определенную цель помимо проверки самой методики. Например, проверка тех или иных закономерностей восприятия и выявления определенных стереотипов и имплицитных представлений. Что касается названных тестов, с ними дело обстоит иначе. В обычных психологических исследованиях ТАТ и тест Роршаха применяются с целью диагностики определенных типов личности. ККИ, как правило, не стремятся к выявлению типов личности, присущих тем или иным культурам, так как подобные исследования со времен школы исследований культуры и личности утратили популярность. При

нение тестов ТАТ и Роршаха в различных культурах ставит своей задачей выявить культурные особенности *интерпретации* элементов этих тестов, т. е. представляет собой самостоятельное направление в рамках ККИ.

В целом же «отраслевая структура» ККИ отражает структуру современных психологических исследований вообще. Для примера можно привести некоторые из затрагиваемых в сравнительно-культурном плане тем: лидерство и социальный климат в семье и на производстве²⁷; подверженность оптическим иллюзиям²⁸; модели межпоколенной передачи норм поведения²⁹; сексуальность и половые роли³⁰; отношение к семейным ролям в браке³¹; восприятие и оценка выражений лица³²; потребность в аффилиации и агрессии³³ и т. д.

В психологических исследованиях прикладного характера растет популярность культурных измерений. Все больше работ посвящается, например, изучению культурных различий в психологических аспектах труда, причем часто материалом для исследований служит опыт работы транснациональных корпораций³⁴. Наибольшее развитие в рамках ККИ получили естественно те области исследования, которые наиболее интенсивно разрабатываются в общей и социальной психологии. Можно сказать, что современные ККИ являются своеобразной «проекцией» всех разделов психологии на культурное разнообразие человечества. Поэтому довольно трудно определить границы предметной области кросс-культурной психологии как субдисциплины, так как она не обладает собственной теоретической основой.

«У кросс-культурной психологии мало собственных теорий, скорее она использует множество широких теоретических концепций для организации сбора данных и их анализа. Однако, кросс-культурная психология обладает присущим только ей набором методов. Таким образом, кросс-культурные исследования определяются скорее не теорией, а методологией»³⁵. Методологически ККИ во многом опираются на понятие культуры. Однако выработанные в рамках ККИ определения обычно носят прикладной характер, не учитывающий концепции культуры, созданные в этнографии и культурологии. Например, Дж. Манастер и Р. Хевихерст рассматривают культуру как «общий набор типов поведения и установок, полученных с помощью научения». По мнению этих исследователей, «... группа подростков Чикаго, например, может представлять несколько культур. Они представляют культуру США, культуру своей половой группы, культуру своей социально-классовой группы и культуру своей возрастной группы. Национальная культура — лишь один из факторов, детерминирующих то, как люди ведут себя и воспринимают мир»³⁶. Приведенное высказывание свидетельствует о том, что психологи, занимающиеся ККИ, рассматривают этническую принадлежность человека как один из стандартных параметров, по которым ведется социально-психологические и социологические исследования (пол, возраст, профессия, социальный статус и т. д.).

Еще более необычны для этнографа взгляды Х. Триандиса, который считает, что «в понятие культуры не входят понятия национальности, расы, религии, пола или общественного класса». Включаются только понятия: 1) времени, поскольку мы интересуемся отдельным историческим периодом» 2) места, поскольку мы придаем особое значение межличностным контактам или политической организации»; 3) языка, «поскольку для нас особое значение имеет взаимопонимание (взаимопонимание)»³⁷. Такой подход означает недостаток внимания к теоретической разработке понятия культуры, анализу его взаимосвязей с такими категориями, как этнос, социальная группа и т. д.

Мы видим, что исследователи кросс-культурной психологии крайне далеки от анализа психологических особенностей этнических общностей. В связи с этим заметим, что такая тенденция, хотя и в меньшей степени, свойственна также представителям психологической антропологии, изучающим не столько этнические, сколько культурные общности. Поэтому неслучайно, что в американской литературе (в отличие от советской или, например, от французской) термин «этно-

психология» не получил широкого распространения и его употребление в заголовке нашей статьи в значительной мере условно.

Итак, психологическая антропология и кросс-культурные исследования — две субдисциплины, изучающие, каждая под своим углом зрения, этнические особенности психики. Эти направления различаются прежде всего своими методологическими парадигмами. Кросс-культурные исследования носят, как правило, экспериментальный, статистический характер, включают в себя формулировку и проверку гипотез, построение экспериментального аппарата, конструирование лабораторной ситуации, создание определенных контролируемых условий. Психологическая лаборатория создает зачастую искусственную ситуацию, надуманный характер которой отчасти объясняется тем, что она вписана не в широкий социокультурный контекст, а только в контекст самого исследования.

Основные методы психологической антропологии — *наблюдение и понижение*. (Последнее, несомненно, требует от исследователя не только навыков, интуиции и особого дара психологического перевоплощения. Один из выдающихся исследователей такого рода — упоминавшийся ранее Ф. Скуй). В противоположность психологам, работа антрополога связана с естественными ситуациями в полевых условиях, которые контролируются исследователем минимально, хотя иногда (особенно при оценке личности) используют экспериментальные процедуры и тестирование. Антропологи пытаются понять специфические типы поведения в широком культурном контексте, так как убеждены, что поведение можно понять, только зная, как оно укладывается в рамки широкой социокультурной ситуации. Полевой исследователь стремится полностью «погрузиться» в чужую культуру и понять наблюдаемое поведение с точки зрения наблюдаемых людей. «Антропологические методы стремятся не допустить прямого вмешательства и, соответственно, обратной реакции. Антропологи наблюдают, участвуют, учатся с надеждой *понять*. Это наша невысказанная парадигма, находящаяся в резком противоречии с экспериментированием, которое, по мнению многих антропологов, игнорирует контекст. Антропологам присуща натуралистическая, эмическая стратегия, связанная с участием и не допускающая вмешательства»³⁸.

Лингвист К. Пайк выдвинул положение о двух возможных подходах к языку, изучаемым в гуманитарных науках. Он определил *этический* подход как универсалистский, использующий единицы анализа и сравнения, которые считаются свободными от культурного влияния. В противоположность этому *эмический* подход культурно специфичен. Нельзя заранее знать, каковы эмические единицы анализа, ибо их обнаружение является одной из целей исследования. Поэтому при эмическом подходе нельзя заранее формулировать какие-либо гипотезы.

Эмический подход дает описание культурной системы не извне, а изнутри с точки зрения участника данной системы³⁹. Исходя из этой теории, позиция психологической антропологии можно определить как *эмическую*, а кросс-культурных исследователей — как *этическую*. Различие изначальных установок основных методов двух субдисциплин ведет и к различным критериям достоверности полученных данных. Психологи ищут закономерности, которые действуют несмотря на различия между культурными группами. «Рискованно извлекать выводы из получаемых различий. С другой стороны, при установлении сходства мы чувствуем себя более уверенно»⁴⁰. А поскольку межкультурные различия весьма наглядны, направленность ККИ на «поиск сходства» способствовала разработке сложной системы проверки надежности используемых методов и контроля извлекаемых с их помощью данных.

Антропологи же, напротив, ищут в изучаемых явлениях не столько сходства, сколько культурные различия. Достоверность выводов основывается главным образом на строгости логических рассуждений, точности наблюдений и интуиции исследователя.

В последнее время некоторые специалисты не удовлетворяются дихотомией «эмический» — «этический», полагая, что эмический подход в чистом виде невозможен, ибо исследователь никогда не может полностью освободиться от присутствия его культуре схем мышления⁴¹. Ставится задача более детальной разработки логических аспектов сравнительно-культурных исследований⁴².

Существующие различия между психологической антропологией и ККИ, однако, не препятствуют зарождающемуся сближению между ними. По мнению Р. Эджертона, лучшим примером этому служат работы М. Коула и его сотрудников. Будучи по образованию психологом, М. Коул экспериментально, в традициях ККИ изучает мышление и восприятие различных народов. Но при этом он старается интерпретировать данные с позиций психологической антропологии, т. е. учитывать весь сложный культурный контекст, придающий своеобразие наблюдаемым явлениям. Коул проводит «этические сравнения, основанные на эмических эквивалентах»⁴³. Такой подход обеспечивает успех его исследованиям.

В заключение хотелось бы отметить, что в ходе развития психологической антропологии и особенно эмпирически направленных кросс-культурных исследований накоплен огромный фактический материал. Все полученные данные в закодированном виде хранятся в Региональном архиве человеческих отношений (Human Relations Area Files; HRAF), находящемся в США. Информация о нескольких тысячах этносов, хранящаяся в архиве, сгруппирована по тематическим рубрикам⁴⁴. Материалами HRAF пользуются ученые обеих субдисциплин для статистической проверки гипотез и для проведения более содержательных обобщений.

Примечания

¹ См., например: *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 148—170; *Артаковский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л., 1972; *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 270—286; *Суворова Д. Г.* Критика этнопсихологических концепций современной буржуазной социологии. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Алма-Ата, 1971.

² См., например: Современная зарубежная этнопсихология. Реферат. Сборник / Под ред. Арутюнова С. А., Еремина Г. И и др. М., 1979; Лишь совсем недавно появился содержательный очерк: *Белик А. А.* Психологическое направление в этнологии США. От исследования «культура и личность» к психологической антропологии // *Этнология в США и Канаде* / Ред. Веселкин Е. А., Тишков В. А. М., 1989.

³ См., например: *Klineberg O.* Tensions Affecting International Understanding // *Social Science Research Council*. № 62. 1950; *White L. A.* Review of Kroeber's Culture Configurations // *American Anthropologist*. 1948. № 48. P. 78—93; *Spiro E.* Culture and Personality: The Natural History of a False Dichotomy // *Psychiatry*. 1951. № 14. P. 19—46.

⁴ О критике теоретических и методологических основ этнопсихологической школы на конференции 1952 г. в Нью-Йорке. См.: *Аверкиева Ю. П.* Материалы Нью-Йоркского съезда этнографов // *Сов. этнография* (далее СЭ). 1955. № 4.

⁵ *Psychological Anthropology* / Ed. Hsu F. L. K. Homewood (Ill.), 1961; Cambridge (Mass.), 1972.

⁶ *Personalities and Cultures: Readings in Psychological Anthropology* / Ed. Hunt R. Garden City (N. Y.), 1967; *Bourguignon E.* *Psychological Anthropology*, N. Y., 1979; *The Making of Psychological Anthropology* / Ed. Spindler G. D. Berkeley etc., 1978.

⁷ *Psychological Anthropology* / Ed. William Th. R. Paris; The Hague, 1975.

⁸ «Психологизирование — глубоко укоренившаяся черта большинства книг по культурной антропологии». См.: *Harris M.* The Rise of Anthropological Theory. N. Y., 1968. P. 395, 397.

⁹ *Linton R.* The Cultural Background of Personality. N. Y., 1945. P. 38.

¹⁰ *Spindler G.* Introduction to Part 1 // *The Making of Psychological Anthropology* / Ed. Spindler J. Berkeley, 1978. P. 10—11.

¹¹ *Bourguignon E.* Op. cit. P. 121.

¹² *Whiting B. V., Whiting J. W. M.* Children of Six Cultures: A Psychocultural Analysis. Cambridge, 1975; *Six Cultures: Studies of Child Rearing* / Ed. Whiting B. V. N. Y., 1963. См. также: *Субботский Е. В.* Детство в условиях разных культур // *Вопр. психологии*. 1979. № 6. С. 144—151; *Кол И. С.* Проблема детства в современной американской этнопсихологии (об исследованиях Дж. и Б. Уайтинг) // СЭ. 1977. № 5. С. 148—158; *его же.* Этнография детства // СЭ. 1981. № 5. С. 3—14; *его же.* Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988.

¹³ См., например: *Hsu F. L. K. The Study of Literate Civilizations*. N. Y., 1969; *Idem. American and Chinese: Purpose and Fulfillment in Great Civilizations*. N. Y., 1970; *idem. Rugged Individualism Reconsidered: Essays in Psychological Anthropology*. Knoxville (Tennessee), 1983.

¹⁴ Достаточно полный обзор этих исследований с элементами критического анализа см. в кн. *Duijker H. C. J., Frijda N. H. National Character and National Stereotypes*. Amsterdam, 1960. (Рферат этой монографии см. в сб. «Современная зарубежная этнопсихология». М., 1979. С. 23—44)

¹⁵ *Encyclopedia of Anthropology*. N. Y., 1976. P. 281.

¹⁶ *Hofstede Y. National Cultures Revisited // Behavior Science Research*. 1983. Vol. 18. № 1. P. 285—305.

¹⁷ *Benedict R. Anthropology and Abnormal // J. of General Psych.* 1934. Vol. X. № 2.

¹⁸ *Bourguignon E. Op. cit.* P. 280—287.

¹⁹ *Opler M. K. Culture and Social Psychiatry*. N. Y., 1967; *Bourguignon E. Spirit Possession at Altered States of Consciousness: The Evolution of an Inquiry // The Making of Psychological Anthropology / Spindler J. Berkeley*, 1978; P. 479—518. См. последние работы: *Prince R., Tcheng-Laroche. Culture-Bound Syndromes and International Disease Classification // Culture, Medicine and Psychiatry*. 1987. V. 11. № 1. P. 3—19; *Davidson L. The Cross-Cultural Therapeutic Dyad // Contemporary Psychoanalysis*. 1987. Vol. 23. № 4. P. 659—675; *Way R. T. Burmese Culture, Personality and Mental Health // Austral. and New Zealand. J. of Psychiatry*. 1985. Vol. 19. № 3. P. 275—28

²⁰ *Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление*. М., 1977. См. также: *Гринфилд Д., Брунер Дж. Культура и познавательное развитие // Брунер Дж. Психология познания*. М., 197

²¹ *Whorf B. L. Language, Thought and Reality*. N. Y. 1956; *Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи*. М.; Л., 1934; *Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике*. Вып. 1. М., 1960. С. 135—168; *Брунгар Г. А. Гипотеза Сепира — Уорфа*. Ереван, 1968; *Соркин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. «Культурный язык» Л. С. Выготского и гипотеза Сепира — Уорфа // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР*. М., 198 С. 5—27.

²² Фундаментальную сводку результатов этих исследований, включающую обширную библиографию, представляет собой шеститомное руководство: *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Eds. Triandis A. C., Lambert W. W. Boston etc., 1980. Vol. 1, Perspectives Vol. 2. Methodology Vol. 3. Basic Processes. Vol. 4. Developmental Psychology. Vol. 5. Social Psychology. Vol. 6. Psychopathology. К сожалению, труды по кросс-культурной психологии почти не переводятся на русский язык. Можно указать лишь следующую работу: *Триандис Г., Малласс Р., Дэвидсон Э. Психология культуры // История зарубежной психологии. Тексты / Гальперин П. Я., Ждан А. Н. М., 198 С. 293—312.*

²³ Следует отметить, что начало такого рода исследованиям положила работа М. М. (Mead M. An Investigation of the Thought of Primitive Children, with Special Reference to Animism A Preliminary Report // J. of Royal Anthropol. Inst. Great Britain & Ireland. L., 1932. Vol. 62. Pt. P. 173—190.

²⁴ См. об этом: *Clark L. A. Mutual Relevance of Mainstream and Cross-Cultural Psychology J. Consulting and Clinical Psychology*. 1987. Vol. 55. № 4. P. 461—470.

²⁵ Из работ, посвященных кросс-культурной валидации различных тестов, см., например *Hansen J. Cross-Cultural Research on Vocational Interests // Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 1987. Vol. 19. № 4. P. 163—176; *Kunkel J. H. The Vicos Project: A Cross Cultural Test of Psychological Propositions // Psychological Record*. 1986. Vol. 36. № 4. P. 451—4

Eysenk S., Jamison R. N. A Cross-Cultural Study of Personality: American and English Children J. Soc. Behavior and Personality. 1986. Vol. 1. № 2. P. 199—207.

²⁶ *Lindzey G. Projective Techniques and Cross-Cultural Research*. N. Y., 1961; *Moon T., Cudick B. Shifts and Constancies in Rorschach Responses as a Function of Culture and Language J. Personality Assessment*, 1983. Vol. 47. № 4. P. 345—349. На русском языке о проективных методах см.: *Соколова Е. Т. К теоретическому обоснованию проективного метода исследования личности* Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 3. Тбилиси, 1978. С. 622—632.

²⁷ *Warner R. L., Lee J. R., Lee J. Social Organization, Spousal Resources and Marital Power A Cross-Cultural Study // J. Marriage and the Family*. 1986. Vol. 48. № 1. P. 121—128; *Savery L., Swain P. A. Leadership Style: Differences Between Expatriates and Locals // Leadership and Organization Development J.* 1985. Vol. 6. № 4. P. 8—11.

²⁸ *Ausburn F., Ausburn L. Visual Analysis Skills among Two Populations in Papua New Guinea // Educational Communication and Technology Journal*. 1983. Vol. 31. № 2. P. 112—122.

²⁹ *Bobad L., Alexander I. Returning the Smile of the Stranger. Developmental Patterns in Socialization Factors // Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1983. Vol. 48. № 5. P. 1—65; *Ekstrand J., Ekstrand L. H. How Children Perceive Parental Norms and Sanctions Two Different Cultures // Educational and Psychological Interactions*. 1986. № 88. 28 p.

³⁰ *Davenport W. H. Sex in Cross-Cultural Perspective // Human Sexuality in Four Perspectives* Baltimore; London, 1977. P. 155—163; *Fleming A. B. Sex Differences and Cross-Cultural Studies Women and Therapy*. 1985—1986. Vol. 4. № 4. P. 23—32.

³¹ *Chia R. C., Chong C. J., Cheng B. S., et al. Attitude toward Marriage Roles among Chinese American College Students // J. Soc. Psychology*. 1986. Vol. 126. № 1. P. 31—35.

³² *Kulbridge J., Yarczower M. Ethnic Bias in the Recognition of Facial Expressions // J. Nonverbal Behavior*. 1983. Vol. 8. № 1. P. 21—41; *Ekman P., Friesen W. V., O'Sullivan M. et al. Universal and Cultural Differences in the Judgements of Facial Expressions of Emotion // J. Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53. № 4. P. 712—717.

- ³³ Husain A. Ingroup-Outgroup Perceptions of Hindus and Muslims on Needs Affiliation and Aggression // Perspectives in Psychological Researches. 1984. Vol. 7. № 1. P. 25—29.
- ³⁴ Krishnan A., Krishnan R. Organizational Variables and Job Satisfaction // Psychological Research Journal 1984. Vol. 8. № 1—2. P. 1—11; Earley P. Trust, Perceived Importance of Praise and Criticism, and Work Performance: An Examination of Feedback in the United States and England // J. of Management. 1986. Vol. 12. № 4. P. 457—473; Gómez — Mejía, Luis T. The Cross-Cultural Structure of Task-Related and Contextual Constructs // J. Psychology. 1986. Vol. 120. № 1. P. 5—19.
- ³⁵ Triandis H. C. Introduction // Handbook of Cross-Cultural Psychology / Eds Triandis H. C., Lambert W. W. Boston, 1980. Vol. 1. P. 6.
- ³⁶ Manaster J., Havighurst R. I. Cross-National Research: Social Psychological Methods and Problems. Boston, 1972. P. 1.
- ³⁷ Triandis H. C. Op. cit. P. 2.
- ³⁸ Edgerton R. B. Cross-Cultural Psychology and Psychological Anthropology: One Paradigm or Two? // Review in Anthropology. 1974. № 1. P. 52—64.
- ³⁹ Pike K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. The Hague, 1966.
- ⁴⁰ Jahoda G. Theoretical and Systematic Approaches in Cross-Cultural Psychology // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Vol. 1. P. 121.
- ⁴¹ Feleppa R. Emics, Etics and Social Objectivity // Current Anthropology. 1986. Vol. 27. № 3. P. 243—255.
- ⁴² Ekstrand G., Ekstrand L. H. Developing the Emic and Etic Concepts for Cross-Cultural Comparisons // Educational and Psychological Interactions. 1986. № 86. 55 p.
- ⁴³ Edgerton R. Op. cit. P. 62.
- ⁴⁴ Lagace R. O. Nature and Use of the HRAF Files. New Haven, 1974. См. также Кон И. С. Ребенок и общество... С. 24—31.

© 1990 г.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ доктора исторических наук, лауреата премии имени Джавахарлала Неру, НАТАЛИИ РОМАНОВНЫ ГУСЕВОЙ (к 40-летию научной деятельности) *

- Рец. на кн.: Датт П. Индия сегодня. М., 1948 // Советская этнография (далее — СЭ). 1949. № 0,2 а. л.
- Положение женщин в Индии // Там же. № 4. 1 а. л.
- Этнический состав населения Южной Индии. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ташкент, 1951. 1 а.
- Антифеодальная борьба народа телугу // Известия АН УзССР. Ташкент, 1951. 0,5 а. л.
- Англо-американское соперничество в Индии // Уч. записки Ин-та Востоковедения УзССР. Ташкент, 1952. 0,8 а. л.
- Рец. на кн.: Каталог восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Ташкент, 1951 // Вестник Востока. 1952. № 4. 0,5 а. л.
- Индии нужен мир // Там же. 1953. № 6. 1 а. л.
- Рец. на кн.: *Hazari K. Indian Outcaste. The autobiography of an untouchable.* London, 1951 // СЭ. 1953. № 2. 0,5 а. л.
- Выставка индийской культуры и искусства // СЭ. 1955. № 4. 0,5 а. л.
- Г. С. Лебедев и его «беспристрастное созерцание» (Из истории русской индологии) // СЭ. 1955. № 1. 0,5 а. л.
- Перевод и редактирование ст.: Рао В. Л. Заметки о семейном быте и некоторых обычаях народа андхра (телугу) // СЭ. 1956. № 3. 1 а. л.
- Орнаментирование тканей в Индии // СЭ. 1956. № 4. 1 а. л.
- Этнографический комментарий к кн.: Рассказы индийских писателей. М., 1956. 0,3 а. л.
- Перевод и редактирование ст.: Рао В. Л. История развития литературы народа Андхры // СЭ. 1956. № 5. 1 а. л.
- Переводы и подготовка к публикации в кн.: Песни индийского народа о восстании 1857-1859 гг. М., 1958. 0,5 а. л.
- Новые коллекции Музея антропологии и этнографии по Индии // СЭ. 1958. № 1. 0,5 а. л.
- Народ малаяли // СЭ. 1958. № 2. 1 а. л.
- Современное декоративно-прикладное искусство Индии. М., 1958. 6 а. л., 44 л. илл.
- Республика Индия // Уголовное законодательство Индийской республики. М., 1958. 2 а. л.
- Предисловие и комментарий в кн.: *Прем Чанд.* Сказание о Раме. М., 1958. 0,5 а. л.
- Население Непала // СЭ. 1958. № 5. 1 а. л.
- Выставка ремесленных изделий Цейлона // СЭ. 1959. № 5. 0,5 а. л.
- Переводы в кн.: Избранные стихи с Панты. М., 1959. 0,5 а. л.
- Народы Южной Азии // Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия. М., 1959 (в соавт. с Корявцевым М. К.). 2 а. л.
- Рамаяна (Пьеса по теме древнеиндийского эпоса. Шла в Москве в ЦДТ с 1960 по 1980 г.). 3 а.
- Титульное редактирование кн.: Индийский этнографический сборник / Труды Ин-та этнографии. Т. LXV. М., 1961. 18 а. л. Авторство: Органы самоуправления в индийской деревне (1,6 а. л.).

* В список не вошли статьи в Большой Советской, Детской и Исторической энциклопедиях (5 а. л.), написанные в период с 1948 по 1969 гг., справки для МИД СССР, ЦК КПСС, Посольства СССР в Индии (12 а. л.), а также научно-популярные статьи в газетах, журнале «Вокруг света» и др. изданиях. Данный список включает лишь основные рецензии Н. Р. Гусевой на этнографические монографии советских и зарубежных авторов.

Перевод и редактирование: *Кхокар М. О.* О религиозном содержании индийских танцев (1,5 а. л.); *Сурьям Г.* Народные песни Андрхы (1 а. л.); *Косамби Д. Д.* Перекресток (1,5 а. л.); *Джоши П. Ч.* Песни крестьянок Тамилнада (0,5 а. л.).

Поездка в Индию (Заметки этнографа) // СЭ. 1962. № 4. 1 а. л.

Индийская драма на советской сцене // Дхармаюг. Бомбей, 1963 (на англ. яз.). 0,5 а. л.

Редактирование кн.: Народы Южной Азии. Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова. [Народы мира. Этнографические очерки.] М., 1963. 80 а. л. с илл. и картами. Авторство: Малые народы Южной Индии (1 а. л.); Малайяли (2 а. л.); Телугу (2 а. л.); Тамилы (2,5 а. л.); Маратхи (в соавт. с Кочневым В. И.; 2,4 а. л.); Народы Майсура (1,8 а. л.); Народы Бихара (в соавт. с Ашрафян К. З.; 1,8 а. л.); Народы Ассамских гор (в соавт. с Болдыревой С. А.; 1 а. л.); Религии Индии (в соавт. с Кочневым В. И.; 0,5 а. л.); Ассамцы (1 а. л.); Древнеиндийская литература (1,5 а. л.); Народы Андаманских и Никобарских, Лакадивских и Аминдивских островов (0,5 а. л.); Население Мальдивских островов (0,5 а. л.).
русский язык для индийских студентов. Экспериментальный учебник. Дели, 1964 (ротапринт АПН). 15 а. л.

Возникновение советской индологии // Опубл. по пресс-релизу в 80 индийских газетах. 1964. 0,5 а. л.

Махабхарата. Пересказ; авторство: предисловие. М., 1964. 2-е изд. М., 1984. 10 а. л.

Кн. на кн.: *Кочнев В. И.* Население Цейлона. Историко-этнографический очерк. М., 1965 // СЭ. 1965. № 6. 0,3 а. л.

Фактах сходства русского языка с санскритом // В помощь преподавателям русского языка как иностранного. - М., 1966. 0,5 а. л.

Книги в сикхизме // Страны и народы Востока. Вып. 5. Индия — страна и народ. М., 1967. 2 а. л.

Кн. на кн.: *Kosambi D. D.* The Culture and Civilization of Ancient India in Historical Outline. London, 1965 // СЭ. 1967. № 4. 0,5 а. л.

Индхар-сикхи // Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. М., 1968. 0,5 а. л.

Джайнизм. М., 1968. 7 а. л. То же на англ. яз. Jainism. (Sindhy Publications.) Bombay, 1971.

Декоративные фигурки Индии // Декоративное искусство. 1968. № 2. 0,5 а. л.

Полное редактирование кн.: *Косамби Д. Д.* Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968. 20 а. л. Авторство: предисловие (1 а. л.).

Джама. (Очерк народного индуизма) // СЭ. 1969. № 1. 1 а. л.

Преда — наука о жизни // Наука и жизнь. 1969. № 5. 0,5 а. л.

Земле Махабхараты // Наш современник. 1969. № 10. 1,5 а. л.

Жизнь начинается со свадьбы // Молодая гвардия. 1969. № 8. 1 а. л.

Искусство XX века // Молодой коммунист. 1970. № 12. 0,5 а. л.

Вопросу о деятельности некоторых кастовых и религиозных организаций в Индии // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970. 1,5 а. л.

Вопросу о значении имен некоторых персонажей славянского язычества // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. 0,5 а. л.

Кн. на кн.: Structure and change in Indian society. Chicago, 1968 // СЭ. 1970. № 1. 0,3 а. л.
тысячелетия и современность. М., 1971. 7 а. л.

История Индии. М., 1971. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980. 3-е изд., испр. и доп. М., 1987. 10 а. л.

Исторические аспекты общественно-исторической роли массовых форм индийского искусства // Современная Индия: экономика, политика, культура. М., 1972. 0,5 а. л.

Индизм: мифология и ее корни // Вопросы истории. 1973. № 3. 1,5 а. л.

Индизм и индуистских мифов в индийском искусстве // Религии и атеизм в Индии. М., 1973. 1,5 а. л.
этнографических взглядах А. Е. Снесарева // Андрей Евгеньевич Снесарев. (Жизнь и научная деятельность). М., 1973. 1,5 а. л.

Индизм в формах самосознания хинду / IX Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. Чикаго, сентябрь 1973. Докл. сов. делегации. М., 1978. То же на англ. яз. The various forms of Hindu consciousness / The IX International Congress of Ethnological and Anthropological Sciences. Chicago, 1973. 0,5 а. л.

Genetic Affinity and Similarity of Cultures of the Proto-Slavs and Proto-Aryas / The XXIX International Congress of Orientalists. Paris; July. 1973. 0,5 а. л.

Индийская национальная культура и воспитание детей в Индии // Детская литература. 1973. № 8. 0,3 а. л.

Индийская брачная обрядность в жизни индусской семьи // Мифология и верования народов Восточной Южной Азии. М., 1973. 1 а. л.

- Находка в Верхней Сванетии // СЭ. 1975. № 1. (в соавт. с Потабенко С. И.). 0,5 а. л.
- Художественные ремесла Индии // Земля и люди. 1975. 0,7 а. л.
- Рец. на кн.: *Семашко И. М.* Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1975 // СЭ. № 3. 0,5 а. л.
- О некоторых чертах индийской народной медицины // СЭ. 1976. № 5. 1 а. л.
- Священные зебу: причины живучести культа // Природа. 1976. № 9. 1 а. л.
- Брак в Индии: вчера и сегодня // Азия и Африка сегодня. 1976. № 12. 0,5 а. л.
- Разделы: Этническое развитие народов Южноазиатского субконтинента (до 1947 г.); Народы Шри-Ланка, Непала, Бутана // Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976. 4 а. л.
- Отражение этнической специфики в жизни некоторых каст в Индии // Расы и народы. Вып. 6. 2 а. л.
- Индуизм. История формирования. Культовая практика. М., 1977. 18 а. л. То же. Автореф. дисс. д-ра ист. наук. М., 1978. 2 а. л.
- Indien. Jahrtausende und Gegenwart. Leipzig und Weimar, 1978. 22 а. л.
- Маленькие модели большого мира // Азия и Африка сегодня. 1978. № 2. 0,5 а. л.
- Проблемы дхармы и роль кастовых групп // Место религий в идейно-политической борьбе развивающихся стран. М., 1978. 0,3 а. л.
- Связь шиваизма и вишнуизма с традиционными этно-ареальными формами народного танца и театра // Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979. Вып. 1. То же // Сб. докл. на IV Всесоюзную конференцию по санскриту. Веймар, 1979. Т. II. М., 1979. 0,5 а. л.
- Ювелирные изделия индийских мастеров // Азия и Африка сегодня. 1979. № 7. 0,2 а. л.
- Перевод и редактирование ст.: *Бхаттачарья С. К.* К вопросу о культе деревьев в Индии // СЭ. № 5. 1 а. л.
- Жилище народов Индии, Пакистана и Бангладеш // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. 1981. 5 а. л.
- Культурно-ассимилятивные процессы в Индии (на примере малых народов штата Раджастан) // Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире». Крат. тезисы и сообщ. Элиста, 1981. 0,5 а. л.
- В разделе «Индия»: Население; Культура (в соавт. с Сдасюк Г. В.) // Страны и народы. Т. 1. Зарубежная Азия: Южная Азия. М., 1982. 3 а. л.
- Дели: линии судьбы // Азия и Африка сегодня. 1982. № 2. 0,7 а. л.
- Рец. на кн.: *Маретина С. А.* Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980. // СЭ. 1982. № 2. 0,5 а. л.
- Художественные ремесла Индии. М., 1982. 16 а. л.
- Невидимые истоки видимых рек // Техника молодежи. 1982. № 8 (в соавт. с Амина Ахуджа). 0,5 а. л.
- К вопросу о ритуальных напитках древних скотоводов евразийских степей и Центральной Азии // Информационный бюллетень ЮНЕСКО. М., 1982. Вып. 3. 0,5 а. л.
- Индуизм и этноареальные формы народного театра и танца // Религия и общественная жизнь в Индии. М., 1983. С. 270—294. 1,5 а. л.
- Планировка индийских деревень // Народы Азии и Африки. 1983. № 2. 1 а. л.
- О соотношении и конфронтации разных форм самосознания индийцев // Идеологические проблемы и массовое сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1984. 0,8 а. л.
- Рец. на кн.: *Юрлова Е. С.* Социальное положение женщин и женское движение в Индии. М., 1984. // СЭ. 1984. № 4. 0,5 а. л.
- Сурекха // Сов. балет. 1984. № 2. 0,5 а. л.
- Красота вдохновенная и вдохновляющая // Там же. № 4. 0,5 а. л.
- Титульное редактирование кн.: *Прейнгальтерова Г.* Мои бенгальские подруги (пер. с чешского). М., 1984. 10 а. л. Авторство: послесловие (0,5 а. л.).
- Праздники в индуизме (на примере некоторых областей Северо-Западной Индии) // Индия. Традиции и современность. М., 1985. 2,5 а. л.
- Титульное редактирование кн.: *Фурника В. П.* От рождения до погребального костра. М., 1985. 15 а. л. Авторство: предисловие (0,5 а. л.).
- Этнические и кастовые черты индуизма в штате Раджастан (Индия) // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. 1,5 а. л.
- Из глубины веков // Сов. балет. 1986. № 1. 0,8 а. л.
- С любовью к индийскому танцу // Там же. № 2. 0,5 а. л.

- Любовь к древним традициям // Там же. № 3. 0,5 а. л.
- Титульное редактирование кн.: *Серебряков И. Д.* Из блокнота индолога. М., 1987. 12 а. л. Авторство: предисловие (0,3 а. л.).
- К постановке вопроса об этногенезе раджутов // Информационный бюллетень ЮНЕСКО. М., 1987. Вып. 13. 0,7 а. л.
- Яркие краски индийского танца // Сов. балет. 1987. № 6. 0,7 а. л.
- К вопросу о «темных» и «светлых» ариях // Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987. 0,5 а. л.
- Танцевальная драма Индии // Сов. балет. 1988. № 2. 0,8 а. л.
- Переплетенные корни // Бхаша. Дели, 1988. № 2 (на яз. хинди; лингв. сер.). 0,5 а. л.
- Индия и наша молодежь // Сов. балет. 1989. № 5. 1 а. л.
- Раджастанцы. Народ и проблемы. М., 1989. 16 а. л.
- Indien. Leipzig, 1989. 20 а. л.

© 1990 г.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ доктора исторических наук АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА МЫЛЬНИКОВА (к 60-летию со дня рождения)*

Книги и брошюры

- Павел Шафарик, выдающийся ученый-славист. М.; Л., 1963. 112 с.
- Чешская книга. Очерки истории. Книга. Культура. Общество. М., 1971. 208 с.
- Язеф Юнгман и его время. М., 1973. 160 с.
- Vznik národně osvícenské ideologie v českých zemích XVIII. století. Prameny národního obrození. Praha, 1974. 260 s.
- Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977. 200 с.
- Книга и культура. Тез. докл. М., 1977. 18 с.
- Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. 430 с. Зам. отв. ред.; авторство: с. 11—46 (в соавт. с Дьяковым В. А.), 156—157, 159—160, 241, 286—289, 309—310, 316, 332, 358—359, 371—372.
- Основы исторической типологии культуры. Учебное пособие. Л., 1979. 94 с.
- Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г. М., 1980. 610 с. Составительско-редакторская работа; авторство: обобщающие разделы в гл. 1—5 (в соавт. с Дьяковым В. А., Исламовым Т. М., Фрейдзоном В. И.), а также с. 166—181, 284—289, 391—402.
- Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. 461 с. Член ред.; авторство: с. 366—369.
- Культура чешского Возрождения. Л., 1982. 176 с.
- Легенда о русском принце. Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры. Л., 1987. 174 с.
- Славяноведение в дореволюционной культуре. Изучение южных и западных славян. М., 1988. Авторство: с. 3—8, 380—384 (в соавт. с Дьяковым В. А.), 9—54, 81—155, 284—306.
- В кн.: Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М., 1988. Гл. 5—8. С. 120—249.
- Взгляды и ожидания народные. Свободомыслие народной культуры. Л., 1988. 32 с.
- Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989. 272 с. Член ред.; авторство: с. 10—34, 35—46, 59—78. «Введение» и «Заключение» (с. 3—9, 247—250; в соавт. с Исламовым Т. М., Фрейдзоном В. И.).

* В список не включены рецензии на монографии, некоторые небольшие по объему статьи, также опубликованные тезисы докладов на международных конгрессах. Полный список работ составит более 350 названий.

- Исторический памятник славянского (чешского) права // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Серия юрид. наук. 1953. Вып. 4. № 151. С. 275—292.
- Библиотека Йозефа Юнгмана // Литература славянских народов. М., 1957. Вып. 2. С. 97—111.
- Об освещении истории политической мысли южных и западных славян // Вестн. Ленингр. ун-та. Серия экономики, философии и права. 1957. № 11. Вып. 2. С. 187—190.
- Чешские и словацкие рукописи Государственной Публичной библиотеки. Обзор // Тр. ГИИ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958. Т. V (8). С. 119—136.
- «История» Й. Юнгмана и «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча // Slavia. 1958. № 2. С. 241—257.
- Некоторые вопросы государств и права Чехии в XVIII — первой половине XIX в. // Вестн. Ленингр. ун-та. Серия экономики, философии и права. 1960. № 5. Вып. 1. С. 148—153.
- К. Маркс и Ф. Энгельс о книге // Книга. Исследования и материалы. М., 1962. Т. 7. С. 29—32.
- Культурно-историческое значение рукописной книги в период становления книгопечатания // Там же. М., 1964. Т. 9. С. 37—52.
- Место и значение чешских радикальных демократов в чешской историографии XIX в. // Нов. и новейшая история. 1964. № 2. С. 37—47.
- Идейно-политические предпосылки зарождения национально-просветительской идеологии в Чешских землях // Славянское возрождение. М., 1966. С. 3—47.
- О «Славянских древностях» П. Шафарика. К истории развития и воплощения замысла // Славянская историография. М., 1966. С. 247—282.
- А. Фет о происхождении имени славян // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 265—271.
- Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни русского государства конца XVII в. // Вост. истории. 1968. № 1. С. 123—125.
- Давид И. Современное состояние Великой России или Московии // Там же. № 1. С. 126—132; № 2. С. 92—97; № 4. С. 138—147 (совместно с Копелевич Ю. Е.).
- Идейно-политические предпосылки Просвещения в Чешских землях и его ранний период // История культуры, фольклор и этнография славянских народов / IV Междунар. съезд славистов. Прага 1968 г. Докл. сов. делегации. М., 1968. С. 80—97.
- Ф. Скарына I чэшские книгопечатание // 450 год беларускага книгодрукавання. Мінск, 1968. С. 179—193.
- К вопросу о формах проявления славянского самосознания в чешском обществе XVII в. // Slavia. 1970. № 4. С. 578—590.
- Возникновение раннепросветительских объединений в Чешских землях // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 39—55.
- O slovenské sebevědomí v české společnosti v první polovině XVIII. století // Slovanský přehled. 1971. № 1. С. 30—38.
- Вольтер и Чехия // Slavia. 1971. № 3. С. 373—384.
- Il barocco in Russia ed alcuni problemi del suo studio // Barocco europeo, barocco italiano, barocco solentino. Atti del Congresso internazionale sul Barocco (Lecce, 1969). Lecce, 1971. С. 127—133.
- Эволюция социальной структуры чешского общества XVII—XVIII вв. К проблеме социально-экономических предпосылок Просвещения в Чешских землях // Вопросы первоначального накопления и национальное движение в славянских странах. М., 1972. С. 50—64.
- О книговедческом методе в источниковедении. К постановке вопроса // Книга. Исследования и материалы. М., 1972. Т. 25. С. 8—21.
- Две жизни Игнация Борна // Вопр. истории. 1973. № 9. С. 208—211.
- K otázce česko-ruských vztahů v období Osvícenství // Česká literatura. 1973. № 6. S. 541—551.
- К вопросу об актуальных проблемах изучения культуры России накануне революции // Из истории советской культуры и культурно-просветительной работы. Л., 1974. С. 3—22.
- Русские переводчики в Праге. 1716—1721 гг. // XVIII век. Сб. 9. Л., 1974. С. 279—288.
- Культура и национальное самосознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху национального Возрождения // Советское славяноведение. 1974. № 4. С. 73—84.
- Йозеф Юнгман и русская культура // Slovanské spisovné jazyky v době Obrození: Sborník věnovaný Universitě Karlově. K 200. výročí narození J. Jungmanna. Praha, 1974. С. 125—134.
- «Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в. К вопросу о вызревании национально-

- самосознания и роли исторической альтернативы в процессе формирования наций // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 41—54.
- Вопросу о локальных особенностях культуры в этнических процессах // Расы и народы. Т. 5. М., 1975. С. 42—55.
- Книга как объект источниковедения // Источниковедение отечественной истории. 1975 г. М., 1976. С. 58—74.
- Ломоносов и чешская культура XVIII в. // Ost-West-Begegnung in Österreich. Festschrift für E. Winter. Wien etc., 1976. С. 210—220.
- Юлиан Штернберг и чешские параллели к «Путешествию» Радищева // XVIII век. Сб. 12. Л., 1977. С. 183—198.
- «Родословие» Лаврентия Хурелича // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1976 г. М., 1977. С. 21—31.
- В. Н. Татищев и «Чешская хроника» В. Гаека // Советское славяноведение. 1977. № 2. С. 59—66.
- Die Rolle des Buches bei der Festigung der tschechisch-russischen Kulturkontakten in der Epoche der nationalen Wiedergeburt // Buch- und Verlagswesen im XVIII. und XIX. Jh. Beiträge zur Geschichte der Kommunikation in Mittel- und Osteuropa. Berlin (West), 1977. S. 303—320.
- Востях у австрийских этнографов. Заметки и наблюдения // Советская этнография. 1977. № 2. С. 132—135.
- Вопросу о фольклорной арханке в раннем чешском летописании // Фольклор и этнография. Связи фольклоров с древними представлениями и образами. Л., 1977. С. 144—153.
- Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 37—50.
- Разработка истории этнокультурных процессов в Ленинграде и области и некоторые вопросы источниковедения // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 148—155.
- Проблемы периодизации мировой славистики: цель и принципы // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 40—55.
- Культура как предмет исторического исследования: проблемы культурно-исторической типологии // Методологические проблемы изучения культуры. Л., 1978. С. 43—63.
- Общие закономерности и особенности историко-культурного развития славянских народов XVIII — 70-х гг. XIX в. // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв. / Материалы междунар. конф. ЮНЕСКО. М., 1978. С. 8—23 (в соавт. с Злыдневым В. И.); То же (сокращ.) // Советские этнографические исследования. М., 1987. Вып. 1. Изучение культур славянских народов. С. 55—68.
- Вопросу о путях и особенностях формирования славяноведения в России // Štúdie z dejin svetovej slavistiky do polovice XIX. st. Bratislava, 1978. С. 289—316.
- Problemen der Aufklärung bei der Slawen // J. G. Herder. Rezeption in Ost- und Südosteuropa: Internationaler Studienband. B., 1978. S. 79—85.
- National Consciousness and Folk Culture // Soviet Studies in Ethnography. M., 1978. P. 30—41.
- Из опыта работы ленинградских славистов // Вестн. АН СССР. 1979. № 4. С. 114—118.
- Книга и культура // Книга и культура. М., 1979. С. 3—16.
- Сравнительное изучение цивилизаций: некоторые вопросы критического анализа современных западных концепций мирового и культурно-исторического процесса // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979. С. 41—67. То же (сокращ.). L'étude comparée des civilisations // Ethnologie occidentale: essais critiques sur l'idéologie. М., 1985. P. 151—174.
- Франциск Скорина и Прага // Белорусский просветитель Ф. Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 24—33.
- Комплексное изучение проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму» // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Итоги и перспективы исследований. М., 1979. С. 57—68.
- Исторических типах личности // Роль духовной культуры в развитии личности. Л., 1979. С. 50—56.

- Йозеф Добровский: творческое наследие и личность. О некоторых проблемах изучения культуры чешского Возрождения // *Slavia*, 1979. № 2—3. С. 159—167.
- Die Entstehung der Mačica Serbska und einige Fragen des historisch-vergleichenden Studiums der Kultur bei den Völkern Zentral- und Südosteuropas in der Epoche der nationalen Wiedergeburt. *Letopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung. Reihe «B»*. 1979. № 26. S. 44—57.
- Die Rolle nichtoffizieller Vereinigungen im geistigen Leben und in der internationalen Beziehung Russlands während der Aufklärungsepoche // *Beförderer der Aufklärung in Mittel- und Osturopa: Freimaurer, Gesellschaften, Clubs*. Berlin (West), 1979. S. 197—211.
- Славяноведение и балканистика в Австрии. Некоторые вопросы организации исторических исследований // *Славяноведение и балканистика за рубежом*. М., 1980. С. 116—128.
- Die slawischen Kulturen in den Beschreibungen ausländischer Beobachter im XVIII. und zu Beginn des XIX. Jahrhunderts // *Reisen und Reisebeschreibungen im XVIII. und XIX. Jahrhundert: Quellen der Kulturbeziehungsforschung*. Berlin (West), 1980. S. 143—164.
- «Слово о полку Игореве» и славянские изучения конца XVIII — начала XIX в. // *Вопр. истории*. 1981. № 8. С. 35—48.
- Этнокультурная роль города в период становления наций // *СЭ*. 1981. № 1. С. 134—137.
- Становление истории славяноведения в России // *Исследования по историографии славяноведения и балканистики*. М., 1981. С. 113—136.
- Народная культура и генезис национального самосознания // *СЭ*. 1981. № 6. С. 3—13.
- К вопросу о формировании национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторические и историко-культурные аспекты*. М., 1981. С. 222—246.
- Goethe und die slavistischen Forschungen zu Ende des XVIII.—Anfang des XIX. Jh. // *Schrift Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien*. Giessen, 1979. B. 4. S. 103—115.
- Социальная структура общества в Чешских землях // *Социальная структура общества в XIX веке в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1982. С. 68—86.
- О понятии «культурно-исторический тип»: вопросы историографии // *Методологические проблемы исследования истории культуры*. Л., 1982. С. 57—84.
- Историко-типологические аспекты изучения современных славянских культур // *Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст: Матер. междунар. конф. ЮНЕСКО*. Киев, 1982. С. 48—54.
- A kultúra 'szinkretizmusa a nemzetek kialakulásának időszakában // *Helikon* (Budapest), 1982. № 1. S. 526—532. Old.
- Болгаристика в системе славистических дисциплин // *Първи международен конгрес по българистика*. София, 1981 г. Доклади: История и съвременно състояние на българистиката. София, 1981. Т. 1. С. 46—54.
- Становление славистики как предмет исследования // *Zeitschrift für Slawistik*. 1982. № 1. С. 20—25.
- Славяно-германские культурные связи эпохи Просвещения: характер, этап, формы // *Slawische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom XVIII. bis zum XX. Jh.*: Internationaler Studienband. B., 1982. С. 61—65.
- Zu einigen kulturhistorischen Aspekten der slawisch-deutschen Wissenschaftsbeziehungen Ende des XVIII.—Anfang des XIX. Jh. // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. 1982. B. 25/2. S. 123—138.
- Восточноевропейские исследования в университетах ФРГ: организация и проблематика // *Славяноведение и балканистика в зарубежных странах*. М., 1983. С. 66—124.
- Славянская тема в русских энциклопедиях 1830—1870-х гг. // *Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История*. Л., 1983. С. 189—196.
- К вопросу о структуре национального самосознания // *Краткое содержание докладов научной сессии (Ленгаста этнографии АН СССР), посвященной основным итогам работы в ХХ столетии*. Л., 1983. С. 6—7.
- Чешский и словацкий народы с XVII в. до 70-х гг. XIX в. // *Новая история. Первый период. Учебное пособие для студентов вузов*. 2-е изд. М., 1983. С. 313—317.
- Улога словенских матица у развоју националне свести // *Културно-политичка покрети народа Хрватске и Словеније у XIX веку / Реферати са међународног научног скупа Матице Српске*. Нови Сад, 1983. С. 193—201.

- Понятии «культурно-исторический тип»: вопросы морфологии // Методология и методы исследования культуры. Л., 1984. С. 18—27.
- Проблемы формирования наций в Восточной Европе в оценке современной венгерской историографии // СЭ. 1984. № 3. С. 164—167.
- Об этносоциальных аспектах эпохи чешского национального Возрождения: к вопросу о перерастании феодальной народности в нацию // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984. С. 60—74.
- Об истоках становления славяноведения в России. К вопросу об изучении «предыстории» славистики // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 5—42.
- Probleme der Traditionen und des Erbes in der Kultur der Epoche der tschechischen nationalen Wiedergeburt // L'etopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad «B». 1984. № 31/2. S. 113—123.
- О некоторых актуальных аспектах наследия отечественной этнографической славистики XIX в. // Годичная научная сессия Института этнографии АН СССР. Краткое содержание докл. 1983. Л., 1985. С. 79—81.
- Об этнографическом изучении процессов формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе // СЭ. 1985. № 3. С. 36—42.
- Вклад славянских народов в формирование общественно-политических и эстетических концепций европейского Просвещения // Славянские культуры и мировой культурный процесс / Материалы междунар. науч. конф. ЮНЕСКО. Минск, 1985. С. 162—166.
- Острожская библия и некоторые аспекты этнокультурного развития славянских народов в XVI в. // Федоровские чтения 1981 г. М., 1985. С. 23—33.
- О становлении славистики в Германии: конец XVII — первая треть XVIII в. // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986. С. 37—78.
- Munshweig-Wolfenbüttel als Kulturzentrum und die Anfänge der deutschen Slawistik: Versuch einer System- und Regionalanalyse // Literaturbeziehungen im XVIII. Jahrhundert. Studien und Quellen zur deutsch-russischen and russisch. westeuropäischen Kommunikation. B., 1986. S. 38—80.
- Regionale Varianten der Volkskultur und der Prozess der Herausbildung von Nationen // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. B., 1986. S. 37—44.
- О сравнительно-историческом изучении процесса становления европейских наций // Новая и новейшая история. 1986. № 3. С. 114—118.
- Методологическое значение системно-регионального подхода // Взаимовлияние форм культуры в духовной жизни общества: Л., 1986. С. 35—46.
- Начальные условия литературного развития в Чешских землях эпохи Просвещения // Славянские литературы в процессе становления и развития. От древности до середины XIX в. М., 1987. С. 266—290.
- Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII—XIX вв. Закономерности, типология и периодизация // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 60—78 (в соавт. с Фрейдзоном В. И.).
- Интеграция культуры эпохи становления наций // Расы и народы. М., 1987. Т. 17. С. 28—43.
- Критическое наследие В. И. Ленина и задачи изучения истории народной культуры // Ленинизм и проблема этнографии. Л., 1987. С. 38—66.
- К проблеме питания ренессансной культуры этнокультурной точки зору // Філософська думка, 1988. № 2. С. 111—123.
- О славянские литературные связи эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: культурно-исторические аспекты изучения // Литературные связи славянских народов. Исследования. Публикации. Библиография. Л., 1988. С. 5—21.
- Славянские контакты в сфере народной культуры. Теоретические и эвристические аспекты // История, культура, этнография и фольклор славянских народов / X Междунар. съезд славистов. София, 1988 г. Докл. сов. делегации. М., 1988. С. 101—111.
- Славяне // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 408—410 (в соавт. с Чистовым К. В.).
- Некоторые вопросы изучения истории народной культуры // Этнокультурные традиции и современность. Вильнюс, 1989. С. 70—83.
- Культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 7—37.

© 1990 г.

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

11—12 января 1988 г. в Москве состоялась научная конференция «Традиции народной художественной культуры в современном искусстве», организованная Комиссией комплексного изучения художественного творчества Научного совета АН СССР по истории мировой культуры. Ее проведение совпало с 25-летием деятельности комиссии¹.

Заседание открыл заместитель председателя комиссии В. Е. Гусев (Ленинград), отмечая, что «в последнее десятилетие в советской науке появились новые глубокие исследования отдельных видов народной культуры, а также монографии и коллективные труды, посвященные отдельным видам профессионального искусства с народной поэзией, народными обрядами, народными играми, народной музыкой, народным декоративно-прикладным искусством. Но недостаточно исследованы общие закономерности взаимодействия народной художественной культуры с профессиональным искусством, динамика и противоречия этого процесса». В. Е. Гусев подчеркнул актуальность проблематики, вынесенной на обсуждение конференции, акцентируя внимание на том, что особое значение для современного искусства приобретает дифференцированный подход к традициям, умение художника различать отжившие и подлинно прогрессивные традиции.

В. Д. Дранков (Ленинград) выступил с докладом «Культура и нравственность». Н. В. Шилин (Ленинград) рассказал о философских основах традиции в художественном искусстве.

В докладе И. П. Панкратьева (Москва) ставится вопрос о конкретных реалиях художественной деятельности, обозначаемых термином «народное художественное творчество». На основании наблюдений современных художественных явлений постепенно складывается новое представление о народном художественном творчестве, уже не только уточняющее или как-то перекрывающее привычные границы этой области в системе художественной культуры, но и вносящее новый смысл в объем и содержание самого понятия.

После доклада общетеоретического характера основная тема конференции обсуждалась вкладах на материале художественной культуры разных народов и различных видов народного искусства.

В докладе С. Н. Соколова (Москва) «К проблеме взаимодействия фольклора и профессионального искусства на материале современной китайской каллиграфии» процесс широкого распространения профессионального искусства каллиграфии не только в самостоятельном художественном творчестве, но и в сфере повседневного быта рассматривался как эстетическое самовыражение самых разных слоев населения при сохранении всех основных качеств, присущих этому высочайшему по емкости этико-эстетической содержательности искусству.

В докладе Л. П. Солнцевой (Москва) «Фольклор и формирование национального профессионального театра», основанном на словацком материале, обращалось внимание на то, что периоды жесточайших национальных притеснений у словаков сохраняли жизнеспособность элементы национальной культуры, которые были наиболее тесно связаны с народными основами. Отмечалось также, что рост национального самосознания словацкого народа проявлялся и в интересе всех слоев населения к народному художественному творчеству. Поэтому актеры любительского театра рассматривали свою деятельность как национальный патриотический долг. Именно от

стремление к точной передаче быта, поведения персонажей. Связь с народными корнями профессионального словацкого актера — в основе сложившейся и получившей мировое признание словацкой актерской школы.

В. Е. Гусев (Ленинград) в докладе «Фольклор в современной культуре социалистических стран Европы», обобщив большой конкретный материал, проанализировал сложные, неоднозначные тенденции, характерные как для самого фольклора, так и для фольклоризма — процесса адаптации и трансформации фольклора в разных сферах социалистической культуры: в профессиональном искусстве, в деятельности вокально-инструментальных и хореографических ансамблей, в массовой художественной самодельности, в средствах массовой коммуникации, в опытах создания новых обрядов и праздников и т. д. Докладчик предложил для обсуждения культурологическую классификацию фольклоризма и типологическую характеристику основных его структурных видов.

А. Ю. Чирва (Ленинград) в докладе «Мифологические сюжеты в зарубежной литературе конца XIX — начала XX века» рассмотрела толкование новозаветного сюжета — легенды о гибели Иоанна Крестителя — у Г. Флобера, Ст. Малларме и О. Уайльда, отражающего эволюцию отношения к мифу, эволюцию мифологизма в литературе конца XIX в. Флобер сблизил миф с историческим преданием. Использование мифа у Малларме близко к самостоятельному поэтическому мифотворчеству. Трактовка мифа у О. Уайльда в определенном смысле превосходит мифологизм XX в. Мифологическая схема и мотивы позволили писателю толковать описываемые действия как некие вечные прототипы.

Д. Н. Медриш (Волгоград), рассматривая традиции народного плача и городского романса в литературной песне о Великой Отечественной войне, полемизировал с мнением о нелитературности поэтики М. Исаковского. Он убедительно показал, что автор стихотворения «Враги сожгли родную хату...», опираясь на богатую фольклорную традицию, учитывает как возрастающее воздействие литературы на народно-песенный репертуар, так и многолетний опыт осмысления народно-песенной традиции русскими поэтами (в том числе и очень непохожими на Исаковского) и на этой основе создает произведение, уже самими обстоятельствами своего возникновения как бы предназначенное стать народной песней.

Э. Е. Алексеев (Москва) в докладе «Претворение моделей устного музыкального мышления в композиторском творчестве» утверждал, что современная музыкальная ситуация осложняется активным использованием технических средств звукозаписи, которые усиленно размывают границу между фиксированной и свободно обращающейся музыкой. В связи с этим все музыкальные явления претерпевают заметную трансформацию. В общественном музыкальном сознании, по мнению докладчика, начинают решительно преобладать модели устного музыкального быта. Есть основания считать, что устная культура оказывается более универсальной, чем письменная. Она способна выполнять больший комплекс жизненно важных функций, перерабатывать и даже подчинять и переосмысливать себе результат и продукт композиторской деятельности.

В. Н. Юнусова (Душанбе), рассмотрев проблемы исследования творческого процесса на материале музыки народов Востока отметила, что сущностью его является воссоздание традиционной модели (в отличие от эвристической модели композиторского творчества). В классической музыке Востока выявлено два типа творческого процесса, различающихся по степени значимости трех основных принципов: гласовости, комбинации мелодико-интонационных блоков, масштабной подвижности. Их различия во многом определяются фольклорным контекстом национальной культуры, который оказывает существенное влияние на профессиональную музыку устной традиции.

И. И. Жуланова (Пермь) остановилась на проблемах взаимоотношения традиций народной музыки и профессионального творчества в современной коми-пермяцкой культуре. Молодое профессиональное творчество, отмечалось в докладе, формируется, подвергаясь воздействию традиций, достаточно стойких традиций коллективного фольклорного мышления. Некоторые явления возникают на стыке двух культурных потоков.

Т. М. Алибакиева (Алма-Ата) в докладе «Уйгурские мукамы в прошлом и настоящем» отметила, что, синтезируя в себе традиционную песенно-инструментальную музыку и танцы, устно-профессиональную музыку и поэзию, уйгурские мукамы являются неотъемлемой частью международного искусства *макамат*. Творческое использование мукамов композиторами открывает широкие возможности для создания современных профессиональных музыкальных полотен. Оценка значения уйгурских мукамов, Т. М. Алибакиева подчеркнула их жизнестойкость и непреходящую ценность.

В докладе Г. Ф. Сулеймановой-Валеевой (Казань) «Национальное своеобразие и взаимодействие народного и профессионального творчества в декоративном искусстве Татарии» характеризовались процессы, связанные с рождением новых и развитием традиционных видов декоративно-прикладного искусства на разных уровнях его системы, обусловленных различными формами художественного творчества. Взаимодействие народного и профессионального искусства рассматривалось ею как исторический процесс: художественная культура с середины XVI в. развивалась в формах народного искусства, с XVIII в. началось взаимопроникновение городского ремесленничества и народного творчества села; на современном этапе заметно доминирование профессионального творчества на фоне угасания традиционного искусства. Взаимодействие этих двух типов творчества проявляется на различных уровнях структуры (художественно-техническом, композиционном, образном) произведения.

Е. М. Сахута (Минск) рассказал о судьбе традиционного народного искусства Белоруссии, явившегося основой для создания предприятий промышленного типа, которые должны были поддерживать на государственном уровне угасающие виды народного творчества, продолжить традиции народной художественной культуры. Однако, оказавшись на предприятии, народные мастера из творцов превращаются в простых исполнителей, создающих сувенирную продукцию. Анализ причин сложного положения, в котором оказались современные художественные промыслы не только республики, но и страны в целом, считает докладчик, поможет указать возможные пути решения этих проблемы.

В докладе В. М. Галеева (Казань) «Фольклор, самодеятельность и новые искусства эпохи НТР» выявлялась диалектика тенденций, действующих в этой системе и характеризующих ее целостность. Для новых видов художественной деятельности, основанных на использовании современных средств аудиовизуальной коммуникации, характерно усиление синтетических и бифункциональных тенденций, сближающих эти виды искусства с народным творчеством. Была выдвинута гипотеза генетической близости национального мелоса и национального орнамента и предложено использовать орнаментальные мотивы в визуальном ряду светомузыкальных произведений.

А. С. Архангельская (Симферополь) в докладе «Будущее: некоторые перспективы становления единой культуры и формирования так называемого нового синкретизма» заметила, что раскрепощение творческих потенций личности невозможно без такой организации окружающей человека среды, когда не только общение с природой будет подлинно гармоничным, но и общение с культурой в целом, а не в отдельных ее составляющих, станет естественным и необходимым.

В докладе В. Н. Максимова (Москва) «Почему Кармен? (Бродячий сюжет Нового времени, или жизнь искусства по моделям коллективного сознания)» отмечалось, что многократная повторяемость на протяжении полутора веков одного и того же сюжета в творчестве многих художников и вместе с тем его воссоздание в новых и новых вариантах напоминают ситуацию бытования сюжетов в рамках традиционных культур, где действуют закономерности коллективного сознания. Не буквальное повторение, но существование в принципиально новой культурной ситуации сюжета и целого пучка сюжетов типа «Кармен», по мнению докладчика, дает основание утверждать о механизме коллективного сознания заново складывающегося в эпоху Нового времени. Искусство деятельности не участвует в этом процессе, исподволь подготавливая человеческое общество к переходу эпохи приоритета индивидуализированного типа сознания к приоритету коллективного типа сознания, создаваемого на основе глобального (всечеловеческого) гуманизма.

В докладе О. А. Жук (Ленинград) «Традиции русского фольклора в советском киноискусстве 80-х годов» рассматривалась проблема сосуществования в русском киноискусстве двух противоположных тенденций в освоении фольклорного наследия. С. Овчаров в кинокартинах «Нескучный дух», «Небывалыщина» и «Левша» реставрирует уникальную художественную реальность фольклора; А. Митта («Экипаж»), В. Меньшов («Москва слезам не верит») используют мотивы, модели образов фильма как некий гарант зрительского успеха. У С. Овчарова наличествует целостное фольклорное видение, в творчестве же В. Меньшова и А. Митты — использование методов действия и декоративности фольклора.

З. Р. Зарецкая (Москва) рассмотрела вопрос об освоении традиций народной художественной культуры в профессиональном театре Латвии на примере спектакля театра им. А. Упмаша «Дни портных в Силмачах» по пьесе Р. Блауманис, где широко использованы ритуальность, близкая к обрядовой символике, импровизационные и другие элементы народной культуры.

В обсуждении докладов и дискуссии приняли участие В. Е. Гусев, Т. М. Разин, А. Б. Афанасьева, В. И. Шилин, И. Я. Богуславская, В. Л. Гершков, Л. С. Саламон.

В заключительном слове В. Е. Гусев, подчеркнув, что сама проблематика конференции определила разнообразие тематики докладов и подходов к решению задачи, наметил план дальнейшей деятельности комиссии.

А. Ю. Чирва

Примечание

Об итогах деятельности комиссии за 20 лет см.: Мейлах Б. С. К двадцатилетию комплексного изучения художественного творчества как научного направления // Художественное творчество: вопросы комплексного изучения. 1984. Л., 1986. С. 3—15 (там же обширная библиография).

© 1990 г.

ХІ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ. АРХАНГЕЛЬСК, 1989.

Конференция проходила с 11 по 16 сентября 1989 года в Архангельске. Ее организаторами были Институт всеобщей истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР и Архангельский государственный педагогический институт им. М. В. Ломоносова. В конференции приняли участие специалисты из многих академических и вузовских центров нашей страны, а также гости — ведущие исследователи из Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, ГДР и ФРГ.

В докладах (а их было около 200), зачитанных на конференции, рассматривались различные аспекты истории и культурного развития скандинавских народов с древнейших времен до наших дней. Двухтомник тезисов докладов, выпущенный к открытию, явился своего рода маленькой энциклопедией по Скандинавии.

На пленарном заседании были заслушаны доклады Е. А. Мельниковой (Москва) — «Скандинавские отношения до середины XI в. Итоги и задачи исследования», В. В. Рогинского (Москва) — «Великая Французская революция и страны Северной Европы (1789—1815 г.)», О. М. Чернышевой и Ю. Д. Комарова (Москва) — «Церковь в скандинавских странах во 2-й половине XX в.», М. И. Безруковой (Москва) — «Скандинавский художественный стиль и его отзвуки в современной международной культурной политике», а также сообщение Х. А. Пийримаа (Тарту) о работе редколлегии «Скандинавского сборника». С интересным докладом «Социальная история и ее место в системе общественных и естественных наук» выступил один из крупнейших шведских историков Р. Тоштендаль (Упсала), рассказавший о новых тенденциях в исследованиях шведских историков в последние десятилетия, основанных на теоретических разработках социологов США.

На конференции работало 9 секций. По первоначальному замыслу организаторов в соответствии с существовавшей практикой этнографы должны были объединиться с археологами. Но на этой конференции, идя навстречу этнографам, оргкомитет принял решение о создании самостоятельной секции (руководитель секции — Г. И. Анохин). Было заслушано и подробно обсуждаться доклады. К сожалению, часть докладов по этнографической тематике обсуждалась в других секциях.

В работе этнографической секции мы остановимся несколько подробнее. Этнографическая секция открылась докладом Т. А. Березиной (Москва) — «Свадебные обычаи и обряды шведов XIX — начале XX в.». Докладчица проанализировала свадебный обряд шведов и связанные с ним обычаи, выявила основные элементы и тенденции его развития. Многие свадебные обычаи в процессе трансформировались или исчезли совсем. Некоторые тенденции в брачных отношениях возникшие еще в прошлом веке (высокий возраст при вступлении в брак, длительный период помолвки и т. д.), сохранились до настоящего времени.

Доклад Г. И. Анохина — «Этносоциальный облик фарерцев», в основу которого положены материалы полевых исследований автора в 1988 г., содержал сведения об истории заселения Фа-

дерских островов и формировании народа, а также о его современном образе жизни. Выступление сопровождалось показом слайдов, выполненных самим автором, что, несомненно, украсило доклад. В оборот введены совершенно новые материалы.

В докладе ленинградских исследователей А. И. Чистобаева и С. А. Хрущева о родности саами в Фенноскандии: этногеография, социально-экономическое развитие районов проживания» был поднят очень важный и острый вопрос современного этнического развития — о судьбах малых народов. Наступление цивилизации привело к уменьшению ареала обитания саамов, следствием чего было изменение их материальной культуры и экономики. Однако докладчики отметили, что несмотря на сокращение доли традиционного хозяйства, процессы ассимиляции саамов в Фенноскандии незначительны. Это объясняется, с одной стороны, сильным этническим самосознанием народа, сохранившего свой язык и самобытную культуру, активно участвующего в национальном движении за политические права и социально-экономическое развитие, а с другой — политикой государства по отношению к ним, законодательно признавшего (в Швеции и Норвегии) оленеводство их монополией и субсидирующего эту отрасль хозяйства. Докладчики призвали коллег объединить усилия этнографов, географов, экономистов при решении вопросов, связанных с сохранением традиционных видов хозяйства и культуры малых народов и способствовать установлению межгосударственных связей по культурному и хозяйственному обмену между саамами Фенноскандии и СССР. Установление таких связей было бы полезным для всех стран, где проживают саамы.

Был также заслушан доклад хранителя музея Вадсё, председателя общества музеев Финляндии Валинга Т. Гортен-Гренвика (Норвегия) — «Часовня святого Георгия и история русской православной церкви в округе Нейден». В нем рассказывалось об обнаруженной на территории русского восточно-саамского кладбища в Норвегии деревянной часовне, реконструированной в первой половине прошлого века и похожей на постройки, распространенные на Русском Севере. Интерес часовни был изучен совместно с советскими исследователями из Архангельска. Исследование показало, что в этом округе с XVI в. проживала восточно-саамская община. Пограничное положение округа сказалось на его социально-экономическом и культурном развитии. В начале XIX в. округ окончательно отошел к Норвегии, но еще задолго до этого жители округа испытали влияние русской православной церкви. Так, русской православной миссией был построен монастырь, обеспечивавший, как отправлением религиозных ритуалов, так и установление экономического господства в округе. История русской православной часовни в Нейдене, связанной с монастырем, рассказывает о северных русских традициях в районе Варангер-фьорда. Здесь, как считает докладчик, переплелись экологическая, политическая и культурная история двух народов. В мае 1989 г. у часовни в пос. Нейден русскими православными священниками впервые после 1924 г. было проведено богослужение.

Г. И. Анохин в докладе «Этнография датчанок» поставил вопрос о необходимости изучения советскими этнографами новых нетрадиционных тем. На основе личных впечатлений, полученных во время поездки в Данию, докладчик рассказал о положении в обществе датских женщин, их проблемах и заботах.

Важному аспекту этнографической науки — музеям под открытым небом был посвящен доклад А. Н. Давыдова (Архангельск) и Т. А. Шрадер-Алимовой (Ленинград). Они рассказали историю создания первых музеев под открытым небом, сочетающих показ национального быта, моделирование поселения, усадьбы, жилища, хозяйственных построек, демонстрацию народных хозяйственных занятий, ремесел и промыслов населения, а также ценностей духовной культуры и фольклорного наследия в Скандинавии. В настоящее время скандинавские страны и Финляндия обладают самой развитой в Европе сетью скансенов (по названию одного из первых музеев под открытым небом, созданного в Швеции в 1891 г.). Докладчики отметили важное воспитательное и нравственное значение таких музеев, представляющих своего рода образ национальной культуры. Обратившись к нашей стране, А. Н. Давыдов и Т. А. Шрадер-Алимова подняли вопрос о необходимости продолжить работу по спасению уникальных памятников деревянного зодчества Русского Севера. Кроме музея-заповедника «Киж» и Архангельского музея деревянного зодчества целесообразно развивать сеть малых музеев под открытым небом, что будет способствовать культурному развитию края. В докладе подчеркивалась также необходимость создания нового типа музея под открытым небом — экоскансена.

На следующий день секция продолжила свою работу.

С докладом «В поисках истоков человеческой цивилизации», посвященном 75-летию юбилейного норвежского исследователя Тура Хейердала, выступил Г. И. Анохин.

Живой интерес вызвал доклад В. И. Наулко (Киев) «Шведские колонисты на Укра-

переселения в Южную Украину в XVIII в. шведов и других колонистов из Западной Европы были связаны с хозяйственным освоением земель, освобожденных в результате русско-турецких войн. Приток колонистов из европейских стран был обусловлен комплексом внешнеполитических и внутренних задач царского правительства. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. на территории проживало 965 шведов. Докладчик отметил длительное и стойкое сохранение у них этнического самосознания. Но в 1920-е годы шведы переехали на родину. Автор высказал предположение о возможности продолжения работы над данной темой не только в архивах, но и в результате экспедиции на места бывших шведских поселений.

В еще одном докладе «Данизация и становление этнического самосознания гринландских эскимосов» Г. И. Антонин попытался рассмотреть сложную проблему межнациональных отношений датчан и коренных жителей Гренландии — эскимосов. Докладчик показал, что на протяжении десятилетий деятельность датского правительства была направлена на языковую и культурную ассимиляцию эскимосов. Вместе с тем коренное население Гренландии стремилось сохранить свою идентичность и обрести подлинный суверенитет.

В работе секции приняли участие зарубежные гости конференции Г. Миндиз из Университета Тромсё (Норвегия), П. Сариинен (Вардё, Норвегия), В. Т. Гортен-Гренвик (Тромсё, Норвегия), а также преподаватели и студенты исторического факультета Архангельского государственного педагогического института.

Этнографы работали не только в рамках своей секции. Так, на совместном заседании секции этнологии, этнографии и истории средних веков продолжалась дискуссия о русско-скандинавских отношениях в VIII—XI вв. Традиционная тема о роли варягов в истории Древней Руси и о влиянии на Скандинавию обсуждалась и на этой конференции. Были также проведены прения по зачитыванию на пленарном заседании доклада Е. А. Мельникова, в котором рассмотрены норвежская и антинормандская теория в свете исследований последних лет и высказаны соображения о «данизации» русско-скандинавских отношений.

Археологи представили результаты своих экспедиций — исследования древнейших и древних культур Фенноскандии.

На секции экономики рассматривались особенности экономического устройства скандинавских стран, обсуждались их роль в интеграции экономики Западной Европы, а также перспективы экономических связей скандинавских деловых кругов с социалистическими странами.

Доклады, прочитанные на секции новой истории были в основном посвящены дипломатической истории; на секции новейшей истории — роли церкви в Скандинавии, новым социальным движениям, политической борьбе вокруг проблем окружающей среды.

Много интересных докладов было представлено и в секциях искусствоведения, литературоведения, языкознания.

В дни конференции проходили заседания круглого стола «Русский Север и Скандинавия», в рамках которого приняли участие представители всех секций. В рамках круглого стола были прочитаны доклады, посвященные изучению географических знаний поморских промышленников о севере Норвегии (XV — начале XIX в.), истории торговых отношений Русского Севера с Финляндией, сменившему язык «руссенорск» (этот язык-пиджин сконструировали русские поморы и норвежские купцы в прошлом веке, назвав его «твоя-по-моя»). Внимание исследователей привлекли русско-норвежские культурные связи на Севере Европы в XIX в. и этнокультурный феномен «морской культуры», в создании которой участвовали на Севере многие народы: норвежцы, русские, англичане, датчане, немцы, финны, саамы. В нескольких докладах круглого стола было рассказано о сотрудничестве норвежских и русских социал-демократов в транспортировке марксистской литературы из Норвегии в Архангельск, деятельности издательства «Помор», первой русской нелегальной социал-демократической газете в Арктике «Мурман».

Архангельские ученые проанализировали современное состояние культурных и экономических связей Архангельска со скандинавскими странами и Финляндией. В ходе конференции был подписан проект договора Архангельского пединститута и университета в Тромсё (Норвегия) о сотрудничестве.

Организаторы конференции из Архангельска предложили гостям — участникам Всесоюзной конференции интересную и насыщенную культурную программу, включающую в себя экскурсии по городу, посещение музеев, поездку на фольклорный праздник в Музей деревянного зодчества, посещение родины М. В. Ломоносова в с. Холмогоры. Конференция получила широкое освещение в местной прессе, на радио и телевидении.

Хочется надеяться, что этнографы, занимающиеся изучением народов Скандинавских стран Финляндии, а также сопредельных регионов, будут более широко представлены на последующих конференциях скандинавистов.

Т. А. Березина, А. Н. Да...

© 1990 г.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 1 по 20 сентября 1987 года в Шаповском сельсовете Подольского района Московской области провела первый полевой сезон экспедиция кафедры этнографии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (руководитель В. В. Пименов). В состав экспедиции входили старший лаборант кафедры В. Р. Филиппов, старший лаборант Ин-та этнографии АН СССР Е. И. Филиппова и одиннадцать студентов. Экспедиция носила по преимуществу «разведывательный» характер, явившись подготовкой к массовому обследованию населения, которое было проведено в июле — августе 1988 года. По итогам экспедиции предполагается написать коллективную монографию «Шапово, Социально-культурные проблемы подмосковного села».

Но основная цель экспедиции — исследование социальных и культурно-бытовых процессов в современном подмосковном селе.

Материал собирался в ходе обработки статистических данных (сельсовет, отдел кадров) и индивидуальных бесед с информаторами по широкой этнографической программе. Было опрошено более двухсот человек всех возрастов (от школьников младших классов до пенсионеров) и всех социальных групп (от разнорабочих до руководителей хозяйства).

Основную информационную базу исследования составили выборка и анализ данных из формы № 1 хозяйственного учета («похозяйственные книги» Шаповского сельсовета). Собранные данные позволяют судить о важнейших социально-демографических характеристиках изучаемого коллектива: составе, половозрастной структуре, об уровне образования и социально-профессиональной группировке. Кроме того, анализ картотеки кадрового учета рабочих и служащих хозяйства Шапово позволяет судить о характере и направлении основных миграционных процессов, приведших к формированию изучаемого нами коллектива. Информация, собранная в ходе бесед с респондентами, позволила прежде всего выявить основные проблемы, подлежащие решению в ходе массового статистического этнографического обследования.

Коренных жителей в Шапове осталось много. На территории Шаповского сельсовета проживают представители двадцати этнонациональностей, приехавшие сюда главным образом в середине семидесятых годов, то есть началось создаваться в регионе передовое, оснащенное новейшим оборудованием опытное хозяйство.

По своим запросам и по ряду черт жизни шаповцы, особенно молодые, совсем мало чем отличаются от горожан. Предварительное обследование показало, что многие элементы народной духовной культуры уже утрачены. Вместе с тем в их устном repertoire сохранились некоторые жанры русского фольклора (прежде всего частушки), которые находят своеобразное и подчас весьма интересное преломление в современном народном творчестве. Большой популярностью у шаповцев пользуются частушки на злобу дня. Было записано семьдесят пять образцов русского фольклора. Информаторами при этом в большинстве случаев являлись пожилые женщины, чаще всего с начальным образованием или вообще без образования. Имена создателей песен и частушек исполнителями известны не были.

Подавляющее большинство шаповцев — неверующие, но при работе с немногими верующими (опрошено восемь человек) выяснилось, что значительная часть из них обратилась к религии (часто не понимая сути и не интересуясь ею) уже в зрелом возрасте или даже после выхода на пенсию. Основная причина этого — отсутствие в их жизни для людей моменты внимания и поддержки со стороны окружающих. Здесь высокая степень суеверий и предрассудков, в том числе среди молодежи, школьников. (Среди зрелых школьников в той или иной степени суеверными можно считать свыше 80%).

В ходе экспедиции собрано около ста предметов крестьянского быта конца XVIII — XIX века (орудия труда, посуда, ткани и т. д.), создающегося в Шапове краеведческого музея; выявлены некоторые черты традиций

илища, одежды, системы питания местного населения.

Собранный в 1987 году материал, как статистический, так и полученный в результате бесед с информаторами послужит базой для дальнейших исследований в подмосковном

Д. М. Бондаренко

* * *

июле — августе 1988 г. экспедиция кафедры этнографии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (руководитель — Пименов В. В.) продолжила обследование населения Шаповском сельсовете Подольского района Московской области. В состав экспедиции вошли: сотрудник кафедры этнографии Филиппов, ст. лаборант Института этнологии и антропологии АН СССР Е. И. Филиппова, аспирант исторического факультета МГУ Б. В. Негуров и 17 студентов.

Программа экспедиционных исследований носила комплексный характер и включала несколько разделов, направленных на изучение социально-демографической ситуации в обследуемом сельсовете; материальных условий жизни и потребностей населения; социально-культурных интересов; структуры досуга; миграционных процессов; этнического самосознания и установок на межэтнические контакты.

Проведен сплошной опрос всех респондентов, работающих в передовом опытно-показательном Шаповском хозяйстве. Проведен с помощью специально разработанной по материалам предварительного этнографического обследования (экспедиция) вопросника, который состоял из нескольких блоков вопросов в соответствии с программой.

Опрошены 855 человек, из них 95% — русские, 3% украинцев и белорусов, 2% представителей народов Средней Азии, Поволжья, Кавказа и Закавказья.

Материал, собранный в ходе экспедиционных исследований, позволяет судить о важнейших социально-демографических характеристиках обследуемого коллектива: о национально-этнической структуре, половозрастной структуре, структуре семьи, уровне образования, социально-профессиональной группировке,

установках на повышение своего социально-профессионального статуса. В Шаповском хозяйстве представлены все социально-профессиональные группы от руководителей и специалистов высшей квалификации до работников, не имеющих квалификации. Наиболее многочисленными являются высококвалифицированные работники, преимущественно физического труда (с использованием механизмов) — 39,4% и неквалифицированные работники ручного труда — 22,3%.

Интересные данные получены об интенсивности, характере и направлении миграционных процессов. Так, из 855 человек, работающих в хозяйстве лишь 28,7% составляют уроженцы Шаповского сельсовета. Массовый приток мигрантов с середины 70-х гг., вызванный созданием передового животноводческого хозяйства, идет в основном из разных областей РСФСР, особенно из сел Нечерноземья. Кроме того значительное количество мигрантов приехали с Украины, из Белоруссии и Сибири.

Приезжающих привлекает близость Шапово к Москве, а также благоустроенность, выгодно отличающая его от большинства других подмосковных сел. Вместе с тем, многие респонденты высказывали в ходе опроса недовольство культурно-бытовыми условиями жизни в Шапово.

Результаты опроса свидетельствуют в целом о благоприятной установке шаповцев на межэтнические контакты, причем это относится и к производственной, и к дружеской и к внутрисемейной сферам общения. Важное значение для формирования такой установки имеет наличие частых, повседневных контактов с представителями других национальностей. Среди опрошенных респондентов зафиксировано 117 национально-смешанных браков, из них 106 заключены между русскими и представителями других национальностей.

Однако, говоря о положительной установке шаповцев на межэтнические контакты, следует учитывать малочисленность инонационального населения обследуемого сельсовета (5%). Кроме того, лица нерусской национальности частично или полностью ассимилировались: второе и третье поколения нерусских мигрантов часто осознают себя русскими.

Материалы экспедиции хранятся в этносоциологической лаборатории при кафедре этнографии исторического факультета МГУ.

Аронова И. Ю.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

В. Д. Ленъков, Г. Л. Силантьев, А. К. Станюкович. Командорский из-
вестия Беринга (опыт комплексного изучения). М., 1988. 128 с. 36 илл.

Рецензируемая монография представляет собой весьма редкий на сегодняшний день исторический источник. Редкий, несмотря на то, что исследований, органически сочетающих в себе данные письменных и археологических источников, достаточно много. В сущности речь почти всех археологических памятников письменности эпохи (особенно крупных, расположенных на территории городов, которые живут и сегодня) всегда предваряются и сопровождаются наличием соответствующих письменных источников. Однако комплексных исследований исторических объектов, которые оставлены людьми нового времени, в нашей стране почти нет. Более подавляющее большинство археологов вообще не склонно считать, что такие объекты достояние собственно археологического изучения. По-прежнему повсеместно распространено мнение «позднатины», т. е. все, относящееся ко времени позднее XV—XVI вв., и уж подавно то, что касается истории развитых к этому времени стран, настолько полно отражено в письменных источниках разного рода, что их археологическое изучение — абсолютно бессмысленное занятие, которое не может дать никакой новой исторической информации. Лишь очень немногие археологи в последние десятилетия рискнули пренебречь этим мнением и попытались конкретной работой доказать обратное, а именно: археологическое исследование памятников нового времени способно дать нам информацию, существенно дополняющую, уточняющую, а может быть, и исправляющую информацию письменных источников. Пока работ такого характера у нас в стране крайне мало. Наиболее значительной из них можно считать, пожалуй, монографию, посвященную комплексному исследованию Мангазеи¹, а также ряд далеко еще не завершенных работ по исследованию русских памятников на архипелаге Шпицберген². Жизнь людей как в Мангазее, так и на Шпицбергене предстала перед нами в существенно ином свете, что нашло отражение в соответствующих публикациях.

В связи с вышесказанным рецензируемая книга представляется существенным вкладом в исследовательское направление, которое можно назвать «археологией нового времени». Во-первых, уже потому, что в этом направлении еще очень мало сделано. Во-вторых, потому, что авторы останавливаются на одной из очень ярких страниц отечественной истории — Второй Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга, санкционированной русским правительством с целью изучения наиболее отдаленных морских окраин Российской Империи и открытия морского пути в Северную Америку.

Представляется важным подчеркнуть следующее: речь идет не только о том, что для археологов в лагере экспедиции Беринга внесла свою лепту в исследование материальной культуры России XVIII в. Это само по себе ценно, так как справедливо замечание автора: «... о материальной культуре каменного века наши знания неизмеримо больше, чем о материальной культуре эпохи, отстоящей от нашего времени всего на несколько поколений» (с. 109) — это и некоторое преувеличение реальной ситуации. Но существенно, что умелое сочетание письменной и археологической информации позволило уточнить *событийную* сторону существования лагеря экспедиции. В самом деле, считается вполне справедливым мнение — и с ним соглашались и авторы рецензируемой книги (с. 7), так и автор рецензии, — что исторические письменные источники создаются целенаправленно, главным образом как отражение событий, притом по-разному под определенным углом зрения, а археологические источники — это носители спонтанно сформировавшейся бытовой информации, отражающей главным образом повседневную жизнь людей, оставивших данный памятник. Однако ценность книги, на наш взгляд, состоит в значительной степени в том, что именно умелое «прочтение» бытовой информации о жизни

той археологическим путем, позволило объективизировать — и местами почти неоспоримо — эти жизни экспедиции во время зимовки на о-ве Беринга, чему в значительной степени способствовало и применение расчетно-аналитических методов обработки материала (гл. 5)³. Отдельным сюжетом книги является описание поиска пушек пакетбота «Св. Петр», оставленных Бергу зимовщиками Второй Камчатской экспедиции. Сама по себе история периодического возобновления и появления пушек «Св. Петра» на протяжении всего времени их пребывания на берегу бухты Командор, детально описанная в гл. 2, могла бы рассматриваться как своеобразный юридический курьез, если бы не отражала два важных момента: во-первых, необходимость даже учитывать при проведении археологических работ те изменения исходной для данного памятника природной ситуации, которые даже на протяжении весьма короткого промежутка времени могут до неузнаваемости изменить облик объекта исследования, вплоть до полного «исчезновения»; во-вторых, огромную пользу естественнонаучных методов изучения памятников культуры, позволяющих находить предметы материальной культуры в таких условиях залегания, которые делают их абсолютно недоступными при использовании традиционных археологических методов. Если иметь в виду, что пушки пакетбота «Св. Петр» составляли один из самых ценных компонентов материального обеспечения Второй Камчатской экспедиции, то представляется вполне оправданным посвящение двух глав книги поиску пушек геофизическими методами и истории артиллерийского вооружения пакетбота «Св. Петр» (гл. 6 и 7).

Специфической особенностью данной книги можно считать вычленение из обширного массива информации о Второй Камчатской экспедиции и ее зимовочном лагере на о-ве Беринга именно о «материальной части» экспедиции (гл. 1). В сочетании с описанием судьбы командирского лагеря после оставления его зимовщиками и перипетий, которым он подвергался на протяжении этого этапа его изучения (гл. 2), сведения такого рода давали возможность авторам заранее оценить как потенциально возможный максимум археологической информации о материальной культуре русских мореплавателей XVIII века, заложенной в данном памятнике, и степень ущербности этой информации за счет потерь, нанесенных имуществу лагеря в результате его «изучения» неквалифицированными любителями древностей. Создается впечатление, что после сбора сведений, обобщенных во второй главе книги, у авторов не должно было быть никаких оснований для оптимистических прогнозов по части перспективности археологического исследования лагеря Беринга: основное имущество лагеря растащено, жилища разрушены, выжжены перекопаны, пушки исчезли неизвестно куда... Однако последующие главы, посвященные археологическому изучению объекта и осмыслению его результатов, убедительно показывают познавательную силу археологии как метода исторического познания прошлого. В результате собственно археологических работ на остатках лагеря Беринга, несмотря на видимую степень сохранившегося материала, благодаря квалифицированной работе археологов-исследователей, воссоздан облик жилищ обитателей лагеря и оценена степень материальной оснащенной экспедиции Беринга. Восстановлены также главные события жизни лагеря, в частности идентифицированы жилища зимовщиков, найдены пушки пакетбота «Св. Петр», казалось бы, вечно затонувшие.

Вводя итоги размышлений над книгой «Командорский лагерь экспедиции Беринга», хочется сказать следующее. Во-первых, данная работа показала неоспоримую полезность всестороннего, комплексного исследования исторических памятников позднего времени, поскольку только подобное исследование позволяет получить максимум исторической информации. Во-вторых, археологическое исследование поздних памятников не только дополняет наши сведения о них, но и объективизирует информацию, которая имелаась в письменных источниках. Иначе говоря, археологическое исследование в данном случае играет роль криминалистической экспертизы, выверяющей объективность письменных показаний (письменных источников). В-третьих, применение естественнонаучных методов исследования как самих памятников, так и материалов, полученных в процессе исследования, позволяет находить объекты, не выявляемые никаким другим путем, а также извлекать информацию о материальной культуре интересующего нас периода, которая совершенно недоступна при традиционных способах ее изучения. Наконец, работа, проведенная авторами, позволяет объективно оценить степень утраты с течением времени исторической информации неизбежно сопровождающей любую памятник культуры в процессе его археологизации.

Черновитов П. Ю.

Источники

- Слов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Л., 1980. Ч. I; 1981. Ч. II.
 Старков В. Ф. Освоение Шпицбергена и общие проблемы русского арктического мореплавления. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1987.
 Черновитов П. Ю. Сравнительная информативность археологических и исторических источников. Методы естественных наук в археологии. М., 1987.

А. С. Мыльников. Легенда о русском принце (Русско-славянские связи XVIII в мире народной культуры). Л., 1987. 174 с.

Вполне закономерен и понятен наш интерес к «низовой» народной культуре, к «черного люда» и ее роли в истории города и деревни давних эпох. Весьма многообразие ее формы: это и фольклор, и традиционные обряды, и представления подневольных крестьян и простых горожан (ремесленников, мелких торговцев и т. д.), о политическом и общественном строе, их понятие о добре и зле, о социальной справедливости¹. Однако все эти аспекты народного мировоззрения, естественно, существовали на протяжении веков в сложной и не всегда ясной нам динамике, и в изменениях их играли порой заметную роль разнообразия, а с иными народами и народностями, а применительно к славянским народам — различные проявления межславянских взаимосвязей, представляющие один из важных предметов исследований советских и зарубежных ученых².

Вместе с тем, как известно, обычно при анализе междоусобных связей в силу специфики сохранившихся материалов (прежде всего документов официального характера, источников первичной культуры, литературных контактов и пр.) на первый план выступают преимущественно вопросы военно-политические, либо факты культурного обмена, роль их в творчестве отдельных писателей, художников, наконец, для этой поры — в известной мере и отражение таких социальных взаимоотношений в печатных изданиях той эпохи³. Иными словами, как справедливо отмечает в своей книге А. С. Мыльников (с. 8), о культуре народных масс и связях народов низов мы можем теперь судить, лишь преодолевая весьма серьезные трудности, прибегая зачастую к косвенным свидетельствам, беглым упоминаниям.

Именно поэтому выбор автором данной темы нам представляется обоснованным и чрезвычайно интересным, поскольку, действительно, в XVIII в. Россия приобретает все большее значение в международной жизни Европы и в ту пору возникают реальные предпосылки для непосредственного, «бытового» знакомства с простым людом России многих представителей зарубежных славянских народов (в силу переселения отдельных групп сербов, черногорцев, болгар, а также размещения в России бывших участников польской Барской конфедерации и др.; см. с. 5). Но А. С. Мыльников поставил в своей книге задачу — не ограничиваясь констатацией фактов контактов, содействовавших упрочению междоусобных культурных связей, показать нам, в политическом идеале и чаяниях широких народных масс за пределами России они нашли выражение и как это соотносится с русским народным самозванчеством, с народными легендами о «добром царе-избавителе» (ср. с. 17, 105—106). Иными словами, в результате «перекрещивания» двух тематических сфер в центре внимания автора оказывается анализ того, как переворот и появление затем в России целого ряда самозванцев — под именем «императора Петра» (самым известным из них был Пугачев)⁴ вызвали уже вскоре распространение в зарубежных славянских странах разных легенд о «русском царе» и, более того, новых «самозванцев», вспавших во главе народных движений.

Соответственно в книге дана вначале краткая предыстория данных славянских (и не только — отчасти и неславянских) легенд и свидетельств о действиях этих новых «царей» России. В главе «С верой в свободу: 1762—1773» А. С. Мыльников анализирует нарочито туманные и противоречивые сообщения манифестов о восшествии на престол Екатерины II, оставляя широкое поле для разных толков и «двусмысленных намеков» на судьбу свергнутого Петра, уже вскоре вылившихся в форму уверений, что дескать «царь жив», но скрывается (с. 20, 28). Для проникновения подобных народных толков и слухов, непосредственно связанных с идеями о «царе-избавителе» и с давней (чуть ли не с 1747 г.) заметной тенденцией к идеализации Петра III, за пределы России весьма важен уже отмечавшийся в литературе факт, что и первые русские самозванцы, действовавшие под таким именем, и подобные им появляющиеся в южных губерниях России, на Украине, а также в Поволжье (с. 28—31). Бесспорно, что «кристаллизация» таких самозванческих идей в данных районах Российской империи было уже немало сербов и черногорцев, как и бывших конфедератов или «поляков», и немалое значение для дальнейшего «продвижения» подобных слухов или легенд уже на территории Австрийской империи и даже далее — в, казалось бы, совсем изолированную область Черногорию. Понятно поэтому, что и в чешском селении, и в сербском монастыре Рави (в нынешней Воеводине) в местных хрониках появляются краткие сообщения о неясной судьбе Петра III, предвещавшие последующие отголоски в Чехии и Черногории (с. 27, 32).

Вполне закономерно, что автор отводит две специальные главы этим любопытным проявлениям народных чаяний о «царе-избавителе» — «Черногория: 1766—1773» и «Чехия: 1775». С хронологическому принципу, А. С. Мыльников включает между ними и главу «Третий император — Е. И. Пугачев: 1773—1755». На первый взгляд, обращение к истории Крестьянской войны под руководством Пугачева в рецензируемой книге не так уж оправдано, но в действительности и здесь автор обращает наше внимание на те аспекты крестьянского восстания, которые и непосредственное отношение к русско-славянским связям: к отрядам Пугачева присоединились (или же пытались примкнуть) и многие рядовые участники Барской конфедерации, тогда их предводители вовсе не хотели влиться в «злодейскую толпу», предпочитая сохранять личное отношение к царским властям (с. 71—74). Думается, однако, что гипотеза А. П. Барановского об участии в повстанческом войске Пугачева также сербов и черногорцев все же обоснованной (с. 70—71).

жачестве довода против данной гипотезы можно указать и на тот известный факт, что охваченный Крестьянской войной и военными действиями отрядов Пугачева, вовсе не тех районов (бывшей Славяно-Сербии и Новой Сербии), где в основном были расселены черногорцы. Не менее важно, на наш взгляд, другое — то, что в югославянской среде легенды о «мужицком царе», «добром царе» могли восприниматься иначе, поскольку как и ранее) русско-югославянские связи были переплетены с освободительными антиосманскими устремлениями и надеждами на помощь России поработенным балканским народам. Извествуя известные слова А. И. Бибикова Д. И. Фонвизину, что не самозванец здесь, важно общее негодование) народа (с. 79), хотелось бы напомнить, что именно этот к симпатий к России и освободительных стремлений обусловил и популярность в югославянской среде другого русского самозванца — мнимого «царевича» Тимошки Анкудинова (в II в.)⁵.

Вступление в Черногорию очередного «императора Петра III» (Степана Малого) до наших дней ставит много вопросов исследователям. Дело, конечно, не в том, кем был этот таинственный человек, сумевший фактически без боя добиться власти в Черногории и удержать ее несколько лет (1773—1775 гг.), несмотря на противодействие прежнего правителя (митрополита Саввы) могущественной русской царицы Екатерины II. Показательно, что Степан Малый, однако, является) вполне в ряд претендентов на имя Петра III прежде всего потому, что он себя так не называл (иными словами, это самозванец без «самозванства»), хотя его приверженцы объявляли Степана «русским царем», «Петром Федоровичем» (с. 35—37). Другая особенность заключается в том, что деятельность Степана в Черногории в силу местной специфики имеет не антифеодальную, крестьянскую, а «национально-освободительную направленность» (с. 106), хотя автор (на наш взгляд, не столь убедительно) оспаривает точку зрения югославянских планов Степана Малого (с. 53—54; ср. там же, с. 36—39, 57, 42 — о войне с турками Порты и об убийстве Степана агентом скадарского паши). Уже перечень этих вопросов и дискусионных вопросов и трудностей, возникающих в данном случае перед самими читателями этой черногорской главы, показывает, что и теперь, несмотря на появление в стране и в СФРЮ многих работ по этой теме (в частности, исследований В. В. Макушева, Мирского, М. М. Фрейденберга, Р. Петровича и др.), остается немало спорных вопросов — имя самого Степана, его планов и т. д. В особенности важна здесь тщательная оценка тех свидетельств, сообщений очевидцев, документов той поры, и эта текстологическая, лингвистическая работа по мере возможности автором проводилась. Отметим, например, что и в свете убедительной критики А. С. Мыльниковым гипотезы А. П. Бажовой, будто бы Малый — это русский майор, черногорец Степан Петрович (с. 44—45); однако вряд ли можно согласиться с негативным отношением автора к сообщению Реньера о наличии «боснийского акцента» в речи самозванца (с. 45). Сошлемся на вполне авторитетное свидетельство о существовании именно в данных районах современной Югославии тогдашних диалектальных различий даже в речи жителей соседних поселений; поэтому-то и так, что «опытный человек каждого из них, как только тот начнет говорить, узнает, от куда он»⁶. Возможны и разные предположения о социальной принадлежности Степана, и он в России и т. п. (с. 47—48; ср. также с. 144—145).

Но так же важна эта, сугубо источниковедческая сторона и далее, где речь идет о появлении повстанцев (в 1775 г.) некоего загадочного «русского принца». «Загадки Градецкого», сообщавшего о том, что восставших крестьян северо-восточной Чехии возглавлял какой-то человек, выдававший себя «за изгнанного русского принца», были уже проанализированы историком Я. Ваврой, однако А. С. Мыльников справедливо уделяет этим вопросам особое внимание. Поскольку здесь для нас важна не только проблема достоверности этого сообщения, но и оценка его с точки зрения русско-славянских связей XVIII в. и самой проблемы самозванчества. По нашему мнению, бесспорен вывод о надежности этого сообщения, автор идет и далее, считая возможным отождествить этого анонимного «смелого парня», повстанческого вожака, таинственного Сабо (или Подивина Садло), так и исчезнувшего из летописей габсбургских властей, и «русского принца» (с. 95).

Важно, впрочем, что анализ всех этих свидетельств о крестьянском движении и народных войнах в Чехии конца XVIII в. (во взаимосвязи с проблемой чешско-русских связей той поры) может быть продолжен. Возможно, например, предположить, что крестьяне «выдвинули» из своего круга некоего богача Хвойку своим предводителем, ставшим невольной «сельским императором» и рассказав о «русском принце» был в действительности лишь «лозунгом», маневром, старавшихся таким образом придать больше силы своему движению. Словом, этот «принц», может быть, и не был реальной «фигурой», как и знаменитый поручик Киж? Интереснее для нас появление такого свидетельства, вполне согласующегося с приводимыми сведениями о русско-чешских связях той поры, о чешских пьесах, выводивших в качестве главного лица Пугачева и др. (с. 104; ср. с. 146—147, 157), а с другой стороны, с фольклорными представлениями, с народными повестями о Кроле-Ячменьке (с. 103) и определенными надеждами на Иосифа II (ср. с. 138).

Эти разнородные, нередко неясные и противоречивые свидетельства, собранные и проанализированные в данной книге, показывают наглядно, насколько плодотворным оказывается исследование и еще во многом неизученной сферы народной культуры, представлений широких масс в XVIII в. под углом зрения, охватывающего неоднородные и близкие, смежные социальные проявления народных чаяний и легенд, слухов и толков о «добром царе», «спасителе», о «подлинном, мужицком царе». Книга А. С. Мыльникова интересна и тем,

что она вводит читателя в пестрый мир различных исторических источников, содержащих сведения об этих народных представлениях и надеждах, она помогает узнать новые факты (в частности о «русском принце» в рядах чешских повстанцев 1775 г. и др.), помогает найти новые отрывки в рассказе о тех событиях, которые, казалось бы, давно нам известны (в частности, о Степане Малом и Черногории, о Пугачеве и его сподвижниках), она побуждает нас к новым поискам и открытиям в истории русско-славянских связей и народного сознания давних эпох.

Е. П. Найд

Примечания

¹ См., напр.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967; Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России (2-я пол. XVII в.). М., И. Шاپовалова Г. Г., Лаврентьева Л. С. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985; и др.

² См., напр.: Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVII в. Документы. М., 1984; Чуркина И. В. Русские и словенцы: Научные связи конца XVIII в. — 1984 М., 1986; Прилози проучава у српско-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980 и др.

³ Ср.: Наумов Е. П. Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII — первой трети XIX в. // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII — XX вв. М., 1987. С. 5—9.

⁴ Ср. Чистов К. В. Указ. раб. С. 137—141.

⁵ См., напр.: Мошин В. А. Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 497—501; его же. Из переписки самозванца Тимошки Анкудинова // Тр. отд. Древнерусской лит-ры, Л., 1969. I. С. 309—313.

⁶ См., напр. Караџић. В. Ст. Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С. 8.

НАРОДЫ СССР

© 1990 г.

Т. А. Николаева. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1988. Ил.

Бесполезно искать книгу Т. А. Николаевой на прилавках книжных магазинов — ее распродано сразу по выходе из печати, хотя это дополнительный (4000 экз.) и довольно большой научный тираж. Широкого читателя, конечно, привлекает красочность книги, представленное в ней очарование и богатство украинской, народной, крестьянской одежды прошлого, это не альбом образцов одежды. Иллюстрации здесь едва ли не главный фактический материал, на основе которого автор высказывает взгляды и суждения об истории развития украинского народного костюма. Ограничительная ремарка (Среднее Поднепровье), которая вынесена в заглавие, в значительной степени условна: в книге Т. А. Николаевой неизбежно затрагиваются и вопросы, и проблемы по более широкому региону. Сравнительно недавно то же издательство выпустило прекрасную книгу К. И. Матейко об украинской народной одежде, но рецензия на эту работу — это особый подход к решению задач, стоящих перед историком культуры.

Т. А. Николаева поставила перед собой три задачи: исследовать генезис и историю элементов народной одежды; выделить и обосновать закономерность особых региональных комплексов одежды в Среднем Поднепровье (мужских, женских, девичьих; почему-то опущен детский?); попытаться наметить возможности сохранения традиций народного костюма в современной одежде. Как из этих задач могла бы стать темой специального исследования. Мы попробуем рассмотреть и оценить содержание книги в том порядке, как это изложено автором. Естественно, они могут быть только в историко-культурном и этногенетическом плане.

Т. А. Николаева, на мой взгляд, удачно избежала опасности предпослать книге тяжелое и интересное только узким специалистам историографическое введение, ограничившись лишь очерком истории проблемы, но снабдив и этот очерк, и книгу в целом исчерпывающим списком книг, статей и других материалов, на которых построено ее исследование и к которым читатель может обратиться в случае необходимости. В очерковом плане построена и первая глава, в которой исследуются отдельные элементы традиционного крестьянского костюма. В целом она дает и полное, и достаточно научное, и увлекательное даже для обычного читателя представ

истории основных частей крестьянской, народной одежды. Благодаря активному включению унгов не как иллюстраций, а как полноправного фактического материала читатель приглашается в творческую лабораторию науки и может сам проверять достоверность выводов. Такой ем — одна из удач автора, и хорошо, что издательство не помешало этому, не ограничило количество рисунков обычными жесткими «лимитами», понимая, что в данном случае графика только заменяет скучные и всегда неточные описания, но и доносит содержание до читателя нес, убедительней, увлекательнее.

Проведенный анализ отдельных частей крестьянского костюма опирается на обширный материал, накопленный и дореволюционной, и советской наукой, исследующей историю культуры. Здесь же неизбежно обнаруживается и некоторое противоречие: поставленная автором задача — дать историю комплексов одежды лишь одного региона (Поднепровья) в сравнении с комплексами одежды других регионов, изученными пока далеко не достаточно, неминуемо выводит его исследователя далеко за рамки не только избранной области, но и за пределы таких рочих этнических общностей, как восточные славяне и славяне вообще. Если при этом мы ем, то сколько-нибудь полные сведения об одежде в науке есть начиная лишь с XVI—XVII вв. (описания, рисунки и т. п.), а до этого времени мы можем строить лишь предположения, ирясь на фрагментарные факты, то роль предложенных широких сравнительных материалов растает значительно. Даже о материалах, из которых изготавливали одежду и обувь, у нас ставления весьма нечеткие. Неясно также, когда появились рукава, а следовательно, и тезис А. Николаевой о значимости кроя в классификации одежды должен быть как-то исторически иячен, оговорен. Какие приемы более древние — узорное тканье или вышивка (с. 37—38), не знаем, так как имеющихся данных для решения таких вопросов слишком мало.

Когда речь идет об истории одежды ранее XVI в., я бы вообще воздерживался от излишне торичных выводов вроде того, что белый цвет является общеславянской традицией, восходя- к глубокой древности (с. 32). Но ведь то же самое можно сказать об одежде очень многих родов мира — и у нас по имеющимся источникам нет полной уверенности, что славяне предпо- али именно белый цвет, а не цветное платье. Если судить по тому, что покупала славянская ь у Византии, то можно заключать, что предпочитались как раз крашенные, узорные ткани. ьстал бы я возводить в «эстетический эталон» украинцев белый цвет и в XIX в., так как дело в эстетике, не во вкусах, а в том сложном комплексе причин, где соединены и доступная шевая технология, и сила привычки, и различные поверья, суеверия, и многие иные причины. ьчно, даже в книге нет возможности каждый раз развертывать все аспекты возникающих ьлем, но не следует и упрощать действительность за счет категоричных заключений. К тому же славянское культурное единство в прошлом — пока лишь гипотеза Л. Нидерле. Сомнительны ьключения автора и об истории кроя мужской поясной одежды (штанов) (с. 42—43) у населения ьнепровья. По-видимому, тип широких штанов появился в Восточной Европе не ранее VI в. ь как у скифов по имеющимся изображениям в употреблении были штаны как раз с узким ьгом, да и само объединение гач, ноговиц в единый вид одежды — мужские штаны для разных ь может быть датировано разным временем.

Одна из интереснейших и сложнейших тем в народной одежде — так называемый «пристилоч- ькомплекс». Т. А. Николаева, особенно в иллюстрациях, развертывает перед читателем ьстейший материал о различных видах этой женской поясной одежды. Она хороша и по красоч- и по узорам. Интересен и тот круг семантических связей, который отражается в поверьях, ьнных с «поневами», «плахтами», «запасками» и т. п. Судя по распространению и смыслу ьребления, это очень древняя часть женского костюма. Но не древнее же ткачества? Или и следует искать еще в тех поясах (юбочках) стыдливости, которые известны по всему миру? ько насколько сопоставимы такие явления? Словом, сколько-нибудь правильный, но не исчерпы- ь ответ можно будет получить, проанализировав материалы по многим народам Европы ь минимум за четыре тысячелетия, а это явно выходит за пределы возможностей автора ьзируемой книги. Более правильным здесь было бы ограничиться лишь информативным ьялом, избегая определенных заключений. Можно было бы выставить возражения и по многим ьм выводам Т. А. Николаевой: о времени распространения юбок на Украине и в России, ьчности постолов для славян (хотя такой вид обуви едва ли не универсален везде, где ь обувь). Но все это издержки нашего стремления прийти к однозначному выводу там, ь пока недостижим.

Ассативная главу о составляющих элементах комплексов, необходимо остановиться и на ьношении между собой. Это особенно важно и потому, что автор и дальнейшие главы ь на базе этих элементов, и еще потому, что именно соотношение между собой элементов ье показательное для их исторического анализа во всех возможных аспектах. Когда читаешь ь книги, может возникнуть впечатление, что для автора все привлеченные для анализа ьты примерно равнозначны. Да, в тексте говорится о древности той или иной части одежды, ьстетическом значении, о роли в поверьях и т. п. Но все это вскользь, как бы мимоходом, ьля справок, чем для сути исследования. Из таких равных по правам элементов Т. А. Николае- ьом составят типичные для Среднего Поднепровья комплексы одежды, об этих же элементах ьдет говорить как о ценном наследии культуры прошлого, которое следует использовать ьас. Но ведь на самом-то деле взятые для изучения элементы никак не равны между собой ьих значению, ни по их смыслу. Одежда нижняя, нательная понималась и воспринималась ь иначе, чем верхняя, любые виды украшений (кроме общего цвета одежды) имеют совсем ьмысл в человеческой культуре прошлого, чем собственно одежда, и т. д. Освещать все эти ье темы в данной книге было бы не обязательно, если бы автор по-иному понимала историю

формирования среднечереповских комплексов крестьянской одежды XIX в. Но понятное и в нем похвальное стремление к историческому объяснению возникновения самих комплексов объяснимо более ответственно отнестись и к пониманию сути элементов, составляющих такие комплексы. В рецензии невозможно даже кратко остановиться на всех затронутых вопросах. Сошлюсь на некоторые примеры.

Нетрудно заметить, что наибольшие и очень устойчивые различия в одежде по полу проявляются лишь в нижней и так называемой «горничной одежде» (если к ней относить упомянутый пристильный комплекс). Более того, именно в этой одежде можно проследить и некоторые возрастные отличия. Верхняя одежда более однотипна: свиты, кожухи, в принципе одинаковы по покрою, учитывалась лишь разница в строении тела. Исторические различия более заметны в том, что наиболее устойчивыми формами кроя, материала, характером и расположением украшений всегда отличалась именно нательная одежда (рубахи). Верхняя одежда легче воспринимала любые изменения — введение новых материалов, покрою, усвоение иноэтнических заимствований из культуры господствующих классов и т. д. Те же черты отличают и вошедшие в быт с XVII—XVIII вв. виды женской горничной одежды — платья, юбки городского (местечкового) покрою, безрукавки и т. п. С верхней одеждой связано гораздо меньше суеверий. Можно думать, что и в формировании того образа крестьянской одежды, который дает нам этнография XIX в., роль этих элементов должна рассматриваться далеко не однозначно именно в историческом плане. Зональные сходства или различия в нательной одежде неизбежно отражали и более глубокие исторические различия или сходства, чем другие виды одежды. Поэтому сходство в крое женских рубаш по всему Поднепровью действительно может говорить нам о какой-либо общности этого населения, хотя я и не уверен, что это именно славянская общность, а только восточнославянская. Сходство же в типах обуви (постолы, опанки), наоборот, не могло быть принято во внимание, так как рациональность такой обуви делает ее повсеместным явлением.

Еще более существенны различия в собственно одежде и в украшениях. Главное название одежды — защита тела от неблагоприятных воздействий внешней среды. Конечно, на основе этой функции исторически накладывалась и известная социальная роль. Уже упоминалось о различиях между женской и мужской одеждой. К этому следует добавить особенно заметные в XVII—XVIII вв. классовые различия костюма (только в верхней одежде). Происходит известное «слияние» украшений и одежды из-за вышивок, узорного ткачества и т. д. Но основная функция украшений — быть социальным разграничителем, своеобразным паспортом человека. И в этом смысле украшения скорее относятся к сфере духовной культуры, чем к таковому предмету потребления, как одежда. Их происхождение, историческая роль, семантика развивались по иным законам, чем собственно одежда. Замечу, что *сугубо* эстетическое их звучание — явление весьма позднее у крестьян, конец XIX — начало XX в. и наше время. Ранее «паспортное» значение (половое, сословное состояние, локальная и этническая принадлежность и т. п.) явно в них преобладало, слившись с семантикой узоров и с религиозными (языческими) представлениями. Украшения были обременены, что не лишает их ни гармонии, ни красоты.

Выделение, описание комплексов крестьянской одежды этнографического периода сделано закономерно, и этому Т. А. Николаева посвятила свою вторую главу. Выделенные ею для XIX в. комплексы, с разграничением на девичьи, женские и мужские, подтверждены обильным материалом, приведенным в рисунках, тексте и ссылках на литературные источники. Недостаёт лишь детального описания, что досадно для историка культуры, так как особенности именно детской одежды и подчеркивают социальную значимость некоторых видов одежды. Автор, рассматривая комплексы, в чем-то неизбежно повторяет материалы первой главы и уделяет внимание социальным факторам, но этот аспект во второй главе еще более нивелирован, затуманен стремлением дать некий комплекс, набор предметов. Очень интересны и более четки в этой главе зональные различия в деталях костюма: разные типы пристилок, разный колер вышивок, различия в украшениях и т. п. Можно упрекнуть Т. А. Николаеву, что в книге недостаточно отражена социально-классовая неоднородность украинского села. Дело не только в том, что у некоторых просто не было средств на богатые праздничные плахты. Об этом писалось достаточно. Дело в ином процессе. Как замкнуто ни жило крестьянство в прошлом, какие бы социальные барьеры ни воздвигались между сословиями, они не были абсолютно глухими. Образ жизни господствующих сословий сказывался на одежде, но по-разному у различных имущественных групп сельского населения. Богатые крестьяне стремились подражать «господам». Но в чем, насколько, кому именно? По каким каналам шло влияние города? Все было различно в разные периоды XIX в. И еще — с одной стороны, детали костюма оказались наиболее отзывчивы на такие влияния, все ли одинаково. Ведь не сводится же такое влияние лишь к внедрению новых тканей. По-иному шел процесс размывания традиций и у беднейшей части крестьян, вынужденной идти на заработки. Эта часть уже не могла поддерживать прежний «эталон» костюма просто из-за нехватки средств. Все так или иначе сказалось и на справедливо отмеченном автором влиянии польского костюма (с. 153), но думается, что дело было не просто в переселениях, хотя были и они, а в постоянном и сложном влиянии некоторых тенденций польского (и иных этнических групп) костюма и традиций господствующих сословий, через население городов и местечек, более тесно связанных с крестьянством, влиявших на него длительно.

Более существенные возражения возникают в связи с интерпретацией, пониманием Т. А. Николаевой выделенных ею комплексов. Комплексы, по мнению исследовательницы, есть наследия прежних этнолокальных групп населения. Такое толкование, думаем, вряд ли справедливо. Если речь шла об элементах, составляющих комплексы, споров бы не было — все зависит от убедительности интерпретации и имеющихся фактов. Но комплексы в их региональной обособленности

плотки в том виде, как их знает этнография, не только сравнительно недавно, но они, как это называет и автор, относительно неустойчивы. Строго говоря, все эти комплексы — черта культуры, принадлежность уже одного народа — украинцев. И отражение в них прежних делений либо выявляет отдельные особенности костюма, либо связано совсем не с этнолокальными традициями, а причинами имущественно-социального плана (то же влияние города, господствующих сословий и т. п.). Вряд ли стоит «тянуть в прошлое» именно комплексы целиком. И еще одно замечание этого порядка в связи с этнической историей: не преувеличиваем ли мы иногда роль этнического фактора? Ведь в жизни Украины XVII—XVIII вв. сословные различия (деление на казаков, «буржасов» и крепостное, зависимое население) имели весьма существенное значение. Сословные различия отражались и в одежде. Шли достаточно сложные внутренние миграции, менялся социальный статус многих групп крестьянства. Все это так или иначе сказало и на облике костюма. Правда, это особая тема, но не учитывать ее нельзя, хотя бы в общем плане. По сравнению с работами Т. А. Николаевой по современной одежде, мне показались и материалы, и текст ее третьей главы более сжатыми, фрагментарными. Получилось своего рода «зависимое» заключение, некий проспект на будущее. С ее главным тезисом трудно не согласиться. У народа Украины такие богатые традиции, такое обильное и красочное наследие в материалах крестьянской одежды, которые просто преступно не использовать в сегодняшней нашей жизни. Главная погоня за зарубежными образцами не делает чести нашей индустрии одежды. Но мне казалось, что простое включение элементов традиционного костюма — образцы покроев, использование орнамента, соотношение цветов, словом, попытка перенести части из прошлого в настоящее решают сути дела и редко приживаются. Это характерно для подобных попыток во всех областях нашей страны, во всех национальных республиках. И дело здесь, видимо, не в недостатках наших модельеров, а именно в методах использования нашего общего богатого наследия.

На разных этапах истории одежды играла разные роли. Возникнув как элемент потребления, исторически приняла на себя и социальную функцию. Но главное оставалось: одежда должна была служить людям, конкретным людям, исходя из их образа жизни, потребностей, условий труда, досуга. И те комплексы крестьянской одежды, которые так внимательно восстановила и представила в своей книге Т. А. Николаева, тоже принадлежат определенному историческому периоду.

В первых двух параграфах третьей главы Т. А. Николаева дает интересный материал о переломном моменте, который в дальнейшем привел к современному состоянию одежды. В этой очерку явно недостает глубины и обоснованности в выводах, так как одежда рассматривается сама по себе, а изменяющиеся условия жизни людей — лишь в общих фразах, каждая из которых справедлива сама по себе, но они общей картины не составляют. А ведь изменения в одежде заключены не только и не столько в новых материалах и возможностях, но и в меняющейся жизни людей, их мировоззрении, отношении к этому элементу культуры. Рационализм, практичность современных видов одежды (далеко не обязательные!) — результат воздействия многих факторов. Ведь и крестьянская одежда по-своему была рациональна! Изменились сами условия жизни и к рациональности, и к одежде. К сожалению, теоретически эта сторона современной культуры пока не изучена, и далее разговоров о сочетании народных традиций и современных мод пока не пошли. Возможно, в дальнейшей работе Т. А. Николаева восполнит этот пробел? Элемент для этого заложен.

Возвращаясь к общей оценке труда Т. А. Николаевой, можно поздравить наших читателей с появлением еще одного интересного и очень содержательного сочинения. Я бы еще подчеркнул богатство иллюстраций. Дело не только в общей культуре издания, что отличает труд «Наукова думка», судя по тем этнографическим книгам, которые я знаю. Благодаря издательству иллюстраций в руки читателя приходит сам фактический материал с его наглядной информативностью и достоверностью, а хорошее качество исполнения само по себе пробуждает уважение к народной культуре, к богатейшему наследию, которым мы располагаем и которое обязаны беречь.

Как и любое значительное исследование, труд Т. А. Николаевой вызывает на дискуссию, поднимает богатство затронутых тем и вопросов к размышлениям, научным спорам. Но он не оставляет читателя равнодушным, чему способствует и приведенный в книге обильный фактический материал. Книга — лучший подарок не только разного рода специалистам в области культуры, но и самым широким кругам читателей.

Г. Г. Грозов

© 1990 г.

Н. И. Савушкина. Русская народная драма: художественное своеобразие. М., 1988. 231 с.

Среди фольклорных жанров есть такие, которые ведут свое начало с незапамятных времен и сопровождают породивший их народ на всем пути его исторического развития. У русских это были, сказки, пословицы, обрядовый фольклор, загадки и пр. Именно им отдают преимущественное внимание фольклористов. Достаточно посмотреть библиографические указатели по фольклору, убедиться в этом.

Но фольклор — это не только веками хранимая и передаваемая из уст в уста традиция. Фольклор, как и любое искусство в целом, живет и постоянно меняется (при всей его нетленной и отличительной способности хранить почти в неизменном виде эту традицию!). Он живитывает в себя трансформирующуюся реальную действительность, в которой он живет и бытует. На поздних этапах его развития фольклор подвергается мощному воздействию книги (особенно музыкальной), профессиональной музыки, театра и т. д. Вспомним еще раз образную характеристику фольклора, данную Ю. М. Соколовым: фольклор — это не только «отзвук прошлого, но в то время и громкий голос настоящего».

Есть в фольклоре и такие жанры, которые возникли на сравнительно позднем этапе развития. Я имею в виду частушку и русскую народную драму. Если частушка, как современная и весьма продуктивная вплоть до наших дней жанр народного творчества, не может пожаловаться на невнимание к нему современной фольклористики, то русская народная драма, наоборот, изучена гораздо слабее. Она поздно возникла (основной репертуар дошедших до нас драматических произведений — развитых пьес — сложился в России в середине XVIII — первой половине XIX в.) и с самого начала не пользовалась всенародной известностью и распространением, а также популярностью. Были исследователи, которые вообще отказывали народной драме в праве быть причисленной к традиционному народному искусству.² Показательно, что русской народной драмой занимались преимущественно историки театра и литературоведы. Правда, и среди этнографов и фольклористов сложилась небольшая, но весьма активная группа энтузиастов (Н. Г. Богорев, В. Ю. Крупицкая, Т. М. Акимов, В. Е. Гусев), которая много сделала для фольклористического изучения русской народной драмы. К числу этих энтузиастов с полным основанием можно причислить и Н. И. Савушкину, которая давно уже зарекомендовала себя как опытный собиратель народного творчества,³ известный педагог и воспитатель научной молодежи и, наконец, видный исследователь русской народной драмы, автор книг⁴, и многих статей по этой теме.

Если предшествовавшие книги Н. И. Савушкиной были более широкими по тематическому охвату, касались всего русского народного драматического искусства, анализировали, например, драматическое искусство сказочников, разыгрывание хороводных песен, театральность народных свадеб и т. д., то рецензируемая книга значительно уже по содержанию. Она посвящена поэтике народной драмы, ее художественному своеобразию. В книге рассматриваются эстетические аспекты русской народной драмы, особенности ее художественной структуры, системы персонажей и стиля, обусловленные влиянием массового демократического искусства конца XVI — начала XX в., с одной стороны, илубочной литературы — с другой. Такое ограничение тем позволило автору углубить и конкретизировать свой анализ, придать ему большую убедительность и аргументированность, коснуться таких сложных и редко исследуемых понятий, как типы и стили речевых характеристик, стили народного драматического искусства и т. д. Новая книга Н. И. Савушкиной — органическая часть исследований, посвященных поэтике фольклора, — заново возрождает у нас области советской фольклористики.

Рецензируемая книга — специальное исследование, рассчитанное на человека, уже знакомого с текстами русских народных драм, ориентирующегося в вопросах идейно-эстетической структуры фольклора, в сюжетно-композиционных особенностях русского народного творчества, в функциях народного искусства в современной общественной жизни. Короче говоря, это книга для специалистов — фольклористов и этнографов, но не только для них. В ней многое почерпнет для себя и историк культуры. Он найдет в ней новый и свежий материал о формировании народного самосознания в XIX—XX вв., о взаимовлиянияхлубочной литературы и народного творчества, о роли любительских театров и театров для народа в формировании народных вкусов. Важен в этом плане вывод автора, что «развитая народная драма, сформировавшаяся в русской народной традиции под сложным воздействием массовой городской культуры и приобретя огромную популярность со второй половины XIX в., сама способствовала сохранению интереса к балагану..., приобщению к любительским спектаклям» (с. 48). Рецензируемая книга дает возможность вновь поставить сложный вопрос об эстетических запросах народа на разных этапах исторического развития. Эта книга — несомненный вклад в исследование праздничной жизни народа в прошлом и настоящем — тема, изучение которой за последнее время все более активизируется.

Итак, рецензируемая книга найдет своего читателя. Она нужна многим и разнообразным специалистам из разных общественных наук. Но, повторяю, специалистам, а не «всем и каждому из нас», сужающимся народным искусством», как об этом сказано в аннотации к данной книге. Для любителей народного творчества книга эта сложна и по содержанию, и по изложению материала. Достаточно, например, взять VI главу книги — «Типы и строение речевых характеристик». Раскрывая на с. 152—153: что могут дать непросвещенному любителю голые перечни диалогов, характеризующих конфликт, диалогов-приказов, комических диалогов и т. д. — без примеров, без заглавий, без каких бы то ни было характеристик... Это — пример гегелтовского языка с. специальной монографии, рассчитанной на узкий круг ценителей данного жанра. Обильно цитируя предшествовавшие труды и источники, автор не всегда указывает их авторов, хотя и не скрывает архивного местонахождения оригинала (рукописный отдел Института этнографии — см. с. 29 и др.). Ну, скажите, кто из любителей, «интересующихся народным искусством», воспользуется такими указаниями? Ясно: одни специалисты.

Правда, введение и первые две главы монографии совсем иные и по манере изложения и по языку, и по содержанию. Они, действительно, могут представлять интерес для широких читательских слоев. В них ставится и удачно решается большой и важный вопрос о значениилубка для развития русской народной драмы и, шире, русского народного творчества.

бше в XIX — начале XX в. Автор умело использовал известную литературу. Правда, в перечень источников не вошли книги А. А. Белкина «Русские скоморохи» (М., 1975) и Д. С. Лихачева А. М. Панченко «„Смеховой мир“ Древней Руси» (Л., 1976), хотя они и могли бы дать дополнительный материал автору. Но это право исследователя ограничивать себя теми или иными ютами. Выводы Н. И. Савушкиной существенно дополняют наблюдения предшествовавших исследователей, изучавших лубочную литературу: они, как правило, ограничивались сказкой и не касались воздействия лубка на народную драму. Автор, следовательно, расширил диапазон воздействия лубка на народное искусство, вписал, по сути дела, новую страницу в изучение этой слабо исследованной области литературно-фольклорных связей. Наблюдения Н. И. Савушкиной свежи и убедительны, и широкое сопоставление русской народной драмы и лубка вполне совершенно оправдано. Можно отметить только одну небольшую неточность: следовало бы указать, что И. С. Ивин, которого автор (наряду с А. С. Пругавиным) именует «авторитетным источником народной книги» (с. 24), одновременно является и писателем-лубочником. Идентичность двух имен давно уже установлена⁵.

Весьма интересны и содержательны наблюдения Н. И. Савушкиной о влиянии балаганов и народных театров на русскую народную драму. В этом плане рецензируемое исследование входит в круг трудов, анализирующих взаимоотношения народного, профессионального и любительского искусства. Известно, что за последнее время и искусствоведение, и этнография уделяют особое внимание этой сложной и малоизученной научной проблеме, и монография Н. И. Савушкиной может дать дополнительный материал для ее изучения.

Но главное и основное значение рецензируемой книги заключено в подробном и детальном анализе художественного своеобразия русской народной драмы. Новая работа Н. И. Савушкиной может развенчать сложившееся у некоторых авторов предубеждение против несомненных и высоких художественных достоинств русской народной драмы. Конечно, они несопоставимы с высоким миром былины, лирической песни, волшебной сказки и т. д. Перед нами совсем иной мир, преимущественно городских народных масс и грамотного крестьянства XIX — начала XX в., знакомых уже и с лубком, и с городским романсом, с совершенно иными эстетическими вкусами и пристрастиями. Это любители «площадного» драматического искусства, с его вниманием к «бюджетной» тематике, грубоватому бурлеску и бьющему на внешний эффект комизму. Главного автора в том, что он разглядел за всеми этими внешними аксессуарами глубокий эстетический сплав народного юмора с идейно-эстетическими представлениями. Многие наблюдатели и исследователи русского народного творчества не понимали истинного значения русской народной драмы, ее роли в духовной жизни народа, ее злободневности и сатирической направленности. Заимствования из литературы и культурных достижений правящих классов, так бросающиеся в глаза при первом столкновении с народной драмой, затмевали для них подлинный смысл народного театрального действия. Лишь очень немногие — и среди них Ф. М. Достоевский! — поняли истинный социальный смысл русской народной драмы, уловили неистребимый ее оптимизм, ее истинный пафос, которые возвышали и преображали зрителей народного представления. Итак, перед нами добротное научное исследование, самостоятельное и хорошо мотивированное, важный шаг вперед в изучении поэтики фольклора, предпринятое на своеобразном материале, снабженное большим количеством приложений, указывающих на места хранения записей народных драм или на публикации этих записей. Оказывается, мы располагаем довольно значительным количеством вариантов — более 200! — важнейших народных драм. Все они в той или иной мере использованы в рецензируемой книге. Хорошо, что автор привел и библиографию литературы, мемуарных и эпистолярных свидетельств о народной драме, а также список важнейших научных и массовых изданий (но, конечно, далеко не всех!) тех повестей, сказок и песен, которые оказали влияние на русскую народную драму. Особенно важно IV приложение — перечень для массовой сцены балаганных и общедоступных театров.

Но как бы украсила книгу публикация хотя бы избранных лучших текстов русской народной драмы! Единственная стоящая публикация подобного рода — это книга П. Н. Беркова «Русская народная драма XVII—XX веков» (М., 1953), составленная преимущественно из дореволюционных материалов. Кроме того, она давно уже стала библиографической редкостью. А ведь преобладает количество записей падает на советское время, и среди них львиная доля принадлежит именно самой Н. И. Савушкиной или совершенным под ее руководством записям участников научных экспедиций МГУ. Так почему же это богатство лежит втуне под спудом и не становится достоянием научной общественности?

Предвижу и возможный стандартный ответ на этот вопрос — опять нет бумаги... Но разумно ли вносить книгу без «материального обеспечения» тех выводов, к которым приходит автор? Савушкина заключает свое исследование очень глубокой мыслью, своеобразной программой научной фольклористики: «... от систематизации источников, текстов и свидетельств во всей полноте выявления творческого характера фольклорной традиции, к изучению нового исторически определенного типа фольклорного творчества в XIX—XX вв. — такова перспектива создания русской народной драмы во всей его сложности и многообразии» (с. 195). С этим можно согласиться, но с одним существенным дополнением: не только систематизации, но и публикации фольклора — ну, а далее все по тексту!

Л. Н. Пушкарев

¹ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 14.

² Балашов Д. М. Драма и обрядовое действо (К проблеме драматического рода в фольклоре) // Народный театр. Л., 1974. С. 7—19.

³ Савушкина Н. И. О собирании фольклора: Учебное пособие для студентов-заочников филологических факультетов государственных университетов. М., 1974.

⁴ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976; *ее же*. Русская устная народная драма. Вып. 1. Классификация и сюжетный состав. М., 1978; Вып. 2. Вопросы поэтики. М., 1979.

⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей и ученых. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 33.

СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК О СОВЕТСКИХ ТРАДИЦИЯХ ПРАЗДНИКАХ И ОБРЯДАХ

Один из компонентов современной культуры — новые праздники и обряды. Относительно давно возникшее социальное явление находится в процессе становления, в поисках более совершенных форм. В отличие от традиционной, новую обрядность называют «гражданской» или «советской». Первое наименование связано с ее атеистическим содержанием, второе — более широкое понятие подчеркивает идейную направленность обрядов, отражающих нормы советского образа жизни.

Как всякое новое явление современная обрядность своим функционированием способствовала появлению новых определений, терминов. Их содержание нередко является еще неизвестным, многозначным, дающим возможность разных толкований. Привычные и, казалось бы, хорошо известные понятия приобрели другое значение. Появилось, например, выражение «советский обряд».

Многие новые понятия, относящиеся к современной обрядности, отсутствуют в энциклопедических словарях. В связи с этим задачу объяснения новой лексики призваны решать более современные специализированные словари. К такого рода изданиям относится и рецензируемый словарь «Советские традиции, праздники и обряды», изданный в Киеве в 1988 г. (Галюк Н. К., Курочкин А. В., Конвай В. Д. и др. Сост. Попов Б. В.).

Как отмечают авторы во введении, перед словарем ставилась задача — «отразить основные явления и процессы, связанные с функционированием и развитием социалистической празднично-обрядовой культуры» (с. 6). Читатель найдет в словаре разъяснение большого числа терминов, относящихся не только к новым реалиям, но и к тем традиционным обычаям и обрядам, которые продолжают бытовать и сейчас. Авторы правильно, думается, сделали, включив в словарь основные традиционные праздники и обряды народов СССР. Ведь значительную часть новой обрядности, намного большую, чем собственно новые обряды, не имевшие прототипа в прошлом, составляет традиционная обрядность, сохраняющая многовековой народный опыт.

Читатель может ознакомиться с такими национальными праздниками и обрядами, как восточнославянские «Масленица», «Обжинки», «Купала», удмуртский «Гырон быдтон», башкирский «Карга-туй», латышский «Лиго», узбекский «Лола-сайли», лезгинский «Цуквер сувар», бурятский «Цагалган», молдавский «Моэрцишор» и др.

Несомненно полезными окажутся для организаторов обрядов приведенные в справочнике многочисленные материалы, объясняющие термины и связанные с различными практическими актами проведения ритуалов. Такой характер несут понятия «Архитектурно-планировочные композиции обряда», «Драматургия и режиссура советских праздников и обрядов», «Музыкальная драматургия обряда и праздника», «Обрядовая символика» и др. Издание справочника, помогая удовлетворить возникшую потребность в объяснении многих специальных понятий и терминов, тем самым определенной мере служит выполнению существующего социального заказа.

Справочник в отличие от монографии или сборника статей — работа нормативного характера, предполагающая всестороннее освещение рассматриваемых вопросов. К сожалению, знакомясь с справочником, можно убедиться, что в нем отсутствуют такие ключевые понятия, как «Обряд», «Традиция», «Ритуал». Есть статья «Обряд социалистический», в которой, на наш взгляд, все аспекты этого сложного социального явления полностью не раскрыты. В частности, следовало бы больше уделить внимания проблеме места и значения традиционной обрядности в развитии современной культуры.

Соотношение традиционного и нового — это один из ключевых вопросов в понимании характера развития новой обрядности, поэтому следует на нем остановиться подробнее. В связи с этим можно отметить, что новые бытовые обряды и ритуалы, созданные без всякой связи с традиционной народной обрядностью, не получили широкого распространения. Негативное отношение к использованию народных традиций в 1940—1950 гг. было обусловлено сложившимися в послереволюционный период социально-политическими оценками всей дореволюционной культуры, как профессиональной, так и народной. Отрицание буржуазной идеологии распространилось и на традиционную народную культуру. Под влиянием идей Пролеткульта в 1920-х годах пытались создать новую обрядность, которая была бы созвучна «чистой классовой пролетарской культуре». В новых обрядах того периода видели в основном средство преодоления религиозных традиций. Этот утилитарный, односторонний подход к такому многообразному явлению, как праздничная сфера жизнедеятельности, обеднил ее. В заменивших традиционные новые обряды, созданные по сценариям, был утрачен один из главных обрядообразующих принципов — условный, символический характер переноса основных идей обряда. Место символа или знака заняли прямая речь или лозунг. Идеологиче-

Воспитательной функции обряда стали уделять главное внимание в ущерб другим его функциям — эстетической, адаптивной, нормативной. Отрыв новой обрядности на первых этапах развития от традиционной основы, утрата важных обрядообразующих принципов предопределили такие неудачи в ее развитии.

С конца 1970-х — начала 1980-х годов наметился резкий поворот к восстановлению роли народных традиций в современной обрядности. В одних случаях получила развитие регенерация старых обрядов, в других — их использование как основы для создания новых. Это положительно сказалось на жизнедеятельности современной празднично-обрядовой сферы. Однако пережитки прежнего негативного отношения к народному обрядовому опыту еще по-прежнему существуют.

К сожалению, в статьях справочника нельзя найти четкого ответа: чем вызвано неудовлетворительное состояние развития новой обрядности, в чем ее суть. В статьях «Обряд социалистических», «Этапы формирования советской обрядности» развитие нового социального явления рассматривается как поступательное движение, характеризующееся постоянным совершенствованием. Единственный недостаток новой обрядности авторы видят в том, что «живое дело обрядотворчества нередко подменялось администрированием, ненужной регламентацией, погоней за количественными изысканиями» (с. 210). В этом объяснении недостатков в развитии новых обрядов чувствуются привычные штампы, в результате чего жизненная реальность подменяется привычным и общепринятым критическим приемом — во всем виноваты организаторы, формально относящиеся к своим обязанностям. Если бы проблемы и противоречия в развитии новой обрядности состояли только в неподготовленности их организаторов, то все трудности можно было бы легко устранить.

В прошлом такие формулировки казались естественными, но сейчас, в период общественной оценки социальной действительности, требуется глубокий анализ реальных проблем общественной жизни, в том числе и характера развития новой обрядности.

В последние годы понятие «праздники и обряды» начали неоправданно расширять, включая в него различные торжественные акты, связанные с производственным или воспитательным процессом. Этот подход нашел отражение и в словаре. В нем мы встречаемся с терминами «Почин трудовой», «Вахта трудовая», «Урок мира», «Поход пионерский по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа» и др. Поиски новых форм пропаганды прогрессивных трудовых подвигов, воспитательной работы полезны и имеют право на существование. Но, строго говоря, их нельзя относить к категории обычаев, обрядов или ритуалов, так как они отличаются как формой, так и характером функционирования. То же самое можно сказать и в отношении многочисленных этнических театрализованных действий, которые исполняются по специально написанным сценариям и которые также нередко необоснованно относят к новой обрядности.

В словаре дается терминология, относящаяся к праздничным и обрядовым действиям, их символическим атрибутам. Систематизация этих разнообразных данных требовала от автора четкого определения о том, что относится к сфере обрядности. Следует отметить, что такое издание предпринимать впервые и это предопределило некоторые трудности в отборе терминов, их объеме и форме подачи.

Наряду с необходимыми и обязательными для справочника терминами об обрядовых атрибутах авторы включили в него и понятия, не имеющие прямого отношения к теме словаря. Вряд ли было необходимо давать объяснения таких терминов, как «Стадион», «Плакат», «Ярмарка», «Орден СССР», «Почетные звания СССР», «Олимпийские игры», и др. В то же время следовало бы шире использовать традиционную обрядность народов СССР и связанные с ней реалии. В словаре отсутствуют, например, ряд терминов, относящихся к восточнославянским обрядам (например, «Троица», «Кумовство», «Русальная неделя»), а также к некоторым известным праздникам и обрядам народов СССР. Этот раздел следовало бы расширить. Конечно, словарь советских традиций не должен превращаться в этнографический справочник. Принцип отбора терминов должен исходить из значимости тех или иных традиционных обрядов и их роли в настоящее время. Например, такие праздники, как «Троица», «Русалии», и сейчас бытуют на Украине и в Молдавии. Они же представляют собой незаменимый источник для создания новых ритуалов.

Сейчас, когда потребность в новых справочных изданиях велика, выход словаря-справочника — вполне заметное. Он уже живет своей жизнью, к нему часто обращаются как научные сотрудники, так и организаторы новых обрядов. При всех издержках — это нужная книга, и хотелось бы видеть авторам подготовителем новое издание, с учетом потребности читателя в словаре, который бы давал полную информацию о таком сложном явлении, как современные праздники и обряды.

В. С. Зеленчук

1990 г.

Кавказский этнографический сборник. VII. Тбилиси. 1988. 176 с., илл.

Рецензируемый труд продолжает издающуюся в Тбилиси серию «Кавказских этнографических сборников» (КЭС), на страницах которых публикуются материалы, характеризующие различные стороны культуры и быта народов региона. Основателем серии является видный советский ученый, член-корреспондент АН Грузинской ССР А. И. Робакидзе. 25-ю со дня его рождения посвящен VII выпуск КЭС.

Жизнь и деятельность Алексея Ивановича Робакидзе на протяжении вот уже более полувека тесно связаны с развитием грузинской этнографической мысли. Обладавая разносторонними научными интересами, не убывающей с годами энергией и работоспособностью, он охватил

своими знаниями многие сферы материальной и духовной культуры, социального строя народов Кавказа, интенсивно работает в области этнографии, занимается общими проблемами этнографической науки. Велики его заслуги в деле организации этнографической работы в республике. Данью благодарности юбиляру является открывающий сборник очерк научной и научно-организационной деятельности А. И. Робакидзе, написанный М. В. Кантария с большим тактом и чувством глубокого уважения к старшему коллеге и руководителю.

М. В. Кантария считает, что «наиважнейшая заслуга» А. И. Робакидзе заключается в том, что он заложил основы кавказоведческой этнографии в Грузии. В настоящее время эта работа ведется в двух направлениях: с одной стороны, грузинские этнографы интенсивно изучают культуру и быт сопредельных народов Кавказа (преимущественно Северного), с другой — проводят исследования, — правда, менее последовательно и целенаправленно — негрузинского населения Грузии. Значительным направлением современной грузинской этнографии являются также исследования в области абхазоведения.

Общее представление о развитии кавказоведческих исследований в Грузии дает помещенный в рецензируемом сборнике библиографический указатель шести предшествующих томов КЗ. Седьмой его выпуск органически продолжает апробированную тематику.

Ряд помещенных в нем статей посвящен этнографии панакийских кистов. Кисты (кистинь) являются потомками чеченских переселенцев на территорию Грузии в Панкисское ущелье в р. Алазани. Истории хозяйственного освоения ими нынешних мест обитания посвящена статья М. В. Кантария, в которой дается разносторонняя характеристика традиционного земледельческого быта кистов, применявшихся рациональных приемов природопользования, сложившейся в Панкисской практике земельных отношений на основе обычного права. Оказавшись в Панкиси, чеченские переселенцы вступили в этнокультурное взаимодействие с местным грузинским населением, заимствуя, в частности, его хозяйственные навыки, традиции виноградарства например. Жаль, что М. В. Кантария упоминает об этом лишь вскользь, не останавливаясь подробно на важнейшем этапе хозяйственного освоения кистами новой экологической ниши.

Стать «Этнорегиональные аспекты системы терминов родства кистов Панкиси» Н. В. Джавахадзе продолжает свои исследования систем родства народов Кавказа. Научное значение собранного Н. В. Джавахадзе материала несомненно. Она скрупулезно зафиксировала кистинские термины отношений кровного родства и свойства, зашифровала их по кодовой системе Ю. И. Лавина, предприняла предварительную попытку историко-типологического анализа. Однако заключающие статью выводы вызывают некоторые вопросы. Так, Н. В. Джавахадзе констатирует, что система терминов родства кистов «основана на определенной форме социальной организации и стадийно выражает трансформацию общественно-экономических отношений» (с. 53). Это скажем прямо, весьма туманной фразой автор и ограничился. Но какая все-таки «форма социальной организации»? Что же она «стадийно выражает»? Автор почему-то не отвечает на эти вопросы.

Описание свадебной обрядности кистов дано в статье Л. Ш. Меликишвили. Статья по объему небольшая, но, несмотря на это, автору удалось проследить основные этапы данного обрядового комплекса. Наиболее подробно Л. Ш. Меликишвили осветила предсвадебный цикл, предложив, в частности, классификацию форм заключения брака, очень интересную, но далеко не безупречную. «Обручение в колыбели» автор считает самостоятельной формой заключения брака. Но на нем взгляды, это разновидность брака, которую Л. Ш. Меликишвили обозначила — «обручение дедами». В первой его разновидности — согласие девушки, но несогласие родителей — это по существу умыкание уводом (по терминологии Я. С. Смирновой), во второй — согласие родителей, несогласие девушки — все тот же брак поговору. Статья сильно проигрывает от того, что нет точной хронологической привязки описываемого материала. В ряде случаев остается неясным, является тот или иной обрядовый элемент свадебного цикла кистов реконструкцией автора на основе опроса информаторов либо это реалии современного быта, зафиксированные непосредственно методом полевого наблюдения.

В статье «Один из видов площадей народного схода Горного Кавказа» ее автор Г. Д. Чиковая обратила внимание на своеобразие внешнего вида некоторых *ныхасов* — мест общинных сходок зафиксированных в ряде осетинских селений кавказского высокогорья. Г. Д. Чиковая высказывает предположение, что эти площади являются наследием двалов — предшественников осетин на нынешней территории Центрального Горного Кавказа. Этническая принадлежность двалов сих пор вызывает споры — в исторической литературе высказаны гипотезы об их осетинском, вайнахском, грузинском происхождении. Не склоняясь ни к одной из точек зрения, Г. Д. Чиковая на основе имеющихся источников попыталась воссоздать основные черты двальского общественного быта.

Абхазоведческая тематика представлена в сборнике статей С. И. Бахиа-Окруашвили «Основные черты семейного быта абхазов до революции», где рассмотрены формы семейной организации, некоторые моменты этикетно-поведенческих норм и распределения статусно-ролевых функций имущественно-наследственных прав в традиционной абхазской семье. Последний аспект и представляется наиболее ценным как по новизне собранного автором материала, так и по глубине интерпретации. Но выводы, полученные в результате разработки других вопросов, не столь убедительны. Так, трудно согласиться с определением традиционной абхазской семьи как «деспотической», даже с теми оговорками, которые приводит автор. При этом наличие «отдельных черт деспотизма» связывается с влиянием ислама. Это сильное преувеличение. Известно, что значительная часть абхазов исповедовала христианство, что уже не позволяет распространять мусульманский фактор на весь этнос. Но главное в том, что даже у исламизированных абхазов, воспринявших ислам, новую религию поверхностно и неглубоко, предписания шариата так и не превратились

реально действующий соционормативный комплекс. Социальная регуляция, в том числе в сфере семейного быта, осуществлялась на основе обычных, адатных установлений. Хочется сказать о другом. Совершенно непонятно, почему С. И. Бахиа-Окруашвили считает тенденциозным устное в 1880-х годах масштабное исследование закавказского крестьянства, результаты порого обобщены в многотомном издании «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» (Тифлис, 1885—1887, т. I—VII. «Материалы...» держат богатейший статистико-экономический и этнографический материал; в них можно найти любые сведения по каждому уезду, селу, которые были подвергнуты обследованию. Это издание же давно и прочно вошло в круг самых авторитетных источников по этнографии Закавказья¹. Возможно, что какие-то содержащиеся в нем положения сейчас можно корректировать, но обвинения в намеренной тенденциозности наши предшественники явно не заслужили.

В Грузии успешно развиваются курдоведческие исследования, представленные, в частности, работами Л. Б. Пашаевой. В рецензируемом сборнике она выступает со статьей «Религиозно-кастовые запреты у курдов Грузии в прошлом». Выходя за рамки заявленной темы, автор затрагивает не столько о езидах Грузии, сколько о курдах вообще. В статье даны сжатый очерк политической истории и характеристика ряда сторон бытовой культуры. Вряд ли стоит за это прекать. При скудости соответствующей литературы материалы Л. Б. Пашаевой представляют малый интерес. Касаясь брачных запретов езидов, тесно связанных с их религиозно-кастовым мнением, Л. Б. Пашаева тщательно анализирует генезис, состав, статус различных каст, взаимные отношения их членов между собой и с представителями других каст. Кастово-теократическое мнение езидов стало, по мнению Л. Б. Пашаевой, важным фактором их этнического обособления и остальной части курдского этноса.

Перу Л. Б. Пашаевой принадлежит и другая статья — «Письменные источники о семейном быте греков». Анализируя акты разделов имущества, датируемые концом XIX — началом XX в., автор дает характеристику некоторых аспектов традиционного семейного быта греческого населения нынешнего Цалкского района Грузинской ССР.

Сборник завершает статья В. И. Шубитидзе «Газета „Дрозба“ об этнографии негрузинского селения Грузии». К сожалению, статья по краткости своей несущая скорее характер библиографической заметки, не смогла дать полного представления о ценнейших этнографических публикациях, которым посвящала свои страницы «Дрозба» — трибуна демократического крыла национально-освободительного движения Грузии 1860—1880-х годов. Однако статья В. И. Шубитидзе имеет важное значение в идейно-смысловом контексте рецензируемого сборника. Она ярко свидетельствует, что возникшее четверть века назад кавказоведческое направление современной грузинской этнографии создавалось не на пустом месте, а имеет благородные гуманистические традиции в истории грузинской общественной мысли. Для лучших ее представителей всегда был характерен живой и сострадательный интерес к судьбам и чаяниям негрузинского населения Грузии.

Кавказоведческие исследования грузинскими этнографами будут продолжены. В редакторском издании М. В. Кантария сообщает, что в ближайшее время выйдет очередной выпуск КЭС, посвященный абхазам и осетинам, проживающим в Грузии русским, армянам, курдам. Эта заявка вызывает удовлетворение. Вероятно, можно надеяться, что и в дальнейшем изучение негрузинского селения республики станет одним из приоритетных направлений грузинской этнографии. При этом крайне желательно обращение не только к традиционной культуре, но и к изучению современных культурных процессов, выявлению реальных потребностей национального развития некоторых групп населения. Нет необходимости говорить, как это важно, особенно сегодня, в условиях обострения межнациональных конфликтов в разных регионах страны, в частности Грузии.

К сожалению, Грузия также не стала образцом национального мира. Апрельская трагедия Габияси, напряженность в районах компактного расселения азербайджанцев, вспышка конфликтов в Абхазии — эти и другие печальные вехи ушедшего года со всей очевидностью показали, что накопившиеся проблемы в сфере межнациональных отношений достигли критической отметки. Они стали тормозом в социально-политическом развитии республики.

Минувшие события всколыхнули все грузинское общество. Межнациональные отношения, спектры национального развития Грузии, национальные меньшинства на территории республики и возможные пути их интеграции в общегрузинскую жизнь — вот главные вопросы, на которые в ответах современная грузинская общественная мысль. Те же проблемы горячо обсуждаются в публичных выступлениях, в многочисленных публикациях на страницах газет и журналов. Есть подходы к новым решениям всегда трудно, особенно в сложных коллизиях столкновений национальных интересов. Ясно только одно — для этого нужен новый уровень мышления, основанный на подлинно демократических принципах, признающих за другими народами такие же права, которые декларируются для своего. Демократическое мышление допускает, что у каждого народа могут возникнуть проблемы национального развития и каждый народ имеет право заявить о них. При разрешении межэтнических конфликтов демократическое мышление выступает юристом диалога и разумного компромисса, отвергая как недостойный и бесперспективный путь тотальных обвинений и оголтуемого отрицания.

Этнографы не должны оставаться в стороне от поисков путей гармонизации межнациональных отношений в республике. Более того, мне кажется, что именно этнографы, вооруженные профессиональными знаниями о культуре народов, об их прошлом и настоящем, глубоко осознавшие проблемы их социального и культурного развития, могут стать той демократической силой, которая обозначит в спектре современного общественного мнения новый взгляд на будущее

сообщество народов в пределах многонациональной Грузии. В нынешней ситуации беское, науко-
аргументированное слово этнографов нужно и для развенчивания опасных антинациональ-
мифов, получающих, к сожалению, распространение в массовом сознании грузинского населения
таких, например, как миф о происхождении абхазов, являющихся якобы поздними пришельца-
на исконно грузинские земли, об отсутствии генетической связи между современными абхаза-
и древними автохтонами края.

Конечно, нужно немало личного мужества, чтобы противопоставить свою принципиаль-
позицию мнению большинства. Однако гуманистические традиции этнографической науки на-
дывают на ее служителей высокий нравственный императив, по которому любое профессио-
нальное действие этнографа, любое его печатное или публичное слово должны идти во благо наро-
да в трагические дни межнациональных распрей они должны быть нацелены прежде всего на
умиротворение страстей, на прокладывание дороги ко взаимному пониманию. Только этнографы
этнографы смогут выполнить свой профессиональный и гражданский долг.

Ю. Д. Анчабадзе

Примечания

¹ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке
КЭС. М., Л., 1962. III. С. 177—180; Волкова Н. Г. Материалы экономических обследований Кавказа
1880-х годов как этнографический источник // КЭС. М., 1984. VIII.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

© 1990 г.

И. Г. Косиков. Этнические процессы в Кампучии *. М., 1988, 230 с., илл.

Рецензируемая книга — исследование этнической ситуации в Кампучии, сложившейся по
освобождения от колониальной зависимости — с 1953 г. до середины 1980-х годов — явил-
итогом многолетних занятий автора проблемами этнического и культурного развития наро-
этой страны, уже нашедших частичное отражение в изданиях Института этнографии АН СССР
и в книге «Кампучия» (М., 1982).

Этнографическое изучение Камбоджи в советской науке, начавшееся с публикации в 1953
статьи С. А. Арутюнова и С. И. Брука «Население Камбоджи» («Советская этнография», № 1)
и издания в 1959 г. карты этнического состава населения Индокитая (составитель — С. И. Брук)
а также с выходом в свет тома «Народы Юго-Восточной Азии» было продолжено рядом работ
Я. В. Чеснова, Б. С. Пошерстника. Данные о демографической ситуации в стране содержатся
в появившихся сравнительно недавно справочниках «Население мира» (автор — С. И. Брук,
1986), в работе А. Р. Вяткина «ЮВА: демографический анализ» (М., 1984) и др. Однако этно-
этнодемографическом изучении Камбоджи до недавнего времени оставалось все же много
проблем.

Новый, обширный фактический материал, введенный в научный обиход И. Г. Косиковым
и его глубокий, многоаспектный анализ обеспечивают этой книге уникальное положение среди трудов
советских ученых, посвященных исследованию современной Камбоджи. Успеху проведения
исследования в значительной степени способствовало то обстоятельство, что автору довелось
в течение нескольких лет (1966—1968, 1970—1973 гг.) работать в Камбодже и собственными
глазами наблюдать напряженное состояние межнациональных отношений.

Благодаря владению кхмерским языком он имел доступ к многочисленным местным публика-
циям по данному вопросу и пристально следил за деятельностью средств массовой информа-
ции не только отражавших этническую ситуацию, но и в большой степени способствовавших
формированию. Привлечение практически всей относящейся к проблематике научной литературы
отечественной и зарубежной — дало И. Г. Косикову возможность с завидной полнотой и точно-
проанализировать этнические процессы в Камбодже. Чтобы показать условия, в которых протека-
этнические процессы, автор разворачивает перед читателем панораму событий политической,
социально-экономической и культурной жизни народов Камбоджи за 30-летний период по-
обретения независимости.

* С 30 апреля 1989 г. государство называется Камбоджа.

Первая глава должна содержать характеристики природных демографических и социально-экономических факторов, влияющих на этнические процессы, вторая — описание этнического состава населения и межэтнических отношений — картина эта дается здесь как бы в статике. Анализ динамики этнических процессов ожидает читателя в следующих четырех главах (и заключении), изложенных с четырьмя временными отрезками, на которые автор членит исследуемый период независимого развития страны: 1953—1970 гг. — относительно «мирный» период, 1970—1975 гг. — период обострения этнических противоречий в годы правления Лон Нола, 1975—1978 гг. — период воцарения при Пол Поте и, наконец, с начала 1979 и до середины 1980-х годов — постепенный выход из состояния демографического кризиса и межнациональных коллизий.

Задачу исследования этнодемографической структуры населения и влияния государственной политики на ход этнических процессов в Камбодже автор решает с большой основательностью. История подавления государственной машиной духа этнического «вольнолюбия» описана ярко, информация для размышления читателю выдается щедрой рукой. С большой силой рисует автор картину этнодемографической катастрофы, пережитой народами Камбоджи, когда было загублено огромное число человеческих жизней, на долгие годы была искажена естественная структура населения, затормозился его рост, массы людей насильственно переселялись из одних районов в другие, сменяли один другой процессы «гиперурбанизации» и «дезурбанизации», проводился процесс по отношению практически ко всем этническим компонентам населения.

Специфика демографической статистики в случае Камбоджи состоит в отсутствии точных данных (последняя перепись в стране была проведена в 1962 г.) и в необходимости пользоваться приблизительными цифрами, часто сильно различающимися: так, число жертв насилия при Лон Ноле оценивается в 0,5—1,0 млн. человек, при Пол Поте — по минимальным оценкам, от 0,5 до 1,5 млн. человек, а по максимальным — от 2,7 до 3 и более млн. Автор обосновывает в книге свою точку зрения. Он, в частности, считает максимальной цифру загубленных камбоджийцев завышенной, так как занижается до 4 млн. чел. общая численность населения, пережившего полпотовские времена, а ее следовало бы увеличить до 6 млн. чел. с учетом беженцев, покинувших страну.

Сложенная И. Г. Косиковым из отдельных, скрупулезно собранных фрагментов внутренних и внешних миграций картина «великого переселения народов» поистине впечатляющая: к середине 1970-х годов в процесс внутренних миграций был втянут каждый третий камбоджеец (это было преимущественно вынужденное движение из сельской местности в города, а при Пол Поте насильственным переселением — депортации — подверглись $\frac{2}{3}$ жителей). Смысл этих мероприятий, при которых камбоджийцев из южных и юго-восточных районов переносили в безлюдные северозападные районы, не сводился к исправлению исторически сложившегося неравномерного размещения, в частности контраста между югом и центром, с одной стороны, и северо-востоком — с другой. Известно, например, что юг и центр, наименее благоприятные для земледелия, оказались более заселенными, в том числе благодаря удаленности от границ с воинственными соседями. При Пол Поте переселение осуществлялось во имя создания «монолитного» общества, путем разрушения традиционных семейных и межличностных связей. Достижение (по оценке 1987 г.) численности населения в 8 млн. человек — результат восстановления мирной жизни после краха режима Пол Пота. Однако пребывание сотен тысяч камбоджийцев в эмиграции и в настоящее время в том числе 275 тыс. чел. в лагерях для беженцев в Таиланде) свидетельствует о том, что полная стабилизация демографической ситуации еще не достигнута.

В книге помещены несколько авторских таблиц, характеризующих динамику численности и изменение структуры населения по годам. Окончательные итоги изучения этнического состава населения Камбоджи, выверенные по всем доступным источникам, включая полевые материалы автора и данные опросов информаторов-кампучийцев, сведены в таблицу № 12 (с. 90). Обращение к этой таблице поможет устранить отдельные ошибки, допущенные некоторыми авторами (Ю. П. Дельтевым, Г. А. Шпажниковым, А. Р. Вяткиным) при освещении этнического состава населения Камбоджи, таких, например, как упоминание монов, ххаси и ма, фактически не живущих на территории этой страны. Несколько авторских карт в книге дают наглядное представление о этнографической плотности населения, а также расселении по стране различных этносов.

В работе И. Г. Косикова впервые в советской этнографической литературе содержится рассказ о судьбах китайской, вьетской и тямской общин в Камбодже во второй половине XX в. Территория Камбоджи, как известно, издавна была местом, куда благодаря практической неконтролируемости границ, как из переполненных чаш, переливалась часть населения соседних стран — Лаоса, Китая, Лаоса и др.: Исследуя характер межэтнических отношений в стране, автор отслеживает связь между их обострением и провокационной политикой натравливания народов на друга, проводившейся колонизаторами. Однако на наш взгляд, несколько большего внимания заслуживала бы оценка существования культурной автономии, предоставлявшейся народам в кхмерском обществе народам иной, нежели кхмерская, языковой и религиозной принадлежности (возможность иметь свои школы, храмы и мечети). Ведь это обстоятельство резко контрастирует с политикой дискриминации этих же народов в бурные 60—70-е годы, когда правящие круги проводили поповолновую кхмеризацию нехкмеров.

Политика надругательства над человеческими правами и национальным достоинством кхмерской части населения, сопровождавшаяся неслыханным притеснением и самих кхмеров, воцарившаяся в атмосфере националистического угара, зародившегося еще при Сиануке и достигшая апогея при Пол Поте. Игнорируя пестроту реального этнического состава населения страны, институты, принятые при этих лидерах, выделяли одних только кхмеров. Лон Нол, например, был о расовой исключительности кхмерского этноса и о «священной исторической миссии кхмеров» — объединить всех мон-кхмеров ЮВА (почему-то в их число были включены и тямцы).

вокруг кхмеров — единственного из этих народов, имеющего свое государство. Для осуществления этих планов был создан специальный институт, названный сначала мон-кхмерским, а затем переименованный в кхмер-монский для акцентирования ведущей роли кхмеров. Как резерв для пополнения «кхмер-монов» рассматривались все народы Камбоджи, а для облегчения их этнической перестройки» государственным языком был объявлен кхмерский, религией — буддизм (позже, при Пол Поте, религия и вовсе была отменена).

Численность вьетов, начиная с XVII в. спасавшихся от всякого рода нападений на родине, будь то религиозные преследования (речь идет о вьетах-католиках), безземелье, нищета, военные действия — и искавших счастья в соседней Камбодже; была в разные времена величина переменной. Колебания ее на протяжении 30 с лишним лет (этот отрезок времени исследован в книге) поистине впечатляющи: от полумиллиона в середине 60-х годов до 56 тыс. человек в 80-е гг. В разные годы чередовались потоки вьетнамцев-беженцев из Южного Вьетнама в Камбоджу и в обратном направлении — в зависимости от менявшегося характера контактов между двумя государствами и от политики сайгонского режима в отношении к кхмерскому меньшинству, проживающему на юге Вьетнама. Вьетская община в Камбодже образовывалась из приезжающих семей, которые в дальнейшем поддерживали регулярную связь с соотечественниками и питали надежду на возвращение на родину. Вьеты сохраняли свой язык, обычаи, не меняли навыков материальной культуры, редко вступали в смешанные браки. С конца 60-х годов и до падения режима Пол Пота вьеты пережили в Камбодже тяжелые времена: для них был закрыт доступ ко многим профессиям, их истребляли, сгоняли в спецлагеря, надругались над их кладбищем в Пномпене. Ненависть, насаждавшаяся при Пол Поте к вьетам, распространялась также и на кхмеров, переселившихся из Южного Вьетнама, которых истребляли под предлогом, что у них «тело кхмерское, а душа вьетов». Уничтожали детей от смешанных браков (кхмеро-вьетских), расстреливали семьи кхмеров, имевших вьетскую родню. В таких условиях вьеты вынуждены были покидать пределы Камбоджи. После падения Пол Пота десятки тысяч вьетов вернулись в эту страну.

Китайцы, которых в Камбодже в 1950 г. было 130 тыс. чел. в середине 60-х годов — 450 тыс. человека, а ныне — от 100 до 320 тыс. человек (по разным оценкам), представляют собой лишь небольшой фрагмент китайской диаспоры, распространившейся по всем частям света, но особенно многочисленной в других странах ЮВА (например в Таиланде их более 5 млн. чел.). Большая часть китайцев в Камбодже (60%) живет в городах, главным образом в Пномпене. Родная деятельность — торговля, промышленность, банковские операции, обработка, транспортировка и сбыт риса, выращивание овощей. Реплика автора (с. 83 — со ссылкой на канадского ученого В. Вилмота) о том, что «трудящиеся элементы составляют только 15% кампучийских хуацзю, едва ли справедлива по существу, так как 85% китайцев, проживающих в этой стране, оказываются отлученными от труда, представляют эксплуататорами, лишь паразитирующими на теле кхмерского общества и противопоставленными ему. Отношение к китайцам со стороны кхмерской этнической среды, вероятно, всегда было противоречиво. Это связано и с реальным экономическим соперничеством, которого, как правило, не выдерживали кхмерские буржуа ввиду большей умудренности китайцев в ряде отраслей экономики, во-первых, а также с извечной неприязнью со стороны кхмерских крестьян к китайским торговцам в деревне, во-вторых. Эти и некоторые другие факторы способны были создать отчужденность в межэтнических отношениях даже в период относительного политического «затишья». Немалую роль сыграло и то, что китайцы в принципе не склонны отказываться от своего «этнического лица» и активно сопротивляются всегда и во всех попыткам их ассимиляции. Они сопротивлялись политике ассимиляции, проводившейся администрацией Камбоджи. Вместе с тем на протяжении своего длительного «вкрапления» в среду кхмеров они охотно вступали в браки с местными женщинами, и китайская кровь течет, по неофициальным данным, в жилах примерно четверти кхмеров.

Выделение в составе населения Камбоджи специальной группы, именуемой И. Г. Косиковым «сино-кхмерами» или «сино-кампучийцами», — потомков от этих смешанных браков — несколько неожиданно, так как китайцев по-русски не называют «синами». Оно может свидетельствовать, на наш взгляд, о непризнании их полноправными кхмерами, или, в зависимости от желания, китайцами. Именно такая ситуация явственно обнаружила себя в периоды разгула шовинизма. Кстати, несколько неясным остается все-таки момент этнической дефиниции автором лиц смешанного кхмеро-китайского происхождения. Так, на с. 102 он приводит точку зрения западных исследователей о таком своеобразном «тесте»: если после смерти метиса хоронят, значит, он был китайцем, а того, кого сжигают, можно признать кхмером. Нам представляется, что если уж отваживаться судить по одному какому-то признаку об этнической принадлежности человека, то только по его самосознанию. Попытки со стороны проникнуть в этот тонкий вопрос могут быть тщетными; в частности по причине той социальной мимикрии, к которой вынуждены прибегать представители дискриминируемого этноса и примером которой (взятым из рецензируемой книги, с. 142) является приглашение китайцами во избежание осложнений при устройстве траурной процессии кхмерских буддийских монахов.

Автор книги убедительно показывает, что на долю китайцев, как и вьетов, выпал тот же ряд притеснений, выразившихся в принятии направленных против них законов, ограничивавших профессиональную деятельность, в манипулировании гражданством как средством противопоставления натурализовавшихся китайцев, фактически получивших гражданские права ценой утраты этничности тем, кто этих прав лишился, поскольку стремился сохранить свой этнический статус.

Как следует из всего сказанного выше, из рецензируемой книги читатель получает ценную, как правило, из первых рук, информацию о 30-летнем периоде этнической истории народов Камбоджи, значительная часть которого протекала в экстремальных условиях, когда имели место

резкие этнодемографические перемены, бурные преобразования во всех сферах традиционной культуры, приводившие к изменению этнического облика народов, межнациональные отношения были напряженными, а процессы интеграции и ассимиляции шли под сильным прессом государственной власти. Однако поскольку к конечному результату — переходу в новое этническое состояние — можно судить по этническому самосознанию, а нам трудно характеризовать его, так как, во-первых, нет достаточного количества данных, а, во-вторых, те, что имеются, могут исказить истинную картину ввиду той же этнической мимикрии. Как отмечал французский исследователь Ж. Пуваччи, «степень ассимиляции иностранцев с основным (кхмерским) населением зависела... и от того, удавалось ли им избежать дискриминации... в профессиональной сфере».

Погружаясь вместе с автором книги в размышления о перипетиях судеб народов Камбоджи, задавшись вопросом, правомерно ли исследование этнических процессов в период социальных и этнических катаклизмов. Мне представляется, что в такие периоды накапливается определенная сумма факторов, способных влиять на ход этнических процессов в дальнейшем, когда рассеивается националистический угар, положение народов нормализуется, и страх перед репрессиями со стороны государственной машины перестает довлеть над человеческим сознанием и над этническим самосознанием как его частью. Возникновение новых направлений в течении этнических процессов или развитие их в прежнем русле, но с неизменной интенсивностью будет следствием пережитого в годы стрессовой этнической ситуации (если это можно отделить от результата политики в новых условиях).

Сделанные замечания отнюдь не означают умаления заслуг автора, они скорее объясняются жанром книги — не привычного для нас кабинетного исследования, а исследования-репортажа, анализирующего наблюдаемый объект (межэтнические отношения и этнические процессы) с очень близкого расстояния и фиксирующего их в состоянии, еще не упорядоченном аналитической мыслью исследователя. Книга И. Г. Косикова, сочетающая в себе достоинства глубокого анализа этнодемографических процессов в Камбоджи с интонацией страстной публицистичности, заслуживает самой высокой оценки и является значительным вкладом в корпус исследований советских ученых по этнографии Юго-Восточной Азии.

Е. В. Иванова

© 1990 г.

V. M. C. Groenendaal van. *Wayang Theatre in Indonesia. An Annotated Bibliography.* Dordrecht (Holland), 1987. 221 p.

Индонезийский театр (*ваянг*) более двух столетий привлекает внимание исследователей. Пожалуй, нет другого восточного театра, который мог бы с ним сравниться количеством посвященных ему работ. Неиссякаемый интерес к *ваянгу* обусловлен не столько его высокими художественными достоинствами, сколько его важной ролью в традиционном обществе Явы и Бали, его тесной до сих пор живой связью с религией. Главный вклад в изучение *ваянга* внесли голландские ученые; они положили начало систематическому описанию яванских театральных представлений, постоянно продолжают заниматься его исследованиями и поныне. В XX в. к ним присоединились местные специалисты, участие которых в исследованиях *ваянга* все возрастает. После второй мировой войны появились ряд серьезных работ, принадлежащих этнографам других стран, но на сегодняшний день основное «ядро» литературы о *ваянге* составляют труды голландских и индонезийских авторов.

Ко многим фундаментальным работам по *ваянгу* прилагались длинные списки использованной литературы. С годами, естественно, они становились все обширней, однако до самого последнего времени отдельной сводной библиографии опубликовано не было. Этот пробел в научном исследовательском аппарате ощущался, вероятно, всеми, кто, не будучи узким специалистом по *вайнгу*, так или иначе соприкасался в своей работе с индонезийским театром. Необходимость в такого рода пособии становилась все очевидней. И вот, наконец, в 1987 г., под эгидой Лейденского института языка, этнографии и народного искусства, такая книга вышла в свет. Ее автор, В. М. К. ван Грунendaal (р. в 1935 г.), изучала этнографию и яванский язык в университетах Голландии, в 1976—1978 гг. собирала полевую материал на Яве, в 1982 г. защитила диссертацию на тему о роли яванских давангов (исполнителей представлений) в явано-индонезийском обществе (диссертация опубликована на английском языке в 1985 г.). В ходе подготовки диссертации и была составлена названная библиография. В ее основе лежит литература библиотеки Лейденского института, частично дополненная изданиями, найденными автором на Яве.

В библиографию вошло 564 названия, охватывающие период с 1779 по 1983 г. включительно. Это монографии, статьи (за исключением газетных), каталоги, доклады. Аннотации переведены на английский язык. В вводной части ван Грунendaal перечисляет разновидности *ваянга*, сопоставляя их краткими определениями, дает краткий обзор литературы, в которой она выделяет три этапа: 1) до 1900 г.; 2) 1900—1945 гг.; 3) 1945—1983 гг. Заключают библиографию ценные справочные материалы: словарь терминов, указатели фамилий исследователей, персонажей театра, пьес и сюжетов *ваянга*.

Библиография ван Грунendaal, бесспорно, послужит полезным пособием для всех, кто приобщен к изучению индонезийского театра, пособием, позволяющим ориентироваться, не тратя много времени, в огромной литературе по *вайнгу*.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Единственно, о чем приходится сожалеть, это об ограничениях темы и базы библиографического описания. Тематически библиография ограничена театром Явы и Бали, а главным ее источником, как уже упоминалось, послужила литература библиотеки Лейденского института языка, этнографии и народного искусства. В результате, в нее не вошли работы, не попавшие в библиотеку Лейденского института, например отсутствуют некоторые каталоги, содержащие разделы по ваянгу², ряд работ неголландских авторов, в частности советских (Л. Мерварт, В. Трутовского, С. Кузнецова, И. Соломоник и др.³). Сам автор библиографии признает, что сунданский и балийский театры освещены в ней слабее центральнояванского, отмечает, что в описание не включены работы на балийском и древнеяванском языках. К досадным опечаткам относится ошибка в фамилии автора каталога Берлинского музея народного искусства (№ 171): вместо Хёпфнер напечатано Хёпнер. Жаль, что не всегда указаны издания переводов на другие, как правило, более доступные для неспециалистов по ваянгу языки. Желателен был бы также указатель литературы по видам театра.

Но ни одна библиография не может быть в силу объективных и субъективных причин исчерпывающей и совершенно безупречной — по крайней мере до сих пор такого не случалось. И все эти мелкие замечания не умаляют большой ценности и полезности серьезной обобщающей работы ван Грунendaля. Несомненно, библиография послужит необходимым пособием для многих, связанных своей профессией с яванским и балийским театром, она облегчит поиски нужного источника, а кроме того, даст представление о литературе, посвященной ваянгу, хранящейся в библиотеке Лейденского института языка, этнографии и народного искусства.

И. Н. Соломоник

Примечания

¹ Groenendaal V. M. C. van. The Dalang Behind the Wayang: The Role of the Surakarta and the Yogyakarta Dalang in Indonesian-Javanese Society. Dordrecht: 1985. XI + 242 p. Photographs, Maps, Appendices, Bibliography, Index (KITLV, Verhandelungen 114.).

² Asian Puppets Wall of the World (Catalogue of an Exhibition Presented by the UCLA Museum of Cultural History). Los Angeles, 1976; Figur und Spiel im Puppentheater der Welt (Bildband, Leitung / Deszö Szilágyi). B., 1977. Java und Bali (Katalog. Katalog Gesamtedaktion: Margit Thomsen). Mainz am Rhein, 1980; etc.

³ Работы на русском языке, посвященные ваянгу, перечислены в библиографии, приложенной к монографии И. Н. Соломоник «Традиционный театр кукол Востока». М., 1983.

© 1990 г.

Kho Song moo. Koreans in Soviet Central Asia. Helsinki. 1987. 262 p.

Рецензируемая монография «Корейцы советской Центральной Азии» профессора Хельсинкского университета, доктора Ко Сонму посвящена исследованию широкого комплекса вопросов истории культуры и языка советских корейцев. Ценность рецензируемой работы прежде всего в добросовестном анализе историкокультурного развития конкретной исторической общности нашего многонационального государства — советских корейцев, проживающих в настоящий момент в своей основной массе в республиках Средней Азии, прежде всего в Узбекской ССР: в 1979 г. — 163 тыс. (42% от общей численности в СССР и Казахстане (92 тыс. — 23,6%).

В отличие от других зарубежных исследователей Ко Сонму широко использует советские источники и прежде всего материалы, опубликованные в «Ленин кичи» («Ленинское знамя») — межреспубликанской газете на корейском языке. Широко использовал ученый и научные труды таких советских ученых, как Ким Сын Хва, Р. Ш. Джарылгасинова, Ю. В. Ионова, О. М. Ким и других.

К сожалению, автор рецензируемой работы был лишен возможности иметь источником своей исследования архивные материалы, касающиеся корейцев СССР.

В структуру работы, состоящей из 6 разделов, положен проблемный принцип, и каждый раздел имеет не только известную самостоятельность, но и способствует пониманию другого.

Первый раздел книги, посвященный изучению истории переселения корейцев, представляет собой эмпирическое обобщение материалов советских корееведов в более широком предметно-хронологическом диапазоне. В нем подробно описывается история корейской иммиграции из Кореи в русский Дальний Восток, правовое и социально-экономическое положение переселенцев, участие корейцев в установлении Советской власти на Дальнем Востоке, партизанском движении и антияпонской освободительной борьбе. Раздел завершают главы, посвященные рассмотрению комплекса проблем по насильственному массовому переселению корейцев в 1937 г. из Дальневосточного региона в Среднюю Азию и Казахстан. При этом предпринята первая и в целом плодотворная попытка показать внутреннее и внешнеполитические обстоятельства, при которых Сталин дал указание о переселении «неблагонадежного народа», приводятся некоторые данные о своеобразии и направленности транспортировки, численности переселенцев, а также о людских потерях этого акта сталинского режима. Наш анализ архивных материалов Переселенческого отдела Совнарком

ЦК Компартии Казахстана и переселенческих отделов облисполкома Казахской ССР, а также материалы переписи населения 1939 г. дают данные о высокой смертности среди переселенцев-корейцев как во время транспортировки, так и в первые годы на новых местах¹.

Второй раздел начинается с таблицы географии расселения корейцев в Средней Азии и Казахстане по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. Думаем, что было бы целесообразным использование материалов переписей 1959 и 1979 гг. Это позволило бы проследить динамику миграционных процессов как внутри республик, так и по Союзу, характер пространственного размещения по областям республик и типу сельских и городских поселений, изменения в численности корейского населения среднеазиатско-казахстанского региона. В этом разделе Ко Сонму уделяет внимание некоторым аспектам этнической культуры, акцент при этом делается на описание антропических процессов, брачности, традиционного пищевого рациона советских корейцев. Недостаточно отражены в разделе вопросы, связанные с функционированием и социальной значимостью обрядов, обычаев и традиций среди корейцев. Попытка дать характеристику социальной и профессиональной структуры и общественно-политической деятельности корейского населения оптимальным образом не реализовалась из-за недостаточности информационной и статистической базы.

Материалы следующего раздела вводят в круг проблем, связанных с изучением производственной деятельности корейцев в аграрной сфере народного хозяйства. Приводятся некоторые данные об агрокультуре рисоводческих колхозов и совхозов со значительным контингентом корейских труженников. Однако из поля зрения автора выпал значительный массив отраслевой литературы, посвященный пропаганде опыта корейских хозяйств, специализировавшихся на рисоводстве, овощеводстве и культивации бахчевых и технических культур. Можно было привлечь материалы 4-томного справочника «Герои Социалистического Труда — Казахстанцы» (Алма-Ата, 1969—1970 гг.), свидетельствующие о трудовых успехах 67 передовиков сельского хозяйства — корейцев, удостоенных звания Героя Социалистического Труда.

Некоторым аспектам развития и функционирования языка посвящен четвертый раздел. Ссылаясь на исследования О. М. Ким, М. В. Хегая, Б. Жасанова, Р. Кинга, автор дает образцы фонетической и грамматической корейско-русской интерференции, а также лексических заимствований из русского, узбекского и казахского языков. Раздел завершают два кратких очерка о социальных функциях национального языка корейцев СССР на примере газеты «Ленин кичи» отделе вещания на корейском языке Казахского радио.

Театральное искусство и литература советских корейцев рассматриваются в двух последних разделах книги, значительную часть которых занимают краткие биографии со сведениями о творческой деятельности артистов, драматургов, режиссеров корейского театра, а также писателей и поэтов, пишущих на корейском языке.

Ряд неточностей, имеющихся в книге, вызван недостаточностью источниковой базы. Так, ошибка допущенная в работе А. М. Егизаряна, в которой численность корейцев в Казахстане на 1926 г. определяется в 52 тысячи² переписывалась на страницы рецензируемой книги (с. 24)³. Действительности в Казахстане по переписи населения 1926 г. зафиксировано лишь 42 корейца.

Имеются также замечания, касающиеся мелких, незначительных ошибок. Так, на с. 31 автор, ссылаясь на статью Ким О. М. в одном случае указывает на ее принадлежность к мужскому полу, в другом — к женскому. В некоторых случаях, к сожалению, не дается источник приводимого фактологического материала, например, на стр. 125, где указывается численность и классификация слоев народного образования корейского населения Дальневосточного края.

Обо всем следует отметить мысли Сонму о территориально-культурной автономии советских этносов (стр. 129), которая, по его мнению, сыграла бы определяющую роль в последующем этническом и национально-языковом развитии советских корейцев. Сложность затронутого автором вопроса, предполагает его всестороннее изучение с позиций государственных, этносоциологических и других наук.

В целом Ко Сонму удалось приблизиться к пониманию сущности происходящих социальных процессов в среде корейцев Средней Азии и Казахстана. Очевидно, что не последнюю роль в этом чувство симпатии к исследуемой автором конкретной этнической общности и глубокий научный интерес к ее истории, культуре и языку.

В книге есть приложения: шесть географических карт СССР, 80 фотографий, указатель географических наименований, обстоятельный именной указатель как «действующих лиц», так и ресурсов — авторов публикаций о советских корейцах. Кроме библиографии советской и зарубежной литературы после каждого раздела имеется справочно-библиографический аппарат, содержание не менее значительную информацию, чем основной текст.

В книге Ко Сонму наводит на размышления о сложных и спорных вопросах. Этим она заслуживает внимания. Вышеуказанные замечания не умаляют общую положительную оценку работы. Можно с уверенностью заключить, что Ко Сонму дал не только профессиональным корееведам, но и самому широкому кругу читателей интересную книгу, которую следовало бы перевести в ближайшее время на русский язык.

Г. Н. Ким

Примечания

¹ Ким Г. Трудное возрождение (Из истории первых лет переселенцев-корейцев в Казахстане. Ленин кичи (на кор. яз.), 14 апр. 1989.

² См.: Егизарян А. М. Об основных тенденциях развития союзных наций СССР. Ереван, 1965.

© 1990 г.

ОБ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПАМИРСКИХ СКАЗОК.

Недавно нам попала в руки книга «*Märchen von Dach der Welt. Überlieferungen der Pamir Volker*» («Сказки „крыши мира“. Предания памирских народов»), выпущенная в 1986 г. в издательстве «Eugen Diederichs» (Кёльн, ФРГ) в серии «*Die Märchen der Weltliteratur*» Исидором Винным. Велико же было наше удивление, когда мы увидели, что в этой книге в переводе на немецкий язык публикуются сказки из наших изданий: «Языки Восточного Гиндукуша. Мундженский язык» (Л., 1972); «Ваханский язык» (М., 1976); «Сказки народов Памира» (М., 1976) а также сказки из книг других советских иранистов. Согласия на использование этих материалов нас никто не спрашивал.

При дальнейшем ознакомлении с книгой наше удивление еще более возросло. О И. Г. Левине нам было известно, что одно время он участвовал в систематизации таджикских фольклорных записей в Душанбе, и мы ожидали, что рассматриваемый сборник даст зарубежному читателю правильное представление о памирском фольклоре. Оказалось, увы, что это не так. Помимо памирских сказок И. Г. Левин включил в сборник тексты, не имеющие отношения к фольклору на памирских языках. Неизвестно, какими критериями при отборе сказок руководствовался составитель (или его издатель), включая под обложку с титулом «Сказки „крыши мира“» также сказки и анекдоты, записанные под Самаркандом, Ленинабадом, Ура-Тюбе, и даже сказку жителя в Гиссаре индоязычной народности парья (из книги И. М. Оранского «Фольклор и язык парсарских парья». М., 1977).

Сначала мы подумали, что составитель под эффектным заглавием, возможно, хочет дать своим читателям образцы среднеазиатского фольклора, но вскоре поняли, что у И. Г. Левина абсолютно превратное представление не только о Средней Азии в целом, но и о географическом положении Памира. Часть тиража книги снабжена обширным (с. 241—325) послесловием И. Г. Левина, перечислить все ляпсусы которого просто невозможно — их слишком много*. С первой страницы этого послесловия мы узнаем, что Памир на севере граничит с Алтаем (может быть, имеется в виду Алай?), к северу от Язгуляма в Пяндж впадает Вахш (видимо, Вандж), оз. Исхандеркуль находится на Памире (с. 245), а на с. 301 вообще выясняется, что сарыкопский язык (от которого, оказывается, ведет свое происхождение ваханский!) распространен аж на берегах Желтого моря. Вместо того, чтобы объяснить читателям, что представляет собой область распространения памирских языков (не совпадающая, как известно, с географическими границами Памира) в культурно-историческом аспекте, И. Г. Левин дает чрезвычайно путаное, весьма далекое от истины описание климата, животного и растительного мира Средней Азии, никак не разграничивая сведения, относящиеся к Азии в целом и к собственно Памиру (не углубляясь, конечно, в такие «детали», как Памир Западный и Восточный). Автор дает информацию трехного рода: заведомо не верную ни для одного региона Средней Азии; может быть, и верную, но не имеющую отношения к Памиру; и, наконец, относящуюся к Памиру, но тоже неточную и ошибочную. И. Г. Левин утверждает, что в долинах рек тропа идет всегда только по одной стороне, а с другого берега — отвесные скалы (с. 249), хотя это в действительности не так. Заявляя, что Памир, Гиндукуш и Тибет отличаются от Альп и других европейских гор своим континентальным климатом (с. 242), автор, видимо, не знает, что южный склон Гиндукуша в своей восточной части входит в зону муссонного климата. Выясняется, что яки (которые, оказывается, величиной с осла — с. 248) прекрасно себя чувствуют на высоте 10 тыс. м (!), хищные птицы имеют размах крыльев 10 м, в реках водятся карпы; из насекомых — термиты, хлопок возделывается не на волокно, а для получения масла (с. 246), на коровах и овцах иногда ездят верхом (с. 248), а свиньи и собаки считаются нечистыми, потому что питаются нечистотами (с. 247).

Если некоторые из этих и многих других ошибок и можно было бы отнести за счет опечаток или технических небрежностей и редакционных погрешностей (в частности, разночтения значительного числа собственных имен), то чем объяснить тот факт, что все названия памирских языков искажены и даются не так, как это принято на немецком языке?

Сведения по истории и этнографии, сообщаемые И. Г. Левиным, отличаются такой же путаностью (не ясно, когда речь идет о Средней Азии вообще, когда — о Памире) и свидетельствуют лишь о некомпетентности автора послесловия в отношении быта и истории народов

* В другой части тиража имеется более краткое (с. 241—246) послесловие от издательства, в котором в числе прочих нелепиц индоарийский язык парья классифицируется как восточно-иранский (с. 243).

Средней Азии. Непонятно, зачем понадобились пространные научнообразные экскурсы в зороастризм, манихейство, буддизм, прямых отражений которых в памирском фольклоре нет (впрочем, их не находит и автор). В то же время сопоставлений с мусульманской ближневосточной традицией мало, а именно ее в первую очередь и нужно было учесть при анализе среднеазиатского фольклора. Непомерно раздутая историческая часть страдает тем же пороком, что и географическая: фактическими ошибками, сумбурностью, а прямого отношения к истории памирских народов она не имеет. Неуместны и постоянные упоминания о среднеазиатских евреях, которые на Памире никогда не жили.

Ниже всякой критики и чисто фольклористический уровень этого сборника. В библиографии ошибки есть практически в каждом названии: искажены имена авторов, перевернаны годы издания и т. д. На с. 303 И. Г. Левин пишет, что сказки из архива И. И. Зарубина остаются неопубликованными, что не мешает ему заимствовать русские переводы этих сказок (№ 1, 9, 16, 20), выполненные А. Л. Грюнбергом и Д. Карамшоевым, из составленной нами книги «Сказки народов Памира» (М., 1976) вместе с их типологическим анализом (сделанным А. А. Яскеляйн). Также без каких-либо оговорок И. Г. Левин переименовывает сказки, не подозревая, вероятно, что название сказки — это ее органическая часть: сказки бытуют в народе под определенными названиями, которые могут быть непонятны или же не нравиться «рассказоведам», но в любом случае они неотъемлемы от сказки (в наших публикациях названия сказок, данные не рассказчиками, приводятся в квадратных скобках). И. Г. Левин мунджанскую сказку «Ладжмон и дочь везира» вызывает, «Die Prüfung» (№ 10), а ваханскую «Три совета» — «Das letzte Wort» (№ 24). И. Г. Левин делает вид, ссылаясь на те страницы наших книг, где приводится текст на памирском языке, что перевод на немецкий осуществлялся с оригинала, хотя совершенно очевидно, что немецкий перевод выполнен с русского, причем в него без всяких оговорок включены иногда наши комментарии и пояснения, а это приводит к явному искажению первоначального текста.

В заключение послесловия автор пишет, что в его распоряжении такое колоссальное количество (многие сотни и тысячи) образцов памирского фольклора, что выбрать 50 текстов для перевода было «очень трудной задачей даже для специалиста» (с. 324). Зачем же тогда И. Г. Левину понадобилось заимствовать материалы других исследователей, в том числе и не имеющие к Памиру никакого отношения?

Разбирать всерьез эту совершенно непрофессиональную работу и давать на нее подробную рецензию на страницах научного журнала, нам кажется, излишне. Хочется предупредить тех читателей-неспециалистов, которым попадет в руки эта книга, что ни одному слову, вышедшему из-под пера ее составителя и автора послесловия, доверять нельзя. Изданный им сборник наносит урон не только советским исследователям памирского и среднеазиатского фольклора, материалы которых были использованы столь беззастенчиво, но и отечественной фольклористике и иранистике, говоря уже о том, что сборник этот не может дать немецкому читателю верного представления о «крыше мира», ни о рассказывавшихся там сказках, так же, как, впрочем, и о Средней Азии и ее фольклоре.

А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский

SUMMARIES

Interethnic Conflicts in the USSR (Some Approaches to Analysis and Practical Solution)

The paper suggests a typology of interethnic conflicts in the USSR involving conflicts between a) mental stereotypes, b) ideological doctrines, c) political institutions. Two possible directions of conflict development are delineated: that of escalation and that of progressive evolution. Each conflict type is considered in terms of its origin, evolution and possible ways of solution under modern conditions.

E. A. Payin, A. A. Popov

Meskhethian Turks: A Historical-Ethnographic Analysis of the Problem

The authors provide a historical-ethnographic analysis of the problems concerning Meskhethian Turks — an ethnic group which has hitherto been beyond the scope of ethnographic research. The problem is approached considering both general ethnic situation in the country and specific ethnic interactions in several regions, particularly in the Caucasus and Central Asia. The analysis also involves some political trends in Soviet national-state structures. Special attention is given to the Fergana events revealing the roots and implications of the ethnic conflict.

E. Kh. Panesh, L. B. Yermolov

Petrograd Soviet Organizations for Work among National Minorities in 1918—1921 (Problems and Trends)

The authors describe the formation and activities of Soviet structures which coordinated work among national minorities in post-revolutionary Petrograd. Archival sources make it possible to analyze the work of nationality departments established within the framework of Petrograd Province Commissariat on Nationality Affairs. The activities of the departments involved facilitating departure of those who opted to return to their native lands, disseminating communist ideas, publishing newspapers, periodicals and political booklets, promoting culture and education.

The paper stresses both positive aspects in the work of the nationality departments and grave violations of law often made by the officials tending to invert Soviet nationality policies. There were numerous cases of neglect as regards old intelligentsia. Many societies and organizations which contributed to the advance of national minorities were often dissolved without any foundation. The article is supplemented with an informative table providing data on Petrograd nationality associations of 1918—1921.

A. Sh. Kolchanova, B. P. Shifert

On Ethnic Change in Abkhazia in XIX — Early XX Centuries

The paper follows a radical ethnic change which took place in Abkhazia in late XIX c. The area inhabited by the Abkhazians was drastically reduced in size, the country being transformed from a mono-ethnic one into a polyethnic one. The change was partly brought about by massive forced emigration of Abkhazians as well as of some other highland groups to Turkey. The Russian administration launched a large-scale colonization of the land primarily by poor peasants from West Georgia (ethnic Megreles) who tended to assimilate the Abkhazians of the Samurzakano area. All that resulted in sharp reduction of the proportion of indigenous Abkhazians in the population, confronting the ancient people with a threat of complete assimilation. The threat is still real, but this problem deserves special consideration.

Sh. D. Inal

Racial Blending and Ethnic Identity among Indigenous Population of Kamchatka and Chukotka

The article contains an analysis of 76 genealogies of Chukchees, Koriaks and Evens recorded in the settlements of Oklan (Kamchatka) and Keperveyem (Chukotka). In both settlements mixed Europoid-Mongoloid population made up 41,4% of the total indigenous population. The proportion of racially mixed population among children (young people approaching reproductive age) was 69,3%, i.e. over two-thirds. Considering permanent contacts between aboriginal inhabitants and growing number of newcomers the authors forecast an increased share of Europoid component in the general gene pool of Chukotka and Kamchatka population.

Changes in the physical anthropology of the indigenous population have almost no effect upon ethnic identity. Children from mixed marriages tend to «inherit» mother's ethnic identity i. e. indigenous ethnicity.

A. I. Kuznetsov, L. I. Missonova

Myth of Earth-Origin in Proto-Uralic Cosmogony: Reconstruction, Parallels, Evolution

The author reconstructs a proto-Uralic cosmogonic myth in which a bird brings from the ocean bottom a piece of earth subsequently evolving in the land. This myth, common to nearly all Uralic peoples, has parallels in Siberia and North America. Despite being spread so widely, the myth cannot be regarded as a «global» plot, which implies a genetic community. Reconstructed are three versions of the dipping bird myth and its probable evolution since ancient times. Discussed are the roles of the plot in Siberia, North America and East Europe.

V. V. Napolskikh

Matrilinearity Problem in Pre-Class and Early Class Society

The author summarizes contemporary Western views on the origin of matrilinearity as opposed patrilinearity, evolution of female social position in primitive and early class society. Comparison is drawn between Western and Soviet approaches. The author's opinion is that matrilinearity preceded patrilinearity historically, but its area was reduced in size during colonial and post-colonial periods. In the author's view, the transition from matrilinearity to patrilinearity, accompanied by declining social status of females, took place in the period of class formation and inception of early statehood. Evidence for this assumption is drawn from various regions including Mediterranean, East Asia, South America.

C. Fluehr-Lobban

Labor Camp Ethnography

The author describes behavior, interactions and social self-organization of labor camp inmates drawing himself upon personal observations. The social milieu of the labor camp is regarded as a subculture representing a specific world. It has such unique characteristics as three-caste structure, specific behavior norms etc. These force their subculture upon the entire camp community. That subculture reaches far beyond influencing the entire country.

In the author's view, the labor camp milieu has much in common with archaic and primitive society: three castes, chiefs surrounded by warriors, fictitious kinship, taboo, tattoos etc. The explanation is that under cultural shortage social self-organization reveals mental traits having originated at dawn of mankind (about 40 thousand years ago) and being concealed by modern culture. Primitive Homo sapiens adapted himself to the socio-cultural environment of the upper Paleolithic. Cultural shortage brings those human traits back to life. Similar traits are revealed in other cases of cultural shortage, for example, situation in army barracks, urban youth gangs.

The problem of criminal subculture and its stability is also discussed as the problem of breaking dominant social traditions by preventing the flow of negative cultural information.

L. Samoilov

Remembering his own experience and comparing it with L. Samoilov's observations, the author follows changes in labor camp psychological atmosphere and social structure. That structure is supposed to be similar to that of the society beyond characterized by social contrasts and power monopoly. The similarity between labor camp and primitive society is accounted by common mental structures inherent to mankind. Analyzing that phenomenon should be based upon structuralism and archetype theory. We must not simplify the structure of primitive community which is actually a model of human society at any evolutionary stage.

• V. R. Kabo

CONTENTS

National Processes Today

E. A. Payin, A. A. Popov (Moscow). Interethnic Conflicts in the USSR (Some Approach to Analysis and Practical Solution). *E. Kh. Panesh, L. B. Yermolov* (Leningrad). Meskhetian Turk: Historical-Ethnographic Analysis of the Problem.

Articles

A. Sh. Kolchanova, B. P. Shiferson (Leningrad). Petrograd Soviet Organizations for Work and National Minorities in 1918—1921 (Problems and Trends). *Sh. D. Inal-ipa* (Sukhumi). On Ethnic Change in Abkhazia in XIX—Early XX Centuries. *A. I. Kuznetsov, L. I. Missonova* (Moscow). Racial Blending and Ethnic Identity among Indigenous Population of Kamchatka and Chukotka. *V. V. Napol'skikh* (Izhevsk). The Myth of Earth Origin in Proto-Uralic Cosmogony: Reconstruction of Parallels, Evolution. *C. Fluehr-Lobban* (Providence, USA). The Matrilinearity Problem in Prehistoric and Early Class Society.

From the History of Ethnography

A. D. Franko, O. E. Franko (Kiev). Fedor Kondratievich Vovk (Volkov), a Biographic Sketch.

Discussions

L. Samoilov (Leningrad). Labor Camp Ethnography. *V. R. Kabo* (Moscow). Labor Camp Structure and Mental Archetypes.

Communications

N. I. Grigulevich (Moscow). Ethnoecological Study of Local Nutrition Complexes among Russian Old-Settlers in Armenia. *A. S. Petrova* (Moscow). Main Currents in Modern American Ethnopsychology (Psychological Anthropology and Cross-Cultural Studies).

Our Anniversaries

List of Major Works by N. R. Guseva, Doctor of Historical Sciences (to the 40th Anniversary of Her Scholarly Activity). List of Major Works by A. S. Mylnikov, Doctor of Historical Sciences (to His 60th Birthday).

A. Yu. Chirva (Leningrad). Folk Artistic Traditions in Modern Art. T. A. Berezina, A. N. Davydov (Moscow). The 11th All-Union Conference on Scandinavian and Finnish History, Economy, Languages and Literature.

Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

General Ethnography. P. Yu. Chernosvitov (Moscow). V. D. Lenkov, G. L. Silantiev, K. Staniukovich. The Commandor Island Camp of Bering Expedition (An Attempt of Complex Research). E. P. Naumov (Moscow). A. S. Mylnikov. The Legend of Russian Prince (XVIII Century Russian-Slavic Links in the World of Folk Culture). Peoples of the U.S.S.R. G. G. Gromov (Moscow). T. A. Nikolaeva. Ukrainian Folk Costume. Middle Dnieper Region. L. N. Pushkarev (Moscow). N. I. Savushkina. Russian Folk Drama and Its Artistic Originality. V. S. Zelenchuk (Kishinev). A Dictionary of Soviet Traditions, Feasts and Rites. Yu. D. Anchabadze (Moscow). Caucasian Ethnographic Collection. VII. Peoples of Non-Soviet Asia. E. V. Ivanova (Leningrad). I. G. Kosikov. Ethnic Processes in Kampuchea. I. N. Solomonik (Moscow). V. M. C. Groenendaal van Wayang Theatre in Indonesia. An Annotated Bibliography (in English). G. N. Kim (Alma-Ata). Kho Songmoo. Koreans in Soviet Central Asia (in English).

Letters to the Editorial Board

A. L. Grünberg, I. M. Steblin-Kamensky (Leningrad). About a Publication of Pamirian Folktales.

Технический редактор Е. И. Гришина

Сдано в набор 10.11.89. Подписано к печати 12.01.90. Формат бумаги 70×100¹/₁₆
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 50,1 тыс. Уч.-изд. л. 18,7 Бум. л. 5,5
 Тираж 3444 экз. Зак. 3688. Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19; Тел. 126-94-91, 123-90-97
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

О ПРОЕКТЕ СОЗДАНИЯ Трибуны Молодого Историка

Преодоление того громадного отставания в качестве исследований от уровня, достигнутого мировой наукой, — к сожалению, главная проблема, стоящая перед историками нашей страны. Решить ее невозможно в один день, тем более, без подготовки нового поколения специалистов, для которых соприкосновение с мировыми научными достижениями должно стать повседневным делом.

Именно этими соображениями руководствовалась инициативная группа, состоящая в основном из студентов исторического и философского факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова, при выдвижении своего проекта на Учредительном съезде Ассоциации международных молодежных инициатив (АММИ), который состоялся 10—11 ноября 1989 года. Главная идея проекта состоит в создании условий для более плодотворного научного общения советских и зарубежных историков при помощи организаций международного объединения Трибуна молодого историка (ТМИ), имеющего свой печатный орган. Предполагается, что учредителями ТМИ могут стать научные центры и организации Советского Союза и зарубежных стран. Мы планируем провести в июле 1990 г. предварительную конференцию возможных учредителей ТМИ для того, чтобы обсудить предложения по вопросам о механизме деятельности ТМИ, ее организационной структуре.

Мы надеемся, что все, кого заинтересует наш проект, выскажут свои предложения по механизму деятельности будущей ТМИ, тематике возможных конференций. Мы очень рассчитываем на помощь ведущих специалистов, имеющих богатый опыт научной и организаторской деятельности. Желающим могут быть высланы предварительные проекты Положения о Трибуне молодого историка. Свои предложения посылайте по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт Всеобщей Истории АН СССР, Кожокину Е. М. для Трибуны Молодого Историка.

ОРГКОМИТЕ

**Магазины «АКАДЕМКНИГА»
высылают наложенным платежом
книги издательства «Наука»:**

Рабинович М. Г. ОЧЕРКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА. 1988. 311 с. 1 р. 80 к.

Монография посвящена материальной культуре города за тысячелет — с IX по XIX в. На широком историческом фоне показана жизнь русского города: его обычаи, обряды, верования, культы, народная медицина. Рассказывается о бытовой архитектуре русских городов, интерьере жилища горожанина, парадной и повседневной одежде, пище русского человека. Монография является продолжением книги этого автора «Очерки этнографии русского феодального города» и как бы завершает цикл книг о быте, культуре, образе жизни населения русских городов.

Работа рассчитана на историков, этнографов, социологов, археологов и широкий круг читателей.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ФОЛЬКЛОРЕ. 1988. 213 с. 2 р.

Фольклор — поэтическая душа народа, его мудрость, традиции, вера в справедливость и прекрасное будущее. Связь традиции с современной жизнью прослеживается в песнях, в свадебных обрядах, в проведении фольклорных праздников, в профессиональном творчестве.

Книга раскрывает читателям истоки народного творчества, рассказывает о видах и жанрах традиционного фольклора, о его значении в настоящее время.

Книга предназначена для этнографов, историков и всех интересующихся поэтическим народным творчеством.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Ленина, 42; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр-т